

Archeology
культура семантика
историографии

лингвокультурология
национальные
языки
национальные
языки
межкультурная
коммуникация

межкультурная
коммуникация
образовательное
пространство

Psychology
концепт
Linguoculturology
Лингвистика
толерантность

дискурс
SibScript
человек
Archeology

Literature
studies
Archeology

motivation
discourse
Linguistic
picture
of the world

билингвизм
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

поликультурное
пространство
поликультурное
пространство

Archeology
SibScript
человек
Archeology

поликультурное
пространство
поликультурное
пространство

Archeology
SibScript
человек
Archeology

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

2949-2122 (PRINT)
2949-2092 (ONLINE)

VOL 25 No 3
2023

СИБ СКРИПТ

ТОМ 25 № 3
2023

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

лингвистика
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Untill 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K1 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, доцент, БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасүрэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Ilia V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Третий номер журнала «СибСкрипт» включает статьи по отечественной истории XIX в. и по настоящее время. Представленные публикации отражают разнообразие тематики исторических исследований: от повседневной истории и анализа мемуарных произведений до описания модернизации судебно-правовой системы в центральноазиатских владениях Российской империи и специфики европейской внешней политики России в современных условиях. Ряд публикаций осуществлены при поддержке РНФ и проекта Комитета науки МОН Республики Казахстан.

Первый раздел **Проблемы образования, социальной культуры и повседневности в истории СССР** представлен разноплановыми историческими сюжетами о проблемах организации военно-санитарной подготовки в Центральном институте усовершенствования врачей (г. Москва) во второй половине 1930-х гг.; гендерного равноправия в Дагестане в 1960-е гг.; локальной истории с реконструкцией повседневности провинциальной школы 1930-х гг. на основе материалов газеты «Сталинский путь» (г. Тайга).

Статьи раздела **Международные отношения и внешняя политика СССР и Российской Федерации** раскрывают разные аспекты международного взаимодействия СССР и Российской Федерации со странами Запада: роль США в урегулировании вопроса о статусе Западного Берлина (Четырехстороннее соглашение 1971 г.); «Программа будущего» О. Шольца и европейское направление внешней политики России; обеспокоенность СССР в отношении деятельности ФРГ в составе Евратома и участия США в становлении этой организации; роль «детской» дипломатии на примере поездок Саманты Смит в СССР (1983) и Екатерины Лычёвой в США (1986), а также о характере и особенностях политической социализации учеников школ в Советском Союзе. Большой интерес вызывает

статья А. А. Синдеева, в которой автор не только говорит о формировании новых ответов на вырабатываемые на Западе новые концепции построения системы международных отношений (в частности, «Программа будущего» О. Шольца), но и предлагает историкам и другим специалистам дискуссионную площадку для обсуждения обозначенных проблем и участия в формировании внешней политики России в отношении Европы.

Раздел **Из истории Сибири XIX – начала XX века** включает статьи по региональной истории Западной и Восточной Сибири. Исследование Е. А. Берман является одним из этапов изучения сохранившихся и утраченных иудейских некрополей Иркутской области и актуализирует тему некрополистики и эпиграфики. В исследовании А. В. Блинова раскрыта тема Кузбасса в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.): постановка научной проблемы обусловлена произошедшими изменениями в сферах экономической, демографической ситуаций и ментальных ценностей населения, что повлекло за собой увеличение роли образовательного фактора в жизни региона в указанное время. Е. В. Комлева поставила задачу реконструкции представлений известного государственного деятеля М. М. Сперанского о сибирском купече-

стве по материалам путевого дневника, личных и деловых писем М. М. Сперанского, который в 1819–1821 гг. проехал Сибирь в качестве Сибирского генерал-губернатора. А. В. Литягина показала процесс «вхождения» фотографического дела в предпринимательскую и повседневную жизнь населения Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.).

Заключительный раздел **Научное наследие и модернизационные процессы в Центральной Азии** включает статьи о результатах политики Российской империи по изменению судебно-правовой системы на территории современного Казахстана в рамках общей трансформации управления степным краем во второй половине XIX в.; изучения архивных данных об экспедиционной деятельности советского археолога Мира Касымовича Кадырбаева по исследованию каменных изваяний на территории Центрального Казахстана (также интерпретирована и установлена культурная принадлежность отдельных изваяний); участия бухарских евреев в продаже туркестанского хлопка в другие регионы Российской империи (деятельность семейных торгово-промышленных компаний в этой сфере рассмотрена на примере торгового дома «Юсуф Давыдов»).

Журнал «СибСкрипт» приглашает специалистов к публикации статей по проблемам археологии, отечественной и всеобщей истории, актуальным аспектам международных отношений. Выражаем признательность коллегам, откликнувшимся на наше предложение и предоставившим свои статьи!

Dear our readers and authors!

Our third issue covers three centuries of national history. The topics range from local living history, memoirs, and the legal system in Russian Central Asia in the XIX century to Russia's current foreign policy. Several publications were supported by the Russian Research Foundation and the Research Committee of the Ministry of Education and Science of Kazakhstan.

Section One **featured the education, social culture, and everyday life in the USSR**. It introduces a wide range of issues: military medical education at the Central Institute for Advanced Training of Doctors, Moscow, before World War II; gender equality in Dagestan in the 1960s; local history and everyday life of a provincial school in the 1930s.

Section Two includes articles about **the international relations and foreign policy of the Soviet Union and the Russian Federation**. They reveal various aspects of the international interaction between Russia and the West: the role of the United States in the Quadripartite Agreement of 1971; O. Scholz's Program of the Future vs. Russia's European policy; the USSR, the USA, and the Euroatom program of the Federal German Republic; the role of children's diplomacy and the missions

of Samantha Smith in the USSR (1983) and Ekaterina Lycheva in the USA (1986); the political socialization of schoolchildren in the Soviet Union. A. A. Sindeev describes the new concepts the West developed to build a system of international relations, as in the case of O. Scholz's Program of the Future. The author invites historians to participate in the formation of Russia's foreign policy towards Europe.

Section Three focuses on **the history of Western and Eastern Siberia in XIX – early XX century**. E. A. Berman's research introduces a chain of studies that feature Jewish necropolises and epitaphs in the Irkutsk Region. A. V. Blinov describes the education system in Kuzbass in 1885–1917 and how the changes in economy, demography, and values increased the role of education in the life of the local population. E. V. Komleva

studied the travel diary and correspondence of the famous statesman M. M. Speransky, who expressed his ideas about Siberian merchants when he was crossing Siberia in 1819–1821 as the Siberian governor-general. A. V. Lityagina explains how photography entered the entrepreneurial and everyday life of Western Siberians in the late XIX – early XX century.

Section Four concentrates on **the scientific heritage and modernization processes in Central Asia**. It covers such issues as the legal policy of the Russian Empire in Kazakhstan in the second half of the XIX century; the archival heritage of Mir K. Kadyrbaev, a Soviet archaeologist who studied ancient stone sculptures in Central Kazakhstan; the role of Bukharan Jews in the cotton trade between Turkestan and the Russian Empire.

We express our deepest gratitude to all our authors and invite specialists to publish articles on archeology, national and world history, international relations, etc.

Проблемы образования, социальной культуры и повседневности в истории СССР

Организация военно-санитарной подготовки в Центральном институте усовершенствования врачей во второй половине 1930-х гг.

Каймашикова Е. Б., Генина Е. С. 277

Пропаганда гендерного равноправия средствами массовой информации Дагестана в 1960-е гг. и ее результаты

Мирзабеков М. Я. 285

Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга)

Тихомиров Н. В. 297

Международные отношения и внешняя политика СССР и Российской Федерации

Роль США в заключении Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 г.

Попов Ю. П. 307

«Программа будущего» О. Шольца и европейское направление внешней политики России

Синдеев А. А. 315

Реакция СССР на создание Евратома

Тодыков Е. С. 323

Политическая социализация советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии (на примере международных визитов)

Турыгин А. А., Куприянов Б. В., Талалаев А. А. 331

Из истории Сибири XIX – начала XX века

Исторический некрополь сектантов-субботников иудейского вероисповедания г. Зима Иркутской области

Берман Е. А. 343

Кузбасс в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.)

Блинов А. В. 357

Сибирское купечество на страницах путевого дневника и писем М. М. Сперанского (1819–1821 гг.)

Комлева Е. В. 367

Развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Литягина А. В. 379

Научное наследие и модернизационные процессы в Центральной Азии

Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. и его значение в модернизации судебной-правовой системы Степного края

Анисимова И. В. 393

Архивное наследие М. К. Кадырбаева как источник по изучению каменных изваяний Казахстана

Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д., Курманкулов Ж. К. 402

Предпринимательство бухарских евреев в зеркале экономической модернизации Центральной Азии в начале XX в. (на примере торгового дома «Юсуф Давыдов»)

Шайдуров В. Н. 416

Society, Education, and Everyday Life in the USSR

- Military Medical Training at the Central Institute for the Advanced Medical Education in the Second Half of the 1930s
Kaymashnikova E. B., Genina E. S. 277
- Promotion of Gender Equality by the Mass Media of Dagestan in the 1960s and its Results
Mirzabekov M. Ya. 285
- Everyday Life at a Provincial School in the 1930s: The Stalinist Way Newspaper in the Town of Taiga, West Siberia
Tikhomirov N. V. 297

International Relations and Foreign Policy in the USSR and the Russian Federation

- The United States of America in the Four Power Agreement on Berlin (1971)
Popov Yu. P. 307
- Olaf Scholz, His Program of the Future, and the European Direction in Russia's Foreign Policy
Sindeev A. A. 315
- Soviet Response to the European Atomic Energy Community (Euratom)
Todykov E. S. 323
- Political Socialization of Soviet Schoolchildren as Part of Children's Public Diplomacy: International Visits
Turygin A. A., Kupriyanov B. V., Talalaev A. A. 331

Siberia in the XIX – Early XX Century

- Historical Necropolis of Jewish Subbotniks in the Town of Zima, Irkutsk Region
Berman E. A. 343
- Kuzbass in the West-Siberian Academic Environment (1885–1917)
Blinov A. V. 357
- Siberian Merchants in Mikhail M. Speransky's Travel Diary and Letters (1819–1821)
Komleva E. V. 367
- Photography Business in Urban Western Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Century
Lityagina A. V. 379

Scientific Heritage and Modernization Processes in Central Asia

- Temporary Regulation "On Administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk Regions" of 1868 and Its Significance in Modernization of Judicial and Legal System of the Steppe Region
Anisimova I. V. 393
- M. K. Kadyrbaev's Archive as a Source for Studying the Stone Monuments of Kazakhstan
Ermolenko L. N., Kasenova A. D., Kurmankulov Zh. K. 402
- Entrepreneurship of Bukharan Jews during Economic Modernization of Central Asia in the Early XX Century: Yusuf Davydov Trading House
Shaidurov V. N. 416

оригинальная статья

Организация военно-санитарной подготовки в Центральном институте усовершенствования врачей во второй половине 1930-х гг.

Каймашникова Елена Борисовна

Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова, Россия, Москва

Генина Елена Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>elena_genina@mail.ru

Поступила в редакцию 04.03.2023. Принята после рецензирования 17.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Представлены результаты изучения истории начального этапа организации военно-санитарной подготовки в Центральном институте усовершенствования врачей (ЦИУВе) (ныне – Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва). Основными источниками стали документы, обнаруженные в Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД) и Архиве Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования (Архив РМАНПО). В качестве ключевого события выступает решение о создании военно-санитарного факультета в ЦИУВе (1936 г.). Выявлены основные задачи, стоявшие перед военно-санитарным факультетом ЦИУВа, условия и возможности их реализации во второй половине 1930-х гг. Указаны основные направления теоретической и практической подготовки медицинских специалистов, включая предметно-тематическую область. Отражены основные трудности, сопровождавшие процесс военно-санитарной подготовки кадров в институте. Подобная постановка исследовательской проблемы является первой в отечественной историографии. Отдельное внимание привлечено к вопросу о деятельности ЦИУВа во время вооруженного конфликта у реки Халхин-Гол (1939 г.) и советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Сделан вывод, что во второй половине 1930-х гг. с участием сотрудников ЦИУВа в СССР был накоплен серьезный опыт военно-санитарной подготовки кадров и разработки проблем оказания медицинской помощи в боевых условиях. Приобретенный бесценный опыт оказался необходимым и востребованным в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: медицина, медицинские кадры, Центральный институт усовершенствования врачей (ЦИУВ), военно-санитарная подготовка, военно-санитарный факультет, военные действия, СССР, Москва

Цитирование: Каймашникова Е. Б., Генина Е. С. Организация военно-санитарной подготовки в Центральном институте усовершенствования врачей во второй половине 1930-х гг. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 277–284. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-277-284>

full article

Military Medical Training at the Central Institute for the Advanced Medical Education in the Second Half of the 1930s

Elena B. Kaymashnikova

Moscow Evdokimov State University of Medicine and Dentistry, Russia, Moscow

Elena S. Genina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>elena_genina@mail.ru

Received 4 Mar 2023. Accepted after peer review 17 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: The paper describes the initial stage in the organization of military medical training at the Central Institute for Advanced Medical Education (CIAME), now the Russian Medical Academy for Continuous Professional Education at the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow. The problem statement in this study is the first of its kind in Russian historiography. The research relied on the documents found in the Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation and the Archive of the Russian Medical Academy of Continuous Professional Education. The decision to establish a military medical department at the CIAME was made in 1936. The authors identified the main

tasks and challenges the new department had to face, as well as solution methods, areas of theoretical and practical training, and curriculum. The article also describes the role of the CIAME in the Battle of Khalkhin Gol in 1939 and the Winter War of 1939–1940. In the second half of the 1930s, the CIAME medical staff acquired experience in military medical training and medical care in combat conditions, which proved invaluable during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: healthcare, medical personnel, Central Institute for the Advanced Medical Education (CIAME), military medical training, military medical department, military operations, USSR, Moscow

Citation: Kaymashnikova E. B., Genina E. S. Military Medical Training at the Central Institute for the Advanced Medical Education in the Second Half of the 1930s. *SibScript*, 2023, 25(3): 277–284. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-277-284>

Введение

В 2023 г. отмечается 78 лет со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Свой вклад в дело победы внесли воины, сражавшиеся на фронтах, и труженики тыла. Особая роль в военный период принадлежала медицинским работникам, спасавшим жизни раненых бойцов на фронте и в тылу, работавшим в госпиталях. Военно-санитарная подготовка медицинских работников проводилась еще до начала войны. Одна из страниц истории военно-санитарной подготовки медицинских работников в СССР – это организация соответствующей системы подготовки кадров в Центральном институте усовершенствования врачей (ныне – Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования Министерства здравоохранения РФ, г. Москва)¹. Точкой отсчета здесь служит решение о создании в ЦИУВе в 1936 г. военно-санитарного факультета, на который возлагались задачи, связанные с выпуском специалистов, которые могли бы действовать в условиях военного времени.

К настоящему времени опубликован ряд работ, содержащих сведения о развитии и истории Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования [Выдающиеся деятели... 2019; Выдающиеся ученые... 2010; Каймашникова и др. 2020; Кнопов, Тарануха 2015; Мошетова и др. 2020а; Центральный институт... 1966; Центральный ордена... 1970; Шток 2005]. Особо следует выделить блок работ последних лет по истории РМАНПО [Мошетова и др. 2020b; Франк и др. 2020; Шабунин и др. 2020; Шестак 2019]. Отметим, что труды, посвященные РМАНПО, подготовлены в первую очередь специалистами сферы медицины.

При проведении анализа историографии проблемы неизбежно встает вопрос об исследованиях, где поднимается вопрос о военно-санитарной подготовке медицинских кадров и деятельности Центрального института

усовершенствования врачей в условиях локальных военных конфликтов конца 1930-х гг. Сведения по указанной проблеме присутствуют в опубликованных работах [Кнопов, Тарануха 2015: 68–69; Мошетова и др. 2020b; Франк и др. 2020: 85]. Однако на сегодняшний день отсутствуют работы, специально посвященные заявленной теме исследования.

Цель данной работы обусловлена определением особенностей организации военно-санитарной подготовки в ЦИУВе во второй половине 1930-х гг. Авторы продолжают изучение истории институтов усовершенствования врачей в СССР [Генина, Каймашникова 2013; Каймашникова 2019; Каймашникова и др. 2020]. Основу для проведения исследования составили документы, хранящиеся в Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД) и Архиве Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования (Архив РМАНПО). Авторы использовали принципы историзма и объективности, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический методы исследования, методы анализа и синтеза.

Военно-санитарная подготовка в ЦИУВе во второй половине 1930-х гг.: сущность и проблемы становления

Вопрос об организации в Москве Института повышения квалификации врачей был решен на заседании Коллегии Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в 1928 г. До организации данного института в Москве на протяжении ряда лет существовали лишь разрозненные курсы, организованные московским Здравотделом. Кроме того, отдельные научно-исследовательские институты ежегодно проводили курсы усовершенствования по соответствующей специальности. Например, подобные курсы существовали при Центральном туберкулезном

¹ С 1930 г. – Государственный московский институт усовершенствования и специализации врачей и организаторов здравоохранения, с 1931 г. – Центральный институт усовершенствования врачей (ЦИУВ), с 1966 г. – Центральный ордена Ленина институт усовершенствования врачей (ЦОЛИУВ), с 1994 г. – Российская медицинская академия последипломного образования (РМАПО), с 2016 г. – Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (РМАНПО).

институте, при Государственном венерологическом институте, при Институте коммунальной гигиены и санитарии и т.д.²

Государственный московский институт усовершенствования и специализации врачей и организаторов здравоохранения был создан 1 декабря 1930 г. на основании постановления правительства РСФСР и приказа Наркомата здравоохранения РСФСР (№ 792). В 1931 г. учреждение переименовали в Центральный институт усовершенствования врачей. Согласно Уставу института, утвержденному Наркомздравом РСФСР 18 февраля 1931 г., учреждение определялось как головное в системе усовершенствования врачей. В 1935 г. в ЦИУВе функционировало 58 кафедр. За период 1930–1935 гг. институт выпустил 14664 врача и организатора здравоохранения, 20 % из которых получили подготовку на выездных циклах. С января 1938 г. ЦИУВу была разрешена защита кандидатских диссертаций на советах факультетов [Франк и др. 2020: 84, 85].

Неспокойная политическая обстановка в мире в 1930-е гг. не могла не отразиться на работе ЦИУВа. Советское руководство в середине 1930-х гг. понимало необходимость укрепления обороноспособности страны. В 1936 г. И. В. Сталин открыто заявил о возникновении очага военной опасности на Дальнем Востоке, в Японии [Бушуева, Серегин 2019: 22]. Возникло понимание важности принятия комплекса мер по специальной подготовке врачей для работы в условиях военного времени.

В 1936 г. вышло Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О подготовке врачей и студентов медицинских институтов и средней медицинской школы в области военно-санитарной и противовоздушной химической обороны» с грифом «Секретно». В документе обозначено: «В целях усиления подготовки и усовершенствования врачей в области военно-санитарной и санитарно-химической обороны, а также для подготовки преподавательских кадров по военно-санитарным дисциплинам: организовать при Государственном Центральном Институте усовершенствования врачей в Москве Военно-санитарный факультет»³.

На военно-санитарный факультет Центрального института усовершенствования врачей возлагались следующие задачи:

- подготовка на четырех-, шестимесячных курсах преподавателей по военно-санитарным дисциплинам и противовоздушной химической обороне – для медицинских институтов;

- подготовка на двух-, трехмесячных курсах врачей-инструкторов военно-санитарного дела и противовоздушной химической обороны для периферических курсов в краях, областях и автономных республиках и для средней медицинской школы;
- обучение всех врачей, приезжавших для повышения квалификации, основам военно-санитарного дела и противовоздушной химической обороны в объеме, необходимом врачам в условиях военного времени;
- подготовка санитарных врачей лотно-бортовой службы на краткосрочных одно-, двухдекадных курсах;
- заочное обучение и усовершенствование врачей периферии по противовоздушной химической обороне на шестимесячных курсах с последующим кратковременным обучением в лабораториях института (очная сессия);
- обучение военно-санитарным дисциплинам в противовоздушной химической обороне врачей Москвы (без отрыва от работы);
- научно-методическое руководство всем усовершенствованием врачебных кадров в области военно-санитарной подготовки и противовоздушной химической обороны.

В 1936 г. для военно-санитарного факультета Центрального института усовершенствования врачей был установлен следующий контингент обучающихся:

- по курсам подготовки преподавателей для медицинских институтов – 120 человек;
- по курсам подготовки инструкторов для периферии – 500 человек;
- по курсам заочного отделения – 2000 человек;
- по курсам без отрыва от работы – 2000 человек.

Для курсантов военно-санитарного факультета ЦИУВа устанавливалась стипендия в размере 300 рублей в месяц, а также за ними сохранялась вся получаемая ими на местах заработная плата на время командировки (наравне с врачами, командировавшимися на другие курсы усовершенствования специалистов).

Народному комиссару обороны СССР предписывалось откомандировать через Санитарное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии⁴ в распоряжение факультета десять военно-санитарных работников с целью усиления преподавательских кадров, обеспечить факультет к 1 июля необходимым военно-санитарным оборудованием и пособиями. Народный комиссариат здравоохранения РСФСР совместно с Санитарным и Химическим управлениями Наркомата обороны

² Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 71. Оп. 1–6. Д. 31. Л. 1.

³ РГАНТД. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁴ С 1934 г. – Санитарное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии, с 1939 г. – Санитарное управление Красной Армии.

СССР обязывался в месячный срок составить учебные планы и программы для военно-санитарного факультета ЦИУВа. Для развертывания военно-санитарного факультета института усовершенствования врачей (лаборатории, учебные кабинеты, клиники и т. п.) и для размещения врачей на время их пребывания на курсах предписывалось передать ЦИУВу в Москве все корпуса по адресу: улица Баррикадная, дом 8, а Президиуму Моссовета – в месячный срок произвести переселение жильцов из этих зданий. На ремонт и оборудование зданий военно-санитарного факультета из резервного фонда СНК СССР дополнительно выделялось 2,5 млн рублей. Для обслуживания факультета выделялись две легковые, три грузовые и одна санитарная машина⁵.

Согласно Сводному отчету о работе института усовершенствования врачей за 1931–1938 гг., по военно-санитарному факультету в 1937 г. была проведена значительная работа. Военно-санитарная подготовка охватила около 80 циклов с общим числом курсантов в 1700 человек и 10 специальных циклов с общим числом курсантов в 200 человек. Военно-санитарная подготовка давалась медицинским работникам в объеме 15–20 рабочих дней (в зависимости от содержания цикла). Курсантам преподавались организация и тактика санитарной службы, эпидемиология военного времени, санитарно-химическая защита, переливание крови и первая хирургическая помощь. Занятия проводились необычайно напряженно. Курсанты жаловались, что военно-санитарные занятия идут в конце цикла, когда они уже утомлены. Неблагоприятно сказывались на занятиях отсутствие оборудованных лабораторных помещений, недостаток освещения, вентиляции, вытяжки в помещениях⁶.

В процессе обучения курсантов выявились существенные проблемы. Недостаточным оказалось количество часов для практических занятий. По причине нехватки помещений приходилось составлять большие группы для практических занятий, что отрицательно сказалось на их качестве. Кроме того, одновременное прохождение однородных циклов на факультете и отсутствие достаточного количества аудиторий вызвали необходимость проведения занятий в нескольких мелких группах, в то время как можно было бы однородные группы для теоретических занятий объединять.

Особенно болезненно ощущался недостаток преподавательских кадров. Преподаватели в основном являлись совместителями, которые отдавали педагогической работе ранние утренние или поздние вечерние часы.

В результате зачастую составлялись нерациональные расписания, некоторые преподаватели были перегружены занятиями. Ряд преподавателей факультета не отвечал предъявляемым требованиям, что оказалось связанным с имевшейся квалификацией. Кафедры были недостаточно снабжены учебными пособиями, санитарно-техническим оснащением, а также имела место необеспеченность кафедр новой военно-санитарной техникой⁷.

Руководство кафедрами со стороны деканата оказалось недостаточным. Учебные программы были пересмотрены со значительным опозданием. При этом программы по санитарно-химической защите, по патологии и клинике поражений отравляющими веществами были утверждены Санитарным управлением РККА лишь в начале декабря 1936 г. По кафедре военной эпидемиологии и гигиены, по первой хирургической помощи, по переливанию крови, организации и тактике санитарной службы, коллективной защиты и дегазации программы на момент подготовки отчета еще не были утверждены Санитарным управлением РККА.

Вследствие запаздывания с оборудованием помещений на улице Беговой из-за несвоевременного отпуска средств Наркоматом здравоохранения кафедра социально-химической защиты продолжала оставаться в тяжелом положении. Подобная ситуация сложилась у кафедр эпидемиологии и гигиены военного времени.

На момент подготовки отчета не был утвержден проект приказа о мероприятиях по утверждению военно-санитарной подготовки врачей, который был составлен Комиссией ЦИУВа по распоряжению Наркомата здравоохранения⁸.

21 апреля 1938 г. была принята резолюция Актива сотрудников Центрального института усовершенствования врачей, посвященная перестройке деятельности учреждения. Из двенадцати пунктов резолюции два пункта непосредственно затрагивали вопросы санитарной обороны. Пятый пункт резолюции гласил: «Обеспечить всему профессорско-преподавательскому составу подготовку по военно-санитарным дисциплинам, уделив при этом особое внимание овладению большевизмом». Содержание шестого пункта резолюции было следующим: «Пересмотреть научный план Института в сторону наиболее практической ценности тем, увязывая их с преподаванием на кафедрах оборонной тематики, особое внимание уделить работе кафедр, связанных с санитарной обороной». В обозначенное время ЦИУВ

⁵ РГАНТД. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁶ РГАНТД. Ф. 71. Оп. 1–6. Д. 31. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 13, 14.

возглавила В. П. Лебедева, доктор медицинских наук, известный специалист в области охраны материнства и младенчества. Она руководила институтом с 11 марта 1938 г. по 20 марта 1959 г.⁹

16 февраля 1939 г. последовал приказ Наркомата здравоохранения СССР № 33/л, подписанный заместителем Народного комиссара здравоохранения СССР Н. И. Гращенковым. На основании приказа при ЦИУВе на базе Центральной лаборатории авиационной медицины была организована кафедра авиационной медицины. По кафедре авиационной медицины утверждался следующий штат: заведующий кафедрой – ½ ставки, ассистенты – 2 ставки. Последовало распоряжение утвердить учебный план курсов усовершенствования по авиационной медицине. Временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой авиационной медицины был утвержден профессор В. В. Стрельцов с объявлением конкурса по кафедре. Профессору В. В. Стрельцову было предложено совместно с Санитарным управлением РККА представить программу по курсам усовершенствования согласно утвержденному рабочему плану¹⁰.

Изменения в деятельности ЦИУВа в условиях предвоенного времени

События советско-финляндской («зимней») войны (30 ноября 1939 г. – 13 марта 1940 г.) не могли не затронуть деятельность ЦИУВа. По данным на 1 марта 1941 г., в строй возвратились 69,4 % от всего числа санитарных потерь. Основными проблемами медицинского обеспечения Красной Армии стали недостаточный уровень взаимодействия в процессе лечебно-эвакуационного обеспечения, неудовлетворительная подготовка личного состава, отсутствие единой военно-полевой доктрины [Журавлев 2015]. Потребовалось совершенствование системы медицинского обеспечения армии [Живов и др. 2022].

Начавшаяся советско-финляндская война оказала существенное влияние на тематику циклов и в целом на всю деятельность ЦИУВа [Непрерывное... 2005: 7]. Большинство проводившихся циклов затрагивало военно-медицинскую тематику. Циклы по подготовке начальников госпиталей из главных врачей больниц и поликлиник проводились в сжатые сроки. Руководители ряда кафедр выполняли ответственные правительственные задания по организации квалифицированной медицинской помощи бойцам Красной Армии [Мошетова и др. 2020b].

Сложная предвоенная ситуация в СССР заставила руководство ЦИУВа пересмотреть многие формы и виды обучения специалистов здравоохранения. Серьезное внимание стало уделяться подготовке врачей в области военной медицины (военно-полевая хирургия, военно-полевая терапия и ряд других направлений). Принимались меры по совершенствованию работы факультета санитарной обороны. Деятельность его контролировалась руководством ЦИУВа и Наркомата здравоохранения страны. В трудное предвоенное время администрация института приняла ряд мер по укреплению дисциплины и усилению воспитательной работы среди сотрудников и курсантов. За успешную работу они поощрялись премиями и благодарностями, повышенными именными стипендиями. Особо были отмечены курсанты, проходившие дополнительную подготовку по специальности «Врач санитарной авиации» и освоившие технику прыжков с парашютом, по факультетскому курсу ПВХО (противовоздушной и химической обороны) и ряду других военно-учетных специальностей [Мошетова и др. 2020b].

Сотрудники Центрального института усовершенствования врачей принимали участие в военных действиях. В. В. Гориневская, доктор медицинских наук, профессор, заведовала кафедрой травматологии и военно-полевой хирургии ЦИУВа. В 1939 г. она была направлена в качестве хирурга-консультанта в войска в район Халхин-Гола. Во время советско-финляндской войны являлась хирургом-консультантом эвакуационного пункта на Карельском перешейке. В армию В. В. Гориневская ушла добровольцем. Научные труды профессора посвящены вопросам оказания помощи раненым бойцам [Альтмарк 2016: 103; Блохина 2005: 60; Зайцев 2007: 9; Мошетова и др. 2020b]. В. В. Гориневская оставила воспоминания о событиях советско-финляндской войны. «Мои воспоминания (1914–1944 гг.)» в рукописном виде сохранились в Военно-медицинском музее Министерства обороны РФ (Санкт-Петербург). Работу над ними В. В. Гориневская вела в 1946–1953 гг. [Журавлев 2011: 311–314; Зайцев 2007: 10].

Активное участие в организации службы крови во время боев в районе реки Халхин-Гол (1939 г.) и во время советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) принимал выдающийся отечественный гематолог и трансфузиолог А. А. Багдасаров [Выдающиеся ученые... 2010: 96]. В ЦИУВе он возглавлял кафедру переливания крови [Мошетова и др. 2020b]. Во время Великой

⁹ Лебедева Вера Павловна. Музей РМАНПО. URL: <https://museum.rmapo.ru/lebedeva-vera-pavlovna/#more-746> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ Архив Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования (Архив РМАНПО). Ф. 71. Оп. 1 л/с. Д. 11. Л. 103.

Отечественной войны А. А. Багдасаров являлся Главным трансфузиологом Красной Армии и директором Центрального института гематологии и переливания крови. Именно им и П. Л. Сельцовским составлены первые инструкции для военврачей по переливанию крови. В 1939 г. под редакцией П. Спасокукоцкого вышла монография А. Багдасарова и П. Сельцовского «Переливание крови. Краткое руководство для врачей» [Лазебник, Беляева 2010: 269].

Произошедшие события коснулись и других институтов усовершенствования врачей. Изменения отмечены в Ленинградском государственном институте для усовершенствования врачей. В 1939, 1940 и 1941 г. особенно увеличилось количество специалистов, которые готовились по хирургии. Это заставило дирекцию института дополнительно к кафедре неотложной хирургии открыть III хирургическую кафедру во главе с профессором В. Н. Шамовым. Во время советско-финляндской войны несколько уменьшилась учебная работа, поскольку часть сотрудников была мобилизована в армию. Кроме того, институт создал группу усиления для помощи в работе военно-санитарным организациям в войсковом районе. В нее вошли работники кафедры И. Б. Колоднер и С. П. Мокровская¹¹.

Необходимо отметить, что в предвоенное время в различных регионах страны проходили военные сборы, на которые направлялись медицинские работники, например в 1939 г. значительная группа сотрудников Новосибирского государственного института для усовершенствования врачей: ассистенты В. Я. Некачалов, В. С. Гацевич, М. Н. Вейхельд, Р. Л. Фистель, Ф. М. Слуцкий, Д. Я. Богатин. В числе мобилизованных на сборы находились доцент А. Е. Степанов, Л. Н. Жилинская, О. П. Стояновская и другие сотрудники учреждения [Колбаско и др. 2011: 68].

Заключение

В 1930–1938 гг. Центральный институт усовершенствования врачей, функционировавший в Москве и ставший головным учреждением в системе усовершенствования врачей в СССР, переживал период своего становления. По решению СНК СССР, датированному 1936 г., в ЦИУВе создавался военно-санитарный факультет. Необходимость его возникновения диктовалась сложностями международной обстановки 1930-х гг. Во второй половине 1930-х гг. в ЦИУВе сложилась система военно-санитарной подготовки медицинских кадров. Изначально деятельность военно-санитарного факультета предполагала широкий охват медицинских

специалистов подготовкой в области военно-санитарного дела, противовоздушной и противохимической обороны. Неизбежно встали вопросы, связанные с необходимостью для факультета преподавательского состава, в том числе имеющего специальную подготовку, с обеспечением подразделения учебными планами, программами и пособиями, военно-санитарным оборудованием. Решалась проблема размещения факультета, а также проживания врачей-курсантов. Развитие нового факультета ЦИУВа сопровождалось сложностями, обусловленными нехваткой кадров преподавателей, недостатком учебных пособий, санитарно-технического оснащения. Согласно данным на 1937 г., связанным с военно-санитарным факультетом института, военно-санитарная подготовка охватила около 80 циклов (1700 курсантов) и 10 специальных циклов (200 курсантов). В конце 1930-х гг. в подготовке специалистов в ЦИУВе произошли изменения, вызванные обстановкой предвоенного времени. Сотрудники ЦИУВа участвовали в военных действиях. Таким образом, на протяжении второй половины 1930-х гг. с участием сотрудников ЦИУВа в СССР был накоплен серьезный опыт военно-санитарной подготовки кадров. Сотрудники института занимались разработкой проблем оказания медицинской помощи в боевых условиях. Приобретенный опыт оказался необходимым и востребованным в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Данный бесценный опыт позволял спасать жизни раненых воинов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Б. Каймашникова – концептуализация, поиск документов в архивах и их анализ, анализ научной литературы, написание первоначального варианта текста. Е. С. Генина – дополнения в концептуализацию, подбор и анализ научной литературы, редактирование, подготовка окончательного варианта текста.

Contribution: E. B. Kaymashnikova developed the research concept, performed the archival studies, analyzed the obtained materials, reviewed scientific publications, and wrote the draft. E. S. Genina improved the research concept, found scientific literature, analyzed the obtained data, and proofread the manuscript.

¹¹ 75 лет Ленинградского государственного ордена Ленина института усовершенствования врачей им. С. М. Кирова (1885–1960): сборник материалов, редкол.: С. Н. Давиденков и др. Л.: б. и., 1960. С. 194.

Литература / References

- Альтмарк Е. М. Валентина Валентиновна Гориневская (1882–1953). *Вестник хирургии им. И. И. Грекова*. 2016. Т. 175. № 5. С. 102–103. [Altmark E. M. Valentina Valentinovna Gorinevskaya (1882–1953). *Vestnik Khirurgii Imeni I. I. Grekova*, 2016, 175(5): 102–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbvoyv>
- Блохина Н. Н. Деятельность профессора-травматолога В. В. Гориневской в годы Великой Отечественной войны. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2005. № 6. С. 60–61. [Blokhina N. N. Work of professor-traumatologist V. V. Gorinevskaya during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, 2005, (6): 60–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/odssxn>
- Бушуева Т. С., Серегин А. В. Далась победа нелегко: к 80-летию крупнейшей военной операции на реке Халхин-Гол. М.: МГИМО-Университет, 2019. 338 с. [Bushueva T. S., Seregin A. V. *The hard-won victory: to the 80th anniversary of the Battle at Khalkhin Gol*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2019, 338. (In Russ.)]
- Выдающиеся деятели отечественной медицины: акад. Г. П. Руднев и проф. Р. Ф. Акулова (из истории героической медицины: к 120-летию со дня рожд. действ. чл. АМН СССР Г. П. Руднева), сост. и отв. ред. Н. Н. Колотилова. М.: МАКС Пресс, 2019. 258 с. [Outstanding personalities of domestic medicine: Acad. G. P. Rudnev and Prof. R. F. Akulova (from the history of heroic medicine: to the 120th anniversary of the birth of G. P. Rudnev, a full member of the USSR Academy of Medical Sciences, comp. and ed. Kolotilova N. N. Moscow: MAKS Press, 2019, 258. (In Russ.)]
- Выдающиеся ученые Центрального института усовершенствования врачей, ред. Л. К. Мошетова и др. М.: ГОУ ДПО РМАПО, 2010. 484 с. [Outstanding scientists of the Central Institute for Advanced Medical Studies, ed. L. K. Moshetova et al. Moscow: SEI APE RMAPE, 2010, 484. (In Russ.)]
- Генина Е. С., Каймашникова Е. Б. Начало становления Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей (1951–1953 гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 2-3. С. 206–211. [Genina E. S., Kaymashnikova E. B. The start of establishing Stalinsk (Novokuznetsk) State Medical Refresher Institute (1951–1953). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-3): 206–211. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbrmhb>
- Живов И. В., Касаткин Е. Н., Ведзижева М. Д., Кириченко Н. Е., Полишко А. И. Лечебно-эвакуационное обеспечение боевых действий в советско-финляндской войне как исторический этап формирования доктрины медицины катастроф. *Вятский медицинский вестник*. 2022. № 4. С. 80–84. [Zhivov I. V., Kasatkin E. N., Vedzizheva M. D., Kirichenko N. E., Polishko A. I. Medical and evacuation support in the Soviet-Finnish war as a historical period in disaster medicine doctrine development. *Viatskii meditsinskii vestnik*, 2022, (4): 80–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2220-7880-2022-4-80-84>
- Журавлев Д. А. Деятельность медицинской службы Красной армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 годов. *Война и оружие: новые исследования и материалы*: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.) СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. Ч. 2. С. 223–228. [Zhuravlev D. A. The activities of the medical service of the Red Army during the Soviet-Finnish war of 1939–1940. *War and weapons: new research and materials*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 13–15 May 2015. St. Petersburg: MHMAESC, 2015, pt. 2, 223–228. (In Russ.)]
- Журавлев Д. А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в воспоминаниях медиков. *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*: XII ежегодная науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2010 г.) СПб.: РХГА, 2011. С. 310–319. [Zhuravlev D. A. Soviet-Finnish war of 1939–1940 in medical's memories. *Saint-Petersburg and Northern Europe countries*: Proc. XII annual Sci. Conf., St. Petersburg, 14–15 Apr 2010. St. Petersburg: RChGA, 2011, 310–319. (In Russ.)]
- Зайцев Е. И. Валентина Валентиновна Гориневская (1882–1953). *Вестник хирургии им. И. И. Грекова*. 2007. Т. 166. № 2. С. 9–10. [Zaitsev E. I. Valentina Valentinovna Gorinevskaya (1882–1953). *Vestnik Khirurgii Imeni I. I. Grekova*, 2007, 166(2): 9–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iscvxx>
- Каймашникова Е. Б. Ленинградский государственный ордена Ленина институт усовершенствования врачей им. С. М. Кирова в 1917–1920-е гг.: сложности и проблемы реорганизации. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2019. № 4. С. 68–79. [Kaymashnikova E. B. Leningrad State Order of Lenin Institute for the Advanced Training of doctors n. a. S. M. Kirov in 1917–1920s: difficulties and problems. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviia*, 2019, (4): 68–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfmjao>
- Каймашникова Е. Б., Генина Е. С., Ковтун С. П. Становление Центрального института усовершенствования врачей (1930–1938 гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 4. С. 908–915. [Kaymashnikova E. B., Genina E. S., Kovtun S. P. Formation of the Central Institute for Advanced Medical Education (1930–1938). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 908–915. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-908-915>

- Кнопов М. Ш., Тарануха В. К. Научно-исследовательская работа Центрального института усовершенствования врачей в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы). *Клиническая медицина*. 2015. Т. 93. № 9. С. 68–72. [Knopov M. Sh., Taranukha V. K. Research activities of the Central Institute of Advanced Medical Training during the Great Patriotic War (to the occasion of the 70th anniversary of the Great Victory). *Klinicheskaya meditsina*, 2015, 93(9): 68–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umszrr>
- Колбаско А. В., Луцик А. А., Ольшанский Г. С. Новокузнецкий ГИУВ – гордость сибирского здравоохранения. Т. 1: Томский и новосибирский периоды деятельности института усовершенствования врачей. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк: Новокузнецкий ГИУВ Росздрава, 2011. 270 с. [Kolbasko A. V., Lutsik A. A., Olshansky G. S. *Novokuznetsk State Institute for the Advanced Medical Education is the pride of Siberian healthcare*. Vol. 1: *Tomsk and Novosibirsk periods of activity of the Institute for the Advanced Medical Education*, 2nd ed. Novokuznetsk: Novokuznetsk State Institute for Postgraduate Medical Education, 2011, 270. (In Russ.)]
- Лазебник Л. Б., Беляева В. С. Российские терапевты. М.: ПиАр-Медиа Групп, 2010. 406 с. [Lazebnik L. B., Belyaeva V. S. *Russian therapists*. Moscow: PiAr-Media Group, 2010, 406. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlwpvt>
- Мошетова Л. К., Сычев Д. А., Кнопов М. М., Власова Н. Л. 90 лет служения Отечеству. Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования. М.: Тритон, 2020а. 195 с. [Moshetova L. K., Sychev D. A., Knopov M. M., Vlasova N. L. *Ninety years of service to the Fatherland*. Russian Medical Academy of Continuous Professional Education. Moscow: Triton, 2020a, 195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fmmeoo>
- Мошетова Л. К., Сычев Д. А., Кнопов М. М., Власова Н. Л. Организация и первые шаги Центрального института усовершенствования врачей. *Педагогика профессионального медицинского образования*. 2020b. № 3. [Moshetova L. K., Sychev D. A., Knopov M. M., Vlasova N. L. Organization and first steps of the Central Institute for the Advanced Medical Education. *Pedagogika professionalnogo meditsinskogo obrazovaniia*, 2020b, (3). (In Russ.)] URL: <https://www.profmedobr.ru/articles/organizaciya-i-pervye-shagi-centralnogo-instituta-usovershenstvovaniya-vrachej/> (accessed 8 Feb 2023).
- Непрерывное профессиональное образование в здравоохранении, ред. Л. К. Мошетова. М.: М-Вести, 2005. 407 с. [Continuous professional education in health care, ed. Moshetova L. K. Moscow: M-Vesti, 2005, 407. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlldfn>
- Франк Г. А., Кнопов М. Ш., Тарануха В. К. К 90-летию Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования. *Архив патологии*. 2020. Т. 82. № 4. С. 84–87. [Frank G. A., Knopov M. Sh., Taranukha V. K. To the 90th anniversary of Russian Medical Academy of Continuous Professional Education. *Arkhiv Patologii*, 2020, 82(4): 84–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17116/patol20208204184>
- Центральный институт усовершенствования врачей, гл. ред. М. Д. Ковригина. 2-е изд. М., 1966. 128 с. [Central Institute for Advanced Medical Studies, ed. Kovrigina M. D. 2nd ed. Moscow, 1966, 128. (In Russ.)]
- Центральный ордена Ленина институт усовершенствования врачей (обзор деятельности), отв. ред. В. Н. Бутров. М.: Медицина, 1970. 310 с. [Central Order of Lenin Institute for Advanced Medical Studies (review of activities), ed. Butrov V. N. Moscow: Meditsina, 1970, 310. (In Russ.)]
- Шабунин А. В., Мумладзе Р. Б., Якушин В. И., Долидзе Д. Д., Вартанян А. В., Лебедев С. С., Лукин А. Ю. Кафедра хирургии – ровесница Российской медицинской академии непрерывного медицинского образования. *Педагогика профессионального медицинского образования*. 2020. № 3. [Shabunin A. V., Mumladze R. B., Yakushin V. I., Dolidze D. D., Vartanyan A. V., Lebedev S. S., Lukin A. Yu. The Department of Surgery is the same age as the Russian Medical Academy for Advanced Medical Education. *Pedagogika professionalnogo meditsinskogo obrazovaniia*, 2020, (3). (In Russ.)] URL: <https://www.profmedobr.ru/articles/kafedra-hirurgii-rovesnica-rossijskoj-medicinskoj-akademii-nepreryvnogo-medicinskogo-obrazovaniya/> (accessed 8 Feb 2023).
- Шестак Н. В. Центральный институт усовершенствования врачей. Страницы истории: организаторы военного здравоохранения. *Педагогика профессионального медицинского образования*. 2019. № 3. [Shestak N. V. Central Institute for the Advanced Medical Training. Pages of history: organizers of military healthcare. *Pedagogika professionalnogo meditsinskogo obrazovaniia*, 2019, (3). (In Russ.)] URL: <https://www.profmedobr.ru/articles/centralnyj-institut-usovershenstvovaniya-vrachej-stranicy-istorii-organizatory-voennogo-zdravoohraneniya/> (accessed 8 Feb 2023).
- Шток В. Н. Люди и годы: очерки к 75-летию каф. неврологии Рос. мед. акад. последиплом. образования: 1930–2005 гг. М.: МЕДпресс-информ, 2005. 127 с. [Shtok V. N. *People and years: essays on the 75th anniversary of the Department of Neurology at the Russian Medical Academy of Postgraduate Education: 1930–2005*. Moscow: MEDpress-inform, 2005, 127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qltph>

© 2023. Мирзабеков М. Я.

Пропаганда гендерного равноправия

оригинальная статья

Пропаганда гендерного равноправия средствами массовой информации Дагестана в 1960-е гг. и ее результаты

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Россия, Махачкала

Scopus Author ID: 57373856800

yash831@mail.ru

Поступила в редакцию 24.01.2023. Принята после рецензирования 18.03.2023. Принята в печать 27.03.2023.

Аннотация: Проблема обеспечения гендерного равноправия в современном Российском государстве, особенно в его мусульманских регионах, представляет огромный научный интерес и имеет большое практическое значение. В этом контексте перед обществоведами стоит задача обобщения опыта предшествующих десятилетий как в целом по стране, так и по отдельным регионам, в частности такому специфическому и многонациональному, как Дагестан. В данной статье впервые в региональной историографии предпринята попытка комплексного анализа деятельности средств массовой информации Дагестана по обеспечению гендерного равноправия в 1960-е гг. Особое внимание уделено обеспечению прав дагестанок на обучение в общеобразовательной школе, высших и средних специальных учебных заведениях, их равноправному участию в общественно-политической, социально-культурной жизни, преодолению ущемления прав женщин в семейно-бытовой сфере. Анализ материалов периодических изданий республики, их сопоставление с документами Центрального государственного архива Республики Дагестан позволили воссоздать объективную научную картину рассматриваемой темы, при разработке которой автор опирался на принципы научной объективности и историзма, использовал сравнительно-исторический, описательный, системный методы исследования. В результате сделан вывод, что, несмотря на трудности и ряд нерешенных проблем в деятельности газет, журналов, радио и телевидения республики, как объективного, так и субъективного характера, в регионе отмечалось явное усиление позитивных тенденций и благоприятных результатов в обеспечении гендерного равноправия в дагестанском обществе, что, в частности, находило отражение в улучшении санитарно-бытовой культуры городских и сельских населенных пунктов, семей дагестанцев. В то же время к концу анализируемого десятилетия обозначенная общественно-политическая и социально-культурная проблема в одном из самых многонациональных регионов страны была далека от своего полного решения.

Ключевые слова: женщина, равноправие, культура, образование, газеты, журналы, радио, телевидение, Дагестан

Цитирование: Мирзабеков М. Я. Пропаганда гендерного равноправия средствами массовой информации Дагестана в 1960-е гг. и ее результаты. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 285–296. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-285-296>

full article

Promotion of Gender Equality by the Mass Media of Dagestan in the 1960s and its Results

Mirzabek Ya. Mirzabekov

Dagestan Research Center of Russian Academy of Sciences, Russia, Makhachkala

Scopus Author ID: 57373856800

yash831@mail.ru

Received 24 Jan 2023. Accepted after peer review 18 Mar 2023. Accepted for publication 27 Mar 2023.

Abstract: The issue of gender inequality in Russia's Muslim regions is of great scientific interest and practical significance, and sociologists need to generalize the experience of the previous decades. Such multinational region as Dagestan provides a lot of useful data on the matter in question. This article describes the first attempt of the regional historiography to analyze the activities of Dagestan mass media to promote gender equality in the 1960s, e.g., in secondary schools, universities, socio-political life, culture, and family life. The author analyzed newspaper publications and documents from

the Central State Archive of the Republic of Dagestan. The materials provided an objective scientific picture of the social landscape. The author relied on the principles of scientific objectivity and historicism and used comparative-historical, descriptive, and systematic research methods. All mass media obviously experienced some difficulties in covering the gender issues. However, the analysis revealed some positive trends and results in the struggle for gender equality in Dagestan, e.g., in the sanitary culture of urban and rural settlements. Still, this socio-political and socio-cultural issue remained unresolved by the end of the 1960s.

Keywords: woman, equality, culture, education, newspapers, magazines, radio, television, Dagestan

Citation: Mirzabekov M. Ya. Promotion of Gender Equality by the Mass Media of Dagestan in the 1960s and its Results. *SibScript*, 2023, 25(3): 285–296. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-285-296>

Введение

На современном этапе рост интереса к гендерной проблематике в исторической науке обусловлен необходимостью обеспечения равноправия женщин в экономической, общественно-политической, социально-культурной, семейно-бытовой и иных сферах жизнедеятельности. Существенный вклад в разработку женской тематики на общероссийском материале внесли труды Н. Л. Пушкаревой [Пушкарева 2002; 2007; 2012]. В связи с тем, что в XX в. средства массовой информации в обеспечении гендерного равноправия стали играть все более возрастающую роль, различные аспекты их деятельности на разных этапах послеоктябрьской истории стали вызывать интерес исследователей, что, в частности, нашло отражение в работе Т. М. Горяевой [Горяева 2000].

В региональной историографии отмеченная научно-исследовательская тема затрагивалась в трудах по проблемам истории культуры [Абилов 1959; 1973; Ахмедов 1989; Каймаразов 1971; 2021; Каймаразова 2022], а также в ряде научных публикаций по гендерным проблемам [Гаджиева 2018; Гимбатова 2014; Каймаразов, Каймаразова 2020a; 2020b; 2020c; 2021; Каймаразов и др. 2021; Мирзобеков 2021a; 2021b; 2022; Нагиева 2019; Сефербеков 2021; 2022].

Анализируемая нами проблема не осталась незамеченной для западной историографии [Бернштейн 2018; Делалой 2018]. Но поскольку в исследованиях зарубежных авторов проблемы гендерной истории в послеоктябрьский период в стране рассматривались преимущественно на материалах центральных архивов Российской Федерации [Бернштейн 2018: 34], деятельность средств массовой информации по обеспечению гендерного равноправия мусульманки в них не получила освещения.

Методы и материалы

В статье применяются принципы научной объективности и историзма, сравнительно-исторического, описательного, системного методов исследования, а также

источниковой базы исследования. При подготовке статьи автором были широко использованы достоверные традиционные источники исторической науки (нормативные и делопроизводственные документы центральных и местных органов государственной власти, статистические источники и др.). Источниковая база исследования определена, прежде всего, документами фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД). Особую ценность представляют следующие фонды: Дагестанский республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР (П-1, Совет Министров ДАССР (Р-168), Комитет РД по статистике (Р-22) и др.

В работе нашли отражение публикации журналов «Советский Дагестан», «Женщина Дагестана», газет «Дагестанская правда», «Ленинский путь», «Ленинское знамя» и др., в которых получили освещение проблемы гендерного равноправия в дагестанском обществе в 1960-е гг. При их вовлечении в научный оборот автор старался избегать идеологических штампов и непомерных ожиданий по формированию новой всесторонне развитой личности в обществе.

Результаты

Позитивные изменения в дальнейшем повышении образовательного и культурного уровня населения Дагестана, достигнутые в 1960-е гг., усиливали интерес дагестанок к периодическим изданиям. Работники редакций газет и журналов республики были призваны удовлетворять все возрастающие запросы читателей в объективной и разнообразной информации, отражающей многообразие палитры дагестанской действительности.

В анализируемое десятилетие неуклонно расширялась сеть периодических изданий республики, увеличивались их тиражи, улучшалось полиграфическое оформление республиканских газет и журналов. В 1970 г. тираж журналов и газет, выходящих в Дагестане, превысил 500 тыс. экз.¹

¹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 43. Л. 30.

В регионе неуклонно увеличивалась подписка на газеты и журналы, в том числе и на республиканские (табл.²). Эта работа в республике особенно интенсифицировалась во второй половине 1960-х гг., что было обусловлено дальнейшим повышением образовательного уровня городских и сельских тружеников. Тенденция увеличения подписки прослеживалась практически у всех республиканских газет и журналов. Наиболее подписываемыми изданиями в республике являлись газеты «Дагестанская правда», «Комсомолец Дагестана», журнал «Женщина Дагестана».

Табл. Подписка на областные газеты и журналы в Дагестане (данные на 1 января, тыс. экз.)

Tab. Subscription to regional newspapers and magazines in Dagestan (January 1, thousand copies)

Наименование газет и журналов	1969	1970
Женщина Дагестана	103,7	105,2
Дагестанская правда	75,4	79,9
Комсомолец Дагестана	42	42,1
Красное знамя	35,5	36,6
Альманах Дружба	30,2	31,1
Блокнот агитатора и политинформатора	29,5	28,4
Ленинское знамя	21,6	22,5
Коммунист	17,1	17,7
Ленинский путь	16,4	17,4
Советский Дагестан	10,9	14,6
Радиотелепрограмма	8,7	14,9

В 1959 г. был создан Союз журналистов Дагестана, призванный помогать работникам печати во всестороннем отображении тех жизненных процессов, которые «воплощали основную тенденцию движения советского общества вперед». Союз насчитывал в своих рядах более 140 профессиональных журналистов [Даниялов 1966: 310].

Параллельно развертывалась работа по усилению роли и влияния радио в информировании населения

республики о событиях внутри страны и на международной арене, повышении их общественно-политической активности и культурного уровня.

В 1970 г. в Дагестане насчитывалось 164,3 тыс. трансляционных радиоточек, тогда как в 1960 г. – 115,2 тыс.³ В республике функционировало около 300 радиопунктов, 41 городская и районная радиостанции осуществляли местное вещание⁴. В 1969 г. в Махачкале был сдан в эксплуатацию Дом радио, который позволял обеспечить высококвалифицированное вещание⁵.

В 1960 г. был сдан в эксплуатацию Махачкалинский телецентр, началась регулярная трансляция передач Махачкалинской студии телевидения⁶. К началу 1962 г. в домах жителей Махачкалы, Буйнакска, Дербента, Хасавюрта, Каспийска и других населенных пунктов было установлено свыше 6 тыс. телевизоров⁷.

В последующие годы технические возможности республиканского телецентра продолжали расширяться, увеличивался охват населения региона телевизионным вещанием. В 1970 г. в Дагестане было построено 20 телевизионных ретрансляторов, смонтирован полученный из Чехословацкой Социалистической республики новый мощный телевизионный передатчик на X канале, который явился завершающим звеном радиорелейной линии программ Центрального телевидения и интервидения⁸. В начале 1971 г. телевидением было охвачено более 75 % населения самого многонационального региона страны⁹.

В анализируемый период СМИ оказывали все возрастающее влияние на все стороны жизнедеятельности советских людей, в том числе на дальнейшее повышение их образовательного и культурного уровня, преодоление негативных тенденций и явлений в семейно-бытовой сфере. В постановлении июньского (1963 г.) пленума ЦК КПСС отмечалось: «Выступления печати, телевидения и радио должны увлекать и убеждать глубиной проникновения в жизнь, аргументированностью доводов, свежестью мысли и слова»¹⁰. И в последующие годы ЦК КПСС неоднократно рассматривал вопросы совершенствования деятельности СМИ, принимая специальные решения по повышению эффективности деятельности их редакций.

² Там же.

³ ЦГА РД. Ф. Р-464. Оп. 7. Д. 141. Л. 1; Дагестан за 50 лет: стат. сб. Махачкала: Даг. кн. отд-ие изд-ва «Статистика», 1967. С. 61.

⁴ Гамидов М. Трибуна для миллионов. *Дагестанская правда*. 07.05.1970.

⁵ Гамидов М. Праздник радио. *Дагестанская правда*. 07.05.1969.

⁶ Аджиев А. Могучее средство воспитания. *Дагестанская правда*. 07.05.1963.

⁷ Хидер А. Телевидение в Дагестане: перспективы и проблемы. *Дагестанская правда*. 08.10.1970.

⁸ Там же.

⁹ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 155. Д. 70. Л. 621.

¹⁰ Материалы пленума ЦК КПСС 14–15 июня 1963 г. М.: Политиздат, 1963. С. 74.

В рассматриваемое десятилетие в Дагестане, наряду с другими аспектами жизнедеятельности городского и сельского населения, важным направлением деятельности редакций периодических изданий являлись вопросы дальнейшего повышения их образовательного и культурного уровня, вовлечения их в общественно-политическую и социально-культурную жизнь республики. В этом контексте в Дагестане, как и в других мусульманских регионах страны, важнейшим направлением деятельности редакций периодических изданий оставались вопросы искоренения патриархальных пережитков в семейно-бытовой сфере, обеспечения прав женщин на продолжение образования в высших и средних специальных учебных заведениях, их равноправного участия в общественно-политической и социально-культурной жизни городов и сельских населенных пунктов, отраслях материального производства, повышения санитарной культуры населенных пунктов и санитарно-бытовой культуры дагестанских семей.

Эти материалы в газетах и журналах республики публиковались под рубриками *Преграды – с пути!*, *Пережиткам шариата – бой!*, *Пережиткам – бой!*, *Старое похороним, новое подыдем!*, *Религиозным пережиткам – бой!* и др. Редакция журнала «Женщина Дагестана» на национальных языках систематически публиковала те или иные федеральные и республиканские нормативно-правовые акты, отражающие права женщин в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в социально-культурной и семейно-брачной сферах.

Особой активностью в борьбе с пережитками прошлого отличалась редакция республиканской газеты «Дагестанская правда». Так, в статье юриста Я. Кафарова, опубликованной в номере газеты от 23 января 1965 г. под рубрикой *Преграды – с пути!* указывалось: «В республике имеют место браки, заключенные по воле родителей, а не по любви и обоюдному согласию молодых. Практика рассмотрения бракоразводных дел Верховным судом Дагестанской АССР показывает, что именно такие браки бывают непрочными и недолговечными, а дети не получают правильного воспитания. Принуждение женщины выйти замуж вопреки воле, в частности, путем уплаты калыма, похищения, преследуется в уголовном порядке»¹¹. Далее автор статьи приводил примеры выдачи замуж несовершеннолетних девушек, которые зачастую в последующем заканчивались разводами. Аналогичные статьи и материалы в газете были нередки и в последующие годы.

Активно и последовательно против ущемления прав горянок выступал и журнал «Женщина Дагестана» на кумыкском языке. В статье «Усилим борьбу с остатками старины» речь шла о даче калыма, выдаче замуж несовершеннолетних. Автор писал: «Как бы мы не хотели, факты дачи калыма не редки. Хуже всего, что против этих фактов не выступает молодежь. Мы любим добрые народные традиции и обычаи, поддерживаем их. Однако нельзя поддерживать старые вредные, несоместимые с законами страны нормы шариата и адата»¹².

В журнале широкий отклик нашла статья М. Шамхалова «Счастье на дороге не валяется». В обсуждении статьи участвовали представители органов власти, общественных организаций, рядовые читатели, которые отмечали необходимость изжития из жизни традиций и обычаев, которые отнимают у дагестанок право устраивать жизнь по-новому. В статье «Действительное и мнимое счастье» приводился пример из жизни З. Магомедовой – заведующей библиотекой сел. Куба Лакского района. Отмечалось, что она имела прекрасную семью, которая держалась на любви и взаимном уважении супругов. Автор статьи подчеркивал, что данная семья впервые в селении выступила против устройства свадьбы по старым адатам, с дачей калыма.

В феврале 1965 г. группа девушек из сел. Эрпели Буйнакского района на страницах газеты «Ленин елу» (Ленинский путь) выступила с открытым письмом «Решительно выступаем против калыма». В письме отмечалось: «Мы считаем, что давно пора покончить с калымом, своеобразной формой продажи девушек. Живя в такое время, можно ли идти на поводу у старого обычая?»¹³. Этот призыв покончить с калымом был поддержан обкомом партии, который призвал республиканские газеты опубликовать обращение эрпелинских девушек и начать его обсуждение. На страницах газет развернулось обсуждение проблем, поднятых в письме молодых эрпелинок. Так, под рубрикой «Эрпелинские девушки правильно говорят» в газете «Ленин елу» (Ленинский путь) в марте 1965 г. была опубликована подборка материалов из сел. Уллубийаул Ленинского района: *Слушайте и нас; Хватит молчать; Слушать надо, но...; Надо быть таким; Кого больше любишь?*

К проблеме дачи калыма за невесту периодические издания республики возвращались и в последующие годы. Однако эта работа велась компанейски и не давала ожидаемых результатов. Факты дачи и приема калыма за невесту оставались у дагестанских народов широко распространенным явлением и в последующий период.

¹¹ Кафаров Я. Преграды – с пути. *Дагестанская правда*. 23.01.1965.

¹² Мамашева Б. Усилим борьбу с остатками старины. *Женщина Дагестана*. 1967. № 3. С. 23.

¹³ Решительно выступаем против калыма (Открытое письмо эрпелинских девушек). *Дагестанская правда*. 17.03.1965.

Искоренение калыма было напрямую связано с работой и утверждением в жизни дагестанцев новых советских традиций и обычаев, которые были призваны способствовать укреплению семейно-брачных уз. В этом плане властные структуры и общественные формирования, учреждения культуры особые надежды возлагали на проведение комсомольско-молодежных свадеб, которые в республике начали практиковаться на рубеже 1950–1960-х гг. К пропаганде активно подключились газеты и журналы республики. Их редакции к этой социально значимой работе привлекали авторитетных ученых, знатоков традиций и обычаев народов Дагестана, в числе которых были доктора исторических наук, активные лекторы дагестанского отделения просветительской и пропагандистской организации – Всесоюзное общество «Знание» – Р. М. Магомедов, С. Ш. Гаджиева, А. Р. Шихсаидов, Г. Ш. Каймаразов и др.

Были существенные различия и особенности в проведении комсомольско-молодежных свадеб в городах и районах республики. Вот как описывает такую свадьбу Р. М. Магомедов в сел. Кубачи Дахадаевского района: «В день свадьбы девушка с подругами, жених с друзьями приходят в сельский Совет. После регистрации брака невеста с подругами идет к себе домой, а жених с друзьями к себе. Затем одновременно в двух домах начинается празднество. Из дома жениха к дому невесты направляется делегация с подарками для невесты от родителей жениха. Через два-три часа после начала свадьбы от жениха к невесте направляется свадебное шествие. Торжества в ее доме называются невестинной свадьбой. На следующий день с утра люди собираются в доме жениха. До вечера здесь должны побывать все жители села. По установленному порядку до середины дня на свадебное пиршество приглашались люди старшего возраста, после них – молодежь. К вечеру все направлялись к невесте и вели ее в дом жениха. На третий день приносили в дом жениха те подарки, которые невесте дали ее родители и которые были преподнесены ей ранее родителями жениха. В доме жениха собирались женщины. Они же вели невесту к роднику за водой. На всем пути следования к роднику и обратно продолжалось веселье. Часам к четырем дня из дома жениха свадебное шествие направлялось к аульской площади. Картина эта представляла собой зрелище изумительной красоты. Танцующие пары, женщины и дети в нарядных платьях, веселые и радостные. У некоторых из них – блюда с пловом, сладостями, фруктами. На площадь собиралась масса народу. Накрывался громадный стол со сладостями, полукругом расставлялись скамейки

для гостей, место для танцоров застилалось коврами и паласами. Здесь, на площади, устраивалась, так сказать, заключительная часть свадьбы. До наступления темноты не смолкали звуки зурны и барабана, не утихали песни и пляски. И все это в честь счастливых молодоженов»¹⁴.

Семейно-брачные отношения являлись наиболее консервативной сферой общественного бытия, трудно поддающейся трансформации, поэтому попытки культурно-просветительных учреждений, газет и журналов республики внести в эту область перемены не давали ожидаемых результатов, практически всегда заканчивались неудачей. Свадьбы в городах и районах республики продолжали проводиться по традиционным канонам.

Этого нельзя было сказать о новых гражданских праздниках и других торжественных событиях, таких как Новый год, День Победы, День призванного и др. Целенаправленную работу по внедрению их в жизнь широких масс населения, в том числе женщин, проводили периодические издания, культурно-просветительные учреждения республики. Так, на страницах журнала «Советский Дагестан» первый секретарь Ботлихского райкома партии Р. Сагитов рассказал об опыте проведения в районе Дня призванного: «31 августа 1965 г. в районном центре – сел. Ботлих – был проведен "День призванного". С докладом выступил районный военный комиссар. Затем слово было предоставлено участнику Великой Отечественной войны Гази Омарову, а после – демобилизованным воинам и самим призванным. Много было сказано хорошего о воинском долге, о готовности нашего народа беречь Родину, "как зеницу ока". В заключении коллектив Рахатлинской участковой больницы дал концерт художественной самодеятельности, было исполнено много патриотических песен»¹⁵.

Редакции периодических изданий Дагестана пристальное внимание уделяли обучению горянок в старших классах общеобразовательных школ, продолжению ими образования в вузах и средних специальных учебных заведениях. Например, в статье «Почему мало девочек в старших классах», опубликованной в номере республиканской газеты «Дагестанская правда» от 5 января 1961 г., вскрывались причины плохого вовлечения девочек в старшие классы в Агульском районе.

Проблема обучения горянок в «Дагестанской правде» находилась в центре внимания редакции газеты и в последующие годы. Этим материалам была посвящена специальная рубрика *Знание – всем горянкам*. К примеру, 8 мая 1962 г. под этой рубрикой в газете на целой странице под заголовком «Это дело нашей

¹⁴ Магомедов Р. М. Достояние всех. *Советский Дагестан*. 1965. № 1. С. 59.

¹⁵ Сагитов Р. Начало большого дела. *Советский Дагестан*. 1965. № 2. С. 42.

гордости, нашей чести» было рассказано об опыте работы общеобразовательных школ Гумбетовского района по обучению горянок, акцентировано внимание читателей на существующих проблемах в этой социально значимой работе. На страницах газет и журналов республики часто публиковались очерки, материалы о женщинах-горянках: передовых учительницах, ученых, работниках культуры, искусства и других категориях работников, вносящих существенный вклад в повышение образовательного и культурного уровня, стоящих на страже здоровья тружеников города и села.

Газета «Дагестанская правда» рассказала об артистке Кумыкского музыкально-драматического театра Зумруд Атагишиевой: «Атагишиева – воспитанница театра. Она окончила студию при театре, прошла актерскую школу в массовках, эпизодических ролях, поездках по дальним аулам. З. Атагишиева от природы артистична; она играет с увлечением, тактом, искренне. Героини ее легко переходят от лирического дуэта к комедийным, озорным эпизодам. Артистка обладает хорошим голосом и музыкальностью. Она нередко выступает по радио. Часто ее голос можно услышать в сопровождении симфонического оркестра радиокомитета»¹⁶.

Однако в рассматриваемый период определенная часть населения, особенно сельского, продолжала неприязненно относиться к такого рода деятельности горянок. Они считали, что женщина должна заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. На этой почве возникали трения между супругами и встречались факты распада семей. Редакции газет и журналов республики выносили такие факты на общественный суд и осуждали носителей патриархальных взглядов на женщину. Так, в рубрике *Преграды – с пути!* «Дагестанская правда» (6 мая 1963 г.) опубликовала статью «Почему умолкла Зумруд?». В ней осуждалось поведение супруга Зумруд Атагишиевой, который запретил ей выступать на сцене Кумыкского музыкально-драматического театра. На этой почве дело доходило даже до рукоприкладства. Семья Зумруд Атагишиевой распалась.

Против неправильного, как говорилось в те годы, «байского», отношения к женщине, против патриархальных пережитков в семье была направлена и статья 1963 г. известной дагестанской труженицы сельского хозяйства, Героя Социалистического Труда Ханум Магомедовой «Нет, не могу молчать!». Статья была опубликована в даргинской республиканской газете «Ленинна байрах» (Ленинское знамя). В ней поднимался вопрос о месте горянки в общественной, социально-культурной и семейной жизни, о ее правах и об отношении к ней мужчины,

о мужской чести и достоинстве. Статья была перепечатана всеми республиканскими газетами. На их страницах развернулось обсуждение затронутых Х. Магомедовой вопросов, отмечалась необходимость изжития фактов и примеров неправильного отношения к горянке, что связывалось с усилением ее роли в общественно-политической и социально-культурной жизни дагестанского общества.

Активное обсуждение статьи Х. Магомедовой «Нет, не могу молчать!» прошло и на страницах газеты «Дагестанская правда». В подборке материалов «Защитим свое достоинство!» было рассказано о случае, как муж хотел выгнать жену из дома. Но жена отстояла свои права, развелась с ним и стала одна воспитывать детей. В этой же газете под названием *Это – подлость* было рассказано, как в отсутствие жены муж сошелся с другой и бросил семью. В статье «Не смириться с пережитками» было показано, как на фоне огромных перемен в экономической и социально-культурной жизни сел. Икра Касумкентского района сохранились факты неправильного отношения к женщине, которые негативно отражались на микроклимате в ауле¹⁷. В статье «Прочь проклятое наследие!» от 6 сентября 1963 г. было рассказано о фактах выдачи замуж несовершеннолетних девушек, многоженстве, перекладывании на женщин всей работы по домашнему хозяйству и других пережитках, которые негативно сказывались на обеспечении равноправия дагестанки в семье и обществе.

В последующем, откликаясь на запросы общества, редакция «Дагестанской правды» ввела новые рубрики (*Для вас женщины, О женщинах и для женщин*), в которых был продолжен разговор о преодолении в жизни дагестанок старых традиций и обычаев, об утверждении в жизни новой современной культуры. Так, в номере газеты от 10 сентября 1967 г. под этой рубрикой на целой странице были опубликованы следующие материалы: Я та, что к солнцу поднялась...; Рядовая армии искусства; Первая коммунистка села; Если хочешь быть красивой...; Уголок хозяйки; Женщина и хулиган.

В периодических изданиях республики находили отражение и вопросы культуры поведения различных категорий молодежи в общественных местах. В «Дагестанской правде» со статьей «Поговорим о культуре поведения» (26 мая 1968 г.) выступил доктор исторических наук Ильяс Керимов и затронул вопросы поведения в обществе – культуры одеваться, соблюдения чистоты в общественных местах, умеренного потребления алкогольных напитков и т. д.

¹⁶ Абдуразаков Т. Трудиться и жить по-коммунистически. *Дагестанская правда*. 10.01.1962.

¹⁷ Магомедов А. Не смириться с пережитками. *Дагестанская правда*. 06.09.1963.

Отклики на эту статью в газете публиковались под рубрикой *Личность, коллектив, общество*. В статье К. Тагирова отмечалось: «Весьма ценно, что в газете "Дагестанская правда" открылась рубрика "Личность, коллектив, общество". В связи с этим мне хочется остановиться на некоторых вопросах, затронутых в статье И. Керимова "Поговорим о культуре поведения", в частности, о хороших манерах. Хотелось бы напомнить о некоторых привычках и нормах поведения человека, которые многим известны, но в то же время не вошли еще, как говорится, в плоть и в кровь»¹⁸. Автор осуждал факты проявления невоспитанности и бескультурья отдельных людей в обществе, на общественных и иных мероприятиях. Продолжая разговор о культуре поведения, газета в номере от 25 июня 1968 г. опубликовала подборку материалов: *Молчать о зле – значит способствовать злу; Подумай, молодой человек!; Нужна отповедь*. В них читатели отмечали необходимость дальнейшего повышения внутренней культуры и культуры поведения молодежи в общественных местах, на различных общественных мероприятиях.

На страницах газет и журналов республики одной из важнейших тем в условиях осуществления восьмилетнего среднего всеобщего обучения подрастающего поколения становилась проблема воспитания детей, взаимосвязи и взаимодействия родителей и образовательных учреждений в решении этой социально значимой задачи. В «Дагестанской правде» материалы на воспитательную тему публиковались под рубрикой *Дети, родители, школа*, которой редакция отводила целые страницы. В номере газеты от 13 октября 1965 г. говорилось: «Прошел сентябрь – первый месяц нового учебного года. Что он дал? Все ли дети сели за парты? Не остался ли кто вне школы?! А если да, то почему, кто в этом виноват? А как организовать режим школьника, оборудовать специальный уголок, чтобы ваши дети могли спокойно готовить уроки, чтобы все необходимое было у них под рукой, чтобы детский организм правильно развивался и не портилось зрение, не искривлялся позвоночник, чтобы было удобно, просто, красиво, чтобы вся обстановка приучала к порядку и дисциплине? А как вы воспитываете своих детей, в чем затрудняетесь? На помощь вам могут прийти и другие родители, умные хорошие книги и учителя. Обо всем этом мы попытаемся рассказать на наших страницах, посвященных воспитанию и обучению детей»¹⁹. Ответы на интересующие их вопросы читатели получали из материалов рубрики,

посвященной вопросам всеобщего обучения: *Как быть?; Лед тронулся; Неохваченные; Уголок школьника*.

В 1960-е гг. в Дагестане была развернута целенаправленная работа по повышению санитарной культуры населенных пунктов, санитарно-бытовой культуры сельских семей. К этой работе активно подключились и средства массовой информации республики. В газетах было опубликовано обращение интеллигенции Хунзахского района с призывом усилить внимание к строительству объектов культуры в сельских населенных пунктах и повышению их культуры. В них публиковались отклики на это обращение, освещался ход строительства социально-культурных учреждений в различных районах республики.

В апреле 1964 г. областные газеты опубликовали письмо депутата Верховного Совета СССР, главного врача Ботлихской районной больницы З. Магомаевой. В письме женщины-врача содержался призыв усилить работу по поднятию санитарной культуры сельского населения.

В том же месяце в «Ленин елу» была опубликована статья депутата Верховного Совета ДАССР, председателя Избербашского горисполкома У. А. Джабраиловой «Темный угол светлого мира». Этой статьей «Ленин елу» начала обсуждение вопросов, затронутых в письме З. Магомаевой под рубрикой *За культуру быта*. В «Дагестанской правде» письмо З. Магомаевой, проблемы улучшения быта обсуждались в материалах под рубриками *Культура быта – в каждое селение, семью; Культура быта – в каждый город, село, семью; Новое – в быт* [Мирзабеков 1998: 238].

В обзоре Ахтынской районной газеты «Новый мир», опубликованном в «Дагестанской правде», отмечалось: «Во многие дома ахтынцев пришли газ, водопровод. Все крупные населенные пункты были электрифицированы. За последние четыре года в селениях района было построено 9 клубов, более 450 новых домов. Появились новые дошкольные учреждения, 9 магазинов, 4 гостиницы, 4 столовые, бани, цеха и приемные пункты районного комбината бытового обслуживания, 5 мостов, спортивный зал. Над селами района виднелся лес антенн, здесь было много телевизоров»²⁰.

Из номера в номер газета печатала материалы, повествующие о том, как менялся облик селений Хрюк, Зрых, Хнов, Джаба. Особое внимание уделяла районная газета сел. Луткуну, которое первым в республике начало борьбу за звание «Село коммунистического труда».

¹⁸ Тагиров К. О хороших манерах. *Дагестанская правда*. 11.06.1968.

¹⁹ Дагестанская правда. 13.10.1965.

²⁰ Обзор Ахтынской районной газеты «Новый мир». *Дагестанская правда*. 06.03.1969.

Статьи «Наше родное село», «Ахты строятся», «Новым обрядам и традициям широкую дорогу», а также письма из колхозов и совхозов района о коммунально-бытовом строительстве, многообразной работе клубов, библиотек показывали широту духовной жизни жителей района. Газета не ограничивалась освещением только нового, передового, она вскрывала и недостатки в жилищном, культурно-бытовом строительстве и благоустройстве населенных пунктов. Тепло писала газета о передовых работниках клубов, домов культуры, библиотек, об активистах художественной самодеятельности. Добрым словом она отзывалась об усилиях врачей, специалистов сельского хозяйства, являвшихся организаторами и проводниками изменений в культуре сел района. С большим уважением газета рассказывала о ковровщицах, портных и других категориях тружениц, которые делали много для улучшения быта трудящихся.

Журналисты «Нового мира» с помощью работников райкома партии поставили перед собой задачу сделать Зрых селом высокой культуры и образцового порядка. Была развернута кропотливая работа, в которой участвовала вся общественность села. В селении было решено провести День культуры. Ход подготовки этого мероприятия был взят под контроль партийных работников и журналистов районной газеты. Праздник прошел организованно и интересно.

Газета и в последующем широко пропагандировала начин зрыхцев, призывала другие села последовать их примеру. Последователи нашлись. День культуры провели михрахцы и каракюринцы. Заслуживала также большого внимания пропаганда новых традиций и обычаев редакцией газеты.

В 1960-е гг. в Дагестане начали проводиться Дни здоровья. В 1965 г. в ходе подготовки Дня здоровья было посажено более 300 тыс. деревьев, свыше 300 тыс. кустарников, разбито 56 скверов и парков, благоустроено много дорог²¹.

Важным направлением деятельности периодических изданий по подъему культуры населения, внедрения и утверждения новых традиций считалось разоблачение религиозной идеологии, деятельности служителей культа, атеистическое воспитание населения. На VIII пленуме Дагестанского обкома партии (1963 г.) отмечалось: «Формирование нового человека с коммунистическими

чертами характера, привычками и моралью, ликвидация пережитков прошлого в сознании людей, в особенности религиозных, является одной из главных практических задач партийных организаций нашей республики»²².

Все возрастающее влияние на население республики оказывало радио и телевидение. В 1961 г. радиовещание в Дагестане велось на русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском языках. Почти во всех районах республики было введено местное радиовещание на общественных началах. Объем местного радиовещания составлял 10 часов в сутки²³. К 1970 г. общий объем радио- и телевизионных программ в Дагестане существенно возрос и составил 31 час в сутки²⁴.

В передачах Дагестанского радио и телевидения, наряду с другими вопросами, находили отражение проблемы дальнейшего повышения образовательного и культурного уровня, улучшения санитарно-бытовой культуры тружеников городов и сел республики, преодоления патриархальных обычаев и пережитков, утверждения новых духовных ценностей в жизни дагестанцев.

В 11 выпусках последних известий Дагестанского радио на русском и национальных языках (аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском), телевизионных новостях на русском языке давалась оперативная информация о строительстве социально-культурных учреждений в городах и сельских населенных пунктах, об их деятельности по формированию и удовлетворению духовно-эстетических запросов и потребностей населения, о существующих трудностях и нерешенных проблемах в этой области, изменениях в быту дагестанских семей и т. д.²⁵ В выпусках велись такие рубрики: Новости культуры; На предприятиях службы быта; Вчера, сегодня, завтра; Интервью берут «Республиканские известия» и др.²⁶

На республиканском радио велись специальные циклы передач: Наш современник; Студенческий радиоклуб; За культуру нашего быта; Женщины Дагестана; Молодежь Дагестана; Спрашивай – отвечаем; Литературный альманах; С микрофоном по Дагестану, сатирические радиожурналы и др. Работала студия телевизионного актера, созданная на общественных началах²⁷. В них шел заинтересованный разговор о делах студенческой молодежи, о новостях литературы, о буднях женщин многонационального региона и т. д.

²¹ Кураев Н. Быту – высокую санитарную культуру. *Дагестанская правда*. 10.07.1965.

²² ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 139. Д. 11. Л. 9.

²³ Аджиев А. Без бумаги и расстояний. *Дагестанская правда*. 07.05.1961.

²⁴ Гамидов М. Трибуна для миллионов. *Дагестанская правда*. 07.05.1970.

²⁵ Аджиев А. Газета без бумаги и расстояний. *Дагестанская правда*. 06.05.1962.

²⁶ ЦГА РД. Ф. Р-219. Оп. 13. Д. 6. Л. 23, 24.

²⁷ Аджиев А. Газета без бумаги и расстояний. *Дагестанская правда*. 06.05.1962.

Вопросы внедрения в быт сельского населения новых традиций и обычаев постоянно освещались в радиожурнале «За культуру нашего быта». В ней давались материалы об организации комсомольско-молодежных свадеб. Яркое звучало выступление эрпелинских девушек против калыма и савбола. Давались репортажи, радио- и телевизионные очерки, интервью с передовиками производства с праздников первой борозды, чабана и др.

Вопросы активизации участия женщин в общественно-политической и социально-культурной жизни республики освещались в телевизионном журнале «Горянка» и радиожурнале «Женщина Дагестана» на шести языках. В телевизионном журнале «Горянка» рассказывалось о деятельности женщин конкретных районов и населенных пунктов республики по повышению культуры и улучшению быта сельских тружеников, помощи и поддержке органов власти и общественных формирований и учреждений культуры в решении этой исключительно важной социально значимой задачи. Так, в номере 13 телевизионного журнала было рассказано о деятельности передовых учительниц, медицинских работников, работниц культурно-просветительных учреждений. В студии собрались бывшие ученики заслуженной учительницы РСФСР Айшат Кибичевой, ставшие учеными, общественными деятелями, работниками культуры и искусства. Они с любовью рассказывали о своей учительнице, которая открыла им дверь в большую жизнь²⁸.

На национальных редакциях республиканского радио был организован журнал «Здоровье»: в радиоэфире выступали ученые-медики, практические работники здравоохранения с разъяснениями причин заболеваний и мер борьбы с ними. Велись цикловые передачи под рубрикой *Сила и знание народу*, в которых участвовали ученые республики с разъяснениями по различным вопросам науки и техники²⁹.

Широкую популярность среди радиослушателей приобрели сатирические радиожурналы: «Истивуд» (Перец) – на лезгинском, «Стрела» – на аварском, «Капкан» – на кумыкском, «Крапива» – на лакском, «Заноза» – на даргинском языках³⁰. В них осмеивались отжившие традиции и обычаи старины, недостатки и упущения в деятельности социально-культурных учреждений по удовлетворению духовно-эстетических запросов и потребностей городского и сельского населения, в том числе его женской половины.

Важным направлением деятельности Дагестанского радио и телевидения являлась атеистическая пропаганда. На радио была создана общественная редакция «Радиоклуб атеиста», а на телевидении – «Научно-атеистический лекторий». Они распространяли естественнонаучные знания, вели систематическую атеистическую пропаганду. У микрофона выступали ученые, работающие в научно-исследовательских институтах Дагестанского филиала АН СССР, преподаватели вузов республики, лекторы-атеисты, работники культурно-просветительных учреждений об опыте своей атеистической работы среди различных категорий населения, в том числе и женщин.

Следует отметить высокий уровень выступлений на Дагестанском радио кандидата исторических наук, доцента Даггосуниверситета В. П. Дзагуровой. Она затрагивала вопросы происхождения и сущности религии.

Редакция радиовещания республики организовывала выступления по различным проблемам научного атеизма, конкретным вопросам атеистической пропаганды. Так, в 1963 г. прозвучали следующие выступления на Дагестанском радио на антирелигиозные темы: В чем вред шариатского брака; Сопоставьте эти факты; Смелее наступать; Религия и женщина; Когда рядом друзья и др. У микрофона выступали учитель Асабской восьмилетней школы Советского района А. Магомедов, секретарь партийной организации колхоза им. XIX партийного съезда М. Умарин, научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР А. Р. Шихсаидов, заместитель секретаря Табасаранского парткома Н. Рамазанов и др.

При всем этом следует отметить ограниченность тематики, шаблон выступлений, недостаточную глубину многих атеистических передач Дагестанского радио и телевидения³¹.

Редакции Дагестанского радио и телевидения вели разнообразную работу по формированию и удовлетворению художественно-эстетических запросов телезрителей и радиослушателей. На радио и телевидении республики регулярно звучали концерты по заявкам радиослушателей и телезрителей, организовывались передачи «Музыкальное искусство стран социализма», музыкальные календари (с пояснительными текстами на дагестанских языках). Систематически передавались концертные выступления городских и сельских коллективов на республиканском фестивале искусств,

²⁸ ЦГА РД. Ф. Р-1. Оп. 12. Д. 138. Л. 34.

²⁹ Там же. Ф. П-1. Оп. 118. Д. 22. Л. 171.

³⁰ Там же.

³¹ Обзор антирелигиозных передач Дагестанского радио. *Дагестанская правда*. 28.01.1964.

проходившем под девизом «Искусство – народу»³². Регулярно осуществлялись постановки театров республики, в которых показывались позитивные изменения в образовательном и культурном уровне дагестанок, высмеивались недостатки и упущения в преодолении старых традиций и обычаев, обеспечении равноправия женщин в семейно-брачной сфере и т. д. На высоком эмоциональном накале сцены и зала шли спектакли антифеодального, тираноборческого, героико-патриотического характера: «Ашуг Саид» Т. Хурюгского и К. Меджидова, «Сулак – свидетель» М. Хуршилова и М. Чистякова в Лезгинского театра, «Парту Патима» М. Алиева в Лакском театре, новое обращение к героической драме А.-П. Салаватова «Айгази» в Кумыкском театре, «Али с гор» З. Алиханова в Аварском театре [Султанова 2009: 38].

Редакции Дагестанского радио и телевидения уделяли пристальное внимание проблемам воспитания подрастающего поколения. Исходя из этого, в конце 1969 г. была создана самостоятельная редакция молодежных передач радио на русском языке, вдвое увеличен объем вещания, расширен и укреплен подготовленными кадрами состав редакции [Гамидов 1977: 152].

Заключение

Анализ деятельности средств массовой информации Дагестана по пропаганде идей и практики реализации гендерного равноправия в 1960-е гг. показывает усиление позитивных тенденций и результатов в повышении образовательного и культурного уровня дагестанок, обеспечении их равноправия в общественно-политической и социально-культурной

жизни республики, преодолении патриархальных традиций и обычаев, внедрении в жизнь дагестанских семей новых духовных ценностей и дальнейшем улучшении санитарно-бытовой культуры городов, сельских населенных пунктов. Однако на реализации директивных установок по формированию всесторонне развитой культурной личности негативно отражались сохраняющиеся в дагестанском обществе патриархальные традиции и обычаи. Также необходимо указать на то, что ввиду определяющих идеологических установок правящей коммунистической партии многие острые углы и нерешенные вопросы социально-культурного развития многонационального дагестанского общества средствами массовой информации замалчивались или им не предавалось должного значения и о них говорилось лишь вскользь. Думается, что обобщенный в работе опыт деятельности средств массовой информации по обеспечению гендерного равноправия в дагестанском обществе в 1960-е гг. будет содействовать улучшению работы их редакций в указанном направлении. Желательно продолжить научно-поисковую работу пропаганды идей гендерного равноправия в дагестанском обществе и за последующие десятилетия XX – начала XXI в.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абилов А. А. Дагестанский государственный университет имени В. И. Ленина. Исторический очерк. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 318 с. [Abilov A. A. *Lenin Dagestan State University: Historical essay*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1973, 318. (In Russ.)]
- Абилов А. А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 267 с. [Abilov A. A. *Essays of the Soviet culture of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1959, 267. (In Russ.)]
- Ахмедов Д. Н. Национальная печать Северного Кавказа 1917–1937 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 136 с. [Akhmedov D. N. *The National Press of the North Caucasus 1917–1937*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1989, 136. (In Russ.)]
- Бернштейн С. Воспитанные при Сталине: комсомольцы и защита социализма. М.: РОССПЕЭН, 2018. 302 с. [Bernstein S. *Raised under Stalin: young communists and the defense of socialism*. Moscow: ROSSPEEN, 2018, 302. (In Russ.)]
- Гаджиева З. Н. Основные аспекты развития экономики Южного Дагестана в 60–70-е гг. XX в. *Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию*. 2018. Т. 1. № 2. С. 41–43. [Gadzhieva Z. N. The main aspects of the economic development in southern Dagestan in the 1960–70s. *Acta Historica: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvoznaniyu*, 2018, 1(2): 41–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gkszmz>

³² ЦГА РД. Ф. Р-219. Оп. 22. Д. 99. Л. 29; ЦГА РД. Ф. Р-219. Оп. 13. Д. 354. Л. 32.

- Гамидов М. Х. Без бумаги и расстояний. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. 166 с. [Gamidov M. Kh. *Without paper and distances*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1977, 166. (In Russ.)]
- Гимбатова М. Б. Гендерные аспекты хозяйственной специализации у народов равнинного Дагестана: традиции и новации (XX в.). *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2014. № 55. С. 69–72. [Gimbatova M. B. Gender aspects of economic specialization of the peoples of the plains of Dagestan: traditions and innovations (the XX cent.). *Herald of the Daghestan Scientific Center*, 2014, (55): 69–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ujwdxh>
- Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000. 175 с. [Goriaeva T. M. *Radio of Russia. Political control of Soviet radio broadcasting in the 1920s–1930s. Documented history*. Moscow: ROSSPEN, 2000, 175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvkiuv>
- Даниялов Г. Д. Развитие экономики и культуры Дагестана (1945–1965 гг.). М.: Наука, 1966. С. 368 с. [Daniyalov G. D. *Development of the economy and culture of Dagestan (1945–1965)*. Moscow: Nauka, 1966, 368. (In Russ.)]
- Делалой М. Усы и юбка. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). М.: РОССПЭН, 2018. 375 с. [Delaloy M. *Mustache and skirt. Gender relations within the Kremlin circle in the Stalin era (1928–1953)*. Moscow: ROSSPEN, 2018, 375. (In Russ.)]
- Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971. 475 с. [Kaimarazov G. Sh. *Essays on the history of the culture of the peoples of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1971, 475. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucssdx>
- Каймаразов Г. Ш. Региональная историческая наука о роли дагестанки в социально-культурном развитии республики (1918–2010 гг.). Историкографическое обозрение. Махачкала: Алеф, 2021. 218 с. [Kaimarazov G. Sh. *Regional historical science about the role of Dagestani in the socio-cultural development of the republic (1918–2010). Historiographical review*. Makhachkala: Alef, 2021, 218. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33580/9785001288299>
- Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г. «Раскрепощение горянки есть вопрос социалистического строительства»: инициативы советской власти по вовлечению женщин Дагестана в общественно-политическую жизнь в начале 1930-х гг. *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2020а. № 76. С. 40–49. [Kaimarazov G. Sh., Kaimarazova L. G. "No socialism is possible until the highland woman is emancipated: initiatives of the Soviet government to involve Dagestan women in socio-political life in the early 1930s. *Herald of the Daghestan Scientific Center*, 2020a, (76): 40–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31029/vestdnc76/5>
- Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г. Дагестанка в системе физической культуры и спорта в 1930-е гг.: исторический аспект трансформации гендерных стереотипов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2021. Т. 13. № 3. С. 29–47. [Kaimarazov G. Sh., Kaimarazova L. G. Dagestani women in the system physical culture and sport in 1930s: a historical aspect of the gender stereotypes transformation. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta*, 2021, 13(3): 29–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-3-29-47>
- Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г. Женское образование в Дагестане в первые десятилетия советской власти в региональной историографии 1920–1930-х годов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2020b. № 3. С. 13–28. [Kaimarazov G. Sh., Kaimarazova L. G. Women's education in Dagestan during the first decades of the Soviet power in the regional historiography of 1920s–1930s. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta*, 2020b, (3): 13–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2020-13001>
- Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г. Правовое положение женщины-горянки Дагестана в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: ожидания и реальность. *История, археология и этнография Кавказа*. 2020с. Т. 16. № 4. С. 982–1001. [Kaimarazov G. Sh., Kaimarazova L. G. Legal status of woman-highlanders in the end of 1920s – first half of 1930s: expectations and reality. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 2020с, 16(4): 982–1001. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32653/CH164982-1001>
- Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г., Ахмедова З. А. Трансформация образа женщины-горянки в произведениях дагестанских художников 1920–1930-х гг.: исторический и социокультурный аспекты. *Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 12. С. 2490–2501. [Kaimarazov G. Sh., Kaimarazova L. G., Akhmedova Z. A. Transformation of mountain woman's image in works of Dagestan artists in the 1920–1930s: historical and sociocultural aspects. *Manuscript*, 2021, 14(12): 2490–2501. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/mns20210455>
- Каймаразова Л. Г. Социально-культурное развитие Дагестана в 1930-е гг.: гендерный аспект советской модернизации. Махачкала: Алеф, 2022. 283 с. [Kaimarazova L. G. *Socio-cultural development of Dagestan in the 1930s: gender aspect of Soviet modernization*. Makhachkala: Alef, 2022, 283. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33580/9785002121434>

- Мирзабеков М. Я. Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в 1917–1920-е гг. Махачкала: Алеф, 2022. 260 с. [Mirzabekov M. Ya. *Gender aspect of socio-cultural development of Dagestan in 1917–1920s*. Makhachkala: Alef, 2022, 260. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33580/9785001289876>
- Мирзабеков М. Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала: Бари, 1998. 306 с. [Mirzabekov M. Ya. *The culture of the Dagestan village. XX century: history and problems*. Makhachkala: Bari, 1998, 306. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvhpki>
- Мирзабеков М. Я. Отражение женской темы на страницах газеты «Красный Дагестан» в 1920-е гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021а. Т. 23. № 3. С. 645–651. [Mirzabekov M. Ya. Women's question in the Red Dagestan newspaper in the 1920s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021a, 23(3): 645–651. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-645-651>
- Мирзабеков М. Я. Трансформация общественного и семейного статуса дагестанки в 1920-е гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021b. Т. 23. № 1. С. 34–43. [Mirzabekov M. Ya. Transformation of the social and family status of Dagestani women in the 1920s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021b, 23(1): 34–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43>
- Нагиева М. К. Трансформация роли женщины в социально-экономической и политической жизни Дагестана 1930-х гг. *Научный диалог*. 2019. № 5. С. 365–379. [Nagieva M. K. Changings in woman's role in socio-economic and political life of Dagestan in 1930s. *Nauchnyi dialog*, 2019, (5): 365–379. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-5-365-379>
- Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетеия, 2007. 495 с. [Pushkareva N. L. *Gender theory and historical knowledge*. St. Petersburg: Aleteia, 2007, 495. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qytlvx>
- Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000. М.: Ладомир, 2002. 526 с. [Pushkareva N. L. *Russian woman: history and modernity: Two centuries of study of the "female topic" in Russian and foreign science, 1800–2000*. Moscow: Ladomir, 2002, 526. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoppgd>
- Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII веке. М.: Ломоносовъ, 2012. 203 с. [Pushkareva N. L. *The private life of a Russian woman of the XVIII century*. Moscow: Lomonosov, 2012, 203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rroujh>
- Сефербеков Р. И. Семейно-бытовая обрядность народов Дагестана: историографический обзор. *Электронный журнал «Кавказология»*. 2022. № 3. С. 360–375. [Seferbekov R. I. Family and household rituals of the peoples of Dagestan: a historiographical review. *Electronic journal "Caucasology"*, 2022, (3): 360–375. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-3-360-375>
- Сефербеков Р. И. Трансформация элементов материальной культуры: традиционная одежда сельского населения Дагестана в условиях социокультурных процессов второй половины 80-х гг. XX – начала XXI в. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2021. Т. 36. № 1. С. 14–27. [Seferbekov R. I. Transformation of the material culture elements: traditional clothing of the Dagestan rural population in the context of socio-cultural processes in the latter half of the 80s XX – early XXI century. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2021, 36(1): 14–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2021-36-1-14-27>
- Султанова Г. А. Многонациональный театр Дагестана. Очерки истории. Ч. 2: 1946–1999. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2009. 217 с. [Sultanova G. A. *Multinational theater of Dagestan. Essays on history. Pt. 2: 1946–1999*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2009, 217. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qsbxqp>

© 2023. Тихомиров Н. В.

Повседневность провинциальной школы

оригинальная статья

Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга)

Тихомиров Никита Вадимович

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tihomirov_n@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.02.2023. Принята после рецензирования 03.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Изучена проблема организации школьного образования в Тайгинском районе Западно-Сибирского края периода ускоренного построения социализма в 1930-е гг. Материал – публикации газеты «Сталинский путь» («На полный ход»). Работа выполнена в русле историко-антропологического подхода, опирающегося на принципы тотальной истории. Ключевая задача – выделить и реконструировать структуры обыденной жизни в контексте осуществления советской культурной революции в данном регионе. Собраны и обобщены уникальные свидетельства обывателей о различных сторонах в работе школьных учреждений, быте и труде просвещенцев, их взаимоотношениях с остальным населением и местной властью. Расширены представления о региональной истории Западной Сибири в XX в. и понимание процессов общесоюзного масштаба на локальном уровне. Статья способствует дальнейшему развитию теории и методологии изучения повседневности в отечественной исследовательской практике. С новой стороны показана эвристическая ценность советской периодической печати как исторического источника, раскрыты возможности ее изучения с позиций антропологической критики.

Ключевые слова: история повседневности, школьное образование, микроистория, периодическая печать, СССР, Западная Сибирь

Цитирование: Тихомиров Н. В. Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 297–306. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-297-306>

full article

Everyday Life at a Provincial School in the 1930s: The Stalinist Way Newspaper in the Town of Taiga, West Siberia

Nikita V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tihomirov_n@rambler.ru

Received 9 Feb 2023. Accepted after peer review 3 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: The article describes the school education in the town of Taiga, West Siberia, during the accelerated construction of socialism in the 1930s. The research relied on a local newspaper called The Stalinist Way. The author used the historical and anthropological approach based on the principles of total history. The key task was to reconstruct the everyday life of the local community in the context of the Soviet cultural revolution. The analysis made it possible to summarize the unique testimonies of ordinary people about various aspects of school life, teachers, their role in the community, and relations with the local authorities. The findings expand the understanding of the regional history of Western Siberia in the XX century and the all-Russian processes at the local level. This article contributes to the domestic theory and methodology of everyday life studies. It also adds a new, heuristic value to the Soviet periodical press as a historical source, as well as reveals new prospects for anthropological criticism.

Keywords: everyday life history, school education, microhistory, periodical press, USSR, Western Siberia

Citation: Tikhomirov N. V. Everyday Life at a Provincial School in the 1930s: The Stalinist Way Newspaper in the Town of Taiga, West Siberia. *SibScript*, 2023, 25(3): 297–306. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-297-306>

Введение

Период 1930-х гг. в СССР примечателен коренными преобразованиями, охватившими все сферы общественной жизни. Многочисленным аспектам процесса ускоренного построения социализма посвящена обширная историография, в рамках которой представлены различные направления научно-исследовательской работы [Аксенова и др. 2022; Ким, Мухин 2022; Фельдман, Зыкин 2022]. Одним из таких направлений, активно развивающихся в отечественной и мировой практике, является история повседневности [Пушкарева 2008], в частности советской [Лебина 2018; Орлов 2010; Фицпатрик 2008], представляющая собой одну из форм осуществления антропологического подхода в познании прошлого [Бойм 2022; Лебина 2018; Хронова 2022; Человек... 2021]. Отдельного внимания заслуживают исследования региональной обыденности в СССР [Исаев 2020; История... 2014; Паликова, Красовская 2018].

В контексте изучения повседневной жизни большое значение обретает вопрос переоценки потенциала ряда источников, которые ранее либо оставались невостребованными учеными, либо привлекались факультативно, в качестве преимущественно иллюстративного материала. К числу таковых принадлежат материалы газетной печати. Познавательные возможности этого вида исторических источников до сих пор не раскрыты в должной мере. В частности, это касается региональной периодики, освещающей события жизни советской провинции [Дмитриенко 1997; Кузнецов 1974]. Этот пласт сведений позволяет историку приблизиться к рассмотрению фактов, составляющих содержание рутинного бытия людей, их живой опыт в его многообразии.

Из этого выстраивается то, что вслед за Ф. Броделем принято называть структурами повседневности [Бродель 1986: 39]. Их выявление и анализ дают понимание, как протекали социально-культурные процессы в масштабе области, района, города и т. д. Такая детализация служит обнаружению качественного своеобразия тенденций в жизни общества на выбранном уровне [Прошлое... 2003], что сообщает дополнительную глубину представлениям об исторических процессах, изученных ранее в общенациональных, общестрановых масштабах.

Историческое время в своей событийной наполненности неравномерно [Ковальченко 2003: 111]. Сложные изменения в структуре и функционировании социальных институтов характеризуются особой степенью интенсивности, в зависимости от регионов и локальных сообществ, которые ими затронуты. Особенности отдельных сторон исторической действительности заданы совокупностью материальных и психических факторов, специфичных для выбранного сегмента исторического пространства [Кондрашов, Любутин 2015].

Постичь это своеобразие позволяет работа с источниками, отразившими совокупность явлений локальной повседневности, ее динамику, идейные образы и вещественную насыщенность. К таковым по праву можно причислить газетную печать [Пушкарев 1975; Шмидт 1997].

Методы и материалы

Газета в СССР 1930-х гг. – сложное функционально нагруженное явление, в задачи которого входило не только информирование населения, но и мобилизация общества и обеспечение обратной связи его структур между собой и с управленческим аппаратом. Потому в публикававшихся материалах прослеживается повышенное внимание к проблемам хозяйственного, социального и культурно-бытового характера. Это позволяет сегодня привлекать периодические издания для получения дополнительной информации при реконструкции быта и нравов людей, воспроизведении особенностей их обыденного мышления, прослеживании специфики преломления общесоюзных процессов и начинаний в реалиях отдельно взятой местности.

Источниковая база – газета «Сталинский путь» за 1930-е гг. (до начала 1932 г. – «На полный ход»). Хронологические рамки обоснованы тем, что указанное десятилетие стало временем крупных общественных трансформаций, вызванных переходом к ускоренному построению социализма. Издание являлось органом РК ВКП(б), райисполкома и совета профсоюзов Тайгинского района Западносибирского края (с 1937 – Новосибирской области). Заметное место в публикациях отведено проблемам школьного образования в районе – одной из ключевых составляющих советской культурной революции. Многие сведения представлены в виде писем от рабкоров, обывателей и непосредственных участников образовательных отношений. Эти сообщения обладают ценностью как первичный источник, отразивший факты обыденной жизни, данные в восприятии современников.

Безусловно, отдельно взятое издание не может притязать на раскрытие повседневной жизни во всей полноте ее содержания, а равно на всестороннее отображение отдельно взятых сторон исторической действительности. Потому наше исследование не преследует цели дать исчерпывающее представление о сфере школьного образования Тайгинского района в его становлении и развитии. В работе осуществлена попытка восстановления и обобщения отдельных сторон исторического бытия системы школьных учреждений в названном районе. В методологическом отношении это представляется значимым как опыт теоретического и практического освоения конкретного периодического издания в контексте историко-антропологических изысканий.

Результаты

Газетные материалы позволяют яснее понять, как было поставлено снабжение школ учебниками, наглядными пособиями и письменными принадлежностями. Заказ необходимых изданий производился местным отделением Госиздата с последующей передачей Тайгинскому ОНО, который направлял их школам города и села. Предварительно учебники и пособия надлежало выкупить, мобилизовав средства населения: «По оказанию помощи школе громадная задача ложится на самих родителей – родители должны внести средства на обеспечение школьников книгами и учебными пособиями»¹. Способствовать этому призывали местные общественные организации и советы. Кроме того, средства отпущались районным финансовым отделом, но зачастую в недостаточном количестве и с перебоями. По этому поводу газета регулярно сообщала о провале очередной кампании по сбору денег, что закономерно ставило под угрозу нормальное проведение учебного процесса.

За снабжение школьными принадлежностями отвечали организации торговли, чья деятельность нередко вызывала серьезные нарекания. Показательно письмо учеников одной из школ Тайги, жаловавшихся на то, что единственный в городе магазин ОГИЗ не удовлетворял их запросов. Со слов школьников, в продаже отсутствовали тетради и хорошие перья, редко находились ручки и карандаши, «угольники продаются очень низкого качества – расклеиваются быстро»². Невозможно было найти сумки, а портфели стоили очень дорого. По признанию авторов письма, тетради, полученные в школе, они исписали уже к октябрю и с тех пор писали на клочках бумаги³.

Опосредованно на обеспечение учебного процесса влияли вопросы вещевого снабжения учащихся, за что отвечали местные сельпо. В январе 1935 г. в редакцию «Сталинского пути» обратился ученик из деревни Мояново. Он сетовал, что занятия в школе «приходится кончать» по причине отсутствия теплой обуви, которую с осени не могут завести в магазин. «Неужели из-за сельпо, которое не хочет привезти пимы, мне бросать учебу?» – сокрушался подросток⁴. Показательно, что в редакции дали ход делу, способствовав скорому разрешению затруднения: через две недели в очередном

номере газеты сообщалось, что пимы привезены и проданы школьнику, а председателю правления сельпо вынесено предупреждение⁵. Эпизод показывает социальную значимость газеты: печатный орган успешно выполнил функцию обратной связи, способствуя налаживанию работы социально-регулятивных механизмов.

Коренная проблема школьного образования в районе состояла в недостаточности и дурном состоянии недвижимого имущества учреждений образования. В Тайге на начало 1933 г. одно двухэтажное здание делили две школы (массовая и образцовая) и рабфак. Вследствие такого уплотнения помещений не хватало, и занятия проводились в три смены⁶. В октябре того же года из Яшкино сообщали, что школа перегружена настолько, что негде проводить пионерсборы, занятия кружков и прочую внешкольную работу, отчего «ребята после занятий предоставлены сами себе на улице». Здание, ранее принадлежавшее школе и пригодное для оборудования детского клуба, поселковый совет передал другой организации вопреки воле учащихся, их родителей и школьной администрации⁷.

Сигналы с мест в редакцию показывают высокую степень отчужденности между учебными заведениями и административно-хозяйственными инстанциями. Тяжелым испытанием для большинства школ оставался ремонт и снабжение предметами первой необходимости. Накануне очередного учебного года газета печатала заметки о готовности образовательных заведений к началу занятий. Иногда сама редакция выступала инициатором общественного смотра школ, в котором участвовали родители и педагоги. Из раза в раз обнаруживались однообразные проблемы, связанные с дурным состоянием зданий и помещений, отсутствием дров и т. д.

В письмах ответственными за неустроенность назывались школьные начальники, не радевшие о первейших нуждах учреждений. Например, директор школы при совхозе № 59 Родионов не только не озаботился приведением здания школы в подобающее состояние, но допустил откровенный произвол: вместо оборудования рабочей комнаты вселил туда рабочего с семьей, которая создаваемым шумом мешала школьным занятиям⁸. Заведующая школой в Саломатово вместо подготовки

¹ Сталинский путь. 14.08.1933. С. 3.

² Сталинский путь. 21.10.1935. С. 3.

³ Там же.

⁴ Сталинский путь. 16.01.1935. С. 3.

⁵ Сталинский путь. 31.01.1935. С. 2.

⁶ Сталинский путь. 04.02.1933. С. 3.

⁷ Сталинский путь. 09.10.1933. С. 3.

⁸ Сталинский путь. 02.10.1933. С. 4.

заведения к новому учебному году самовольно ушла в отпуск и поступила продавщицей в местное сельпо⁹. Вследствие беспечности руководителей некоторые школы месяцами не проводили занятия по причине отсутствия систем отопления¹⁰ и прочей неустроенности.

Впрочем, зачастую директора просто не могли переломить пассивного сопротивления хозяйственных инстанций. В августе 1932 г. сообщалось, что фабрично-заводские школы Тайги имеют «вид сарая с безобразно некрашеным полом»¹¹. Годом позже газета писала, что в совхозе № 59 образовательное учреждение не укомплектовано столами, стульями, шкафами, партами и классными досками ввиду отсутствия пиломатериалов. Отсутствовали и дрова, необходимые для отопления¹². Похожую ситуацию обнаружили в деревне Таловка: школа стояла без ремонта, дрова не подвозились¹³.

В 1935 г. начальная школа при одном из совхозов, не имея ремонта, с наступлением зимы стала непригодной для занятий. Прораб, которому поручили привести здание в порядок, «отремонтировал» школьной доской сломанную дверь, лишив учеников поверхности для письма¹⁴. Летом 1937 г. руководство Власковского района не приступало к ремонту и строительству новой школы; сельсовет не помогал вербовкой рабочих и не обеспечивал стройку материалами¹⁵.

Плохое состояние школьного имущества обуславливалось также отношением к нему самих учащихся. В 1937 г. некто, назвавшийся «очевидец», писал о Березовской школе, что спустя 3 месяца с начала учебных занятий заведение не узнать: «Всюду грязь, двери замазаны чернилами, исчерканы карандашом. Мебель испорчена»¹⁶. Виной тому, видимо, было отсутствие воспитательной работы и мер по поддержанию дисциплины, что по своему характеризует подход руководства и коллектива к исполнению собственных обязанностей.

Отметим и опыт успешного решения проблем районной школы, заслуживающий считаться образцовым. Примерную заботу об учебных заведениях проявлял

директор Яшкинского цементного завода Кац – предприятие за собственный счет произвело капитальный ремонт нескольких зданий¹⁷. В этом проявилась удачная работа института шефства, которое в ряде других случаев оставалось лишь провозглашенной формальностью¹⁸.

Помимо проблем с помещениями, некоторые школы испытывали нехватку буквально всего, потребного для нормальной повседневной работы. Болезненно стоял вопрос о питании школьников, в ряде заведений не давали горячих завтраков и обедов. Иногда дело упиралось в безалаберность школьного начальства, иногда тормозилось профильными организациями. Некто Симаков с возмущением писал в редакцию газеты о препирательстве управленцев из районных отделов образования и рабочего снабжения, которые «торговались, как рыночные барышники», не умея договориться, кто должен предоставить списки контингентов и выделить коня для доставки обедов в школы¹⁹. Этот и подобные случаи высвечивают серьезное противоречие в проекте советской модернизации на его ранней стадии: масштабные мероприятия нередко проводились в отсутствие проработанной нормативной базы. Обнаруженные пробелы на местах пытались восполнить апелляцией к сознательности ответственных лиц, что не всегда давало положительный результат.

Учащиеся из коммуны «Путь Сталина» письмом в редакцию сообщали, что правление сельсовета отказалось подвозить им продукты на декаду, отговорившись тем, что не имеет лошадей. При этом подростки утверждали, что кони всегда находились для поездок работников сельсовета на пьянки в соседнее село²⁰. В иных местах, где пищу всё же приготавливали, она подчас имела сомнительное качество. К примеру, завтраки, подаваемые детской столовой в Яшкино, наблюдатели описывали так: «Одна только голая вода, хлеба не дается ни одного грамма, а за завтрак требуют 20 копеек»²¹.

Повсеместно наблюдалась нехватка дров для отопления помещений. В декабре 1930 г. в газете сообщалось,

⁹ Сталинский путь. 09.08.1935. С. 4.

¹⁰ Сталинский путь. 26.08.1935. С. 3.

¹¹ Сталинский путь. 30.08.1932. С. 3.

¹² Сталинский путь. 17.08.1933. С. 3.

¹³ Сталинский путь. 19.08.1933. С. 3.

¹⁴ Сталинский путь. 24.12.1935. С. 3.

¹⁵ Сталинский путь. 03.08.1937. С. 4.

¹⁶ Сталинский путь. 11.11.1937. С. 4.

¹⁷ Сталинский путь. 05.08.1935. С. 4.

¹⁸ Сталинский путь. 01.09.1935. С. 4.

¹⁹ Сталинский путь. 12.09.1935. С. 2.

²⁰ Сталинский путь. 09.03.1934. С. 3.

²¹ Сталинский путь. 09.10.1933. С. 3.

что Красносельский сельсовет неделями не обеспечивает местную школу дровами, отчего занятия в ней «проходят ненормально»²². В последующие годы проблема сохранялась – из разных концов района поступали сигналы о срывах поставок топлива в учебные заведения.

Как видно из писем граждан, сельсоветы нередко полагали обеспечение школ делом второстепенным, а то и вовсе ненужным. Некто «Случайный» сообщал, что работники Моховского сельсовета растаскивают школьные дрова, поскольку «запастись самим лень»²³.

Затруднения, вызванные бездействием лиц, ответственных за снабжение, вынуждали детей и педагогов самостоятельно обеспечивать собственную школу. Ученики одной из школ Ботьевского сельсовета писали в редакцию, что уже долгое время не получают от колхоза «Завет Ленина» дров, что ставит под угрозу срыва занятия и приготовление горячих завтраков. Председатель колхоза, которому ребята во главе с учителем «ежедневно надоедали», действий не принимал. В итоге школьники вместе с педагогом были вынуждены «ходить по улице, собирать палки» для отопления учебного помещения и работы кухни²⁴. Судя по заботе авторов письма об учебном процессе, обоснованно допустить, что заготовкой топлива на улице они занимались внеурочно и тратили на это немало времени (учитывая, что «палок» для полноценного прогрева помещения в течение нескольких часов требовалось бы немало).

О своем тяжелом положении сообщали письмом ученики школы села Поломошное, которым председатель колхоза «Красный строитель» наотрез отказывал в конях для подвоза продовольствия в школу: «Нам приходится почти 20 км таскать продукты на себе, из-за этого мы опаздываем на занятия»²⁵. Письмо было опубликовано на исходе ноября. И допуская правильность указанного расстояния, которое надо было преодолеть пешком по заснеженной дороге, можно предположить, что весь путь занимал порядка 4–5 часов.

Совершенно удручающую картину школьного быта обрисовала в письме сторожика одной из сельских школ: «Стекла все повыбиты, посуды никакой нет. Если нужно пол в школе мыть, так бегаешь по деревне, разыскиваешь ведро. Умывальника тоже нет». Сельсовет не отгружал

школе дрова, отчего в помещении уже в конце сентября стоял холод: «ребятишки мерзнут, заниматься нельзя. Ветер дует насквозь, как на улице». Саму сторожику сельсовет и местное сельпо отказывались обеспечить даже мукой²⁶. Схожее положение в другой школе описывал неназванный адресант: «Дрова подвозятся от случая к случаю и то сырым долготьем. Зимние рамы в школе не вставлены. Дети занимаются в шубах»²⁷.

Остро ощущалась нехватка инвентаря для нормального обучения. Ребята из школы № 10 г. Тайга информировали редакцию «Сталинского пути», что к исходу четвертого месяца обучения не обеспечены мебелью: «на двухместных партах мы сидим по три-четыре человека, а некоторым ребятам приходится целыми днями стоять на ногах. У нас нет доски, мы пишем на шкафу»²⁸. Кроме того, в школе не работала вентиляция, отсутствовало электрическое освещение, из-за чего занятия велись при керосиновой лампе. Такое положение дел в школе районного центра наводит на мысль, что подобные издержки имелись и в сельских школах, о чем не сумели или не нашли нужным известить с мест.

Иногда неприятности школе доставляло местное население. Учебное заведение Моховского сельсовета терпело убытки от действий колхозника Скрипника, постоянно растаскивавшего городьбу школьного огорода себе на топливо. Неоднократные жалобы учительницы в правление колхоза толка не дали, а осмелевший Скрипник начал угрожать жалобнице²⁹.

На страницах газеты «Сталинский путь» находилось место и заметкам об успехах в деле материального обеспечения школ и достижении высоких показателей учебной успеваемости. Например, письмо учеников Митрофановской школы дает представление о том, какими признаками должна была обладать благополучная школа, в понимании современников. По словам школьников, заведение находилось в образцовом порядке: «хорошо и уютно оборудована, снабжена полностью инвентарем и учебниками. В каждой комнате развешены плакаты, лозунги, карты и т. п. В школе у нас оборудована кухня, раздевальня и рабочая комната. Организованы горячие завтраки, которые, надо сказать, готовят очень вкусно»³⁰. Этот набор

²² На полный ход. 23.12.1930. С. 3.

²³ На полный ход. 07.01.1931. С. 4.

²⁴ Сталинский путь. 09.10.1933. С. 3.

²⁵ Сталинский путь. 27.11.1933. С. 3.

²⁶ Сталинский путь. 02.10.1933. С. 2.

²⁷ Сталинский путь. 27.11.1933. С. 3.

²⁸ Сталинский путь. 24.12.1933. С. 4.

²⁹ Сталинский путь. 04.07.1934. С. 4.

³⁰ Сталинский путь. 19.10.1933. С. 2.

субъективных суждений вместе с тем показывает некоторые ориентиры людей в оценке того, что считать образцовой школой.

При этом большинство публикаций, посвященных вопросам школьного образования, сохраняли критический уклон, что вполне обоснованно. Анализ исследуемых газетных публикаций показывает, что первоочередной задачей печатного органа было выявление нестроений в наиболее чувствительных областях жизни общества и способствование их скорейшему устранению.

Еще одна насущная проблема состояла в кадровом обеспечении учебного процесса. О том, насколько остро стоял этот вопрос в сибирской глубинке, красноречиво свидетельствуют публикации «Сталинского пути». Одна из статей рассказывала о педагоге Тайгинской ФЗС № 1 Овсянниковой – батрачке по происхождению, которая, по собственному признанию, до 1926 г. была «совершенно неграмотной». Не имея специального образования, она работала в сельсовете, откуда «как лучший председатель» была направлена райкомом в совпартшколу, получила должность инспектора политпросвета, с которой уже перешла в школу в качестве классного руководителя – «групповода»³¹.

Пример крестьянки-выдвиженки высвечивает общую тенденцию в комплектации педагогических кадров на ранней ступени масштабирования всеобщего школьного образования в СССР. Представленные факты показывают, кто и какими путями приходил на работу со школьниками, как действовали социальные лифты в данной области общественных отношений.

В первой половине 1930-х гг. остро стоял вопрос о комплектации школ учительскими кадрами. Летом 1934 г. районная газета сообщала о нехватке 40 специалистов для начальной школы и 42 – для средней и неполной средней школы. Для решения проблемы местное руководство решило привлечь к учительской работе студентов педагогического техникума, а также направить в школу комсомольцев, имевших хотя бы 6–7 классов образования, предварительно проведя их через двухмесячные курсы подготовки³². О крайней кадровой нужде говорит и заметка, призывавшая скорее наладить заочную подготовку учителей в Томском педтехникуме³³.

Малочисленность кадров подчас усугублялась их слабой подготовкой. В газету писали о сельской учительнице Феденевой, занимавшейся без плана и не готовившейся к урокам. Из другого сельсовета сообщали, что там учительница в качестве дисциплинарного воздействия оставляла детей без обеда³⁴. В селе Осиновском учительница «совершенно была неподготовлена к уроку географии: план урока не был разработан, карта на уроке не использовалась»³⁵. В Пачинском педагог не знала десятичных дробей и давала результаты вроде следующего: $0,7 + 0,5 = 0,12$ ³⁶.

Проблема иной раз усугублялась управленческими решениями РОНО, пытавшегося компенсировать общую нехватку работников их переброской по должностям и учреждениям. Некто за подписью «Просвещенец» сообщал в газету о неразберихе, вызванной «потоком приказов» от районных руководителей: первым приказом заведующий РОНО «на преподавание родного языка назначил Акатьеву из школы № 3, перебрасывалась Мажарова, но к вечеру Акатьеву перебросили в образцовую школу завучем, а преподавательница Нефедова переброшена из образцовой во вторую школу и т.д.»³⁷. Создавалась нездоровая обстановка, мешавшая подготовке к занятиям, заключал автор письма.

Интересны свидетельства отношений внутри школьных коллективов. В одном из выпусков газета писала о некоем Ильинском – директоре неполной средней школы с. Поломошное. Согласно анонимному письму, директор имел обыкновение заходить на уроки, раздавая при учителях указания, при том не обладая ни малейшим представлением об организации педагогического процесса. По утверждению автора, поведение Ильинского препятствовало полноценной подготовке учителей к занятиям. Из текста неясно, как именно связаны эти вещи, однако можно заключить о ненормальности в постановке учебной работы³⁸.

Вопрос об Ильинском имел продолжение. Несколько позже газета обнародовала коллективное письмо неназванных учителей, которые сообщали, что указанный руководитель «организовал пьянку» с директором другой школы и в дальнейшем уклонялся от делового общения с подчиненными учителями³⁹.

³¹ Сталинский путь. 04.02.1933. С. 3.

³² Сталинский путь. 04.07.1934. С. 2.

³³ Сталинский путь. 21.08.1934. С. 4.

³⁴ Сталинский путь. 15.02.1935. С. 3.

³⁵ Сталинский путь. 20.09.1935. С. 3.

³⁶ Сталинский путь. 09.10.1935. С. 4.

³⁷ Сталинский путь. 29.08.1934. С. 2.

³⁸ Сталинский путь. 04.01.1935. С. 3.

³⁹ Сталинский путь. 31.01.1935. С. 2.

Точка в этом деле была поставлена через месяц, когда из РОНО сообщили о снятии директора-нарушителя⁴⁰. Случайные с точки зрения профессиональной подготовки люди в руководстве районных школ, по всей видимости, были не редки, что вполне объяснимо тем же кадровым голодом. Например, во главе школы ФЗС № 1 г. Тайга стоял бывший железнодорожный рабочий-стрелочник⁴¹.

Из газетных публикаций видно, что не меньшей бедой, чем отсутствие профессиональной подготовки, оказывались порой скверные нравственные качества новых учителей. Так, в школе I ступени, расположенной в деревне Зырянка, учительствовал некто Щегловский, откровенно срывающий учебный процесс. Школьники, написавшие в редакцию «Сталинского пути», указывали, что педагог постоянно пьянствовал и не учил их «дня два, три, а то и больше». Через газету дети обращались в отдел народного образования с просьбой убрать от них «пьяницу и лодыря», не исполнявшего своих обязанностей⁴².

Курьезное письмо направили в редакцию учащиеся одной из деревень. Они просили помочь им разыскать пропавшую учительницу: «уже 5 дней ходим в школу, а учительницы все нет»⁴³. Еще об одном недостойном представителе сельского учительства, некоем Кунгурове, сообщали из деревни Писаной. Склонный к спиртному педагог «напился пьяный, дебоширил, ходя по деревне, дома он избил жену, выгнал домохозяйку, у которой стоял на квартире, побил посуду, мебель». На следующий день занятия в школе были сорваны⁴⁴. Письмо об этом прислал в редакцию «Сталинского пути» аноним за подписью «Учитель», что говорит о присутствии критического отношения части педагогического сообщества к безответственным коллегам.

Косвенно о качестве учительской работы в отдельных местах говорят и результаты испытаний, показанные учащимися. В 1934 г. в Литвиновской школе некоторые письменные работы по русскому языку из 80 слов содержали до 73 ошибок, а устные испытания по географии и геометрии показали «абсолютное незнание

этих предметов» учащимися⁴⁵. В 1937 г. ученики 7В класса Яшкинской школы дали по русскому языку 28 «плохих и очень плохих» оценок из 37. Подобный результат показал и 8А класс⁴⁶. Трудно сказать, что в большей мере приводило к такому положению: плохое преподавание, отсутствие учебных материалов, пропуски занятий по причине материальных затруднений. Так или иначе, ситуация со школьным образованием в сельской местности явно оставалась неблагополучной.

В контексте вопроса об имущественном снабжении школ уместно коснуться проблемы материального довольства учительства как неразрывно связанной с осуществлением программы массового просвещения. Снабжение педагогов нередко производилось по остаточным основаниям, отчего их вещественное и продовольственное положение в ряде мест оставалось весьма тяжелым. К примеру, в конце 1930 г. некто «Знаток» писал в газету, что потребительское общество Нижней Тайменки месяцами не выдавало учителям муку⁴⁷. Другой автор сообщал, что продуктов не получают и дети учителей – предназначенные им рис, печенье и прочее распределялись по взрослому населению. Председатель сельсовета также выступил против просвещенцев, назвав тех оппортунистами и заявив: «Если вы разбежитесь, то тем лучше»⁴⁸.

В январе 1931 г. из Колмогорово сообщали, что в местном отделении Райпо учителя остались без обуви: полученные из Яшкино три пары женских ботинок и пару галош для выдачи просвещенцам приказчик Артюков распродал своим знакомым⁴⁹. То же подмечали в упомянутой выше Нижней Тайменке: учителя не получали обувь, которую «раздавали другим лицам». В итоге зимой они морозили ноги в дырявых пимах, а по весне в них же преодолевали распутицу, не имея сапог⁵⁰.

Летом 1933 г. учителя Новоромановского сельсовета сумели получить от колхоза по 2 пуда картофеля лишь в присутствии прокурора. На этом, однако, снабжение закончилось: обещанная просвещенцам крупа была позднее роздана служащим кооперации, учителя же могли довольствоваться лишь мукой. Столь же безрадостно

⁴⁰ Сталинский путь. 12.03.1935. С. 4.

⁴¹ Сталинский путь. 04.02.1933. С. 3.

⁴² Сталинский путь. 19.02.1933. С. 3.

⁴³ Сталинский путь. 15.02.1935. С. 3.

⁴⁴ Сталинский путь. 18.01.1935. С. 3.

⁴⁵ Сталинский путь. 07.06.1934. С. 4.

⁴⁶ Сталинский путь. 24.11.1937. С. 2.

⁴⁷ На полный ход. 28.12.1930. С. 3.

⁴⁸ На полный ход. 15.01.1931. С. 4.

⁴⁹ На полный ход. 17.01.1931. С. 4.

⁵⁰ На полный ход. 10.05.1931. С. 4.

обстояло дело с жильем для работников образования. Свободный жилой фонд сельсовет в основном «распродал по дешевке», а при открытии врачебного пункта взялся даже за уплотнение жилплощади учителей⁵¹.

В том же году учительница Иванова из колхоза «Красный строитель» Нижнетайменского сельсовета была вынуждена ходить по домам колхозников и выпрашивать хлеб. Правление колхоза в нарушение имевшихся норм месяцами задерживало выдачу педагогу муки и нерегулярно выдавало половину от положенного литра молока⁵². Таловское сельпо в течение 1933 г. ничем не смогло обеспечить работников просвещения. С места сообщали, что за несколько месяцев снабженцы не достали нуждающимся даже кожаных лоскутов для починки сапог. «Не бывает для нас никогда и других товаров», – писал от лица учителей и служащих некто Л. Н.⁵³

В 1934 г. Яшкинский сельсовет не завозил дрова на учительские квартиры. Не помогали ни постоянные обращения администрации школы, ни «ежедневное хождение» учителей. С августа по октябрь всех просителей сельсовет «кормил завтраками»⁵⁴. В одном из колхозов председатель правления заявил обратившейся к нему учительнице, что вообще не должен снабжать ее дровами. Та, кроме прочего, не могла получить выплаты за работу во вторую смену⁵⁵. Учительница Литвиновской школы с отчаянием писала в редакцию в октябре 1935 г., что с начала учебных занятий не может добиться для себя квартиры от председателя сельсовета – тот на каждодневные посещения якобы отвечал: «Приходите завтра». Все это время педагог была вынуждена проживать на рабочем месте – в учебном классе⁵⁶.

Описанные ситуации создают впечатление, что учителя в сельской местности зачастую воспринимались как люди посторонние, не заслуживающие надлежащего внимания, как и сама их деятельность. Усугубляло дело и то, что педагоги, будучи нередко приезжими, оказывались чужаками в новом обществе. При этом требования трудовой этики и нормы социальной ответственности, выдвигаемые новым временем, явно не нашли еще укоренения в среде сельских обывателей, занявших при советской власти руководящие места в совхозах, колхозах, горкомах и т. д.

Начальное и среднее образование в начале 1930-х гг. не успело стать безусловной ценностью для широких масс населения. На это указывают газетные сообщения, согласно которым родители подчас безалаберно относились к устройству своих детей в школы и обеспечению надлежащей посещаемости ими занятий. В начале сентября 1933 г. редакция «Сталинского пути» отмечала, что многие граждане не поняли еще всей важности своевременного начала занятий и не позаботились записать своих детей в школу. В итоге учебные группы комплектовали с запозданием. В сельской местности явка ребят 1 сентября кое-где составила порядка 30 %.

Сказались в том числе и плохо поставленный учет детей школьного возраста и запоздалая их регистрация в образовательных учреждениях. По мере наведения порядка в данном вопросе возникла новая проблема: образовавшийся поток неучтенных прежде детей вызвал перегрузку учебных заведений. Школы и группы оказались переполнены до отказа. В Тайге пришлось организовать 4 дополнительные группы в третью смену. Местная образцовая школа оказалась в условиях, невозможных для занятий вследствие перегрузки. Нехватка имевшегося фонда помещений потребовала срочно изыскивать дополнительные здания для школ или групп и ускорять строительство новой фабрично-заводской семилетки в г. Тайга⁵⁷.

Имели место случаи, когда подростки лишались возможности посещать занятия вследствие решений сельских властей. Так, в мае 1934 г. правление одного из колхозов обязало 14 учащихся производить боронование и отказалось освободить их даже по требованию заведующей школой. Такое поведение грубо нарушало правительственное постановление, что отнюдь не смущало правление колхоза. Кроме занятых на поле, учебу не посещали еще порядка 30 детей. Причиной служило отсутствие в колхозе детских яслей⁵⁸, отчего школьники, видимо, уже по воле родителей были вынуждены находиться дома при младших детях. Приведенный эпизод показывает как уровень правовой культуры, присущий ряду местных руководителей, так и отношение взрослого населения в целом к школьному образованию. Последнее явно не вписывалось в представления крестьян о насущных потребностях повседневной жизни.

⁵¹ Сталинский путь. 24.07.1933. С. 3.

⁵² Сталинский путь. 24.09.1933. С. 2.

⁵³ Сталинский путь. 12.04.1934. С. 3.

⁵⁴ Сталинский путь. 09.10.1933. С. 3.

⁵⁵ Сталинский путь. 23.05.1934. С. 4.

⁵⁶ Сталинский путь. 02.10.1935. С. 3.

⁵⁷ Сталинский путь. 07.09.1933. С. 3.

⁵⁸ Сталинский путь. 23.05.1934. С. 4.

Заключение

Материалы газеты «Сталинский путь», посвященные местной школе, позволяют воссоздать отдельные стороны повседневных отношений учеников, их родителей, учителей, руководства учебных заведений и советских хозяйственных органов. Как явствует из публикаций 1930-х гг., сознание значимости школьного образования нескоро и с трудом укоренялось в мышлении обывателей и ответственных лиц среди районных и сельских руководителей. Примечательно, например, что о тяжелом положении учителей газету подчас информировали сторонние люди. Подобные сообщения нередко подписаны инициалами, что не позволяет установить личность автора, при этом появление таких обращений убедительно показывает наличие у части сельских жителей понимания ценности школьного образования и важности надлежащего материального обеспечения его работников.

Проблемы школы на районном уровне отражали в миниатюре проблемы самого советского общества, пребывавшего в переходном состоянии в связи с ускоренной модернизацией. Провинциальная система образования сделалась полем столкновения двух культурных систем: традиционной крестьянской и рационально-просветительской. Новые институты в процессе своего укоренения в систему социальных отношений порождали

в ней серьезные противоречия, которые обусловили своеобразие соответствующих структур повседневности. Нравственные установки, надежды и переживания простых людей, их ежедневный труд и опыт борьбы за обустройство быта (то, что М. де Серто называл повседневными тактиками [Серто 2013: 51]) нашли отражение в многочисленных газетных публикациях.

Обыденность может казаться наблюдателю обманчиво неподвижной, инертной [Пушкарева, Любичанковский 2014: 11]. В этом онтологическое различие событийной истории общенационального уровня и едва заметных процессов локального масштаба. Их изучение сообщает историческому знанию предметную насыщенность и содержательную многомерность [Людтке 2010: 58–63]; восполняет схематизм социально-политической истории, достраивает его пластами предельно конкретных вещественно-ментальных комплексов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аксенова О. В., Бийжанова Э. К., Левченко Н. В., Никифорова С. А., Подлесная М. А., Подъячев К. В., Роговая А. В. Социокультурные основания советского модерна. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 298 с. [Aksenova O. V., Biyzhanova E. K., Levchenko N. V., Nikiforova S. A., Podlesnaya M. A., Podyachev K. V., Rogovaia A. V. *Sociocultural foundations of Soviet modernity*. Moscow: FCTAS RAS, 2022, 298. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022>
- Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. 2-е изд. М.: НЛО, 2022. 318 с. [Boym S. *Common places: mythologies of everyday life*. 2nd ed. Moscow: NLO, 2022, 318. (In Russ.)]
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с. [Brodell F. *Material civilization, economy and capitalism*. Vol. 1. *Structures of everyday life: possible and impossible*. Moscow: Progress, 1986, 622. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fuqoyr>
- Дмитриенко Н. Н. Газетный мир Омской области (1871–1996 гг.). *Макушинские чтения*. 1997. № 4. С. 116–119. [Dmitrienko N. N. Newspaper world of the Omsk region (1871–1996). *Makushinskije chteniia*, 1991, (4): 116–119. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tlohfn>
- Исаев В. И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы). *Исторический курьер*. 2020. № 1. С. 47–55. [Isaev V. I. The processes of modernization in the life of workers in Siberia during the years of the first five-year plans (1928–1937). *Historical Courier*, 2020, (1): 47–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-1-4>
- История повседневности Западной Сибири: конец XIX – начало XXI вв., отв. ред. И. В. Курышев. Ишим: ИГПИ им. П. П. Ершова, 2014. 258 с. [History of everyday life in Western Siberia: end of XIX – beginning of XXI centuries, ed. Kuryshhev I. V. Ishim: IGPI of Items of Ershov, 2014, 259. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpmesl>
- Ким С. П., Мухин М. Ю. Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки. М.: Центр гум. инициатив, 2022. 274 с. [Kim S. P., Mukhin M. Yu. *Mobilization training of Soviet industry during the first five-year plan*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2022, 274. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cpuhhj>
- Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с. [Kovalchenko I. D. *Methods of historical research*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2003, 486. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xpqbkhh>

- Кондрашов П. Н., Любутин К. Н. Диалектика повседневности. Попытка марксистского анализа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ленанд, 2015. 183 с. [Kondrashov P. N., Lyubutin K. N. *Dialectics of everyday life. An attempt at Marxist analysis*. 2nd ed. Moscow: Lenand, 2015, 183. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vzmohf>
- Кузнецов И. В. Партийно-советская печать в годы социалистической индустриализации страны (1926–1929). М.: МГУ, 1974. 60 с. [Kuznetsov I. V. *Party-Soviet press in the years of socialist industrialization of the country (1926–1929)*. Moscow: MSU, 1974, 60. (In Russ.)]
- Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. 3-е изд. М.: НЛО, 2018. 482 с. [Lebina N. B. *Soviet everyday life: norms and anomalies: from War Communism to the Grand Style*. 3rd ed. Moscow: NLO, 2018, 482. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ijgann>
- Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с. [Lüdtke A. *The history of everyday life in Germany: Reconstructing historical experiences and ways of life*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 271. (In Russ.)]
- Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 317 с. [Orlov I. B. *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of its formation*. Moscow: HSE, 2010, 317. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ygdnip>
- Паликова Т. В., Красовская А. А. Повседневная жизнь советского сибирского города в 1917–1923 гг. *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2018. № 4. С. 20–26. [Palikova T. V., Krasovskaya A. A. Everyday life of the Soviet Siberian city in 1917–1923. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*, 2018, (4): 20–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2018-4-20-26>
- Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории, ред. М. М. Кром. СПб.: Европ. ун-т; Алетеия, 2003. 268 с. [The past – close-up: modern research on microhistory, ed. Krom M. M. St. Petersburg: EU; Aleteia, 2003, 268. (In Russ.)]
- Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с. [Pushkarev L. N. *Classification of Russian written sources on Russian history*. Moscow: Nauka, 1975, 282. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxobth>
- Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности. *Социальная история. 2007. Ежегодник*, отв. ред Н. Л. Пушкарева. М.: Полит. энцикл., 2008. С. 9–21. [Pushkareva N. L. History of everyday life: subject and methods. *Social History. 2007. Yearbook*, ed. Pushkareva N. L. Moscow: Polit. entsikl., 2008, 9–21. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ryznup>
- Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21. [Pushkareva N. L., Lyubichankovskiy S. V. "Everyday life history" in modern historical research: from school of the annals to the Russian philosophical school. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2014, 4(1): 7–21. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/seeled>
- Серто М. де. Изобретение Повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Европейский университет, 2013. 330 с. [Serto M. de. *The invention of Everyday. 1. The art of doing*. St. Petersburg: European University, 2013, 330. (In Russ.)]
- Фельдман М. А., Зыкин И. В. Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и реализация советского индустриального проекта. Екатеринбург: Альфа Принт, 2022. 251 с. [Feldman M. A., Zykin I. V. *Spatial placement of the USSR industry during the pre-war five-year plans: the idea and implementation of the Soviet industrial project*. Ekaterinburg: Alfa Print, 2022, 251. (In Russ.)]
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с. [Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary life in extraordinary times: Sovet Russia in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 336. (In Russ.)]
- Хронова И. А. Трудовая повседневность сельских работников в 20-х годах XX века. Краснодар: КубГТУ, 2022. 180 с. [Khronova I. A. *Everyday work of rural workers in the 1920s*. Krasnodar: KubSTU, 2022, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fxlqsr>
- Человек и его время: проблемы междисциплинарности социальных и гуманитарных наук, отв. ред. М. С. Киселева. М.: Культурная революция, 2021. 320 с. [Human being and its time: problems of interdisciplinarity of social and humanitarian sciences, ed. Kiseleva M. S. Moscow: Kulturnaia revoliutsiia, 2021, 320. (In Russ.)]
- Шмидт С. О. Путь историка. М.: РГГУ, 1997. 612 с. [Shmidt S. O. *The path of the historian*. Moscow: RSUH, 1997, 612. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/scgjrr>

© 2023. Попов Ю. П.

Роль США в заключении Четырехстороннего соглашения

оригинальная статья

Роль США в заключении Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 г.

Попов Юрий Павлович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

jasonic.popov@gmail.com

Поступила в редакцию 19.07.2022. Принята после рецензирования 07.09.2022. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: В статье исследуется роль США в процессе заключения Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 г. Цель – проанализировать вклад правительства США в заключение данного соглашения. Участие США в переговорах можно разделить на два периода: период пассивности и период активного участия. Автор полагает, что такая динамика была связана с внутренними и внешними препятствиями, с которыми столкнулся Вашингтон. Установлено, что период пассивности характеризовался расколом внутри администрации Соединенных Штатов. Причиной внутреннего раскола в данный период являлись отношения с ФРГ. Проводимая ФРГ «новая восточная политика» усложняла дипломатические маневры США в вопросе о статусе Западного Берлина. Внешнеполитический курс ФРГ вызывал критику среди представителей Соединенных Штатов. Период активного участия США в переговорах по Западному Берлину связан с деятельностью Г. Киссинджера, благодаря активному участию которого США и ФРГ удалось сгладить противоречия между собой и найти компромисс с СССР, что позволило достигнуть решения западноберлинской проблемы. Заключение Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину являлось важным шагом в наметившейся разрядке между двумя сверхдержавами.

Ключевые слова: политика разрядки, новая восточная политика, Западный Берлин, германский вопрос, американо-германские отношения, американская политика

Цитирование: Попов Ю. П. Роль США в заключении Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 г. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 307–314. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-307-314>

full article

The United States of America in the Four Power Agreement on Berlin (1971)

Yuriy P. Popov

Tomsk State University, Russia, Tomsk

jasonic.popov@gmail.com

Received 19 Jul 2022. Accepted after peer review 7 Sep 2022. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: The article describes the role of the United States in the Quadripartite Agreement on the issue of West Berlin signed by France, the USA, the UK, and the USSR in 1971. American participation in the negotiations consisted of two stages: passive interaction and intense activity. The author believes that Washington faced internal and external obstacles that affected the dynamics of the US involvement in the negotiations. The Federal Republic of Germany pursued its own "new eastern policy", which complicated the diplomatic maneuvers of the United States on the status of West Berlin. However, it was President Kissinger who helped to smooth the contradiction between the USA, as well as to find a compromise with the USSR, thus solving the West Berlin problem. The Quadripartite Agreement on Berlin was an important step in the emerging détente between the two superpowers.

Keywords: détente, new eastern policy, West Berlin, German question, USA – West Germany relations, American politics

Citation: Popov Yu. P. The United States of America in the Four Power Agreement on Berlin (1971). *SibScript*, 2023, 25(3): 307–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-307-314>

Введение

Проблема статуса Западного Берлина долго оставалась нерешенной со времен окончания Второй мировой войны. По договоренности союзников Берлин был поделен на три зоны оккупации – советскую, американскую, британскую. Позже к ним добавилась четвертая зона – французская. Восточный Берлин, оставшийся под контролем советских войск, в дальнейшем стал столицей Германской Демократической Республики (ГДР). Западный Берлин стал городом-государством и анклавом, окруженным ГДР. Органы власти в Западном Берлине формально не были связаны с органами власти Федеративной Республики Германии (ФРГ).

Западный Берлин стал местом противостояния США и СССР начиная с 1946 г., когда западные страны спланировали проведение сепаратной денежной реформы на подконтрольной им территории и провели ее в 1948 г. Реформа фактически подразумевала экономическую изоляцию советской зоны оккупации. В ответ советской стороной были перекрыты наземные и водные пути сообщения с Западным Берлином в надежде вернуть США, Великобританию и Францию за стол переговоров по германскому вопросу в целом. Вопрос о статусе Западного Берлина был второстепенным. С течением времени блокада Западного Берлина показала свою низкую эффективность. К тому же западные союзники организовали «воздушный мост», который соединил западную часть Германии с Западным Берлином [Максимычев 2009: 156–157]. В итоге 12 мая 1949 г. все ограничения передвижения, транзита и торговли с советской стороны были сняты. При этом вопрос о статусе западной части Берлина так и остался нерешенным.

Отказ от конфедерации с восточной Германией и принятие руководством ФРГ в 1957 г. доктрины Хальштейна способствовали ухудшению обстановки вокруг Западного Берлина, что ярко проявилось во втором Берлинском кризисе 1958–1961 гг. В ноте советского правительства от 27 ноября 1958 г. руководство СССР заявило о том, что Западный Берлин должен получить статус вольного города и быть демилитаризован [Горелова 2019: 8]. Для решения этой проблемы весной 1959 г. было созвано женевское совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции. Совещание с перерывами работало весной-летом 1959 г., так и не добившись результатов [Филитов 2012: 263]. Исходя из геополитических интересов, каждый участник пытался настаивать на своем плане по объединению двух германских государств и решению берлинского вопроса.

Кризис сохранялся на протяжении 1960 г., а к августу-октябрю 1961 г. вылился в острую фазу [Пилько 2012: 82–83]. В ночь на 13 августа 1961 г. в Берлине была воздвигнута стена, разделившая город на западную и восточную части. Строительство Берлинской стены усугубило проблему статуса Западного Берлина¹. В ответ на действия восточногерманских и советских властей в боевую готовность были приведены все группировки войск НАТО в Европе. 27–28 октября произошло танковое противостояние у КПП «Чарли». Противостояние носило скорее психологический характер, однако наглядно показало возможность начала новой мировой войны. 28 октября техника противоборствующих стран вернулась на исходные позиции [Кемре 2011: 475]. Фактически Берлин был разделен на две части: Западный – под управлением стран-союзников (США, Великобритании и Франции) и Восточный – столицу ГДР.

В. Брандт являлся бургомистром Западного Берлина в 1957–1966 гг. Будущий канцлер был свидетелем Берлинского кризиса 1961 г. Кризис окончательно убедил его в несостоятельности доктрины Хальштейна. По мнению В. Брандта, ФРГ нуждалась в новой восточной политике. Несомненно, одним из пунктов нового внешнеполитического курса являлось сближение с Восточным блоком. Решение вопроса о статусе Западного Берлина занимало в этой политике одну из первостепенных задач [Brandt 2004: 43–44].

12 августа 1970 г. состоялось подписание Московского договора между СССР и ФРГ. При обсуждении данного договора представители ФРГ уведомили советскую сторону о том, что договор будет ратифицирован в Бундестаге только в том случае, если будет найдено решение по западноберлинской проблеме². Разработка и подписание Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину были невозможными без участия США как одной из оккупирующих держав. Московский договор объединил интересы Бонна, Вашингтона и Москвы и стал отправной точкой для решения вопроса о статусе Западного Берлина [Филитов 2019: 51–52].

В отечественной историографии отдельных исследований, посвященных роли США в решении проблемы статуса Западного Берлина, практически нет. Единственным исключением является диссертация Д. В. Тренина, защищенная в 1983 г. [Тренин 1983]. После этого были опубликованы рассекреченные по истечении срока давности документы, проливающие новый свет как на предысторию заключения соглашения

¹ Квицинский Ю. А. Время и случай: Заметки профессионала. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 235.

² Bahr E. "Das musst du erzählen". Erinnerungen an Willy Brandt. Berlin: Propyläen Verlag, 2013. S. 109–110.

по Западному Берлину, так и переговорный процесс [Долгилевич 2021]. В зарубежной историографии данная проблема исследуется с середины 1970-х гг. [Catudal 1976]. Особенностью зарубежной историографии является то, что роль США в решении западноберлинского вопроса исследуется в контексте более широких тем, например американо-германских отношений в связи с «новой восточной политикой» ФРГ [Kieninger 2019]. Таким образом, роль США в обсуждении соглашения о статусе Западного Берлина значительно обобщается.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы детально проанализировать вклад правительства США в заключение Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 г. Данное соглашение является одним из успехов «новой восточной политики» ФРГ и проводимой Соединенными Штатами политики разрядки. Анализ американской позиции проводился на основе документов, опубликованных в серии «Внешняя политика США». Отдельные тома этой серии посвящены отношениям с ФРГ и СССР, включая и дискуссии вокруг статуса Западного Берлина. Источниками для исследования также послужили документы цифрового архива Международного научного центра им. В. Вильсона, посвященные проблеме Западного Берлина, периодические издания и мемуары участников событий.

Период пассивности: долгий обмен мнениями между СССР и США

Московский договор между ФРГ и СССР являлся отправной точкой для обсуждения западноберлинской проблемы. Однако возникает вопрос о мотивации представителей Вашингтона в участии в переговорах по данному соглашению. По мнению американской исследовательницы Х. Харрисон, президент США Р. Никсон и советник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер опасались изоляции США в условиях изменения внешнеполитического курса ФРГ и более тесного контакта Бонна с Москвой. По их мнению, это могло привести к появлению прокоммунистических настроений в правительстве ФРГ и даже расколу в рамках НАТО. Поэтому, с одной стороны, «новая восточная политика» В. Брандта препятствовала усилиям США по ведению переговоров с Советским Союзом, с другой – она побуждала Соединенные Штаты активизировать переговоры с Москвой [Harrison 2004: 9]. Активизация переговоров между СССР и США

показывает, что Вашингтон претендовал на одну из основных ролей в рамках обсуждения статуса Западного Берлина.

Для понимания позиции представителей США важно учитывать два направления американской дипломатии в отношении западноберлинского вопроса. Первое и более масштабное направление – советско-американские отношения, второе узконаправленное – американо-западногерманские отношения. Часто эти направления пересекались и влияли на отношение США к проблеме Западного Берлина.

Уже в феврале-марте 1969 г. американское руководство продемонстрировало готовность к обсуждению с СССР проблемы Западного Берлина. В речи Р. Никсона, произнесенной в Западном Берлине 23 февраля 1969 г., говорилось, что «пора забыть о Берлине как о синониме слова "провокация"»³. Такие заявления служили сигналом для советского руководства. Уже 3 марта 1969 г. Г. Киссинджер во время беседы с чрезвычайным и полномочным послом СССР в США А. Добрыниным заявил о возможности обмена мнениями по поводу решения западноберлинского вопроса. Решение данного вопроса позволило бы исключить риски, возникающие вокруг Западного Берлина [Долгилевич 2017: 69].

Это же предложение выдвинул президент США Р. Никсон в послании председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину. 27 мая последовал ответ от А. Н. Косыгина. В нем говорилось, что Советский Союз не заинтересован в создании напряженности в Европе. Относительно статуса Западного Берлина председатель Совета министров подчеркнул: «С нашей стороны нет возражений против предложенного Вами обмена мнениями относительно путей улучшения нынешней неудовлетворительной ситуации с Западным Берлином»⁴.

Продолжительное время происходили встречи первых лиц США и СССР. 10 июля А. А. Громыко, выступая на сессии Верховного Совета СССР, отметил, что Советский Союз открыт для предложений по решению западноберлинского вопроса в интересах дальнейшего предотвращения кризисов [Абрасимов 1980: 83]. Одновременно с этим ФРГ активно вела переговоры с СССР в рамках «новой восточной политики». Однако вопрос о статусе Западного Берлина выносился за рамки данных переговоров. Так или иначе США как союзник ФРГ были вовлечены и в переговоры Бонна с Москвой.

³ Germany. *The End of the Post-War Era: Documents on Great-Power Relations 1968–1975*, eds. J. Mayall, C. Navari. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 28. Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁴ Letter From Chairman of the Council of Ministers of the Soviet Union Kosygin to President Nixon. Moscow, May 27, 1969. *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972. Vol. XII: Soviet Union, January 1969 – October 1970*. Washington, DC: Government Printing Office (GPO), 2006. P. 168.

На этих переговорах многое зависело от дипломатов ФРГ [Gray 2016: 412]. Их основной задачей являлось достижение успеха в нормализации отношений со странами Организации Варшавского договора (ОВД) и демонстрация доверительных отношений между союзниками [Dannenberg 2008: 148]. Такое положение дел резко сужало возможности США в решении проблемы Западного Берлина. В меморандуме государственного секретаря У. Роджерса от 21 июля 1969 г. на имя президента Р. Никсона говорилось, что затягивание переговоров между СССР и США приведет к недоверию со стороны представителей Западной Германии. С другой стороны, слишком резкая динамика переговорного процесса могла подставить под удар двусторонние отношения США и СССР⁵.

В связи с этим руководство США попыталось в июле 1969 г. сформулировать общий подход к решению западноберлинской проблемы. Он заключался в следующих пунктах:

1. Рассмотрение вместе с представителями Великобритании, Франции и Западной Германии советских предложений по Западному Берлину.
2. Основным вопросом является поиск решения проблемы транзита между ФРГ, Западным Берлином и ГДР.
3. Добиваться политического представительства ФРГ в Западном Берлине, но при условии, что это будет соответствовать переговорам в целом.

Эти положения подразумевали активное участие не только США, но и других союзников. К каждому участнику будущего соглашения необходимо было выработать свой оригинальный подход. Особенно сложным субъектом в этом плане выглядела ФРГ, представители которой стремились как можно скорее воплотить в жизнь важнейшие пункты своей «новой восточной политики» [Juneau 2011: 279]. Тем не менее единые требования США и их союзников можно сформулировать в трех пунктах: доступ союзников в Западный Берлин, экономические связи Западного Берлина с ФРГ, доступ жителей Западного Берлина в восточную часть города и на территорию ГДР [Bark 1974: 38–40].

Позиция СССР заключалась в решении главного вопроса – непринадлежности Западного Берлина к ФРГ. Остальные вопросы, такие как доступ союзников

в Западный Берлин, доступ жителей в ГДР, являлись открытыми для обсуждения, но второстепенными. Этот вектор МИД СССР взял еще в 1969 г. Пункты, которых придерживались США и союзники, противоречили позиции Советского Союза⁶. Реальных попыток решения западноберлинской проблемы не было до начала 1970 г. Последний раз проблема Западного Берлина фигурировала в меморандуме от сентября 1969 г., где также подчеркивалась открытость советского правительства начать процесс переговоров⁷.

Такому длительному обмену мнениями есть объяснение. Необходимо учитывать кадровую перестановку дипломатов, которые занимались решением западноберлинского вопроса. Так, в период с февраля по декабрь 1969 г. активное участие в обсуждении данного вопроса принимал государственный секретарь У. Роджерс. В дальнейшем его роль в переговорном процессе была уменьшена. Это связано с негласной борьбой У. Роджерса и Г. Киссинджера и открытием прямого канала связи между главными инициаторами переговоров по западноберлинскому вопросу⁸. Р. Никсон и советник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер работали над урегулированием другой внешнеполитической проблемы – войны во Вьетнаме [Hoff 1996: 110–111]. Сам Г. Киссинджер изначально негативно относился к провозглашению «новой восточной политики» В. Брандта, отмечая ее незрелость и спешность⁹.

26 марта 1970 г. в резиденции Контрольного совета Западного Берлина начались переговоры четырех держав. США, Франции, Великобритании удалось сформулировать точки соприкосновения по нескольким ключевым вопросам:

1. Запрет инкорпорации Западного Берлина в политическую структуру ФРГ.
2. Свободное сообщение, торговля и связи между Западным и Восточным Берлином.
3. Свобода перемещений между ФРГ и Западным Берлином.
4. Дальнейшее рассмотрение вопросов, связанных с коммуникациями между Восточным и Западным Берлином, представителями ФРГ, ГДР и Западного Берлина.

⁵ Memorandum from Secretary of State Rogers to President Nixon. Washington, July 21, 1969. *FRUS*. 1969–1976. Vol. XII. P. 216–217.

⁶ Rede des Außenministers der UdSSR Gromyko vor dem Obersten Sowjet zur Deutschland- und Berlinfrage vom 10. Juli 1969 (Auszug). *Entwicklung der Berlin-Frage: (1944–1971)*, ed. F. Matthey. Berlin-Boston: De Gruyter, 2018. S. 214–217.

⁷ Telegram from the Mission in Berlin to the Department of State. Berlin, September 2, 1970. *FRUS*. 1969–1972. Vol. XL: *Germany and Berlin*. Washington, DC: Government Printing Office (GPO), 2007. P. 322.

⁸ Smith H. Foreign Policy: Kissinger at Hub. *New York Times*. 19 Jan 1971. URL: <https://www.nytimes.com/1971/01/19/archives/foreign-policy-kissinger-at-hub-foreign-policy-at-center-kissinger.html> (accessed 5 May 2022).

⁹ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, February 16, 1970. *FRUS*. 1969–1972. Vol. XL. P. 150–153.

Последний пункт вызвал сопротивление представителей Великобритании и Франции, которые заявляли, что вовлекать немцев в этот вопрос преждевременно, поэтому от данного пункта пришлось отказаться¹⁰. На встрече В. Брандта и Р. Никсона в Вашингтоне данные пункты также обсуждались. Это обсуждение было зафиксировано в меморандуме Г. Киссинджера от 9 апреля. Помимо обсуждения общих позиций союзников в документе указывалось на стремление улучшить эти позиции как для США, так и для ФРГ с учетом того, что пока переговоры с Советским Союзом не внушают оптимизма¹¹.

Перед сессией переговоров между США и СССР, начавшейся летом 1970 г., Г. Киссинджер констатировал, что позиция СССР ужесточилась. Советские представители настаивали, что Западный Берлин должен стать независимым политическим формированием, а ФРГ должна ликвидировать там свое политическое присутствие [Oppenheimer 1990: 356]. Франция, Великобритания и ФРГ не смогли договориться между собой по поводу участия ФРГ в переговорах о статусе Западного Берлина и связи Московских договоренностей с проблемой Западного Берлина¹². Это приводило США в позицию отстраненного наблюдателя.

Представители США по-прежнему сомневались в положительных намерениях «новой восточной политики» ФРГ. В одном из меморандумов, автором которого был представитель США в НАТО Р. Эллсворт, были обозначены два варианта поведения США в связи с переговорами по Западному Берлину. Первый из них заключался в дальнейшей выжидательной позиции, чтобы в итоге все союзники смогли проработать между собой определенные проблемы и одобрить дальнейший процесс по заключению договора. Второй вариант подразумевал неизменность позиции США и отказ от любых компромиссов¹³. Этот вариант мог дополняться более жесткими условиями, если Советский Союз начнет выдвигать свои предложения.

К осени 1970 г. позиция США не претерпела значительных изменений. Из анализа меморандума Г. Киссинджера президенту Р. Никсону от 12 октября

следует, что представители Вашингтона допускали вариант поддержки политики Бонна при определенном отдалении от взаимодействия с ним и детальных обещаний¹⁴. Второй вариант подразумевал более тесное взаимодействие с ФРГ. В документе, однако, подчеркивалось, что при любом варианте В. Брандт продолжит свою восточную политику. Каждый вариант имел как определенные риски, так и свои преимущества. Ради достижения соглашения по Западному Берлину, писал Г. Киссинджер, стоит пересмотреть стратегическое сотрудничество с ФРГ в целом и подход к переговорам по вопросу статуса Западного Берлина.

В октябре 1970 г. Г. Киссинджер в очередной раз отметил сложность американской позиции в связи с проводимой Бонном политикой. В меморандуме для Р. Никсона он рассуждал о рычагах в переговорах с Советским Союзом, о взаимодействии с руководством ФРГ. Он отметил важность переговоров и заключения соглашения о статусе Западного Берлина. Провал в переговорах, писал Г. Киссинджер, будет означать и провал политики разрядки, будут подорваны два важных направления внешней политики США – советско-американские и американо-западногерманские отношения. Г. Киссинджер заключал, что США готовы пойти на компромиссы, если и советская сторона пойдет навстречу¹⁵.

Анализ источников показал, что 1970 г. оказался для американской администрации сложным в плане выработки стратегии по западноберлинскому вопросу. Были ограничены контакты администрации Белого дома с представителями СССР и ФРГ [Moss 2017: 49]. Это отмечает и советский посол А. Ф. Добрынин. 1970 год, по мнению дипломата, был безрезультатным в двусторонних отношениях США и СССР [Добрынин 2008: 146]. Он также подчеркивал пассивность и незаинтересованность Г. Киссинджера в данном вопросе.

Резюмируя, можно констатировать, что в то время ни США, ни союзники, ни СССР не были готовы идти на уступки в западноберлинском вопросе. Западный Берлин не был центральным вопросом на повестке дня в Вашингтоне. Старший сотрудник Совета

¹⁰ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, March 26, 1970. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 193–195.*

¹¹ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, April 9, 1970. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 213–215.*

¹² Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, June 8, 1970. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 247.*

¹³ Memorandum from the Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization to the President's Assistant for National Security Affairs. Undated. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 270–273.*

¹⁴ Paper Prepared in the Department of State. Washington, October 12, 1970. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 349–351.*

¹⁵ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, October 14, 1970. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 356–357.*

национальной безопасности Х. Зонненфельд отмечал, что у США сложились более теплые отношения с партией ХДС / ХСС, чем с СДПГ. Идеологические основы американских республиканцев отличались от социал-демократических взглядов правительства ФРГ. Все это порождало сложность взаимодействия США и ФРГ. С другой стороны, Х. Зонненфельд указывал на раскол внутри самой администрации Соединенных Штатов. У. Роджерс и помощник государственного секретаря по европейским делам М. Хилленбранд проявляли большее понимание в отношении внешнеполитического курса ФРГ, тогда как Г. Киссинджер и президент Р. Никсон были настроены более негативно¹⁶.

Период активности: смена курса внешней политики США

Документы первой половины 1971 г. иллюстрируют активизацию переговорного процесса по западноберлинскому вопросу. К весне 1971 г. был открыт прямой канал связи между представителями США – СССР и ФРГ – США [Hanhimaki 2011: 127]. В меморандуме Г. Киссинджера президенту США от 5 апреля предполагалось три варианта исхода переговоров между США и СССР:

1. Фактическое признание Восточной Германии путем определенных уступок и компромиссов.
2. Сохранение статус-кво и отказ от соглашения.
3. Уступки между СССР и США, но без заключения какого-либо договора.

Упор делался на первый вариант. Он значительно упрощал положение Западного Берлина, пусть и с некоторыми уступками. Также Г. Киссинджер подчеркивал необходимость гибкого подхода США на переговорах¹⁷.

К этому времени в правительстве США происходит резкая смена курса в отношении западноберлинской проблемы. Причиной такого резкого изменения, по мнению Д. Гейера, являлся «китайский фактор» [Geyer 2004: 81]. Г. Киссинджер начал использовать дипломатию с Пекином и четырехсторонние переговоры по Берлину, чтобы добиться улучшения двусторонних отношений

с Москвой. К удивлению Советского Союза в июне 1971 г. правительство США объявило, что Р. Никсон посетит Китай в следующем году¹⁸. Это послужило сигналом Советскому Союзу, который не желал усиления восточного соседа. Таким образом, «китайский фактор» существенно повлиял на заключительные этапы берлинских переговоров.

Наибольшая активность представителей США на переговорах пришлась на август 1971 г. Обсуждение проходило в формате очных встреч представителей четырех держав в здании Контрольного совета в Западном Берлине. Посол Соединенных Штатов в Западной Германии К. Раш докладывал, что СССР готов принять условия беспрепятственного транзитного доступа в Западный Берлин¹⁹. Это значительно повышало роль Восточной Германии, на что американцы были готовы пойти.

23 августа обсуждались основные принципы будущего Четырехстороннего соглашения. Согласно этим принципам, поддерживался доступ союзников в Западный Берлин, а также доступ жителей Западного Берлина в восточную часть города и ГДР в целом. Проект соглашения включал политическое представительство Западного Берлина от ФРГ. Однако этот проект имел свои отрицательные стороны для западных союзников. Прежде всего, это открытие советского консульства в Западном Берлине и повышение легитимности ГДР²⁰. Тем не менее такой вид соглашения отвечал интересам и американцев, и их союзников. Важную роль играл посол К. Раш, принимавший участие в обсуждении основных положений соглашения по Западному Берлину. Как писала газета *New York Times*, юридическое образование в сочетании с навыками руководства «Юнион Карбайд» позволили К. Рашу добиться успеха на переговорах²¹, что в свою очередь свидетельствовало об успешном кадровом выборе президента Р. Никсона.

Резкая смена позиции США в западноберлинском вопросе была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это личность самого Г. Киссинджера. По воспоминаниям коллег, этот человек выполнял работу качественно, если был убежден в успехе данного

¹⁶ Memorandum from Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Washington, December 19, 1970. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 439–440.*

¹⁷ Memorandum for President Nixon from Kissinger. The Berlin Negotiations – New Guidelines. 5 Apr 1971. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116216> (accessed 5 May 2022).

¹⁸ Berbers J. Nixon will visit China before next may to seek a “normalization of relations” Kissinger met Chou in Peking. *New York Times*. 19 Jul 1971. URL: <https://www.nytimes.com/1971/07/16/archives/nixon-will-visit-china-before-next-may-to-seek-a-normalization-of.html> (accessed 5 May 2022).

¹⁹ Cable from Ambassador Rush to Kissinger Regarding Four Powers Negotiations on Berlin, 13 Aug 1971. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116218> (accessed 5 May 2022); Cable from Ambassador Rush to Kissinger Regarding Four Powers Negotiations on Berlin, 15 Aug 1971. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116219> (accessed 5 May 2022).

²⁰ Message From the Ambassador to Germany (Rush) to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Bonn, August 23, 1971. *FRUS. 1969–1972. Vol. XL. P. 356–357.*

²¹ Kenneth Rush. *New York Times*. 24 Aug 1971. URL: <https://www.nytimes.com/1971/08/24/archives/kenneth-rush.html> (accessed 5 May 2022).

предприятия. Вовлеченность Г. Киссинджера в западно-берлинскую проблему наступила только тогда, когда был подписан Московский договор (август 1970 г.), что убедило Г. Киссинджера в определенном успехе «новой восточной политики» ФРГ [Hersh 1983: 415–416]. Во-вторых, большое значение имела доктрина Р. Никсона. В ней отражалось стремление улучшить отношения с СССР. В данном контексте урегулирование берлинской проблемы имело особое значение, т.к. Берлин был тем местом в Европе, где мог разгореться глобальный мировой конфликт [Rzepecka 2017: 55].

Заключение

Роль США в урегулировании западноберлинской проблемы хронологически можно разделить на два этапа. Первый этап (февраль 1969 г. – декабрь 1970 г.) характеризовался обменом мнениями между Вашингтоном и Москвой, а также обсуждением проблемы между союзниками. Говорить о каких-либо договоренностях на данном этапе не приходится. Второй этап (январь 1971 г. – август 1972 г.) был отмечен интенсивностью работы переговорных групп и встреч дипломатов. В данный промежуток времени произошла резкая смена позиции США в западноберлинском вопросе благодаря нескольким факторам. Первый и важнейший из них – «китайский фактор». Налаживание отношений между КНР и США привели к «гибкости» советских дипломатов. Не менее важным фактором является активизация интереса советника президента по национальной безопасности Г. Киссинджера к переговорам по Западному Берлину. Негативно относившийся к восточной политике ФРГ, убедившись в успехе соглашения между Бонном и Москвой, Г. Киссинджер начал активно разрабатывать решение поставленной задачи

по урегулированию западноберлинской проблемы. Данные факторы усилили активность США на переговорах относительно статуса Западного Берлина.

Несмотря на первоначальные опасения по поводу «новой восточной политики» ФРГ и критику в ее адрес, США со временем пересмотрели свое отношение к данному феномену. Период 1970–1971 гг. характеризуется учетом интересов ФРГ в переговорах США с Советским Союзом. Постоянные формальные и неформальные консультации американцев с представителями ФРГ свидетельствуют о пересечении американской политики разрядки и «новой восточной политики» ФРГ.

Путем компромиссов Вашингтону и Москве удалось заключить 23 сентября 1971 г. Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Как признавали в Белом доме, США пошли на уступки в виде открытия советского консульства в Западном Берлине. В свою очередь, это позволяло ГДР укрепить свою легитимность. По существу, данные уступки не меняли *modus vivendi* и не ослабляли позицию западных союзников в Западном Берлине. При этом были достигнуты важные цели – обеспечить доступ в Западный Берлин, связь западной части города с ФРГ, доступ жителей из западной части в восточную часть города и в ГДР в целом. Заключение соглашения являлось важным шагом в наметившейся разрядке между двумя сверхдержавами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абрасимов П. А. Западный Берлин вчера и сегодня. М.: Междунар. отношения, 1980. 216 с. [Abrashimov P. A. *West Berlin yesterday and today*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1980, 216. (In Russ.)]
- Горелова Л. А. Проблема Западного Берлина в политике правительства Г. Макмиллана (1958–1961 гг.). *Международные отношения*. 2019. № 4. С. 1–13. [Gorelova L. A. Problem of the West Berlin in the policy of the Harold Macmillan's government (1958–1961). *Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2019, (4): 1–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.4.31266>
- Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2008. 712 с. [Dobrynin A. F. *Purely confidential: Ambassador to Washington under six US Presidents (1962–1986)*. 2nd ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2008, 712. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpjydc>
- Долгилевич Р. В. Советская дипломатия и договоренность о четырехсторонних переговорах по Западному Берлину (март 1969 – март 1970 года). *Новая и новейшая история*. 2017. № 3. С. 67–84. [Dolgilevich R. V. Soviet diplomacy and the arrangement on the Quadrilateral negotiations on West Berlin (March, 1969 – March, 1970). *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2017, (3): 67–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrnowt>
- Долгилевич Р. В. Советская дипломатия на четырехсторонних переговорах по Западному Берлину, 26 марта 1970 г. – 3 сентября 1971 г. СПб.: Алетейя, 2021. 314 с. [Dolgilevich R. V. *Soviet diplomacy in the Quadripartite Talks on West Berlin: March 26, 1970 – September 3, 1971*. St. Petersburg: Aleteia, 2021, 314. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xiqjfy>

- Максимычев И. Ф. «Дырявая» блокада: Западный Берлин 1948–1949 гг. *1948 год в германской истории: конф.* (Москва, 19–20 июня 2008 г.) М.: РОССПЭН, 2009. С. 143–160. [Maksimychyev I. F. The "leaky" Blockade: West Berlin 1948–1949. *1948 in German history: Proc. Conf.*, Moscow, 19–20 Jun 2008. Moscow: ROSSPEN, 2009, 143–160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smrinv>
- Пилько А. В. НАТО и Берлинский кризис 1958–1961 годов. *Новая и новейшая история*. 2012. № 1. С. 82–97. [Pilko A. V. The NATO and the Berlin crisis of 1958–1961. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2012, (1): 82–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/owlkar>
- Тренин Д. В. Политика США в отношении Западного Берлина (70-е – 80-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 210 с. [Trenin D. V. *US policy towards West Berlin (70s–80s)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1983, 210. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nprouxp>
- Филитов А. М. Женевская конференция министров иностранных дел 1959 года по германскому вопросу: столкновение позиций, столкновение оценок. *Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений*, отв. ред. Н. И. Егорова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 243–263. [Filitev A. M. Geneva Conference of Foreign Ministers of 1959 on the German Question: Clash of Positions, Clash of Estimates. *Multilateral diplomacy in the bipolar system of international relations*, ed. Egorova N. I. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2012, 243–263. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rpxnul>
- Филитов А. М. Московский договор СССР – ФРГ и «Письмо о германском единстве». От конфликта к компромиссу. *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. Т. 12. № 6. С. 46–60. [Filitev A. M. Treaty of Moscow between USSR and Federal Republic of Germany and the "Letter on German Unity": from conflict to compromise. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2019, 12(6): 46–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-46-60>
- Bark D. L. *Agreement on Berlin: A study of the 1970–72 Quadripartite negotiations (AEI-Hoover policy studies)*. Washington D. C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1974, 131.
- Brandt W. *Berlin bleibt frei. Bd. 3. Politik in und für Berlin 1947–1966*. Berlin: Dietz J. H., 2004, 702.
- Catudal H. M. The Berlin Agreement of 1971: Has it worked? *The International and Comparative Law Quarterly*, 1976, (4): 766–800.
- Dannenberg J. von. *The foundations of Ostpolitik. The making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 260.
- Geyer D. C. The missing link: Henry Kissinger and the back-channel negotiations on Berlin. *Bulletin of the German Historical Institute: American détente and German Ostpolitik*, 1969 to 1972, eds. Geyer D. C., Schaefer B. Washington DC: German Historical Institute, 2004, 80–98.
- Gray W. G. Paradoxes of Ostpolitik: Revisiting the Moscow and Warsaw treaties, 1970. *Central European History*, 2016, 49(3–4): 409–440. <http://dx.doi.org/10.1017/S000893891600087X>
- Hanhimaki M. J. *The flawed architect: Henry Kissinger and American foreign policy*. NY: Oxford University Press, 2011, 554.
- Harrison H. The Berlin Wall, Ostpolitik, and détente. *Bulletin of the German Historical Institute: American détente and German Ostpolitik*, 1969 to 1972, eds. Geyer D. C., Schaefer B. Washington DC: German Historical Institute, 2004, 5–19.
- Hersh S. *The price of power. Kissinger in the Nixon White House*. NY: Summit Books, 1983, 706.
- Hoff J. A revisionist view of Nixon's foreign policy. *Presidential Studies Quarterly*, 1996, 26(1): 107–129.
- Juneau J.-F. The limits of linkage: The Nixon administration and Willy Brandt's 'Ostpolitik', 1969–72. *The International History Review*, 2011, 33(2): 277–297.
- Kempe F. *Berlin 1961: Kennedy, Khrushchev, and the most dangerous place on Earth*. NY: G. P. Putnam's Sons, 2011, 579.
- Kieninger S. A preponderance of stability: Henry Kissinger's concern over the dynamics of Ostpolitik. *Journal of Transatlantic Studies*, 2019, 17(1): 42–60. <https://doi.org/10.1057/s42738-019-00003-3>
- Moss R. A. *Nixon's back channel to Moscow: Confidential diplomacy and détente*. Lexington: University Press of Kentucky, 2017, 418.
- Oppenheimer P. H. A process analysis of the 1971 Quadripartite Agreement on Berlin. *Negotiation Journal*, 1990, 6(4): 353–367. <https://doi.org/10.1007/BF01000787>
- Rzepecka M. The rhetoric of presidential leadership in American foreign affairs: Richard Nixon the Cold War Negotiator. *Journal of American Studies of Turkey*, 2017, (47): 49–67.

© 2023. Синдеев А. А.

«Программа будущего» О. Шольца

full article

Olaf Scholz, His Program of the Future, and the European Direction in Russia's Foreign Policy

Alexey A. Sindeev

Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0001-5016-7931>

Scopus Author ID: 57194104599

a_sin74@mail.ru

Received 20 Feb 2023. Accepted after peer review 13 Mar 2023. Accepted for publication 13 Mar 2023.

Abstract: The article features the current European direction in Russia's foreign policy in the context of the Western ideas and its response to them. The author focuses on the current ideological state of the modern European direction as part of Russia's foreign policy and the role of the historical community in its development. The research objective was to identify and classify the dominant *European ideas*, as well as to define their influence on the European direction of Russia's foreign policy and to outline the prospective cross-thematic historical research. The combined historical-subject and historiographical goal resulted from the incomplete nature of the processes under study and the opportunities for the Russian historical community to participate in the formation of the modern European direction of Russia's foreign policy. The author believes that the cooperation of historians and social scientists can bring about major practical benefits. The research relied on standard historical methods and the method of discursive analysis. The chronological scope of the article is limited to 2022 and the early 2023, which made it impossible to provide a brief overview of the related literature in the introduction. The article is debatable and refers to a mixed type of subject-theoretic articles on recent history. The main practical results are the four possible directions of cross-thematic research: 1) the history of splits in Europe, European states, and European societies, as well as their consequences; 2) worldviews, conflicting worldviews, struggle and dialogue of worldviews, uni-/multivariant and un/productive synthesis of ideas and their consequences; 3) the first stage of globalization in modern history and prospects for European integration; 4) options, types, and patterns of partnerships and collaborations within Europe and individual European countries, as well as societies outside Europe.

Keywords: foreign policy, Russia, Germany, Lavrov, Scholz, cross-thematic studies

Citation: Sindeev A. A. Olaf Scholz, His Program of the Future, and the European Direction in Russia's Foreign Policy. *SibScript*, 2023, 25(3): 315–322. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-315-322>

оригинальная статья

«Программа будущего» О. Шольца и европейское направление внешней политики России

Синдеев Алексей Александрович

Институт Европы РАН, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0001-5016-7931>

Scopus Author ID: 57194104599

a_sin74@mail.ru

Поступила в редакцию 20.02.2023. Принята после рецензирования 13.03.2023. Принята в печать 13.03.2023.

Аннотация: Рассматривается современное европейское направление внешней политики Российской Федерации в контексте вырабатываемых на Западе (в частности, в Федеративной Республике Германия) идей построения будущего и формирующегося ответа на них нашей страны. Предметом статьи являются текущее идейное состояние современного европейского направления внешней политики РФ и роли в его развитии исторического сообщества. Цель – выявить доминирующие европейские идеи, систематизировать их, представить гипотезы об их влиянии на европейское направление внешней политики РФ и наметить основные направления возможных межтематических исторических исследований. Постановка комбинированной (историко-предметной и историографической) цели обусловлена незавершенным характером изучаемых процессов, который обозна-

чается в статье как незавершенная процессуальность, и открывающимися для отечественного исторического сообщества возможностями участия в формировании современного европейского направления внешней политики РФ. Автор полагает, что участие историков вместе с коллегами из других общественных наук способно принести значимую практическую пользу. Цель статьи предопределила использование, наряду с традиционными историческими методами и подходами, дискурс-анализа. Хронологические рамки статьи ограничиваются 2022 г. и началом 2023 г. Предмет статьи и хронологические рамки не позволяют автору дать краткий обзор литературы во введении. Статья носит дискуссионный характер и относится к смешанному виду теоретико-предметных статей по новейшей истории. Основными практическими результатами являются сформулированные автором четыре возможные направления междисциплинарных исследований: 1) история расколов в европейском регионе, в европейских государствах и обществах, их последствия; 2) мировоззрения, конфликты мировоззрений, борьба мировоззрений, диалог мировоззрений, одновариантный и многовариантный, продуктивный и непродуктивный синтез идей и их последствия; 3) первый этап глобализации в новейшей истории, варианты европейской интеграции; 4) варианты, виды, модели партнерств и сотрудничества внутри Европы и отдельных европейских стран и обществ вне Европы.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, Германия, С. В. Лавров, О. Шольц, междисциплинарные исследования

Цитирование: Синдеев А. А. «Программа будущего» О. Шольца и европейское направление внешней политики России. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 315–322. (In Eng.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-315-322>

Introduction and theoretical foundations

Every epoch sets its own challenges. This maxim suggests that historians should reflect on the accumulated material while relying on new contexts, research directions, and contemporary events. For instance, French historian Marc Bloch used modernity to ask medieval texts important questions. In fact, Bloch made a revolutionary proposal, which still remains novel and relevant: he recommended to start university courses of history with the current events.

As a scientific category, modernity remains a grey zone claimed both by historians and political scientists. However, this situation presupposes neither rivalry nor disputes since historians inscribe modernity in the procedural and / or phenomenological context(s), while political scientists make assumptions about the future of these processes, i.e., a productive future. As an idea, the future retains its rightful place among other objects of historical knowledge.

This article was intended to be both simple and controversial. Its simplicity is in the fact that it introduces a comparative analysis of the *Program of the Future* declared by German Chancellor Olaf Scholz [Schieritz 2022: 11–40, 99–114, 157–170] and the ideas expressed by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergei Lavrov. This material refers to the modern history. However, the obvious allusion to Willy Brandt's *Ostpolitik* [Filitsov 2017] and the détente it brought about to the European continent means that the joint appeal to Russia and Germany hardly requires a justification of its relevance and novelty. In addition, historians are only beginning to study the transformation of relations between the two countries at the present stage [Pavlov 2023; Terekhov 2022; Vatlin 2010].

As the ongoing processes are *a priori* incomplete, this research was not so much about comparing ideas *per se* as about identifying the emerging trends and possible directions for further ideological search in relation to the policy of Russia towards Europe. The abovementioned controversy of the article resulted from the task of identifying directions, first, because this is where history and political science are to clash and, second, because this is where the subject gets somewhat fuzzy.

Modernity as a process questions the role of historians and the promising areas of historical research because its incompleteness substantiates the subject of historical research and removes external contradictions. As a result, the subject of the article is the current ideological state of the modern European direction in the foreign policy of the Russian Federation and the role of the historian in its development. The research objective was to identify the dominant *European ideas*, to systematize them, to define their influence on the foreign policy of the Russian Federation, and to outline the main prospects for cross-thematic historical research. In this context, we see the modern European direction of Russian foreign policy as a new and open to ideas and (co)participation, while O. Scholz's *European Program* is its ideological antipode and a challenge for the constructive formation of domestic developments (cf.: [Busse, Hofmann 2022: 5–6; Hildermeier 2022: 23–30, 1313–1347; Luks 2022: 269–314, 321–350]).

Thus, the research problem is to establish the *European ideas* created by the current modernity (see paragraphs 2 and 3) and explain how historians can help to develop them (see paragraphs 4 and 5).

Olaf Scholz and His European Program

On February 27, 2022, German Federal Chancellor Olaf Scholz of the Social Democratic Party of Germany announced the *change of eras* and declared *alliances* as the *greatest strength* of his country¹.

On August 29, 2022, Scholz acknowledged that in a *multipolar world* <...> *it is not enough* <...> *to support only existing partnerships*: it requires political and economic diversification and investing in *new partnerships*².

Scholz said that the world is now at the end of an *unusual phase of globalization* when the countries of the collective West were guaranteed economic growth, high employment, low inflation, and American protection³.

The new stage of globalization will involve increased competition. Under these conditions, the West should try to *stimulate new players to a greater participation in the design of the international order and to a greater integration into it*. The traditional Western values should be interpreted as universal because *freedom, equality, the rule of law, and human dignity* remain understandable ideas even outside of one particular civilizational circle⁴.

The expediency of maintaining contacts with various partners *a priori* implies different levels of *cooperation and dialogue* with *democratic and authoritarian* states. Scholz's unwillingness to provoke the emergence of such blocs suggests that he had not defined the strategic lines of interaction with *authoritarian* states by 2022 and early 2023.

Scholz included the development of a *new way of thinking and new tools* in the former official goal of the West, i.e., the *promotion of peace, prosperity and civil liberties*⁵.

However, he emphasized that *Germany and its partners in the EU, the United States, the G7 and NATO must protect our open communities, stand up for our democratic values, and strengthen our alliances and partnerships*⁶.

O. Scholz assessed the possible roles and responsibilities of Germany in the international arena in a differentiated and complex way. He saw Germany as a *guarantor of European security*⁷, a *mediator (Brückenbauer)* within the *European Union*, and a *defender of multilateral solutions to global problems*⁸. This attitude seems illogical as the proposed roles are not always linear and sometimes are not able to complement each other in a harmonious way [Schmidt 2022: 7–138, 189–244].

Given this circumstance, the European Union and transatlantic relations are most likely to remain Germany's priorities. According to Scholz, the EU longs to *strengthen sovereignty*, e.g., in *competition for modern technologies, in the provision of raw materials, in the field of energy supply, or in space*⁹.

Scholz emphasized that *European sovereignty neither* <...> *cancel and replaces national sovereignty*¹⁰. Therefore, the *new way of thinking* and the *new tools* are yet to be correlated with national and supranational processes.

Scholz opposed the division of the European Union into *exclusive clubs*. He proposed majority decision-making, a greater number of commissioners (in the case of the *long-awaited enlargement* of the European Union), and the parallel responsibility of commissioners (two commissioners per one resource)¹¹. However, he did not explain how all these would help to *speed up political*

¹ Deutscher Bundestag – 20. Wahlperiode – 19. Sitzung. Berlin, den 27. Februar 2022 (Plenarprotokoll). S. 1354.

² Rede von Bundeskanzler Scholz an der Karls-Universität am 29. August 2022 in Prag. *Bundesregierung*. 29 Aug 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-an-der-karls-universitaet-am-29-august-2022-in-prag-2079534> (accessed 15 Jan 2023). In a revised version, he spoke about working on an equal footing with partners *outside the traditional West* [Die globale Zeitenwende. Namensbeitrag des Kanzlers in Foreign Affairs. *Bundesregierung*. 5 Dec 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/kanzler-namensartikel-foreign-affairs-2149014> (accessed 17 Jan 2023)].

³ Die globale Zeitenwende...

⁴ Ibid. It is no coincidence that Scholz referred to the UN.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. See also Scholz's Sorbonne speech: "Heute geht es nicht mehr darum, einen Krieg im Innern unserer Union zu verhindern und zu vermeiden, sondern darum, unsere europäische Friedensordnung und unsere Werte zu erhalten und zu verteidigen – gegen Fliehkräfte innerhalb unserer Union, vor allem aber gegen Bedrohungen von außen" [Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich des 60. Jahrestages der Unterzeichnung des Élysée-Vertrages am 22. Januar 2023 in der Sorbonne. *Bundesregierung*. 22 Jan 2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-des-60-jahrestages-der-unterzeichnung-des-elysee-vertrages-am-22-januar-2023-in-der-sorbonne-2159840> (accessed 5 Feb 2023)].

⁷ *The main guarantor* is an alternative designation: "Deutschland kommt jetzt die wesentliche Aufgabe zu, als einer der Hauptgaranten für die Sicherheit in Europa Verantwortung zu übernehmen, indem wir in unsere Streitkräfte investieren, die europäische Rüstungsindustrie stärken, unsere militärische Präsenz an der NATO-Ostflanke erhöhen und die ukrainischen Streitkräfte ausbilden und ausrüsten" [Die globale Zeitenwende...].

⁸ Die globale Zeitenwende...

⁹ Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich des 60. Jahrestages der Unterzeichnung des Élysée-Vertrages...

¹⁰ Ibid.

¹¹ Rede von Bundeskanzler Scholz an der Karls-Universität am 29. August 2022 in Prag...

decision-making processes and avoid long conflicts in conditions when the European Union should take on more responsibility for its own security, implement a coordinated and integrated approach to expanding defense competencies¹², develop and implement unified weapons systems, create an effective Council of Defense Ministers, simplify the export of jointly produced weapons, and build a common missile defense system¹³.

In the chronological period under study, O. Scholz's *Program of the Future* was at the stage of preliminary development. Apparently, the idea of strategic adversaries and the desire to strengthen the eastern border of NATO are uncontested, but much remains controversial [Böing 2018: 194–215, 290–294].

The growing global competition will inevitably affect not only the obvious and potential rivals, adversaries, and enemies, but also the partners in transatlantic cooperation. *The strategic renewal <...> of the Internal Market*, the *Made in Europe 2030 strategy*¹⁴, attracting private investment, creating a real capital market and banking union while maintaining national sovereignty, the struggle for EU manageability and various kinds of self-restrictions, e.g., of the three roles declared by Scholz (cf.: [Karras 2009: 217–228]), etc., all this makes Germany unattractive for the new strategic partnerships and a weak partner in relations with the United States¹⁵.

If the Americans accept the formula proposed by the Chancellor that any improvement, any unification

of European defense structures within the EU strengthens NATO¹⁶, then they will have to transfer to the Europeans the right to choose areas of cooperation and determine the interaction boundaries. Moreover, in an attempt to fulfil their obligations to defend Europe, the USA might find themselves in an extremely disadvantageous position.

O. Scholz's interpretation of the current *change of epochs* also remains unclear since, in his opinion, we are facing an even greater change of epochs¹⁷.

Russia's response

Russia's response to this *change of epochs* and the new stage of globalization can also be interpreted as preliminary. Minister of Foreign Affairs of Russia Sergei Lavrov declared that *American-style globalization is over*¹⁸: new centers of economic growth¹⁹ are forming, as well as multipolarity (see [Sindeev 2020] about the political role of the minister). The multipolarity formation is complex and confrontational since there is a struggle to speed up these multipolar processes and a struggle to <...> prolong one's "privileged existence"²⁰. The result is a discord between the West, which claims hegemony and control over the implementation of "its own rules" <...>, and the world majority²¹.

According to Lavrov, the process of forming a new world order <...> will take a whole historical epoch²², at the beginning of which countries are to realize the significance of the new relationships necessary for <...> democracy and justice to reign and the principle of Charter of the United Nations

¹² Die globale Zeitenwende...

¹³ See how Scholz rationalized it: "Zugleich wird Deutschland diese zukünftige Luftverteidigung von Beginn an so ausgestalten, dass sich auch unsere europäischen Nachbarn daran beteiligen können, wenn es gewünscht wird, etwa Polen, Balten, Niederländer, Tschechen, Slowaken oder unsere skandinavischen Partner. Ein gemeinsam aufgebautes Luftverteidigungssystem in Europa wäre nicht nur kostengünstiger und effizienter, als wenn jeder von uns seine teuren eigenen und hochkomplexen Luftverteidigungen aufbaut" [Rede von Bundeskanzler Scholz an der Karls-Universität am 29. August 2022 in Prag...].

¹⁴ Ibid.

¹⁵ See the repeated references Scholz made in one of his interviews to the importance of the United States and the illogical character of the subjectivity of the European Union in this context: "Für mich gilt, dass wir keine nationalen Alleingänge machen, sondern uns eng abstimmen mit den internationalen Partnern, allen voran mit den USA. Es ist für die Sicherheit Europas von größter Bedeutung, dass wir uns eng mit den USA absprechen. Ohne die Vereinigten Staaten wäre Sicherheit in Europa nur schwer zu gewährleisten <...>. Wir brauchen ein geopolitisch souveränes und starkes Europa <...> – eine starke europäische Rüstungsindustrie zum Beispiel und Mehrheitsentscheidungen in der EU zu Fragen der Außenpolitik" [Kanzler im Interview mit dem Tagesspiegel "Wir handeln immer international eng abgestimmt und koordiniert". Bundesregierung. 29 Jan 2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/kanzler-im-tagesspiegel-interview-2161058> (accessed 10 Feb 2023)].

¹⁶ Rede von Bundeskanzler Scholz an der Karls-Universität am 29. August 2022 in Prag...

¹⁷ Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich des 60. Jahrestages der Unterzeichnung des Élysée-Vertrages...

¹⁸ Speech and answers to the questions of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergei Lavrov at the international forum "Primakov Readings", Moscow, December 7, 2022. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1842506/ (accessed 30 Jan 2023).

¹⁹ Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergei Lavrov during a press conference on the results of the activities of Russian diplomacy in 2022, Moscow, January 18, 2023. URL: https://www.mid.ru/press_service/video/view/1848395/ (accessed 23 Jan 2023).

²⁰ Speech and answers to the questions of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergei Lavrov at the international forum "Primakov Readings"...

²¹ Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergei Lavrov to the Big Game program on Channel One, Moscow, December 28, 2022. URL: https://www.mid.ru/press_service/video/view/1845915/ (accessed 7 Feb 2023).

²² Ibid.

(*respect for the sovereign equality of all States*)²³. Apparently, the transition to new relations is part of the evolution of the existing system as *the global majority gradually come to realize that they share the same problems and goals, which they should handle and achieve together*.

The ongoing changes are real, as evidenced by the *new financial and logistical system, which does not depend on the whims and feeling of self-superiority of the collective West and tests the mechanisms that will not be subject to any dictate and abuse*²⁴, as well as by the growth of self-awareness of new centers and individual countries (cf.: [Hufen 2017: 8–15]).

These centers and countries *have a sense of their own dignity, strive to defend their legitimate interests, respect the traditions of their centuries-old, even millennia-old civilizations, and do not want to be "tarred with the same brush" of liberal values*²⁵. These countries *want to secure their own development and will seek to organize democracy in the international arena through equality and respect*.

Russia needs to implement previously agreed priorities in the new conditions: *to ensure the national security <...>, to create the most favorable conditions for socio-economic development, to improve the welfare of citizens*²⁶, *to strengthen sovereignty, and to build new forms of interaction so as not to depend on the West and its <...> neo-colonial methods, i.e., to prevent the destruction of traditional ties between old partners in different regions, their fragmentation, destabilization*²⁷, *and confrontational agenda*.

Probably, the initial changes will be slow until individual centers and countries are able to materialize their goals and interests of into specific agreements. This proposition explains Lavrov's words that *at this stage we are not going to come up with any initiatives. This <...> refers to the discussion of a possible new agreement or agreements in the field of strategic offensive weapons, as well as on mutual security guarantees*²⁸.

However, Sergei Lavrov also mentioned President Putin's initiative for cooperation on the Eurasian continent

and his words that *Asia and the Pacific Ocean are becoming the locomotives of world growth*²⁹.

European Direction of Russia's Foreign Policy

2022 – early 2023 was a preparatory stage that prepared new worldviews for the next stage of multipolar competitive globalization. According to the soft version of O. Scholz *Program of the Future*, Germany is likely to ideologize this process, forcing various states to choose between *us and them* (see [Sindeev 2021] for the justification for the need to change the criteria for assessing partnerships).

Russia relies on a compromise scenario which involves a gradual alignment of the national interests of countries. This scenario consists of several *stages* of updating the principles of equal cooperation: discussing the prospects and projects of cooperation with partners behind closed doors and in open areas; modernizing traditional partnerships and publicizing initiatives; developing and presenting a conceptual understanding of multipolar globalization. The early stages of this long journey will have no major breakthroughs, but its success is inevitable, provided comprehensive work and effective monitoring take place.

The objective nature of the new globalization goals and objectives significantly reduces the *geopolitical sovereignty* of the EU member states. Even before the current stage of the Ukrainian crisis, any dialogue with these countries lost its sense for Russia as the European direction lost its independent significance.

The attempts of Western countries to isolate Russia reveal their intention to prevent other globalization options and alternatives but their own³⁰. It is no coincidence that many Western politicians are exploiting the rhetoric that is not unlike that of Winston Churchill in his Fulton speech and some other statements which marked the early stages of the Cold War.

²³ Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov during a press conference on the results of the activities of Russian diplomacy in 2022...

²⁴ Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov to students and faculty of MGIMO on the occasion of the start of the academic year, Moscow, September 1, 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1828196/ (accessed 4 Feb 2023).

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov during a press conference on the results of the activities of Russian diplomacy in 2022...

²⁸ Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov to the TASS news agency following the results of 2022, December 27, 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1845618/ (accessed 7 Feb 2023).

²⁹ Speech and answers to the questions of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov at the international forum "Primakov Readings"...

³⁰ German historiography does not like alternatives. Actually, the list of alternatives includes only two topics [Gros 1994; Münter 2001]; see also [Schubarth 1987; Steinmetz 2022].

These circumstances provide five hypotheses.

1. The European region is slowly slipping into a state of long-term division and its inherent multifaceted complex conflicts.

2. A new conflict of worldviews turns into a struggle of worldviews. The threat of an ideological split has not become less inevitable even though the artificial classification of modern states and societies into *democratic* and *authoritarian*, observed in the discourse of 2022 – early 2023, has not yet been established.

3. Europe has no a single future globalization model, which fuels the splitting process.

4. The current European direction should be understood as a derivative of success in diversifying the number of partnerships and actual models of cooperation in other regions.

5. The contemporary European centers of gravity are limited in their possibilities to integrate new participants. The current search for partnerships outside of Europe can be considered an objective trend of the time but is unlikely to resolve the whole range of purely European and national problems.

Thus, Russia's foreign policy has two scenarios for its European direction. According to the first scenario, Russia should temporarily abandon the European direction to increase the cooperation with the rest of the world. The optimal result will eventually lead to more favorable conditions of Russian-European partnership and cooperation, when the parties demonstrate their readiness and agreement to engage in a pragmatic dialogue with each other, based on mutual interests and values.

The second scenario provides for the simultaneous development of the European direction as an independent one and its incorporation into other regional directions, depending on the problem complex.

The first scenario seems more probable in the light of the current events: at least, this is the scenario Sergey Lavrov spoke about. However, modernity, unlike other historical eras and transformations, has a unique feature: a huge, highly professional intellectual resource, the knowledge and abilities of which can be useful for the effective management of ongoing processes.

The Role of Historians

Historians can make a significant contribution to the study and expert evaluation of both scenarios because historical community is known for its solidarity, high historiographic culture, and time-tested classical education.

To illustrate this thesis, we should define a possible perspective of the thematic interaction of historians of different specialties. According to the above hypotheses, the following cross-thematic areas of historical research will be true and relevant:

- the history of splits in Europe, European states, and European societies, as well as their consequences;
- worldviews, conflicting worldviews, struggle and dialogue of worldviews, uni-/multivariant and un/productive synthesis of ideas and their consequences [Filitov 2022; Platzeck 2020: 45–54, 83–207; The end of the Cold War... 2021];
- the first stage of globalization in modern history and prospects for European integration (see a German publication [Sindeev 2022]);
- options, types, and patterns of partnerships and collaborations within Europe and individual European countries, as well as societies outside Europe.

For each direction, it is fundamentally important to achieve a common result, either as conclusions or hypotheses, and then correlate this result with both scenarios or propose an authentic scenario³¹.

This will result in a comprehensive historical vision of current processes and recommendations. Such work of large inter-university teams will facilitate the substantiation of the relevance and practical significance of historical R&D (cf. examples of thematic synthesis: [Die Zukunft... 2022; Dynamiken... 2022: 161–166, 173–178; Khreshkevich 2020]). It will also increase R&D indicators and lead to successful grant applications.

The most important result, however, will be that the new European direction of Russia's foreign policy will receive a well-founded basis.

In the current unique situation, the fundamental difference between Russia and European countries may be a more fruitful cooperation between Russian diplomats and representatives of social sciences. Historians play a significant role in this cooperation since the change of paradigms in the context of the historical vision of current processes will make it possible to plan and, if necessary, correct the new European policy of the Russian Federation.

Conclusion

This research results can be divided into two groups. The historical and substantive results include the substantive aspects and ideas from Olaf Scholz's *Program of the Future* and the ideas expressed by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov. The theoretical

³¹ The method of historical comparison can incorporate O. Scholz's Program of The Future and other similar Western programs in a particular historical context. In addition, historians will be able to test them for outdated (borrowed) and new (original) ideas. As a result, Scholz's Program of The Future will lose its air of novelty.

results include the four inter-topical areas of prospective research. The obtained historical and substantive results led to the following conclusion: the European direction of Russia's foreign policy depends on Russia's partnerships outside Europe. This conclusion makes it possible to update future approaches to the European historical studies and the corresponding university discipline. A further development of the four cross-thematic areas of historical research may unite specialists in different historical periods within a department or one university, or as part of inter-university cooperation of historians, to achieve a uniform competitive result.

The main idea of the article is that the *incompleteness* of the European direction of Russia's foreign policy provides historians with a unique chance to increase the significance of the ongoing research.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

References / Литература

- Busse V., Hofmann H. *Bundeskanzleramt und Bundesregierung: Handbuch für Wissenschaft und Praxis*. 8. Auflage. Baden-Baden: Nomos, 2022, 515.
- Böing A. *Die außenpolitischen Debatten in Deutschland um die Raketenabwehrpläne der USA und der NATO während der Amtszeiten der Regierungen Merkel (2005–2017): eine Analyse im Lichte der Spannungsverhältnisse "Westintegration" und "Ostpolitik"*. Münster: Westfälische Wilhelms-Universität, 2018, 731.
- Die Zukunft der Nachkriegsmoderne: Positionen und Projekte*, Hg. Tragbar K. Berlin-München: Deutscher Kunstverlag, 2022, 246.
- Dynamiken des Erinnerns: der Zukunft ein Gedächtnis geben: Festschrift zum 80. Geburtstag von Julius H. Schoeps*, Hg. Kotowski E.-V. Leipzig: Hentrich & Hentrich, 2022, 207.
- Filitov A. M. Bismarck – Wilhelm – Hitler: Continuity or break in tradition? *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2022, (3): 82–90. (In Russ.) [Филитов А. М. Бисмарк – Вильгельм – Гитлер: континуитет или разрыв традиции? *Новая и новейшая история*. 2022. № 3. С. 82–90.] <https://doi.org/10.31857/S013038640020238-9>
- Filitov A. M. The USSR and FRG's "New Ostropolitik". *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, (3): 123–140. (In Russ.) [Филитов А. М. СССР и «Новая восточная политика» ФРГ. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 3. С. 123–140.] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140>
- Gros J. *Entscheidung ohne Alternativen?: Die Wirtschafts-, Finanz- und Sozialpolitik im deutschen Vereinigungsprozess 1989/90*. Mainz: Forschungsgruppe Deutschland, 1994, 202.
- Hildermeier M. *Geschichte Russlands: vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. München: C. H. Beck, 2022, 1504.
- Hufen C. "Was verliert Europa, wenn es Russland verliert?": Anregungen von Fedor Stepun (1884–1965) für eine neue Ostpolitik. Berlin: Helle Panke e. V., 2017, 48.
- Karras A. *Die EU und der Rückzug des Staates Eine Genealogie der Neoliberalisierung der europäischen Integration*. Bielefeld: Transcript, 2009, 277.
- Khrishkevich T. G. "Poor Germans": social and economic inequality in modern Germany. *Klio*, 2020 (8): 87–93. (In Russ.) [Хришкевич Т. Г. «Бедные немцы»: социально-экономическое неравенство в современной Германии. *Клио*. 2020. № 8. С. 87–93.] <https://www.elibrary.ru/wrhpjmj>
- Luks L. *Macht und Ohnmacht der Utopien: Essays zur Geschichte Russlands im 20. und 21. Jahrhundert*. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2022, 383.
- Münter M. *Grüne Alternativen für Europa?: die Europapolitik der Grünen bis 1990*. Berlin: Logos-Verl., 2001, 143.
- Pavlov N. V. *Angela Merkel era*. Moscow: Aspekt Press, 2023, 429. (In Russ.) [Павлов Н. В. Эра Ангелы Меркель. М.: Аспект Пресс, 2023. 429 с.] <https://www.elibrary.ru/werxhs>
- Platzek M. *Wir brauchen eine neue Ostpolitik: Russland als Partner*. Berlin: Propyläen, 2020, 253.
- Schieritz M. *Olaf Scholz: wer ist unser Kanzler?* Frankfurt am Main: S. Fischer, 2022, 174.
- Schmidt H. "Das ist ein starkes Stück, Herr Bundeskanzler!": die Antrittsreden der SPD-Kanzler Olaf Scholz, Gerhard Schröder, Helmut Schmidt, Willy Brandt. Hamburg: Hoffmann und Campe, 2022, 267.
- Schubarth W. *Zur Ausprägung politischer und historischer Kenntnisse und Interessen bei Jugendlichen: Sekundäranalyse*. Leipzig: Zentralinstitut für Jugendforschung, 1987, 43.
- Sindeev A. A. Germany between Trump and Trumpism. *Observer*, 2021, (2): 29–40. (In Russ.) [Синдеев А. А. Германия между Трампом и трампизмом. *Обозреватель*. 2021. № 2. С. 29–40.] https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_2_29

- Sindeev A. A. How to study globalization? (On the discussion started in Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte). *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2022, (1): 18–29. (In Russ.) [Синдеев А. А. Как изучать глобализацию? (О дискуссии, начатой "Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte"). *Новая и новейшая история*. 2022. № 1. С. 18–29.] <https://doi.org/10.31857/S013038640018243-5>
- Sindeev A. A. The formation of Russian foreign policy principles and strategies: S. V. Lavrov as a permanent representative of the Russian Federation to the United Nations Security Council (2000–2004). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2020, (4): 31–42. (In Russ.) [Синдеев А. А. Формирование принципов и подходов внешней политики Российской Федерации: С. В. Лавров на посту постоянного представителя в Совете Безопасности ООН (2000–2004 гг.). *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2020. № 4. С. 31–42.] <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.004>
- Steinmetz W. Empörende Vergleiche im politischen Raum: Formen, Strategien, Geschichte. *Sprache in Politik und Gesellschaft. Perspektiven und Zugänge*, Hg. Kämper H., Plewnia A. Berlin-Boston: De Gruyter, 2022, 73–97. <https://doi.org/10.1515/9783110774306-006>
- Terekhov O. E. Russian-German political relations in 1991–2021 in modern Russian historiography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 292–298. (In Russ.) [Терехов О. Э. Российско-германские политические отношения в 1991–2021 гг. в современной российской историографии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 292–298.] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-292-298>
- The end of the Cold War in representations of its contemporaries and historians, 1985–1991*, eds. Pavlenko O. V., Zhuravleva V. I. Moscow: RSUH, 2021, 299. (In Russ.) [Окончание холодной войны в восприятии современников и историков, 1985–1991, под ред. О. В. Павленко, В. И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 299 с.] <https://www.elibrary.ru/fbupjz>
- Vatlin A. Yu. Germany in 2000–2010. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2010, (6): 18–37. (In Russ.) [Ватлин А. Ю. Германия в 2000–2010 годах. *Новая и новейшая история*. 2010. № 6. С. 18–37.] <https://www.elibrary.ru/loyfeb>

© 2023. Тодыков Е. С.

Реакция СССР на создание Евратома

оригинальная статья

Реакция СССР на создание Евратома

Тодыков Егор Сергеевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

<https://orcid.org/0000-0002-9487-3560>

egorkem42@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.10.2022. Принята после рецензирования 03.11.2022. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: Рассмотрена реакция СССР на создание Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Цель – выделить обоснованные аргументы в советской критике в адрес Евратома с учетом развития ядерных программ ФРГ и Франции. Изучены основные внешнеполитические документы Советского Союза, отражающие реакцию советского руководства на формирование европейских наднациональных структур. Проанализирована первая реакция СССР на планы учреждения Евратома, рассмотрены предложенные советским правительством альтернативные варианты сотрудничества европейских стран по развитию мирной атомной энергетики, показана эволюция советского подхода в отношении к европейской интеграции. Кратко обозначены цели ведущих стран Западной Европы и США в области развития мирной атомной промышленности в Европе. Сделан вывод, что опасения СССР были связаны с членством ФРГ в Евратоме и той ролью, которую играли США в становлении данной организации. Опасения советской стороны частично носили объективный характер, частично были обусловлены идеологическими установками. По прошествии времени Москва заняла более взвешенную позицию по отношению к Евратому и другим интеграционным группировкам в Западной Европе.

Ключевые слова: Евратом, европейская интеграция, внешняя политика СССР, мирный атом, МАГАТЭ

Цитирование: Тодыков Е. С. Реакция СССР на создание Евратома. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 323–330. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-323-330>

full article

Soviet Response to the European Atomic Energy Community (Euratom)

Egor S. Todykov

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0002-9487-3560>

egorkem42@rambler.ru

Received 11 Oct 2022. Accepted after peer review 3 Nov 2022. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: This article discusses the way the USSR reacted to the creation of the supranational European Atomic Energy Community (Euratom). The authors believe that the Soviet criticism of German and French nuclear programs was, at least, partially, objective and non-ideological. The study featured documents on Soviet foreign policy that described the initial reaction of the USSR to the Euratom plans, suggested alternative options for European cooperation in the field of peaceful nuclear energy, and showed the evolution of the Soviet approach to European integration. Western Europe and the United States had their own goals in the development of the peaceful nuclear industry in Europe. The fears expressed by the USSR were related to the membership of the Federal Republic of Germany in Euratom and the role the United States intended to assume in this organization. Eventually, Moscow accepted a more neutral position in relation to the Euratom and other integration processes in Western Europe.

Keywords: Euratom, the European integration, foreign policy of the USSR, peaceful atom, IAEA

Citation: Todykov E. S. Soviet Response to the European Atomic Energy Community (Euratom). *SibScript*, 2023, 25(3): 323–330. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-323-330>

Введение

В 1950-е гг. началось становление мирной ядерной энергетики. Строительство Советским Союзом первой атомной электростанции в Обнинске в 1954 г. шло параллельно с разработкой ядерных реакторов в ведущих странах мира [Тимербаев 1999: 80]. Раньше всех мирная атомная промышленность начала развиваться в СССР, Великобритании и США. Быстрое развитие атомных технологий поставило вопрос о недопущении их перетекания в военную сферу. 8 декабря 1953 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН президент США Д. Эйзенхауэр выступил с программой «Атом ради мира». Американское руководство продемонстрировало желание урегулировать спорные вопросы в области атомной промышленности [Clausen 1993: 30–31]. По плану Вашингтона, необходимо было создать особую организацию – будущее Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) [Bechhoefer 1959: 40–43]. В задачи такой структуры должна была входить «ответственность за получение, хранение и защиту выделяемых в его распоряжение расщепляющихся и других материалов»¹.

Проекты развития мирной ядерной энергетики на интеграционной основе широко обсуждались в странах Западной Европы и вылились в проект создания Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Основоположник европейской интеграции Ж. Монне считал, что создание Евратома поможет решить проблему дефицита энергоресурсов и усилит интеграцию стран Западной Европы. В докладе подгруппы по Евратому под руководством французского промышленника Л. Армана предусматривалось создание общего фонда для финансирования научных разработок стран-участниц в области атомной энергетики, единого рынка сырья и оборудования, научно-исследовательских центров, атомных предприятий, а также введение контроля Евратома над экспортом и распределением расщепляемых материалов. В докладе, однако, не говорилось о запрещении создания ядерного оружия участниками объединения, что вызывало опасения как в СССР, так и в США [Cenevska 2016: 17–19]. Договор о создании Евратома был подписан 25 марта 1957 г. Учредителями нового объединения стали Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург [Nieburg 1963: 598–599]. На создание Евратома повлияли как представления об экономической целесообразности развития атомной энергетики, так и предложенная Д. Эйзенхауэром программа «Атомы ради мира» [Лекаренко 2012: 73–78].

Членом Евратома являлась ФРГ. Западногерманское правительство поддерживало ядерное сотрудничество в форме обмена информацией, функционирования общего рынка атомного оборудования, совместных проектов, но было заинтересовано и в развитии национальной ядерной программы. Промышленные круги ФРГ выступали против монопольного права сообщества на атомное сырье [Bange 2009: 365–366]. ФРГ пыталась развивать сотрудничество с США в области мирного атома на двусторонней основе, что показал визит министра по атомным вопросам ФРГ Ф.-Й. Штрауса в Вашингтон в мае 1956 г. [Nanes 1958: 18–20]. Только разразившийся в октябре 1956 г. Суэцкий кризис помог примирить позиции Франции и ФРГ в вопросах создания Евратома. 6 ноября 1956 г. состоялась встреча премьер-министра Франции Г. Молле и канцлера ФРГ К. Аденауэра, на которой последний согласился с монопольным правом сообщества на распределение ядерного топлива, за исключением случаев дефицита и неудовлетворительных цен [Акульшина 2003: 271–272]. Участие Бонна в создании Евратома имело большое значение для сдерживания национальной ядерной программы ФРГ.

Вопросы создания и дальнейшего функционирования Евратома до сих пор вызывают большой интерес среди отечественных и зарубежных исследователей. Учреждение Евратома изучали Дж. Криге, П. Клаузен, О. Г. Лекаренко [Лекаренко 2019а]. Исследованием советской реакции на планы создания Евратома занимались Е. О. Обичкина и М. А. Липкин. Х. Мюллер и Дж. Хельмрайх акцентировали внимание на влиянии политики нераспространения ядерного оружия на создание Евратома. Цель данного исследования заключается в выявлении объективной основы советской критики в адрес Евратома.

Первая реакция советской дипломатии на планы создания Евратома

В работах советских историков проблема создания будущих европейских организаций (Евратома и Европейского экономического сообщества – ЕЭС, Общий рынок), по мнению Е. О. Обичкиной, была освещена без выявления какой-либо противоположной позиции публичным заявлениям советского внешнеполитического ведомства [Обичкина 2008]. Одной из первых реакций советского правительства стало выступление министра иностранных дел Д. Т. Шепилова на сессии Верховного Совета СССР 12 февраля 1957 г. Руководитель внешнеполитического ведомства выразил мнение, что руководство

¹ Речь президента Соединенных Штатов г-на Дуайта Д. Эйзенхауэра на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1953 г. URL: <https://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm> (дата обращения: 11.09.2021).

Западной Германии обретет наибольшую выгоду от создания Евратома, что позволит военным кругам ФРГ получить доступ к ядерному оружию. При этом в своем выступлении Д. Т. Шепилов выразил точку зрения, что правительство Великобритании хочет ускорить процесс европейской интеграции. В свете современной историографии вопроса такая позиция была неверной, т. к. изначально Лондон стремился затормозить процесс создания европейских наднациональных организаций. Власти Парижа и Бонна были основными инициаторами европейской интеграции. Катализатором интеграционного процесса стали события, связанные с Суэцким кризисом 1956 г. [Липкин 2016: 256–257].

Еще до начала кризиса на конференции министров иностранных дел в Венеции 29–30 марта 1956 г. было выявлено множество разногласий между западно-европейскими странами. Франция была больше заинтересована в создании наднациональной организации в сфере атомной энергетики, а представители Западной Германии настаивали на одновременном учреждении ЕЭС и Евратома². В разгар Суэцкого кризиса немецкая сторона поддержала прекращение боевых действий Францией, рассчитывая на то, что Париж «разменяет Суэц на Европу» [Лекаренко, Румянцев 2009; Пелипас 2003]. Западногерманские и французские лидеры смогли найти компромисс – в ФРГ были готовы пойти на уступки в вопросах создания Общего рынка, а Франция проявила готовность оказать помощь в развитии мирного атома в Западной Германии. Благодаря достигнутому компромиссу, страны Западной Европы смогли продолжать переговоры о создании ЕЭС и Евратома [Helmreich 1991: 404].

20 февраля 1957 г., накануне подписания Римских договоров, Комитет Информации и Первый Европейский отдел МИДа СССР направил заместителю министра иностранных дел СССР А. А. Громыко проект предложений советской реакции на создание ЕЭС и Евратома. Предложение, в отличие от итогового заявления от 16 марта 1957 г., имело более конструктивный, нежели критический характер. Советское руководство предлагало свой вариант объединения Европы в форме, близкой к зоне свободной торговли, однако с главным акцентом на ядерном сотрудничестве европейских стран [Липкин 2016].

К тому времени СССР принял активное участие в создании МАГАТЭ, устав которого был подписан 26 октября 1956 г. Обладая достаточно серьезным опытом в области разработок и использования мирного атома, Москва рассчитывала расширить сферу влияния в области атомной промышленности. В 1956 г. был создан Объединенный институт ядерных исследований в Дубне, участниками которого стали 12 стран Европы и Азии (в основном это были социалистические или развивающиеся страны, дружественно настроенные по отношению к СССР), доступ к данной организации был открыт для других государств³.

В апреле 1956 г. на XI сессии Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН представители Советского Союза выступили с инициативой создания общеевропейской организации по проблемам использования атомной энергии в мирных целях при ЕЭК ООН. В июле того же года Москва предложила создать первую конференцию европейских стран по созданию общеевропейской региональной организации в области атомной энергетики. Примечательно, что советский план предусматривал сотрудничество и с США, т. к. советская дипломатия учитывала боязнь западноевропейцев потерять поддержку Вашингтона [Липкин 2016: 259]. Власти США и Советского Союза в равной степени стремились повлиять на западноевропейские правительства в своих интересах. В Западной Европе, напротив, стремились к самостоятельному развитию, особенно это проявлялось в политике Франции⁴.

СССР предлагал сотрудничество по 6 направлениям:

- 1) создание общеевропейского центра атомной энергии, а также различных исследовательских институтов;
- 2) все страны Европы должны были вести сотрудничество в области строительства атомных электростанций;
- 3) важная роль отводилась кооперации государств при строительстве крупных гидроэлектростанций;
- 4) сотрудничество стран в развитии промышленных предприятий энергетического сектора;
- 5) все европейские государства, заинтересованные в мирном атомном сотрудничестве, могли бы вступить в новую структуру;
- 6) все участники союза должны были оказывать финансовую помощь новой структуре для развития европейских стран.

² 166. Letter from the Chairman of the Atomic Energy Commission (Strauss) to the Secretary of State. Washington, 13 Apr 1956. *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Vol. IV. Western European security and integration*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v04/d166> (accessed 11 Jan 2022).

³ История создания ОИЯИ в решениях ЦК КПСС. 1955–1958, сост.: Б. М. Старченко, Ю. Г. Шиманская, И. Ю. Щербакова. Дубна: ОИЯИ, 2015. 55 с.

⁴ Letter from Pierre Gaston Billotte to Edgar Faure (Paris, 24 January 1956). URL: https://www.cvce.eu/en/recherche/unit-content/-/unit/02bb76df-d066-4c08-a58a-d4686a3e68ff/c352685e-4408-4df8-a6f2-2a9385794936/Ressources#9cddb8b0-9757-42a3-9f5e-6f5d29d66b33_en&overlay (accessed 23 Jan 2022).

Такие направления показывали, что власти Советского Союза рассчитывали сместить внимание Бонна в области ядерной энергетики на структуры, где СССР имел большое влияние. При этом Москва заявляла об общеевропейской направленности советского подхода, что позволило бы преодолеть раскол Европы.

Несмотря на мнение МИДа, против такой инициативы выступило министерство среднего машиностроения (отвечающего за производство атомного оружия) в лице заместителя министра Б. Л. Ванникова и министра Е. П. Славского. Они считали, что создание общего научного центра и строительства предприятий по производству атомной энергии приведет к «лишним» обязательствам СССР. Напротив, А. А. Громыко от лица МИДа настаивал, что идеи, выдвинутые министерством, не несут нежелательных обязательств и должны остаться, т. к. «с точки зрения воздействия на общественные круги западноевропейских стран данные предложения могли бы иметь положительное значение» [Липкин 2016: 261]. В итоге, начиная с 1956 г. в политике советского МИДа прослеживался вектор, направленный на объединение Европы под эгидой атомного сотрудничества. Помимо пропагандистской направленности такой политики, можно отметить прагматические шаги внешнеполитического ведомства СССР в данном направлении, такие как включенность в международные структуры и постепенная конкретизация советских предложений. Будучи заместителем министра иностранных дел, А. А. Громыко предлагал перейти от негативного подхода в советской внешней политике к более конструктивному, поэтому дипломаты выступили не только с критикой создания Общего рынка и Евратома, но и предложили свои планы общеевропейского сотрудничества [Липкин 2016: 261–262].

Однако само предложение министерства иностранных дел стало невыполнимой задачей, т. к. планировалось создать площадку для диалога уже в апреле 1957 г. на XII сессии ЕЭК ООН, а записка А. А. Громыко, где такие предложения были изложены, была написана 7 марта. Даже при согласии западноевропейских государств организовать такую международную конференцию было невозможно. Советские предложения были направлены больше не на официальные круги будущих стран-участниц Евратома, а на общественность, выступающую нейтрально или отрицательно по отношению к созданию Евратома и Общего рынка. В рамках неофициальных каналов давления на западноевропейские правительства в записке А. А. Громыко была отмечена

возможность использования Восточной Германии, а именно по неофициальным каналам довести до сведения французского правительства следующее: если ФРГ получит доступ к ядерным вооружениям, то Москва будет вынуждена дать такие же технологии ГДР в целях «пресечения агрессивных акций со стороны реваншистских и милитаристских кругов ФРГ» [Липкин 2016: 266].

В итоговом тексте советская сторона заняла достаточно критическую позицию по отношению к плану создания Евратома и участия США в данной инициативе. Министерство иностранных дел СССР в своем заявлении от 16 марта 1957 г. выразило опасение, что вся деятельность Агентства будет подчинена интересам НАТО, что только усугубит раскол Европы и усилит конфронтацию между Востоком и Западом. Помимо этого, Москва указывала, что учреждение данной организации станет препятствием на пути восстановления национального единства германского народа, т. к. ФРГ будет еще больше втянута в систему замкнутых военных группировок западных держав. В Москве опасались, что создание Евратома предоставит ФРГ возможность получить доступ к ядерному оружию. По мнению советских дипломатов, расчет Западной Европы на контроль ФРГ с помощью создания Евратома был утопичен, как и надежды на то, что создание европейской организации ослабит экономическую зависимость европейских стран от США⁵.

Эволюция отношения СССР к европейской интеграции

В дальнейшем такие оценки показали свои слабые и сильные стороны. В краткосрочной перспективе Евратом действительно был зависим от покупки обогащенного урана из США. Политика предотвращения развития национальных ядерных программ себя не оправдала, т. к. в середине 1950-х гг. Франция взяла курс на создание атомного оружия, что привело к ее вхождению в «ядерный клуб» в 1960 г. В долгосрочной перспективе Евратом не стал ведущей структурой в процессе европейской интеграции. Многие задачи нового интеграционного объединения в сфере атомной энергетики так и не были выполнены [Cohen 1959: 79–81]. Через два года после Суэцкого кризиса энергетическая ситуация в Европе радикально изменилась. Открытие новых месторождений нефти и газа, а также реорганизация угольной промышленности способствовали сохранению значения традиционных источников энергии. Себестоимость ядерной энергии оказалась достаточно высокой [Polach 1964: 115–119].

⁵ Заявление Министерства иностранных дел СССР о планах создания Евратома и «общего рынка». 16.03.1957. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/memorandum_from_the_minister_of_foreign_affairs_of_the_ussr_16_march_1957-en-c14aead9-9718-40c5-86ac-4f0ddb78ff0.html (дата обращения: 23.01.2022).

Только после энергетического кризиса 1973 г. атомная энергетика стала конкурентоспособной. Несбывшиеся ожидания в отношении Евратома подтолкнули американское руководство переориентировать свое внимание на интеграцию Западной Европы посредством усиления Общего рынка, а не атомного сотрудничества стран Западной Европы. Проблема недопущения западно-германской военной ядерной программы была урегулирована на долгосрочной основе после присоединения правительства Западной Германии к режиму нераспространения ядерного оружия [Тодыков 2021; Muller 2020]. Таким образом, советские опасения во многом оказались преувеличенными.

В ответ на советскую критику в связи с созданием Евратома правительство ФРГ 29 апреля 1957 г. опубликовало заявление. Во-первых, правительство Западной Германии выразило желание усиливать сотрудничество в области мирной атомной промышленности в Европе без усиления военного потенциала страны. Во-вторых, в Бонне парировали, что новая организация не вызовет раскол в Европе, т.к. другие европейские державы могут также присоединиться к данной структуре. Далее указывалось, что искусственное разделение Европы было связано с влиянием СССР на страны ОВД, в частности на ГДР, где, по мнению Бонна, не были проведены свободные выборы⁶.

Советское заявление в связи с созданием Евратома было вызвано опасениями относительно целей его участников. Все государства, кроме Франции, концентрировали свое внимание на развитии мирной атомной промышленности. В Париже, напротив, рассчитывали и на развитие военного сектора в целях создания европейского «атомного щита». Еще одна проблема функционирования Евратома была связана с контролем над атомной промышленностью государств-участников – только во Франции и Италии атомные электростанции были национализированы. В Люксембурге, Бельгии, ФРГ и Нидерландах часть атомной промышленности была частной. Также инспекторы Евратома не могли контролировать военные объекты стран-членов объединения⁷.

Серьезным вопросом в рамках контроля над развитием мирной атомной промышленности была проблема взаимодействия региональной организации в лице

Евратома с Международным агентством по атомной энергии. На первом этапе, в конце 1950-х – 1960-е гг., контакты между этими двумя организациями имели достаточно ограниченный характер. В основном представители Евратома принимали участие в различных научных совещаниях, организуемых МАГАТЭ. При этом европейская организация стремилась усилить сотрудничество с международной организацией, предоставляя возможность сотрудникам МАГАТЭ проходить стажировку в ведущих научно-исследовательских ядерных учреждениях Евратома. Само сотрудничество в сфере атомной промышленности вызывало множество опасений, т.к. материалы, используемые в ядерной энергетике, могут быть применены и в военных целях. Поэтому перед организациями такого типа стояла важная задача предотвращения распространения ядерного оружия. В этой связи советское руководство рассчитывало на то, что у европейских политиков и представителей МАГАТЭ возникнут сомнения по поводу устойчивости Евратома как гаранта безопасности и демилитаризации атомной промышленности в странах Западной Европы [Лекаренко 2019b; Krige 2015].

С июня 1958 г. главой Франции стал Шарль де Голль, в стране активизировались исследования в области ядерного вооружения. В феврале 1960 г. в Пятой республике были проведены первые ядерные испытания [Cho 2013]. Такое развитие ядерной программы Парижа вызвало неоднозначную реакцию как в Европе, так и в обеих сверхдержавах. С одной стороны, Франция стремилась к большей самостоятельности в атомной сфере, но рассчитывала сохранить свой научный потенциал в данной области и минимизировать поставки оборудования и сырья в государства-партнеры. С другой стороны, она была заинтересована в развитии сотрудничества в рамках Евратома. Поддержка Евратома была связана с рядом причин. С помощью Евратома власти Елисейского дворца стремились активизировать национальную атомную программу за счет активной торговли и инвестиций стран «шестерки». В создании Евратома Париж усматривал возможность предотвращения развития ядерной программы ФРГ, которая могла бы опередить Францию в разработках атомного оружия путем сотрудничества с США⁸.

⁶ Gemeinsame Antwort auf die Erklärung der Regierung der UdSSR zum Gemeinsamen Markt und Euratom. 29 Apr 1957. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/french_and_german_responses_to_the_soviet_government_statement_on_the_plans_to_establish_euratom_and_the_common_market_paris_29_april_1957-en-113ad9b0-9df9-48bc-87d5-892ce0049586.html (accessed 26 Jan 2022).

⁷ French nuclear policy betwixt the United States and Europe' from *Le Monde*. 1 Dec 1969. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/french_nuclear_policy_betwixt_the_united_states_and_europe_from_le_monde_1_december_1969-en-3d2294ed-126c-4eff-a6c6-d9c8085ef836.html (accessed 26 Jan 2022).

⁸ Position of Maurice Bourgès-Maunoury on the military use of nuclear energy (Paris, August 1956). URL: https://www.cvce.eu/en/recherche/unit-content/-/unit/02bb76df-d066-4c08-a58a-d4686a3e68ff/c352685e-4408-4df8-a6f2-2a9385794936/Resources#6886e326-3285-4c73-871f-758513226129_en&overlay (accessed 26 Jan 2022).

Опасения советской стороны, связанные с влиянием США на Евратом, имели объективную основу. Франция пыталась продвинуть строительство реакторов на тяжелой воде, в которых можно было использовать природный уран. США в свою очередь предложили помощь в строительстве реакторов на легкой воде с использованием обогащенного урана. Так как собственных ресурсов у европейских стран, в том числе у Франции, не хватало, в ноябре 1958 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Евратомом и США. В рамках соглашения планировалось строительство в странах «шестерки» атомных электростанций американского типа. Европейские страны по-прежнему закупали у Соединенных Штатов обогащенный уран по выгодным ценам. В 1969 г., после ухода Ш. де Голля с поста президента, Франция полностью отказалась от планов создания реакторов на природном уране, поскольку это оказалось слишком дорогостояще⁹.

Итоги соглашения между США и Евратомом, однако, оказались достаточно скромными, как и деятельность Евратома в целом. В Италии важную роль в энергетике страны продолжала играть нефтяная отрасль. Крупные немецкие энергетические концерны предпочитали сотрудничать с американскими партнерами, обладавшими более передовыми технологиями, чем Евратом¹⁰.

Несмотря на ожидания разобщенности стран Западной Европы, советская дипломатия получила прямо противоположный результат. Основной тезис ранее упоминаемой ноты западногерманского правительства от 29 апреля 1957 г. совпадал с мнением представителей Франции и Бельгии. Общей стала позиция западноевропейских держав о нецелесообразности создания альтернативных Римским соглашениям организаций, т. к. социально-экономические системы стран Восточной и Западной Европы отличались. Помимо этого, европейские дипломаты отмечали, что несмотря на заверения о стремлении к мирному развитию Европы, Москва заняла критическую позицию по отношению к основным принципам сотрудничества стран «шестерки».

В отличие от западногерманских представителей, французский посол Морис Дежан при вручении ноты правительства Франции советскому внешнеполитическому ведомству прокомментировал ряд пунктов документа в беседе с заведующим Первым европейским отделом МИДа СССР А. О. Арутюняном.

В своей речи представитель Французской республики выразил мнение, что Советский Союз, с одной стороны, проводит политику ослабления напряженности, а с другой стороны, участвует в обострении конфликта на Ближнем и Среднем Востоке. Таким образом, М. Дежан отметил позицию СССР, связанную с поддержкой Египта в вопросе о принадлежности Суэцкого канала, что способствовало вытеснению Франции и Великобритании с данной территории, а впоследствии привело к усилению влияния США. Французский дипломат выделил два последствия Суэцкого кризиса: 1) отсутствие альтернативы участию Франции в создании единой экономики западноевропейских государств; 2) важность развития собственной ядерной программы для усиления роли Европы в мировой политике [Черкасов 2016: 267–270].

Помимо официальной реакции МИДа, проблема создания Евратома обсуждалась советским академическим сообществом. Так, в апреле 1957 г. в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) состоялись дискуссии, в ходе которых большинство советских исследователей выразили негативное отношение к вопросам европейской интеграции в области экономики и атомной промышленности. В основном советские ученые рассматривали новую европейскую структуру как сугубо проамериканский проект, который сделает страны Западной Европы легкоуправляемыми для Вашингтона. Ученые также считали, что цель создания Общего рынка и Евратома имеет под собой антисоциалистическую и военную направленность [Липкин 2016: 148–150].

Дискуссии по поводу развития европейской интеграции продолжались. Постепенно в Институте мировой экономики и международных отношений пришли к выводу, что категоричные оценки конференции в апреле не совсем сходятся с действительностью. Таким образом, А. А. Арзуманян в статье 1959 г. под названием «Социально-экономические и политические причины интеграции» выразил мнение, что интеграция Европы связана не только с интересами властей ФРГ и США, но и с объективными экономическими причинами [Черкасов 2016: 150–151].

Постепенно стратегия МИДа СССР претерпела изменения, что показывает аналитический документ «К вопросу о позиции стран социалистического лагеря в отношении экономических организаций западно-

⁹ 'French nuclear policy betwixt the United States and Europe' from *Le Monde*. 1 Dec 1969. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/french_nuclear_policy_betwixt_the_united_states_and_europe_from_le_monde_1_december_1969-en-3d2294ed-126c-4eff-a6c6-d9c8085ef836.html (accessed 26 Jan 2022).

¹⁰ The nuclear age is also beginning in West Germany' from the *Süddeutsche Zeitung*. 6 Mar 1957. URL: https://www.cvce.eu/obj/the_nuclear_age_is_also_beginning_in_west_germany_from_the_suddeutsche_zeitung_6_march_1957-en-4136f50f-e380-4e13-8a18-8a76ac875518.html (accessed 26 Jan 2022).

европейских стран» от 12 сентября 1957 г. Новая позиция СССР была связана с тем, что дипломаты постарались дифференцировать наднациональные организации Европы на более или менее приемлемые, допускалась возможность сотрудничества с новыми интеграционными образованиями. Советское внешнеполитическое ведомство признавало необратимость существования новых европейских структур, а также учитывалось, что страны Западной Европы в условиях современной международной системы не могут решать вопросы экономики и безопасности в одиночку. В МИДе признали экономическую целесообразность создания ЕЭС и Евратома. Исходя из этого, предлагалось поменять основную переговорную линию советской дипломатии с негативного подхода на конструктивный [Липкин 2016: 278–285].

В рамках данного анализа руководству СССР необходимо было занять «гибкую позицию» по отношению к интеграционным процессам в Европе [Florinsky 1959]. Политика должна была быть направлена на усиление общеевропейского сотрудничества, а в центре критики необходимо было поставить не объективный факт существования наднациональных структур, а только конкретные негативные стороны их практической деятельности, способствующей укреплению НАТО, препятствованию общеевропейскому сотрудничеству и т.д.

Помимо этого, советская европейская стратегия могла подразумевать возможность сотрудничества с новыми организациями, такими как ЕЭС и Евратом. Такая политика должна была проводиться с осторожностью, с учетом желания Вашингтона и Западной Европы вовлечь в структуры Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), ЕЭС и Евратома страны Восточной Европы, в частности Польшу и Чехословакию, с целью ослабления связей этих стран с Советом экономической взаимопомощи и СССР.

Литература / References

- Акульшина А. В. Франция и Германия в новом европейском старте в 1956–1958 годах: (К истории создания Евратома). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2003. № 1. С. 267–276. [Akulshina A. V. France and Germany in a new European start in 1956–1958: the case of Euratom. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2003, (1): 267–276. (In Russ.)]
- Лекаренко О. Г. Зарубежная историография об американской поддержке создания Евратома. *Американский ежегодник*. 2019а. № 2018/2019. С. 277–283. [Lekarenko O. G. Foreign historiography on American support of Euratom. *Amerikanskii ezhegodnik*, 2019а, (2018/2019): 277–283. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyjgjk>
- Лекаренко О. Г. Создание Евратома и проблема ядерных гарантий. *Вестник Томского государственного университета*. 2019б. № 449. С. 149–155. [Lekarenko O. G. The establishment of Euratom and the problem of nuclear safeguards. *Tomsk State University Journal*, 2019б, (449): 149–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/449/18>
- Лекаренко О. Г. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955–1963 гг. Томск: ТГУ, 2012. 408 с. [Lekarenko O. G. *The United States and the process of unification of the countries of Western Europe in 1955–1963*. Tomsk: TSU, 2012, 408. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpxtzb>

Заключение

В ответ на создание Евратома советское внешнеполитическое ведомство предложило альтернативные Римским договорам варианты сотрудничества европейских стран в области мирного атома, в которых Советский Союз мог бы влиять на политику западно-европейских государств. Западные державы, напротив, не видели оснований для общеевропейского сотрудничества в связи с разными политическими режимами в странах Западной и Восточной Европы и из-за боязни влияния Москвы в таких структурах. В итоге, МИД СССР занял критическую позицию по отношению к созданию Евратома. Данная организация, по мнению советского внешнеполитического ведомства, могла усилить давление США на Европу, привести к углублению раскола региона по линии Восток – Запад, милитаризации ФРГ. Советские опасения в связи с потенциальной возможностью развития западногерманской военной ядерной программы разделялись западными странами. Проект создания Евратома в том числе был направлен на установление контроля над ФРГ. Аргументы советской стороны о влиянии США на страны Западной Европы были заметно преувеличенными. В дальнейшем позиция Москвы претерпела изменения, дипломаты заняли более конструктивную линию, включающую в себя сотрудничество в некоторых сферах с новыми интеграционными структурами Западной Европы и признание объективных причин их создания.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- Лекаренко О. Г., Румянцев В. П. США, Суэцкий кризис 1956 г. и развитие европейской интеграции. *Американские исследования в Сибири*, отв. ред. В. П. Румянцев. Томск: ТГУ, 2009. Вып. 10. С. 127–138. [Lekarenko O. G., Rumyantsev V. P. The United States, Suez Crisis of 1956 and development of European integration. *American Research in Siberia*, ed. Rumyantsev V. P. Tomsk: TSU, 2009, iss. 10, 127–138. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpluiv>
- Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с. [Lipkin M. A. *The Soviet Union and integration processes in Europe: mid-1940s – late 1960s*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016, 560. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ytjxsv>
- Обичкина Е. О. СССР и становление «малой Европы»: реакция на римские договоры 1957 года. СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957), отв. ред. М. М. Наринский. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 217–231. [Obichkina E. O. The USSR and the formation of "small Europe": a reaction to the Roman treaties of 1957. *USSR, France, and the unification of Europe (1945–1957)*, ed. Narinski M. M. Moscow: MGIMO University, 2008, 217–231. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pjdqnd>
- Пелипас М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск: ТГУ, 2003. 364 с. [Pelipas M. Ya. *Chained: The USA and Britain in the Near and Middle East 1945–1956*. Tomsk: TSU, 2003, 364. (In Russ.)]
- Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение: 1945–1968. М.: Наука, 1999. 383 с. [Timerbaev R. M. *Russia and nuclear nonproliferation: 1945–1968*. Moscow: Nauka, 1999, 383. (In Russ.)]
- Тодыков Е. С. Место ФРГ в политике США по нераспространению ядерного оружия. Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее: XVI Всерос. (с междунар. уч.) науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. (Томск, 21–23 апреля 2021 г.) Томск: ТГУ, 2021. С. 449–455. [Todykov E. S. The position of Germany in the US policy on the non-proliferation of nuclear weapons. *Social and humanitarian research today: unpredictable past, uncertain future: Proc. XVI All-Russian (with Intern. participation) Sci. Conf. students, undergraduates, graduate students and young scientists*, Tomsk, 21–23 Apr 2021. Tomsk: TSU, 2021, 449–455. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ecnwecg>
- Черкасов П. П. ИМЭМО. Очерк истории. М.: Весь Мир, 2016. 872 с. [Cherkasov P. P. *ИМЭМО. History outline*. Moscow: Ves Mir, 2016, 872. (In Russ.)]
- Bange O. NATO as a framework for nuclear nonproliferation: The West German case, 1954–2008. *International Journal*, 2009, 64(2): 361–382.
- Bechhoefer B. G. Negotiating the Statute of the International Atomic Energy Agency. *International Organization*, 1959, 13(1): 38–59.
- Cenevska I. *The European Atomic Energy Community in the European Union context: the "outsider" within*. Leiden: Brill Nijhoff, 2016, 366.
- Cho E. Euratom: bridging "rapprochement" and "radiance" of France in the post-war. *Journal of International and Area Studies*, 2013, 20(2): 51–65. <http://doi.org/10.23071/jias.2013.20.2.51>
- Clausen P. A. *Nonproliferation and the national interest. America's response to the spread of nuclear weapons*. NY: Harper Collins College Publishers, 1993, 222.
- Cohen K. EURATOM. *The Journal of Industrial Economics*, 1959, 7(2): 79–86.
- Florinsky M. T. The U.S.S.R. and West Europe. *Current History*, 1959, 36(2): 1–6.
- Helmreich J. E. The United States and the formation of EURATOM. *Diplomatic History*, 1991, 15(3): 387–410.
- Krige J. Euratom and the IAEA: the problem of self-inspection. *Cold War History*, 2015, 15(3): 341–352. <http://dx.doi.org/10.1080/14682745.2014.999046>
- Müller H., Wunderlich C. Nuclear disarmament without the nuclear-weapon states: The Nuclear Weapon Ban Treaty. *American Academy of Arts & Sciences*, 2020, 149(2): 171–189. https://doi.org/10.1162/DAED_a_01796
- Nanes A. The evolution of Euratom. *International Journal*, 1958, 13(1): 12–20. <https://doi.org/10.1177/002070205801300102>
- Nieburg H. L. EURATOM: a study in coalition politics. *World Politics*, 1963, 15(4): 597–622. <https://doi.org/10.2307/2009458>
- Polach J. G. *EURATOM: its background, issues and economic implications*. NY: Oceana Publications Inc., 1964, 232.

оригинальная статья

Политическая социализация советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии (на примере международных визитов)

Турыгин Александр Александрович
Костромской государственный университет, Россия,
Кострома
<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>
Scopus Author ID: 57219485475
aturigin@mail.ru

Куприянов Борис Викторович
Московский городской педагогический университет,
Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>
Scopus Author ID: 57131078100

Талалаев Артём Александрович
Костромской государственный университет, Россия,
Кострома
<https://orcid.org/0000-0003-4891-287X>

Поступила в редакцию 29.01.2023. Принята после рецензирования 07.03.2023. Принята в печать 13.03.2023.

Аннотация: Статья раскрывает понятие *политическая социализация советских школьников* на примере детской публичной дипломатии в 1980-е гг. (1982–1986 гг.). Детская дипломатия рассматривается в фокусе международных визитов (С. Смит, К. Лычёва), оставляя за рамками предмета исследования другие факторы политической социализации, такие как еженедельные политинформации, мероприятия по сбору средств для голодающих детей Африки и Никарагуа, интернациональную переписку. Обращение к международным визитам представляет ценность с точки зрения практического опыта взаимодействия советских детей с иностранцами. Главными акторами этого взаимодействия стали дети. В статье сделана попытка понять детскую дипломатию в первую очередь с точки зрения теоретического (символического) осмысления этого относительно нового для современной российской историографии феномена. Сделан вывод, что политическая социализация под влиянием идеологии трансформировала детскую повседневность, вытеснив из нее свободу выбора и возможности, соответствующие детскому возрасту. Опыт детской дипломатии с учетом потенциальных возможностей и недостатков позволил сформулировать проблемные аспекты политической социализации. Анализ практики детской дипломатии также показал наличие напряженности между публичным и частным измерением международной политики, актуализировал фактор транснациональной международной активности в развитии двусторонних советско-американских отношений. Обращение к личному опыту детей, источником для изучения которого стали их собственные воспоминания, воспоминания современников, публикации в прессе, позволило оценить проект детской дипломатии как не до конца реализованный, отклонившийся от своего первоначального сценария, выходящий из-под прямого контроля политических элит, главным образом из-за особенностей детской психологии и непосредственности поведения детей, что проявилось в пространстве международной политики. Представленный общественности как начавшийся спонтанно детский международный диалог в конечном счете приобрел форму именно политической технологии. Тем не менее такая политическая технология оказалась зависима от специальных ресурсов и затрат на политическую социализацию советских детей, поскольку впервые речь зашла не о недостижимых «заграничных друзьях», с которыми можно было общаться по переписке, а о реальном живом общении. Технология оказалась уязвима ввиду специфики детского восприятия реальности и поведения самих участников международных визитов.

Ключевые слова: политическая социализация, советские дети, публичная детская дипломатия, Дети как миротворцы, политическая идеология, интернациональные визиты, движение за мир, холодная война, историография, история повседневности

Цитирование: Турыгин А. А., Куприянов Б. В., Талалаев А. А. Политическая социализация советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии (на примере международных визитов). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 331–342. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-331-342>

full article

Political Socialization of Soviet Schoolchildren as Part of Children's Public Diplomacy: International Visits

Alexander A. Turygin

Kostroma State University, Russia, Kostroma

<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Scopus Author ID: 57219485475

aturigin@mail.ru

Boris V. Kupriyanov

Moscow City Teacher Training University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>

Scopus Author ID: 57131078100

Artyom A. Talalaev

Kostroma State University, Russia, Kostroma

<https://orcid.org/0000-0003-4891-287X>

Received 29 Jan 2023. Accepted after peer review 7 Mar 2023. Accepted for publication 13 Mar 2023.

Abstract: The article describes the concept of political socialization of Soviet schoolchildren based on children's public diplomacy in 1982–1986. The authors concentrated on the international visits made by Samantha Smith and Yekaterina Lychyova. The research did not involve other factors of political socialization, e.g., weekly political information, fundraising events for the starving children of Africa and Nicaragua, foreign pen-pals, etc. These international visits provided valuable practical experience of interaction between Soviet and foreign children. Children's diplomacy is a relatively new phenomenon for Russian historiography, and the authors attempted to define its theoretical and symbolic meaning. The ideology-affected political socialization transformed children's everyday life, depriving it of the freedom of choice and opportunities. The analysis of children's diplomacy with its potential opportunities and shortcomings made it possible to determine the bottlenecks of political socialization. It revealed the tension between the public and private dimensions of international politics and actualized the factor of transnational activity in the development of bilateral Soviet-American relations. The research relied on the personal experience of those children, their memories, memoirs of their contemporaries, media publications, etc. The project of children's diplomacy failed because it deviated from its original scenario. Every time the process was out of direct control of political elites, children's psychology and behavior interfered with the plan.

Keywords: political socialization, Soviet children, children's public diplomacy, Children as Peacekeepers, political ideology, international visits, peace movement, Cold War, historiography, the history of everyday life

Citation: Turygin A. A., Kupriyanov B. V., Talalaev A. A. Political Socialization of Soviet Schoolchildren as Part of Children's Public Diplomacy: International Visits. *SibScript*, 2023, 25(3): 331–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-331-342>

Введение

Понятие *политическая социализация* характеризует процесс формирования политической идентичности через стандарты и модели поведения, способствующие функционированию политической системы. Его содержательную сторону составляют идеи, представления и ценности, способствующие становлению политических ориентаций, сознания и отношений к себе и обществу. Через агентов политической социализации, таких как семья, школа, масс-медиа, политические организации и партии, на всем протяжении жизни человек усваивает и начинает транслировать определенный уровень политической культуры [Montandon, Beebe 1989].

Одним из инструментов политической социализации является общение, специфический исторический контекст которого можно обнаружить в пространстве детской публичной дипломатии. В то время как

эксплицитные рамки понятия *детская дипломатия* прямо указывают на международный аспект такого общения, его имплицитные свойства подразумевают внутреннюю готовность ребенка транслировать нормы и ценности конкретной политической системы. Формирование этой готовности в контексте детской дипломатии означало целенаправленное создание и погружение ребенка в чувствительную воспитывающую ситуацию, учитывающую возрастные особенности, для последующей ретрансляции им сложного идеологического информационно-символического контента.

Пример советских и американских школьников в позднюю фазу холодной войны СССР и США убедительно доказывает, что детская публичная дипломатия становится инновационным средством политической социализации.

Детская дипломатия как феномен международной общественно-политической реальности 1980-х гг. представляет собой специфическую коммуникационную сферу взаимодействия между странами, основными акторами которого являлись дети, наделенные неформальной международно-правовой субъектностью. Предлагаемое авторами статьи определение основывается на ряде соображений:

1) его актуальность связана с незавершенностью дискуссий о детской дипломатии и ее институциональных характеристиках;

2) в современных общественных науках возрастает понимание *политического* через осмысление политической роли тех субъектов и институтов, которые традиционно исключались из процесса принятия политических решений (семья, школа, церковь, дети, женщины и др.);

3) в связи с возрастанием конфликтности современных международных отношений, что активизирует поиск новых, неформальных каналов ее преодоления.

Кроме соображений об актуальности детской дипломатии, важным условием понимания ее природы остается соотнесение с историческим контекстом 1980-х гг. Представляется, что принципиальной характеристикой исторического контекста в рамках исследования данного феномена является изменение представлений о детстве: от футурологических установок на будущее, где детство понималось как временный этап, который нужно было быстро преодолеть, чтобы помочь взрослым строить новый мир, до целенаправленного и систематического приучения к ответственному участию в социальной жизни в соответствии с конкретным возрастом [Макинтайр 2000: 224].

Взаимная заинтересованность в преодолении стереотипического представления у главных антагонистов холодной войны представляется еще одной исторической характеристикой 1980-х гг. [Бережков 1988; Бонвеч 2017; Гачев 1997; Головакова 1978; Касьяненко 1987; Холландер 2001; Groh 1992; Nixon 1989]. Этот взаимный интерес был следствием кратковременной разрядки в холодной войне, которая увеличила международные контакты, оказав влияние на появление клубов интернациональной дружбы и альтернативный выбор иностранных языков в школе.

Наконец, итогом расширения международных контактов становится предпочтение информационно-имиджевых внешнеполитических технологий. О «новой» внешнеполитической концепции, ставшей предпочтительной для сверхдержав, пишет Дж. Най, отдельно отмечая, что взаимное убеждение в правильности и справедливости ценностей и идеалов для США и СССР должно было способствовать увеличению имиджевого капитала в пространстве мировой политики [Най 2006].

Понятие *детская дипломатия* для отечественной историографии является относительно новым, заимствованным в 2000-е гг. из западной научно-публицистической литературы для обозначения интернациональной составляющей политической социализации детей [Келли 2003; Мычко, Денисова 2021; Попов 2018a; Adam 2018; Hyman 1959; Neumann 2019]. Без уточнения специфики, связанной с детством, его аналогом в историографии оставалось более широкое понятие *культурная дипломатия* [Нагорная 2015; Новиков, Морозов 2020; Цветкова 2012; Alexander, McConnell 1993; Ang al. 2015; Conover 1991] или специфически советский термин *народная дипломатия* [Коган 2012; Мартыненко, Матвиенко 2012]. Анализ приведенных дефиниций позволяет заключить, что все они затрагивают сферу общественной активности, включая в себя открытый межкультурный диалог, дистанцированный от государственной политики и направленный на то, чтобы смягчить ее, возможно, негативное восприятие. Такой диалог предназначался для содействия взаимопониманию и преодоления разногласий неполитическими средствами, включая «другую историю о стране», которая с разной степенью модальности отличалась от ее официальной версии. При этом терминологически сохранялось определенное напряжение, поскольку в условиях идеологического противостояния детская дипломатия с ее неполитическими средствами диалога была подчинена достижению конкретных политических целей.

Потенциал детской дипломатии в условиях 1980-х гг., когда «образ враждебного западного капитализма начал тускнеть» [Джуринский 2003: 12; Foglesong 2020], для СССР стал своего рода инновационным средством внешней и внутренней легитимации режима. С одной стороны, обращение к детству в условиях ядерного противостояния и возобновившейся на фоне кризиса политики разрядки идеологической войны формировало внешний положительный образ СССР как гаранта мира без войны во имя будущих поколений [Kozovoï 2007], с другой – оно напоминало борьбу католической церкви на исходе Средневековья с мощным реформационным движением, охватившим Европу, когда дефицит авторитетов и их рациональных доводов уступил место инсценировке визуальных эффектов (чудеса, мощи святых, реликвии).

Аллюзия на Средневековье привносит в понимание детской дипломатии символический смысл, когда воздействовать на мир приходилось с помощью визуализации и веры в увиденное (символическая власть) [Бурдье 2007]. Такая символическая власть выстраивалась на традиционном восприятии детства через понятия невинности и непорочности, которые посредством дипломатии были перенесены в сферу политики

[Neumann 2019]. Использование символической власти в связи с детьми, по мнению М. Пикок, в равной мере было присуще странам по обеим сторонам железного занавеса. И коммунистические, и капиталистические дети считались счастливыми, обеспеченными и невинными благодаря моральной идеализации соответствующих политических систем. Настоящие линии фронта холодной войны, заключает американская исследовательница, лежали не между капитализмом и коммунизмом, не между Америкой и Советским Союзом, а между создателями дискурса публичной детской дипломатии, т. н. архитекторами консенсуса, и их целевой аудиторией [Peacock 2014: 213].

Статья обращает внимание на детскую дипломатию как инновационное средство, отвечающее взаимной потребности к преодолению разногласий между двумя сверхдержавами в 1980-е гг. Кроме отдельных, вытекающих из исследования феномена детской дипломатии вопросов, каждый из которых может стать предметом отдельного анализа (об архитекторах консенсуса, о советском проекте вестернизации, об идейно-политической интервенции в жизненный мир советских детей с целью ретрансляции советских ценностей, о границах интернационализма), представляется наиболее важным очертить теоретические рамки проблемы с учетом уже имеющихся в современной российской и зарубежной историографии работ.

Методы и методология

Методология статьи выстраивается на принципах и теоретических конструкциях истории повседневности [Зубкова 1999; Козлова 1996; Кром 2003; Лившин, Орлов 2002; Людке 1999; 2010], где приоритет отдается «истории маленьких людей» и их субъективному восприятию («история изнутри» [Galicich 1987]), основанному на личном опыте, практиках и переживаниях, посредством которых реализовалась субъектность. Использование дискурсивно-аналитического метода позволяет рассматривать пространство детской дипломатии через призму запретов и разрешений того, что можно было говорить и как надлежало себя вести в ходе интернациональных визитов. Понимание *политического* как *символического* пространства с помощью интерпретационного метода дает возможность оценить внешние эффекты интернациональных визитов. В этом отношении интерес представляют исследования М. Эдельмана

и У. Сарсинелли, которые рассматривают символическую политику через механизмы дублирования политической реальности, где с целью формирования эмоциональной вовлеченности аудитории значимость придается выражению политических актов драматургическими средствами [Edelman 1964; 1971; 1988; Politikvermittlung... 1988; Sarcinelli 2011].

Понятийный аппарат

Понятие *детская дипломатия* 1980-х гг. в современной историографии обычно трактуется в связи с феноменом интернационализации и концептом интернациональной дружбы [Белова 2015; Куц 2010], массовым движением детей и молодежи в борьбе за мир [Раева 2017] или биографиями послов мира Саманты Смит¹ и Кати Лычёвой². Кроме того, в последние годы в российской историографии наблюдается повышенный интерес к определению дискурсивных рамок специфически *детского* в пространстве культурной дипломатии СССР и США [Нагорная 2017; Попов 2017; 2018b; Cummings 2009].

Интересный взгляд на детскую дипломатию через призму детского обаяния предлагают О. С. Нагорная, А. Д. Попов и Т. В. Раева – рассматривать потенциалы детской дипломатии во взаимно направленной прямой и дистанционной форме (детские поездки, детская переписка) [Нагорная и др. 2018: 368]. Важным условием детских контактов, во всяком случае для СССР, являлся, как отмечают исследователи, своеобразный кредит лояльности по отношению к советскому государству. Предпочтение отдавалось детям участников антифашистского сопротивления, национально-освободительного движения, а также активистов и популяризаторов советской идеологии на Западе [Нагорная и др. 2018: 369–370]. В СССР выбор детей осуществлялся последовательно и вполне осознанно из тех, кто имел особые заслуги в деле идеологической грамотности, успеваемости, дисциплины и собственно личных достижений, способных представить советское государство в лучшем свете (спорт, наука и техника, творчество, организационная деятельность). Именно такие дети в СССР получали путевки в «страну пионерского счастья» – международный детский лагерь «Артек» [Нагорная и др. 2018: 372]. Тщательный отбор и вовлечение детей в международные отношения, определение мест встречи, составление специальных программ пребывания в стране, заключают О. С. Нагорная, А. Д. Попов и Т. В. Раева, сформировали

¹ Матросов В. Саманта Смит: документальная биография. М.: Delibri, 2022. 102 с.; Сахатова О. О Саманте, шоколадках, бантиках и бдительных спецслужбах. *Неофициальный сайт МДЦ Артек*. URL: <http://artekovets.ru/samsmitvoj.html> (дата обращения: 20.12.2022); Симонов В. Маленький посол мира. *Огонёк*. 1986. № 16; Смит С. Путешествие в Советский Союз. М.: Новости, 1986. 127 с.

² Тихомиров В. Девочка доброй воли. *Огонёк*. 13.08.2006; Шидловский К. Катя Лычёва – девочка и ледокол. *Московские новости*. 01.04.2011; Чернышёва В. Что стало с советским «голубем мира» Катей Лычёвой. *Российская газета*. 22.05.2014.

т. н. «запрос на романтизацию и позитивное эмоциональное окрашивание процесса борьбы за мир и дружбу, которая превратилась в постоянно действующий механизм мобилизации трудовых и материально-финансовых ресурсов населения», что не позволяло рассматривать детскую дипломатию как самостоятельное явление, а, скорее, как "глобальный спектакль" с участием детей, режиссируемый чиновниками и представителями СМИ» [Нагорная и др. 2018: 390].

Хотя анализ литературы не позволяет сформулировать само понятие детской дипломатии, что свидетельствует о его научной новизне, он дает возможность очертить некоторые дискурсивные рамки.

Во-первых, детская дипломатия соотносима с политической технологией, в которой дети сами по себе являются сильнейшим катализатором эмоций, а эмоциональная сфера – фактором принятия политических решений [Верчагина, Бахарева 2020; Маношкина, Фуфаева 2015; Манучарян, Сокова 2018]. Важно отметить, что СССР с самого начала принимал постоянный поток иностранных посетителей с Запада, стремящихся стать свидетелями «великого эксперимента» [Дэвид-Фокс 2015: 61–114]. Социалистическое государство придавало большое значение имиджу СССР за рубежом. Хотя количество посетителей из-за рубежа заметно сократилось в более поздний сталинский период, с появлением Всесоюзного общества культурных связей за границей (ВОКС) в 1925 г. и его преемника – Союза советских обществ дружбы и культурных связей (ССОД) в 1957 г. – в СССР были созданы органы для содействия и координации советской интернациональной культурной миссии в стране и за рубежом. Общества дружбы, такие как Американское общество культурных связей с Россией (основано в 1926 г.) или позже Национальный совет американо-советской дружбы (основан в 1943 г.), возникшие в США, стали центральными агентами культурного обмена. Во время холодной войны эти сети организаций дружбы рассматривались советскими политиками как важные каналы для продвижения положительного имиджа СССР за рубежом.

Во-вторых, детская дипломатия рассматривается в контексте практик повседневного переживания страхов ядерной войны. Рост напряженности между сверхдержавами и конфронтационная политика Р. Рейгана в области контроля над вооружениями и региональных конфликтов усилили опасения по поводу угрозы ядерного Армагеддона во всем мире. В результате антиядерный активизм в самом начале 1980-х гг. пережил настоящий всплеск. 12 июня 1982 г. почти миллион человек собрались в Центральном парке Нью-Йорка на гигантский митинг за разоружение, одну из крупнейших демонстраций в истории США. В Европе

кампании за ядерное разоружение также набирали силу. Для некоторых стран демонстраций было недостаточно, и они начали продвигать общественную дипломатию, чтобы сломить эскалацию идеологического дискурса, который, казалось, мог привести к войне. Например, в 1983 г. Синтия Лазарофф, выпускница Принстонского университета, преподававшая в советских школах, создала программу молодежных обменов между США и СССР, которая позволила сотням американских молодых людей принять участие в поездках по Советскому Союзу [Edelman 1964: 5].

Пока взрослые оспаривали образ ребенка в пропаганде времен холодной войны, дети и подростки росли с реальной тревогой и реальным страхом перед ядерным уничтожением. Периодическая печать, обсуждаемая взрослыми, телевидение и радио – всё это поднимало градус беспокойства на новый уровень. Психологи, педагоги и родители все больше беспокоились о последствиях угрозы ядерной войны для детей.

В-третьих, детская дипломатия является частью возросшей субъектности у самих детей, наблюдавшейся на фоне ослабления идеологического контроля над частной жизнью и расширения сфер детской самостоятельности. Подтверждение этому тезису мы находим в исследованиях детской интернациональной переписки у А. В. Беловой [Белова 2015; 2018]. Феномен детской интернациональной дружбы начал формироваться в 1960-е гг. после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. и внимания к изучению иностранных языков в советской школе. Пережив некоторую динамику, интернациональная детская переписка стала все больше тяготеть к частной сфере, сочетая три компонента: собственно «другое», идеологическое и личное [Белова 2015: 235]. А. В. Белова отмечает, что переписываясь, советские школьники обретали уникальный опыт «иной» повседневности, который в процессе присвоения становился как бы их собственной «пережитой историей» [Белова 2015: 244].

В-четвертых, понятие детской дипломатии, появившееся в американском политическом дискурсе (*children diplomacy*) [Lancy 2008], свидетельствовало о его восприятии в первую очередь как дипломатии или инструмента внешней политики, определявшего взаимодействие государства с остальным миром на условии переговоров между уполномоченными представителями разных групп или наций. Такой редукционизм не позволяет считать детскую дипломатию самобытной общественной практикой, инициированной исключительно субъективными намерениями.

В-пятых, понятием *детская дипломатия* можно охарактеризовать новое институциональное явление, возникшее во второй половине XX в., как деятельность

детских и молодежных организаций на международной арене. Пример СССР с интернационализацией дружбы в данном случае является частным проявлением этого международного явления. Возникновение международных новых и реорганизация старых детских и молодежных организаций является подтверждением тому, что сфера публичной дипломатии претерпевала трансформацию, дополнившись новыми механизмами достижения внешнеполитических целей с участием детей: международная организация «Дети как миротворцы» (*Children As The Peacemakers*), «Марксистский союз студентов Spartak» (*Marxistische Studentenbund Spartakus*), «Международный комитет детских и юношеских организаций» (*Comité international des mouvements d'enfants et d'adolescents*), международная организация «Спасём детей» (*Save the Children*), реорганизованная в 1970-е гг. в «Агентство по развитию и изменению положения детей в развивающихся странах» [Балакирев 2019].

Применительно к советской реальности позднего социализма понятие детской дипломатии редуцировано другим понятием – интернационализм. Его содержание на официальном уровне сформулировано весьма абстрактно через терминологию дружбы, сотрудничества и товарищеской взаимопомощи со странами социалистического содружества. Весьма интересно, что ограничение интернационализма на социалистических странах, отмеченное в Конституции СССР от 7 октября 1977 г., преодолевалось более конкретной интерпретацией этих ключевых терминов, где дружба понималась, например, как «добровольное сотрудничество на основе взаимной выгоды, полного равноправия, уважения независимости и суверенитета каждого государства»³.

Результаты

Довольно хорошо изученный в историографии визит американской девочки Саманты Смит в СССР, состоявшийся в июле 1983 г., представляет актуальность под новым углом – с точки зрения политической социализации советских школьников. В соответствии с методикой анализа политической социализации Г. Хаймана, автора самого термина, важными критериями, позволяющими судить о сформированности политической культуры, являются: 1) политическая независимость, 2) самостоятельное политическое суждение, 3) политическая толерантность [Хулан 1959]. Имея в виду динамику политической социализации применительно

к возрасту, Г. Хайман выделяет фазы. Подростковому возрасту соответствуют сразу две: первичная, характерная для политической социализации в семье, когда дети получают ориентацию в отношении основных социокультурных норм и ценностей, и вторичная, в школе, где в процессе подготовки к ролям взрослой жизни за счет учителей, сверстников и социума эксплицитно формируются общие политические представления. Отсутствие свободы и независимости политических суждений в условиях идеологического противостояния априори не дает возможности рассмотреть сформированность всех признаков политической социализации, однако позволяет выявить ориентиры, которые в 1980-е гг. отражали объективную потребность во взаимном сближении и поиске его альтернативных неполитических средств.

О политической независимости и самостоятельности советских детей в общении с Самантой Смит, насколько это было возможно в условиях идеологической зависимости, в соответствии с методикой анализа детской политической коммуникации И. И. Валуцевой и И. С. Ветчиныной [Валуцева, Ветчинина 2020], можно говорить в связи с тем, что ряд клише, как *советские дети не хотят войны, хорошо учиться, чтобы не допустить войны, советская страна – мирная страна*, взятых из опросов советских школьников⁴, не просто транслировался, а раскрывался на примерах американской художественной литературы, переведенной в СССР. На примерах упоминаемых советскими школьниками героев романов Марка Твена Гекльберри Финна и Тома Сойера приведенные клише транслируются на примерах детской дружеской солидарности, борьбе с несправедливостью и жестокостью, мирном и спокойном сосуществовании, где есть место детским шалостям.

В то же время, подчеркивают авторы исследования, для речи советских детей, вовлеченных в политику, были характерны особенности, свидетельствующие о специальном отборе и подготовке: 1) процент содержательности речи выше, чем у сверстников; 2) преобладание в меньшем количестве или отсутствие слов-паразитов и сленга; 3) формулируемые предложения в среднем длиннее, чем у сверстников; 4) объем словарного запаса больше и специфичнее; 5) вероятность билингвизма (в частности искусственного) выше, чем у сверстников; 6) количество пауз меньше, т. к. речь нередко бывает заученной; 7) частое чередование темпов речи [Валуцева, Ветчинина 2020: 16].

³ Пролетарский интернационализм. In: Абаренков В. П. и др. *Краткий политический словарь*. 5-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. С. 349.

⁴ Милашенко О. «Помнишь, Саманта?» *Комсомольская правда*. М., 01.01.1984; Мир – всем! *Ленинские искры*. 20.07.1983; Юному послу доброй воли. *Правда*. 24.12.1986. № 358 (24980); Я за мир на всю жизнь. *Комсомолец Кубани*. Краснодар, 23.06.1983; Саманта – маленький посол мира. *Московские новости*. 13.10.1985.

О поведении советских школьников, интерпретировать которое можно было бы как детское понимание политической ответственности, свидетельствует факт из воспоминаний вожатой Саманты Смит О. Сахатовой. Она упоминает два случая в столовой, где Саманта обращает внимание на грязную рубашку одного мальчика. В процессе перевода пришлось придумывать историю о мальчике-художнике, который только что запачкался свежей краской. Другой случай касался желтого цвета сосисок, которые Саманта отказывалась есть. Чтобы не доводить дело до скандала, была придумана история про особый сорт сосисок, которую дети быстро придумали и рассказали американской девочке⁵.

Интересный взгляд на политическую социализацию советских школьников проливают воспоминания самой Саманты Смит. В книге «Путешествие в Советский Союз» она отметила их живой интерес к Америке, который советские школьники демонстрировали особенно по вечерам и ночам уже после отбоя в лагере «Артек»: «[Им было интересно], как мы одеваемся, и какая музыка нам нравится. Всем хотелось знать, как я живу, а иногда по вечерам мы говорили о войне и мире, но это казалось лишним, потому что все хорошо относились к Америке и уж, конечно, не хотели никакой войны»⁶.

Саманта Смит почти не комментирует желание советских школьников говорить о мире и страхи перед войной. Единственная часть воспоминаний, где она пишет об этом, наводит на мысль о том, что разговоры о мире во всем мире не были обычным идеологическим шаблоном, навязанным сверху. Она упоминает, что «почти у всех ребят во второй мировой войне погибли родные и близкие, и они очень надеялись, что новой войны никогда не будет»⁷. Присутствие этой цитаты и в оригинальной версии воспоминаний на английском языке⁸, и в переводе на русский наводит на мысль о возможной независимости таких суждений советских школьников, внеидеологический характер которой можно было объяснить ресурсами политической социализации семейного воспитания.

Взгляд на политическую социализацию советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии не будет полным, если не принимать во внимание еще одну перспективу. Она связана с репрезентацией

советской политической действительности за рубежом. В этой связи интерес представляет визит советской школьницы Кати Лычёвой в США с миссией мира, который состоялся весной 1986 г. Среди факторов отбора девочки в СССР определяющими стали знание английского языка и опыт киносъемок – «Живая радуга» (1982) и «Детство Бемби» (1985). Политическую грамотность советской школьницы должны были обеспечивать секретарь советского комитета защиты мира Е. Оскольский⁹. Воспоминания самой Кати Лычёвой, написанные и опубликованные спустя два года после визита¹⁰, обходят стороной политическую подготовку девочки к визиту в Америку. Однако некоторые факты из этих воспоминаний обращают внимание на одну особенность. Девочка самостоятельно или нет, но обращает внимание и отмечает в воспоминаниях негативный образ СССР в Америке. Упоминания об этом тщательно приводятся в воспоминаниях. Во-первых, Кате не разрешили гулять по городу, из тайных разговоров взрослых она узнала, что поступили угрозы в ее адрес, ее хотели убить. Это вызвало у нее непонимание: «ведь я никому ничего не сделала плохого»¹¹. Во-вторых, разочарованием для нее был просмотр фильма «Рокки IV», который характеризовался как фильм о советском боксере. Девочка увидела, какой образ советских людей присутствует в американском обществе: чудовищная внешность, склонность к насилию и убийству. Вскоре на американском телевидении она жестко объявила: «в фильме Рокки IV [...] нет ни слова правды о Советском Союзе [...]. Я поняла, что те, кто разжигает ненависть к нашим людям – это и есть первые враги мира на Земле»¹².

Эти и другие факты приводят к пониманию, что одной из задач политической миссии Кати Лычёвой был сбор необходимой информации об общественном мнении США, которое позже можно было бы соответственно интерпретировать в Советском Союзе. В этом случае мнение девочки могло считаться авторитетным, т. к. у нее, в отличие от большинства советских граждан, уже был личный опыт общения с американцами. Кроме того, соответствующим образом можно было бы преподнести это мнение как мнение ребенка, напуганного и удрученного ложными стереотипами, развиваемыми американской пропагандой. Это мнение потенциально

⁵ Сахатова О. О Саманте, шоколадках, бантиках и бдительных спецслужбах...

⁶ Смит С. Путешествие в Советский Союз... С. 8.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Smith S. Journey to the Soviet Union. Boston; Toronto: Little Brown and Co, 1985. 122 p.

⁹ Симонов В. Маленький посол мира... С. 5.

¹⁰ Лычёва К. С миссией мира. М.: АПН, 1988. 88 с.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же. С. 51.

могло стать средством общественного неполитического воздействия, особенно через международную организацию «Дети как миротворцы» (*Children as the Peacemakers*), организовавшую визит советской школьницы в США.

Еще одной политической задачей, решать которую представился шанс Кате Лычёвой, были встречи с официальными и неофициальными лицами. На них школьница из СССР должны была детским языком донести миссию своей страны в отношениях с США. В ходе краткой беседы с президентом Р. Рейганом она рассказала ему о том, что весь советский народ хочет мира, а также довольно четко обозначила позицию: «А я знаю, что наша страна предложила уничтожить все-все ядерное оружие на Земле еще до того, как я вырасту. Хорошо бы, чтобы это произошло»¹³.

После встречи с президентом Катя Лычёва заявила на американском телевидении о том, что взрослые не должны обманывать, и что она верит: испытаний ядерного оружия больше не будет¹⁴. Прошедшие после визита советской школьницы в Америке испытания ядерного оружия, о чем был официально проинформирован СССР, дали повод к новым обвинениям и в первую очередь к обвинениям во лжи американского президента, взрослого, обычному ребенку.

Представляется, что еще одной важной задачей визита, которую можно рассматривать как фактор политической социализации советской школьницы, стало укрепление и расширение контактов с американскими детьми и их родителями. Это обращает внимание на то, что СССР не исключал возможности обращения к американскому общественному мнению через эти новые каналы взаимодействия. В воспоминаниях советская школьница отмечает, что несколько тысяч американских адресов было получено и отправлено советским детям для налаживания взаимных контактов¹⁵.

Заключение

В 1980-е гг. в условиях продолжающегося идеологического противостояния двух сверхдержав мировая общественность узнала о детской публичной дипломатии, вдохновившей к поиску неполитических средств воздействия на конкурентов «снизу». Главными акторами и в то же время средством публичной дипломатии стали дети с их возможностями формирования общественного мнения независимо от границ, национальностей или религии. Фактором участия детей в публичной дипломатии становится явление политической социализации.

До того как политическая социализация была возведена в ранг специального научного исследования, в 1980-е гг. был накоплен специфический опыт осмысления участия детей в пространстве культурной дипломатии. Однако анализ этого опыта не позволяет считать его успешным даже с учетом позитивной интенциональности и эмоциональной окрашенности для самих детей. Вовлечение детей в публичную дипломатию лишило их свободы выбора и многих присущих возрасту возможностей, изменив детскую психологию под влиянием политической идеологии. Примеры политической социализации советских школьников в ходе интернациональных визитов 1980-х гг. показали, насколько далеко распространилось конъюнктурное идеологическое воздействие, трансформирующее детскую повседневность.

Представленный общественности как начавшийся спонтанно детский международный диалог в конечном счете приобрел форму политической технологии. Тем не менее такая политическая технология оказалась зависима от специальных ресурсов и затрат на политическую социализацию советских детей, поскольку впервые речь зашла не о недостижимых «заграничных друзьях», с которыми можно было общаться по переписке, а о реальном живом общении. Технология оказалась уязвима ввиду специфики детского восприятия реальности и поведения самих участников международных визитов. Воспоминания советских школьников, участвовавших и включенных в организацию международных детских визитов, проливают свет не только на особый отбор и специальную подготовку, но и на специфически детскую реакцию и своеобразные частные, повседневные ниши большой политики. Это позволяет рассматривать политическую социализацию советских школьников не только как целенаправленный и контролируемый, но и как стихийный процесс. Проект детской дипломатии не был реализован по своему первоначальному сценарию, т. к. не учел транснациональную международную активность. Эта активность была связана с борьбой за мир, актуализированной глобализацией международных отношений.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 47–50.

Критерии авторства: А. А. Турыгин – концептуализация, методология, привлечение ресурсов, написание и редактирование текста, визуализация. Б. В. Куприянов – концептуализация, привлечение ресурсов, курирование, редактирование текста. А. А. Талалаев – проведение исследования и сбор данных, визуализация.

Contribution: A. A. Turygin developed the research concept and methodology, acquired financing, and wrote the draft. B. V. Kupriyanov developed the research concept, acquired financing, provided scientific counselling, and proofread the manuscript. A. A. Talalaev collected the data.

Финансирование: Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00651 «Жизненный мир советского школьника второй половины XX века в контексте социального воспитания и социализации».

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00651: The Life of a Soviet Schoolchild in the Second Half of the XX Century in the Context of Social Education and Socialization.

Литература / References

- Балакирев А. Н. Создание и деятельность международного комитета детских и юношеских организаций (СИМЕА) в 1960–80-х гг. *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 5. С. 86–89. [Balakirev A. N. The establishment and activities of the international committee of children's and adolescents' movements (CIMEA) in the 1960s–1980s. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2019, (5): 86–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/fik.2019.5.16>
- Белова А. В. Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьниц в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР). *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы*, ред. А. К. Сорокин, В. С. Дубина, Я. К. Берендс. М.: РОССПЕН, 2015. С. 226–246. [Belova A. V. International pen-pal friendship as a phenomenon of everyday life of schoolgirls in the socialist societies in the 1980s: GDR and the USSR. *Everyday life under socialism. German and Russian Approaches*, eds. Sorokin A. K., Dubina V. S., Berends Ya. K. Moscow: ROSSPEN, 2015, 226–246 (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zdstvx>
- Белова А. В. Концепт «интернациональная дружба» в идеологии и повседневности позднесоциалистических обществ ГДР и СССР. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2018. № 1. С. 4–19. [Belova A. V. Concept "international friendship" in ideology and everyday life of later socialist societies in the GDR (German Democratic Republic) and the USSR (Union of Soviet Socialist Republics). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istoriya*, 2018, (1): 4–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uysnyk>
- Бережков В. М. Американцы и мы. Встречи. Эпизоды. Размышления. *Новая и новейшая история*. 1988. № 2. С. 127–147. [Berezhkov V. M. Americans and us. Meetings. Episodes. Reflections. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 1988, (2): 127–147. (In Russ.)]
- Бонвеч Б. Советский образ Америки на переходном этапе: от союзника по коалиции до противника в Холодной войне. *СССР и США в XX веке: восприятие «другого»*, отв. сост. Б. Физилер, Р. Магнусдоттир. М.: Полит. энцикл., 2017. С. 47–59. [Bonvech B. The Soviet image of America in transition: from coalition ally to Cold War enemy. *The USSR and the USA in the XX century: the perception of the "other"*, comps. Fiziler B., Magnusdottir R. Moscow: Polit. entsikl., 2017, 47–59 (In Russ.)]
- Бурдьё П. О символической власти. In: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. СПб: Алетейя, 2007. С. 87–98. [Bourdieu P. Symbolic power. In: Bourdieu P. *Sociology of social space*. St. Petersburg: Aleteia, 2007, 87–98. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tlwnrx>
- Валуйцева И. И., Ветчинина И. С. Особенности речи детей, вовлеченных в политику. *Вопросы прикладной лингвистики*. 2020. № 39. С. 7–32. [Valuiceva I. I., Vetchinina I. S. Speech features of children involved in politics. *Issues of Applied Linguistics*, 2020, (39): 7–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25076/vpl.39.01>
- Верчагина И. Ю., Бахарева А. Н. Использование детей в технологиях политического манипулирования. *Инновации в технологиях и образовании: XIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Белово, 26 марта 2020 г.) Кемерово: КузГТУ, 2020. Т. 3. С. 152–155. [Verchagina I. Yu., Bakhareva A. N. Children in the technologies of political manipulation. *Innovations in technology and education: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Belovo, 26 Mar 2020. Kemerovo: KuzSTU, 2020, vol. 3, 152–155. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mhynbi>
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и славянством. М.: Паритет, 1997. 680 с. [Gachev G. D. *National images of the world: America in comparison with Russia and the Slavs*. Moscow: Paritet, 1997, 680. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxnjod>

- Головакова Г. А. Стереотипизация как метод буржуазной пропаганды. *Техника дезинформации и обмана*, ред. Я. Н. Засурский. М.: Мысль, 1978. С. 37–63. [Golovakova G. A. Stereotyping as a method of bourgeois propaganda. *Technique of disinformation and deception*, ed. Zasurskii Ya. N. Moscow: Mysl, 1978, 37–63. (In Russ.)]
- Джуринский А. Н. История образования и педагогической мысли. М.: ВЛАДОС-пресс, 2003. 400 с. [Dzhurinsky A. N. *History of education and pedagogical thought*. Moscow: VLADOS-press, 2003, 400. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zprnop>
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: НЛО, 2015. 568 с. [David-Fox M. *Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Moscow: NLO, 2015, 568. (In Russ.)]
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с. [Zubkova E. Yu. *Postwar Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 229. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxpcjp>
- Касьяненко В. И. Правда и ложь о Стране Советов. М.: Мысль, 1987. 335 с. [Kasyanenko V. I. *Truth and lies about the Land of the Soviets*. Moscow: Mysl, 1987, 335. (In Russ.)]
- Келли К. «Маленькие граждане большой страны». Интернационализм, дети и советская пропаганда. *Новое литературное обозрение*. 2003. № 2. С. 218–251. [Kelly K. "Little Citizens of a Big Country." *Internationalism, children and Soviet propaganda*. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2003, (2): 218–251. (In Russ.)]
- Коган С. И. Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. *Общество. Среда. Развитие*. 2012. № 1. С. 94–98. [Kogan S. I. *Public diplomacy as a form of cultural cooperation between the USSR and Great Britain during the Second World War and in the post-war period*. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2012, (1): 94–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pananx>
- Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. 215 с. [Kozlova N. N. *Soviet horizons of everyday life: voices from the choir*. Moscow: IP RAS, 1996, 215. (In Russ.)]
- Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия). *История повседневности*, отв. ред. М. М. Кром. СПб.: ЕУСПб, 2003. Вып. 3. С. 7–14. [Krom M. M. *Everyday life as a subject of historical research: Preface*. *History of everyday life*, ed. Krom M. M. St. Petersburg: EUSPb, 2003, iss. 3, 7–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywdhek>
- Куц Л. Г. Клубы интернациональной дружбы как центры воспитания в опыте российской школы. *Человек и образование*. 2010. № 2. С. 58–62. [Kuts L. G. *International friendship clubs as educational centers in the experience of Russian school*. *Man and Education*, 2010, (2): 58–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mlmqet>
- Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 205 с. [Livshin A. Ya., Orlov I. B. *Power and society: a dialogue in letters*. Moscow: ROSSPEN, 2002, 205. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlqhlh>
- Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с. [Lüdtke A. *The history of everyday life in Germany: Reconstructing historical experiences and ways of life*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 271. (In Russ.)]
- Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии. *Социальная история. Ежегодник. 1998/1999*, отв. ред. Л. И. Бородин, К. М. Андерсон. М.: Полит. энцикл., 1999. С. 78–80. [Lüdtke A. *What is the history of everyday life? Achievements and prospects in Germany*. *Social history. Yearbook. 1998/1999*, eds. Borodkin L. I., Anderson K. M. Moscow: Polit. entsikl., 1999, 78–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/srvudf>
- Макинтайр А. После добродетели. М.: Акад. проект, 2000. 384 с. [McIntyre A. *After Virtue*. Moscow: Akad. projekt, 2000, 384. (In Russ.)]
- Маношкина О. А., Фуфаева А. П. Детская дипломатия. *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика*. 2015. № 3. С. 109–113. [Manoshkina O. A., Fufaeva A. P. *Children's diplomacy. Sotsialno-ekonomicheskie issledovaniia, humanitarnye nauki i iurisprudentsiia: teoriia i praktika*, 2015, (3): 109–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvedyh>
- Манучарян Л. С., Сокова Я. Д. «Детская дипломатия» как способ решения военных конфликтов. *Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля*. 2018. № 6-7. С. 81–88. [Manucharyan L. S., Sokova Ya. D. "Children's diplomacy" as a method of solving of the military conflicts. *Vestnik Luganskogo natsionalnogo universiteta imeni Vladimira Dala*, 2018, (6-7): 81–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xykest>

- Мартыненко Е. В., Матвиенко В. В. Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2012. № 1. С. 57–60. [Martynenko E. V., Matvienko V. V. Public diplomacy in the context of modern interstate communication. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2012, (1): 57–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oqljil>
- Мычко Е. И., Денисова Н. Ю. Становление детской публичной дипломатии в СССР и США. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 2. С. 84–87. [Mychko E. I., Denisova N. Y. Formation of children's public diplomacy in the USSR and the USA. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, (2): 84–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/urqcvb>
- Нагорная О. С. «...Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989). *Диалог со временем*. 2015. № 53. С. 269–278. [Nagornaya O. S. "When the USSR became strong and powerful... many nations seek our friendship": aspects of the studies of cultural diplomacy in the socialist camp (1949–1989). *Dialog so Vrememem*, 2015, (53): 269–278. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vofnfb>
- Нагорная О. С. Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома». *Российская история*. 2017. № 3. С. 164–167. [Nagornaya O. S. Through the looking glass of soviet modernity: foreign representations of the USSR in the epoch of the "great turn". *Rossiiskaia Istoriia*, 2017, (3): 164–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytmvcb>
- Нагорная О. С., Попов А. Д., Раева Т. В. Детское обаяние в арсенале советской культурной дипломатии. In: Никонова О. Ю., Попов А. Д., Раева Т. В., Трегубов Н. А., Нагорная О. С. *Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989*. М.: Полит. энцикл., 2018. С. 367–390. [Nagornaya O. S., Popov A. D., Raeva T. V. Children's charm in the arsenal of Soviet cultural diplomacy. In: Nikonova O. Yu., Popov A. D., Raeva T. V., Tregubov N. A., Nagornaya O. S. *Soviet cultural diplomacy in the conditions of the Cold War. 1945–1989*. Moscow: Polit. Entsikl., 2018, 367–390. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szocccv>
- Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск-М.: Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с. [Nye J. S. Jr. *Soft power the means to succeed in world politics*. Novosibirsk-Moscow: Foundation for Socio-Prognostic Research "Trendy", 2006, 221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uljjzf>
- Новиков М. В., Морозов А. С. Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы холодной войны. *Верхневолжский филологический вестник*. 2020. № 2. С. 264–270. [Novikov M. V., Morozov A. S. Soviet cultural diplomacy in the Western countries during the Cold War. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2020, (2): 264–270. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-264-270>
- Попов А. Д. Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года и формирование «культурной матрицы» советского мегасобытия. *Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: IX Междунар. науч. конф.* (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г.) М.: Полит. энцикл., 2017. С. 726–736. [Popov A. D. World Festival of Youth and Students in 1957 and the formation of the "cultural matrix" of the Soviet mega-event. *Culture and power in the USSR. 1920–1950s: Proc. IX Intern. Sci. Conf.*, St. Petersburg, 24–26 Oct 2016. Moscow: Polit. entsikl., 2017, 726–736. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvolfx>
- Попов А. Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода холодной войны. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2018а. № 2. С. 81–88. [Popov A. D. International activity of "Artek" in the context of children's diplomacy in the period of Cold War. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, 2018а, (2): 81–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypvqvq>
- Попов А. Д. Последнее советское мегасобытие: XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве. *Новейшая история России*. 2018b. Т. 8. № 4. С. 1017–1031. [Popov A. D. The last Soviet mega event: the XII World Festival of Youth and Students in 1985 in Moscow. *Modern History of Russia*, 2018b, 8(4): 1017–1031. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.415>
- Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2017. Т. 17. № 2. С. 19–25. [Raeva T. V. Soviet peace movement in postwar cultural diplomacy: institutions, discourses, practices. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2017, 17(2): 19–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ssh170203>

- Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978). СПб.: Лань, 2001. 590 с. [Hollander P. *Political pilgrims: travels of Western intellectuals in the Soviet Union, China and Cuba 1928–1978*. St. Petersburg: Lan, 2001, 590. (In Russ.)]
- Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США в России: от «демократизации» к развитию «социального активизма». *США и Канада: экономика, политика, идеология*. 2012. № 10. С. 37–46. [Tsvetkova N. A. Russia in U.S. public diplomacy: from the promotion of democracy to the support of social activism. *USA & Canada: Economics, Politics, Ideology*, 2012, (10): 37–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzvzox>
- Adam J. *Ordnungen des Nationalen und die geteilte Welt: Zur Praxis Auswärtiger Kulturpolitik als Konfliktprävention*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018, 444. <https://doi.org/10.14361/9783839442623>
- Alexander J., McConnell S. Children as peacemakers: Promoting the development of cooperation and conflict resolution. *Nonviolence: Social and psychological issues*, ed. Kool V. K. University Press of America, 1993, 107–128.
- Ang I., Isar Y. R., Mar P. Cultural diplomacy: Beyond the national interest? *International Journal of Cultural Policy*, 2015, 21(4): 365–381. <https://doi.org/10.1080/10286632.2015.1042474>
- Conover P. J. Political Socialization: Where's the Politics? *Political science: Looking to the future*. Vol. 3: Political behavior, ed. Crotty W. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1991, 125–152.
- Cummings M. C. *Cultural diplomacy and the United States government: A survey*. Washington, DC: Center for Arts and Culture, 2009, 167.
- Edelman M. J. *Constructing the political spectacle*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, 142.
- Edelman M. J. *Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence*. NY: Academic Press, 1971, 188.
- Edelman M. J. *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964, 233.
- Foglesong D. S. When the Russians really were coming: citizen diplomacy and the end of Cold War enmity in America. *Cold War History*, 2020, 20(4): 419–440. <https://doi.org/10.1080/14682745.2020.1735368>
- Galicich A. *Samantha Smith: A journey for peace*. Minneapolis: Dillon Press, 1987, 68.
- Groh D. "Geschichte von unten – Geschichte von innen". Blick über die Grenzen. In: Groh D. *Anthropologische Dimensionen der Geschichte*. 1. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992, 175–177.
- Hixson W. L. *George F. Kennan: Cold War iconoclast*. NY: Columbia Univ. Press, 1989, 381.
- Hyman H. *Political Socialization: A study in the psychology of political behavior* hardcover. NY: Free Press, 1959, 175.
- Kozovoï A. L'enfance au service de la guerre froide Le voyage de Samantha Smith en URSS. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 2007, (96): 195–207. <https://doi.org/10.3917/ving.096.0195>
- Lancy D. *The anthropology of childhood: Cherubs, chattel, changelings*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 480. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139680530>
- Montandon P., Beebe M. *Making friends: Katya from Moscow and Star from San Francisco: Two eleven-year-old girls discover America together*. NY: Henry Holt & Co, February 1989, 122.
- Neumann M. Children diplomacy during the Late Cold War: Samantha Smith's visit of the 'Evil Empire'. *History*, 2019, 104(360): 275–308. <https://doi.org/10.1111/1468-229X.12818>
- Peacock M. *Innocent weapons: The Soviet and American politics of childhood in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014, 304.
- Politikvermittlung und Demokratie in der Mediengesellschaft: Beiträge zur politischen Kommunikation*, Hg. Sarcinelli U. Bonn: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998, 479.
- Sarcinelli U. *Politische Kommunikation in Deutschland. Medien und Politikvermittlung im demokratischen System*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien GmbH, 2011, 407. <http://dx.doi.org/10.1007/2F978-3-531-93018-3>

© 2023. Берман Е. А.

Исторический некрополь сектантов-субботников

оригинальная статья

Исторический некрополь сектантов-субботников иудейского вероисповедания г. Зима Иркутской области

Берман Елена Александровна

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>

lena.berman.amanut@gmail.com

Поступила в редакцию 17.02.2023. Принята после рецензирования 11.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Исследование посвящено сохранившемуся некрополю ссыльных сектантов-субботников иудейского вероисповедания на территории г. Зима Иркутской области и представляет собой один из этапов изучения сохранившихся и утраченных иудейских некрополей, расположенных в Иркутской области. Данный некрополь был основан в начале 1830-х гг. в с. Зима Балаганского уезда Иркутской губернии и является действующим и в настоящее время. Поскольку сектанты жили в тесном бытовом и религиозном контакте с этническими евреями-ссыльнопоселенцами, некрополь долгое время был смешанным и в нем сохранились не только субботнические, но и еврейские захоронения. Целью работы стала каталогизация сохранившихся на территории некрополя аутентичных надгробий 1865–1947 гг. для определения степени влияния иудаизма на религиозную жизнь сектантов. Дана общая характеристика сект субботников, возникших в среде русских крестьян на рубеже XVIII–XIX вв., приведены причины их появления на территории Иркутской губернии. Рассмотрены религиозные обряды погребения и траура в иудаизме, заимствованные сектантами у этнических евреев, а также организация некрополя в контексте традиционного иудейского кладбища. По итогам полевых исследований 2017 и 2019 г. проанализирован материал, формы надгробий и эпитафий, проведена каталогизация сохранившихся надгробий, переведены тексты эпитафий с иврита на русский язык. На основании информации из эпитафий составлен список захороненных на кладбище в этот период. Выявлены и описаны захоронения на территории некрополя этнических евреев, проживавших в Зиме в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: сектанты-субботники, геры, традиционное еврейское кладбище, погребение в иудаизме, эпитафии, надгробия, город Зима

Цитирование: Берман Е. А. Исторический некрополь сектантов-субботников иудейского вероисповедания г. Зима Иркутской области. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 343–356. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-343-356>

full article

Historical Necropolis of Jewish Subbotniks in the Town of Zima, Irkutsk Region

Elena A. Berman

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>

lena.berman.amanut@gmail.com

Received 17 Feb 2023. Accepted after peer review 11 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: The Subbotniks, or *gers*, were Russian Sabbatarians. The article describes a necropolis of exiled Jewish Subbotniks founded in the village of Zima, Irkutsk Province, in the early 1830s. The Subbotniks shared the necropolis with the Jews since both exile communities maintained close routine and religious contacts. The research objective was to catalog the authentic tombstones of 1865–1947 and determine the influence of Judaism on the religious life the Subbotniks. The article gives a general description of the Sabbatarian sects that appeared among Russian peasants at the turn of the XVIII–XIX centuries and explains how they ended up in the Irkutsk Province. The author studied the Jewish burial and mourning practices adopted by the Subbotniks and compared the Zima necropolis with traditional Jewish cemeteries. The descriptions of tombstones and epitaphs were collected during the expeditions of 2017 and 2019. The surviving tombstones were cataloged, and the epitaphs were translated from Hebrew into Russian to compile a list

of those buried in the cemetery during the period in question. The research also included the tombstones that belonged to the Jews who lived in Zima in the XIX – early XX centuries.

Keywords: Subbotnik sectarians, gers, traditional Jewish cemetery, burial in Judaism, epitaphs, tombstones, town of Zima

Citation: Berman E. A. Historical Necropolis of Jewish Subbotniks in the Town of Zima, Irkutsk Region. *SibScript*, 2023, 25(3): 343–356. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-343-356>

Введение

Любой исторический некрополь несет в себе целый ряд важной социокультурной, этнографической, демографической и генеалогической информации, которую зачастую нельзя получить из других источников [Красильникова 2011: 89]. В некоторых случаях сохранившийся некрополь может являться чуть ли не единственным свидетельством существования и функционирования какого-либо сообщества или социальной группы [Буланова, Казарин 2019: 109]. Поскольку с каждым годом тема некрополистики и эпиграфики занимает все более значительное место в исторической науке, интерес у исследователей вызывают не только крупные, в первую очередь православные некрополи [Шилов 2012: 29], но и небольшие кладбища – исторические памятники той или иной локальной культуры или религии [Кобак, Пирютко 2011: 12]. Одним из таких кладбищ является иудейский некрополь в г. Зима Иркутской области. Его главное отличие от любого другого иудейского кладбища заключается в том, что более чем в 90 % случаев на нем захоронены не этнические евреи, а сектанты-субботники иудейского вероисповедания.

В последней четверти XVIII в. среди русских крепостных крестьян центральных районов России получили распространение различные сектантские течения внутри христианства. Особое место среди них занимали секты иудействующих, или субботников. В литературе можно встретить еще одно название – геры, которое происходит из иврита от слова *гиюр*, обозначающего обряд обращения нееврея в иудаизм (в свою очередь, однокоренными словами *гер* и *гиёрет* соответственно мужского и женского рода называли людей, которые не являлись этническими евреями, но прошли иудейский обряд *гиюр*). Подобные секты отрицали Новый Завет, явно отходя от христианства в сторону иудаизма. Официально считалось, что толчком для отказа от православия стало самостоятельное чтение Ветхого Завета на церковнославянском языке и выполнение некоторых ветхозаветных

заповедей, аналогичных иудаизму [Хижая 2014: 150]. Тем не менее возникает вопрос, в настоящее время остающийся открытым: откуда у русских крепостных крестьян, проживающих в центральных районах России за чертой постоянной еврейской оседлости, не умеющих читать и не имеющих контактов с представителями иудейского вероисповедания, возник подобный интерес.

В начале XIX в. против сект субботников начались официальные гонения. Уличенных в соблюдении еврейских обычаев крестьян после суда забирали в армию или отправляли в ссылку на Кавказ и в Сибирь. С 1825 г. важнейшим нормативным документом, являвшимся основанием для ссылки, стал Указ Синода «О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников»¹, а также некоторые другие законодательные меры по противодействию различным сектантам². Все исполнительные меры относительно ссыльных сектантов возлагались на гражданское губернское начальство. В Сибири субботников расселяли в Иркутской, Тобольской, Томской, Енисейской, Амурской губерниях и в Якутской области [Варадинов 1863: 8].

Серьезное изучение секты субботников, как и всего русского сектантства, началось в середине XIX в. Анализом феномена сектантства занимались церковные авторы, чиновники Министерства внутренних дел, а также некоторые светские исследователи того времени, в том числе еврейские [Хижая 2018: 155]. Интерес к данной проблеме вновь возник в последние двадцать лет. Российскими и зарубежными исследователями был совершен ряд экспедиций в места традиционного проживания субботников и их потомков. Среди современных исследований в первую очередь необходимо упомянуть работы [Дымшиц 1999; Жукова, Киреева 2009; Заруцкий 2021; Каспина, Мороз 2009; Хижая 2020].

В некоторых работах, например в исследовании Л. Г. Жуковой и Н. М. Киреевой, отдельно поднимался вопрос об организации субботниками собственных

¹ О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников: Синодский указ от 29 июля 1825 г. № 30.436.а по Высочайше утвержденному положению Комитета Министров. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.*, под ред. М. М. Сперанского. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. XL. 1825 г. СПб.: Тип. II-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. С. 397–408.

² О дополнительном постановлении касательно мер к отвращению распространения секты субботников: Высочайше утвержденный доклад Синода от 15 сентября 1825 г. № 30.483. *Там же*. С. 465–467.

кладбищ и соблюдении погребальных обрядов иудаизма [Жукова, Киреева 2008: 280]. Тем не менее религиозная жизнь сибирских субботников в контексте обрядов, связанных со смертью, погребением и трауром, по-прежнему малоизучена, а характеристика зиминского некрополя дается впервые.

Изучение данного вопроса невозможно без понимания того, как традиционно организовывались еврейские кладбища на разных территориях Российской империи [Носоновский, Фишель 2020: 173] и как это происходило в Иркутске [Дулов 1993]. Среди исследований иркутских авторов на себя обращают внимание работы [Гарашенко 2016: 4; Попова 2014: 99].

Цель исследования связана с анализом погребальных обрядов, религиозных традиций, использовавшихся при организации кладбища и соблюдении траура, которые были заимствованы сектантами, проживающими в с. Зима Балаганского уезда Иркутской губернии в XIX в., у этнических евреев, а также с каталогизацией исторической части кладбища по полевым материалам автора. Хронологические рамки исследования – 1865–1947 гг. Они определены от самого раннего, сохранившегося на кладбище надгробия, и до середины XX в.

Методы и материалы

Основу источниковой базы исследования составили нормативно-правовые акты, документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и публикации исследователей дореволюционного периода.

Первая группа источников представляет собой нормативно-правовые акты по противодействию сектантам-субботникам первой половины XIX в.: указы Синода «О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников» от 29 июля 1825 г. № 30.436.а³, «Об увещевании отставших от веры и отсылке их в Гражданский Суд в случае нераскаяния» от 19 февраля 1773 г. № 13948а⁴, а также Высочайше утвержденный доклад Синода

«О дополнительном постановлении касательно мер к отвращению распространения секты субботников» от 15 сентября 1825 г. № 30.483⁵, Именной высочайший указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. № 26125⁶.

Вторая группа состоит из делопроизводственных источников, которые представлены документами РГИА из фондов канцелярии Святейшего Синода⁷, фонда канцелярии обер-прокурора Синода⁸ и ГАИО из фондов «Архивная коллекция метрических книг культовых учреждений иностранных вероисповеданий Иркутской губернии» 1878–1920⁹. Ряд архивных документов вводится в научный оборот впервые.

К третьей группе источников относится обширный фактический материал из жизни и быта зиминских субботников, который был записан в начале XX в. и опубликован в еврейской периодике – журналах «Пережитое» и «Еврейская старина» – двумя авторами: этнографом и казенным раввином г. Иркутск Соломоном Бейлиным [Бейлин 1913] и зиминским субботником Моисеем Козьминым [Козьмин 1913; 1914; 1915].

Полевая работа 2017 и 2021 г. по каталогизации исторической части зиминского еврейско-субботнического кладбища включала в себя фотографирование, замеры каждого надгробия и фиксацию находящихся на них эпитафий. Она была затруднена тем, что некоторые надгробия старой части кладбища окружены зарослями кустарников и деревьев. В ходе работы была произведена фотофиксация 80 сохранившихся исторических надгробий периода 1865–1947 гг., одно из которых было установлено над двойным захоронением. В ходе камеральной обработки результатов все эпитафии, написанные на иврите, были переведены на русский язык, а также составлен список захороненных на кладбище в обозначенный период.

При подготовке статьи автор следовал принципам историзма, объективности, целостности, использовал сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, просопографический методы исследования, метод периодизации, методы анализа и синтеза.

³ О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников...

⁴ Об увещевании отставших от веры и отсылке их в Гражданский Суд в случае нераскаяния: Синодский указ от 19 февраля 1773 г. № 13948а. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. XL. 1825 г. (Приложение к Т. XIX. 1772 г.). С. 6–8.

⁵ О дополнительном постановлении касательно мер к отвращению распространения секты субботников...

⁶ Об укреплении начал веротерпимости: Именной высочайший указ, данный Сенату 17 апреля 1905 г. № 26125. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., под ред. М. М. Сперанского. Собрание третье. 1 марта 1881 – 1913 гг. Т. XXV. Отделение 1. 1905 г. СПб.: Тип. II-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1908. С. 257–258.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 131. Д. 1104. Л. 1–2.

⁸ РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 12. Д. 29910. Л. 2.

⁹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 789. Архивная коллекция метрических книг культовых учреждений иностранных вероисповеданий Иркутской губернии. Оп. 1. Д. 1–103.

Результаты

Сектанты-субботники села Зима Балаганского уезда Иркутской губернии

Самое известное поселение сектантов-субботников в Сибири возникло в 1827 г. в с. Зима Балаганского уезда Иркутской губернии. Оно состояло из 50 русских крестьян-сектантов, сосланных за отказ от православия из Воронежской, Рязанской, Саратовской и Пензенской губерний. Невзирая на Указ Синода 1825 г.¹⁰, местные власти не запретили ссыльным-сектантам поселиться в Зиме, где уже жили на поселении ссыльные евреи. Ссыльных сектантов приписали к местному обществу крестьян, выделили им земельные наделы, за ними были сохранены все гражданские права и им не запрещалось исповедовать иудаизм.

Сектанты обучались у зиминских евреев чтению Торы и еврейским законам, копировали их обряды и праздники [Козьмин 1913: 10], запрет же о вступлении в контакты переселенцев с местными ссыльными евреями контролировался губернскими и уездными властями слабо¹¹. В разное время евреи исполняли у сектантов функции раввина [Хижая 2013: 135], помогали совершать обряды обрезания младенцев, ритуального забоя скота и птицы и др. [Войтинский, Горнштейн 1915: 221]. В 1863 г. численность сектантов-субботников, живших в Иркутской губернии, составляла 413 человек, в 1879 г. – свыше 600 человек, а к началу XX в. их число превышало 1000 человек. Из них к началу XX в. в Зиме было зарегистрировано 145 семей сектантов-субботников с общим количеством 900 человек [Козьмин 1914: 450].

Зиминские субботники соблюдали кашрут в еде и субботу, имели собственный свиток Торы, снимали для богослужения отдельный дом и приглашали кантора из бывших николаевских солдат-евреев для чтения молитв [Берман 2019: 62]. В 1905 г., после Указа Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», субботники получили право на легальное признание общин и устройство молельного дома¹². В 1906 г. Министерство внутренних дел удовлетворило прошение зиминских субботников и выдало им разрешение о постройке иудейского молитвенного дома в Зиме. Материальная помощь при постройке была оказана им односельчанами-православными и евреями Иркутска [Козьмин 1913: 180]. Практически все зиминские субботники в XIX в. были малограмотными [Бейлин 1913: 290], занимались земледелием и вели сельский образ жизни [Козьмин 1913: 62], однако некоторые семьи в начале XX в. переселились в Иркутск [Берман и др. 2021: 138].

По состоянию на 2004 г. в Иркутской области насчитывалось около 7000 потомков субботников, но атрибутов их принадлежности к еврейской культуре сохранилось очень мало [Берман 2021: 215]. К ним можно отнести сохранившееся уникальное иудео-субботническое кладбище, которое является прямым доказательством соблюдения сектантами законов иудаизма [Берман 2019: 65].

Характеристика зиминского некрополя сектантов-субботников как традиционного еврейского кладбища

Все метрические записи о рождениях, браках и смертях зиминских субботников велись сельским, а затем волостным правлением и до настоящего времени не сохранились. Собственное кладбище появилось у сектантов-субботников в начале 1830-х гг. Об этом, со слов старожилов, пишет зиминский субботник М. З. Козьмин: «На расстоянии одной версты от с. Зима к северо-востоку, на пригорке, находится окруженное высоким деревянным забором внушительных размеров кладбище зиминских субботников. Здесь, начиная с северного конца, похоронены наши предки, могилы которых сравнялись с землей; на них большей частью нет памятников, а на сохранившихся ничего невозможно прочесть за ветхостью. Спускаясь с пригорка к южной стороне кладбища, замечаешь уже ряд каменных плит с вырезанными еврейско-русскими надписями. Кладбище никем не охраняется, и там находят себе приют темные люди и пакостники всякого рода, что неприятно отзывалось на памятниках» [Козьмин 1913: 171–172].

В 1901 г. в с. Зима побывал этнограф и казенный раввин Иркутска С. Х. Бейлин. Встретившись с местными субботниками, он в последствии отмечал: «Имена и отчества зиминских субботников – чисто библейские, фамилии же и прозвища – чисто русские. Вот их несколько для примера: Козьмин, Шишлянников, Потапов, Пьянков, Логинов, Жвачкин, Овечкин, Маслов, Ильичев, Прокофьев и т.п.» [Бейлин 1913: 296]. Поскольку субботники жили в непосредственном контакте с зиминскими евреями, они многому учились у этнических евреев, в том числе похоронным ритуалам, оформлению надгробных памятников и написанию текста простейших эпитафий.

М. З. Козьмин упоминал в своих воспоминаниях и об отсутствии у субботников традиционного для еврейской погребальной культуры погребального братства: «У субботников и до сих пор не существует отдельного общества "Хевре кадиша" (погребальное братство);

¹⁰ Об увещании оставших от веры и отсылке их в Гражданский Суд в случае нераскаяния...

¹¹ РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 131. Д. 1104. Л. 1–2.

¹² Об укреплении начал веротерпимости...

они не находят это нужным, ибо всякий, услышавший о смерти односельчанина, немедленно идет и оказывает услуги чем только может. Женщины и девицы считают заслугой что-либо сшить для покойника, и в этом отношении у них не существует отказа и отнекивания. Порядок снаряжения покойника во всем позаимствован от евреев, и никаких чуждых порядков я не замечал, а по сему я считаю лишним здесь перечислять все то, что известно каждому еврею» [Козьмин 1913: 172].

По аналогии с приверженцами иудаизма субботники исполняли семидневный траур по усопшему («сидели шиву»): «после смерти родственника в его доме собирался миньян, сидели неделю на полу, а ближайший родственник три раза в день читал кадиш» [Козьмин 1913: 172]. Также М. З. Козьмин вспоминает об одном дне памяти по усопшему в годовщину смерти: «В субботний день я был приглашен одним моим дальним родственником на "поминки" (так прежде называли "ёрцайт"). Собралось не более 10 человек, и все малограмотные: едва читают по складам русскую печать, а по-еврейски совсем не знают; только я один замещался, молящийся по-еврейски. Пред началом молитвы стали судить и рядить, как молиться. Я, конечно, предложил свои услуги, но многие были против этого, говоря: "Что мы будем стоять как статуи, будем слушать и ни слова ни понимать? Какая это молитва? По крайней мере, по-русски мы хоть не успеем все прочитать, но услышим понятные слова"» [Козьмин 1913: 16].

Современное состояние кладбища

На данный момент рассматриваемое кладбище является действующим и на нем по-прежнему хоронят потомков субботников, о чем прямо говорят фамилии, написанные на современных надгробиях. Кладбище отдельно стоящее, располагается на возвышенности в старой части г. Зима, ориентировано с востока на запад, огорожено глухим забором, имеет размер 120 × 120 м и занимает площадь 14400 м² (1,44 га). На территории, отделенной от основного кладбища забором, находится сторожка. Кладбище ухоженное: в порядке поддерживают не только саму территорию, но и дошедшие до наших дней исторические надгробия, большей частью утратившие в силу времени тексты эпитафий. Самое раннее надгробие, точно установленное по тексту эпитафии, датируется 1865 г.

В ходе работы была произведена фотофиксация 80 сохранившихся исторических надгробий периода 1865–1947 гг., одно из которых было установлено над двойным захоронением. Материалом для надгробий являлся камень, бетон, дерево и металл (с преобладанием камня – местного песчаника, галечника из близлежащих рек и байкальского мрамора).

Редчайшим для любого кладбища случаем являются сохранившиеся здесь деревянные стелы из лиственницы, датируемые 1912, 1923, 1926, 1947 г., а также с неустановленными датами. На момент обследования кладбища в 2019 г. деревянные стелы насчитывались в количестве 12 штук: 9 из них были полностью деревянными, 3 имели накладки из металла с текстом эпитафии. Одно каменное надгробие имело деревянное обрамление, представляющее с камнем единую композицию. Есть одно надгробие 1928 г. из металла.

По форме практически все надгробия представляют собой небольшие стелы, высота которых колеблется в диапазоне 30–60 см. Самая высокая стела имеет высоту 110 см. Имеется три невысоких однотипных обелиска из песчаника, два из которых датируются 1900 и 1918 г., время установки третьего не определено.

Изображения на надгробиях или отсутствуют полностью, или максимально просты: шестиконечные звезды Давида – 24 изображения, круг с исходящими от него шестью лучами (аналогов на еврейских кладбищах Иркутска не установлено) – 2 изображения, на женском надгробии единожды встречается изображение подсвечника для зажигания свечей в шаббат. Из других изображений выявлено одно стилизованное дерево целиком и несколько крон деревьев, вписанных в композицию эпитафии. И наконец, на стеле над захоронением старожила-субботника Захария Козьмина располагается изображение льва, держащего в своих лапах флажок с первыми буквами вводной формулы эпитафии «здесь покоится». Это надгробие для своего отца изготовил его сын Моисей Козьмин. Живя с 1900 г. в Иркутске, Моисей Козьмин периодически выполнял заказы по изготовлению надгробий [Берман 2019: 65]. На еврейском Амурском кладбище сохранилась стела работы Моисея Козьмина с аналогичным львом над захоронением Римлянда Цви (Гирша) Ицковича 1906 г.

Характеристика эпитафий

Исследуемые эпитафии на надгробиях данного кладбища являются прямым доказательством того, что сектанты-субботники жили в Зиме в тесной религиозной связи с этническими евреями. Все эпитафии составлены в строгом соответствии со структурой любой еврейской эпитафии на иврите и содержат: вступительную формулу – акроним в виде двух начальных букв, обозначающих фразу «здесь покоится»; имя погребенного (погребенной) и патроним (имя отца); дату смерти по еврейскому календарю с указанием числа, месяца и года смерти; завершающее благословение (эвлогию) в виде акронима, в переводе звучащего как «Да будет душа его завязана в узле жизни [с Авраамом, Исааком и Яковом]». При этом все числовые значения

числа и года смерти, как это принято в еврейской традиции, прописаны в буквенном эквиваленте. Также после вступительной формулы перед мужскими именами усопшего и его отца либо отца усопшей, если это женщина, всегда следует вежливая формула обращения в виде акронима *рав*, исходно означавшее *раввин*, учитель. Стоит отметить, что в данном контексте обращения речь не идет о раввине. Прямым признаком того, что похоронен именно субботник (субботница), является то, что перед мужским именем вместо вежливого обращение *рав* могло быть записано *гер* (1 раз), а перед женским – *герка* (4 раза).

В 18 эпитафиях не указана фамилия усопшего, т. к. фамилии, записанные в идишской орфографии, появляются на еврейских кладбищах на рубеже XIX–XX вв. Еще на 15 надгробиях в силу плохой сохранности камня эпитафии утрачены полностью и определить, была ли там фамилия, невозможно.

Исследуя эпитафии т. н. бесфамильных надгробий, достаточно сложно определить, чье под ним захоронение – субботническое или еврейское. Относительной подсказкой в ту или иную сторону могут служить имена, но и здесь возникают значительные трудности. Имена у субботников, как и у этнических евреев, были библейскими, однако утверждение исследователей других субботнических общин о том, что библейские имена субботников и субботниц зиминской общины ограничивались именами праотцов Авраама, Исаака и Якова и праматерей Сарры, Ревекки, Рахили и Леи, не обосновано. Живя рядом с евреями и беспрепятственно общаясь с ними на протяжении долго периода, субботники собирали для себя и своих детей разнообразную коллекцию еврейских имен, и не только библейских. Ко второй половине XIX в. среди субботников появились не только Иосифы, Моисеи, Давиды и Аароны, но и Мордехай, Лейбы, Борухи и Гирши.

Подражая еврейским традициям, субботники давали своим детям и двойные имена. В течение жизни у евреев-ашкеназов менять имена было не принято, если только человек не переходил в другую религию. В связи с этим и у мужчин, и у женщин к первому имени часто добавлялось второе. Во время тяжелых болезней ребенку давали второе имя в качестве защитного, а здоровому таковое могли присвоить, просто чтобы уберечь его, обманув ангела смерти. Самыми распространенными вторыми именами для мальчиков были Хаим (*жизнь* на иврите), Алтер (*старик* на идише) и Зейде (*дед* на идише), а для девочек – их женские эквиваленты Хая, Алта и Зельда. Перечисленные идишские имена практически никогда не давали при рождении,

а дополнительное имя часто ставили впереди. Пример подобного двойного имени у зиминских субботников можно отметить на надгробии ребенка Хаима-Ицхака Пьянкова, сына Реувена Пьянкова, старосты молельни и потомственного мозеля, совершавшего обряд обрезания. Специфическими субботническими библейскими мужскими именами были имена Захарий, Илия, Йона, Иеремия, к женским же именам подобного рода можно отнести имя Хана.

Стоит отметить, что расширенные эпитафии, содержащие такие дополнительные элементы, как формулы восхваления умершего, подчеркивающие праведность, богобоязненность, благотворительность, выражения скорби и горя близких умершего, были обнаружены лишь на двух надгробиях. Первая эпитафия находится на надгробии из плохо сохранившегося песчаника над захоронением Захария сына Элизера Козьмина, имеющем клеймо его сына Моисея Захарьевича Козьмина. Эпитафия на стеле содержит панегирик, подчеркивающий праведность, богобоязненность и благотворительность усопшего. Начальные буквы каждой строки восхваляющего текста складываются в акrostих, по которому можно прочесть имя усопшего Захария. Вторая расширенная эпитафия обнаружена на надгробии молодой женщины Ханы дочери Ирмиягу (Анны Иеремиевны) Козьминой, погибшей во время родов. Судя по фамилии, возрасту женщины и сложности эпитафии на ее надгробии, можно предположить, что ее также составил Моисей Козьмин, а умершая была его первой женой. Кроме четырех неотъемлемых элементов – вступительной формулы, имени и патронима, даты смерти и завершающего благословения – эпитафия содержит формулу восхваления усопшей «погасла свеча благословенной и мудрой женщины» и начальных слов цитаты из Танаха «об этом мои глаза плачут», которые в полной версии звучат как «Об этом плачу я, лютятся слезы из очей моих, как вода, ибо удалился от меня утешитель, отрада души моей»¹³. Данная эпитафия на этом не заканчивается – далее она содержит информацию о болезни и причине смерти усопшей, из которой становится понятно, что у молодой 20-летней женщины, прожившей в браке всего лишь два года, были тяжелые роды, в течении трех суток она не могла родить и умерла, не получив квалифицированной медицинской помощи.

18 надгробий имеют двуязычные эпитафии. Субботники не знали иврита и для написания ивритской части текста обращались к местным евреям, русскоязычную же часть они составляли сами. Как правило, подобные тексты не совпадают по нескольким основным пунктам, главным из которых является несоответствие

¹³ Эйха, Мегилот, Ктувим (1:16). *TaHaX*. URL: <https://nev-tanah.info/hetuvim/megilot/eiha/ei-1/> (дата обращения: 25.12.2022).

дат по юлианскому и еврейскому календарям. Будучи поверхностно знакомыми с еврейским летоисчислением, при написании даты смерти субботники делали ошибки, не пересчитывая даты из одного календаря в другой, а просто подставляя в эпитафию название месяца из еврейского календаря, о чем также пишет С. Х. Бейлин в своей статье «Кое что о зиминских субботниках»: «Еврейские месяцы зиминские субботники переводят следующим неправильным образом, не подозревая даже о своей ошибке, а именно: январь – это Шват, обратно: Шват – январь; Адар – февраль, Нисан – март и т.д., и таким образом у них выходит в еврейский високосный год два февраля – февраль I и февраль II, соответственно Адару I и Адару II. Также данное число еврейского месяца они своеобразно переводят таким же числом соответствующего русского месяца, и таким образом получается следующая курьезная неточность: у них всегда бывает соответствие чисел между сходственными еврейскими и русскими месяцами, как и обратно, и к тому еще во все годы, что на самом деле бывает совсем не часто, раз в несколько лет, и то в одном только каком-либо месяце» [Бейлин 1913: 295–296].

Другой характерной особенностью для двуязычных субботнических эпитафий является размещение текстов на иврите и русском языке не один под другим (такое размещение также присутствует на некоторых надгробиях), а параллельно. Подобные тексты композиционно представляют собой открытую книгу, где на станице слева расположен текст на русском языке, а на странице справа – на иврите. Еще одной особенностью эпитафий на русском языке является сокращение вводной формулы «здесь покоится» по образу акронима на иврите до букв ЗП, после которых написано слово *прах*, нехарактерное, например, для еврейского Амурского кладбища Иркутска. С начала 1920-х гг. тексты эпитафий стали записываться только на русском языке [Берман 2021: 212; Козьмин 1915: 390].

Еврейские захоронения на территории некрополя

На протяжении всего XIX в. Иркутская губерния активно пополнялась евреями-ссыльнопоселенцами. Жили они и в с. Зима. К середине XIX в. местные власти совершенно потеряли интерес к сектантам и официальный запрет на их контакты с евреями контролировали слабо. Именно с этого времени начались регулярные браки между представителями этнических евреев и субботников. И если М. З. Козьмин в своих статьях в журнале «Еврейская старина» за 1914–1915 гг. обходил этот вопрос стороной, предусмотрительно написав, что он женат

на еврейке, но ни о каких других подобных смешанных браках в Зиме не знает, то иркутский раввин С. Х. Бейлин в 1913 г. писал в журнале «Пережитое» совершенно об обратном: «В большинстве случаев зиминские субботники <...> рождаются между собою, но все-таки охотно рождаются и с местными и окрестными евреями; в особенности охотно выдавали раньше родители-субботники своих дочерей за коренных евреев, дабы они могли научиться от евреев еврейским обычаям и законам. Мне известны в Иркутске свыше десяти браков между членами субботнических и еврейских семейств, напр.: Грубель, Кукс, Левенсон, Фишер, Юцис, Козминский, Зеликсон, Зисман, Флекель – коренные евреи, женатые на субботницах, и, обратно, субботники, женатые на коренных еврейках – упомянутый Козьмин, Каган (в селе Черемхове) и др.» [Бейлин 1913: 293].

О еврейских захоронениях на кладбище М. З. Козьмин писал: «Местные зиминские евреи, живущие здесь в небольшом количестве (приблизительно семейств 10), хоронят своих покойников в соседнем селе Кимельтее, где находится издавна еврейское кладбище; но иногда хоронят и на нашем кладбище, с согласия нашего общества» [Козьмин 1913: 172]. В свою очередь, С. Х. Бейлин писал: «Субботническим кладбищем пользуются и местные евреи (ссылно-поселенцы евреи и местные еврей-крестьяне своего отдельного кладбища не имеют). Надгробные памятники у них бывают с надписями на древнееврейском или русском языке, или одновременно на обоих языках, как это, впрочем, вообще принято в сибирских городах или в местностях вне черты еврейской оседлости» [Бейлин 1913: 292].

Обследование рассматриваемого кладбища в 2017 и 2019 г. показало, что захоронение сектантов-субботников и евреев происходило без деления на сектора. Исходя из анализа 80 каталогизированных надгробий с большой долей уверенности можно утверждать, что лишь 8 захоронений были еврейскими. Такое утверждение опирается в первую очередь на еврейские фамилии усопших, указанные в эпитафиях: Каплан Арон (Меир) Ильич, Львович Иуда Борухович, Миркин Фрума Ицхаковна, Перский Израиль Лейбович, Гейман Рахмиэль Яковлевич, Гринберг Яков Эфраимович, Иозеф Герш Осипович, Ицкевич Лея.

Список евреев и русских сектантов-субботников иудейского вероисповедания, составленный по эпитафиям надгробий, установленных на смешанном иудео-субботническом кладбище г. Зима Иркутской губернии (области) за период 1865–1947 гг., представлен в таблице¹⁴. В ходе работы была произведена

¹⁴ Сост. по: тексты эпитафий сохранившихся надгробий за период 1865–1947 гг.; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 66. Л. 3; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 66. Л. 39 об.; ГАИО. Ф. 789. Д. 88 Л. 24 об.; Бейлин С. Х. Кое-что о зиминских субботниках [Бейлин 1913: 295, 296].

фотофиксация 80 сохранившихся исторических надгробий периода 1865–1947 гг., одно из которых было установлено над двойным захоронением, также дополнительно 3 фамилии установлены из других источников (для каждой из них отдельно в сноске указан источник).

Табл. Список захороненных на смешанном иудео-субботническом кладбище г. Зима Иркутской губернии (области) за период 1865–1947 гг.

Tab. List of those buried at the mixed Jewish-Subbotnik cemetery in Zima, Irkutsk Province (Region), in 1865–1947

№	Фамилия, имя, патроним (отчество)	Пол	Национальная принадлежность	Дата смерти	
				По еврейскому календарю	По юлианскому календарю ¹⁵
1	Без фамилии // Хана / Авраам	женщина	не установлено	17 тамуз 5677 г.	[24 июня 1917 г.]
2	Без фамилии // Дов Берл, Борис / Йехуд Лейб, Леонтьев	мужчина	не установлено	9 сиван 5671 г.	[23 мая 1911 г.]
3	Без фамилии // Давид / Захарий, Захаров	мужчина	не установлено	9 хешван [?] г.	[октябрь – ноябрь (год не читаем)]
4	Без фамилии // Двора / Авраам	женщина	русская сектантка-субботница	шват 5628 г.	[январь – февраль 1868 г.]
5	Без фамилии // Давид / Авраам	мужчина	не установлено	12 ава 5655 г.	[21 июля 1895 г.]
6	Без фамилии // Давид / Ицхак	мужчина	не установлено	26 тевет 5665 г.	[21 декабря 1904 г.]
7	Без фамилии // Иосиф / Шмуэль	мужчина	не установлено	22 нисан 5652 г.	[7 апреля 1892 г.]
8	Без фамилии // Иосиф / Захарий	мужчина	не установлено	9 адара 5654 г.	[3 февраля 1894 г.]
9	Без фамилии // Ицхак / ?	мужчина	не установлено	–	–
10	Без фамилии // Иосиф / Ицхак	мужчина	русский сектант-субботник	2 нисан 5627 г.	[24 мая 1867 г.]
11	Без фамилии // Яков / Авраам	мужчина	не установлено	6 тамуз 5655 г.	[16 июня 1895 г.]
12	Без фамилии // Лея / Авраам	женщина	русская сектантка-субботница	14 тишрей 5623 (8?) г.	[26 сентября 1862 (6?) г.]
13	Без фамилии // Михаэль / Ицхак	мужчина	не установлено	2 тишрей 5649 г.	[26 августа 1888 г.]
14	Без фамилии // Хана / Авраам	женщина	русская сектантка-субботница	19 тишрей 5626 г.	[27 сентября 1865 г.]
15	Без фамилии // Ривка / Давид	женщина	не установлено	8 шват [?] г.	[январь – февраль (год не читаем)]
16	Без фамилии // Эстер / Авраам	женщина	не установлено	–	–
17	Без фамилии // Яков / Иосиф	мужчина	не установлено	Кислев 5671 г.	[декабрь 1910 г.]
18	Без фамилии // Хана / Цви	женщина	русская сектантка-субботница	1 тиват 562[?] г.	[186? г.]
19	Гейман // Рахмиэль / Яковлев	мужчина	еврей	–	13 июня 1890 г.
20	Гринберг // Яков / Эфраим (Ефремов)	мужчина	еврей	–	–
21	Дмитриева // Рахиль / Абрамовна	женщина	русская сектантка-субботница	23 тислих 1929 г.	

¹⁵ В квадратных скобках приводится пересчет автором дат из еврейского календаря в григорианский.

№	Фамилия, имя, патроним (отчество)	Пол	Национальная принадлежность	Дата смерти	
				По еврейскому календарю	По юлианскому календарю ¹⁵
22	Дубинчев // Шмуэль / Яков	мужчина	не установлено	566[?] г.	[190? г.]
23	Ильичёв // Арон / Давидович	мужчина	русский сектант-субботник	10 нисан 1926 г.	
24	Ильичёв // Исай / Абрамович	мужчина	русский сектант-субботник	–	–
25	Ильичёв // Иосиф / Захарьевич	мужчина	русский сектант-субботник	10 кислев 5650 г.	На надгробии: 10 ноября 1890 г. [21 ноября 1889 г.]
26	Ильичёва // Ревекка / Ионовна	женщина	русская сектантка-субботница	–	1923 г.
27	Ильичёва // Мариам / Исаковна	женщина	русская сектантка-субботница	5 сиван 5652 г.	На надгробии: 20 мая 1892 г. [18 мая 1892 г.]
28	Ильичёва // Нойма / Захаровна	женщина	русская сектантка-субботница	4 хешван 5654 г.	2 октября 1893 г.
29	Ильичёва // ? / ?	женщина	русская сектантка-субботница	–	–
30	Иозеф // Герш / Осипович	мужчина	еврей	–	1916 г.
31	Иозеф // Елена / Александровна	женщина	еврейка	–	1923 г.
32	Иозеф // Арон / Гершевич	мужчина	еврей	–	15 октября 1900 г.
33	Иозеф // Роха / Ароновна	женщина	еврейка	–	–
34	Иозеф // Леонтий / Григорьевич	мужчина	еврей	–	1920 г.
35	Иозеф // Моисей / Лей Гершев	мужчина	еврей	7 ава 5674	17 июля 1914
36	Иозеф // Феодосия / Григорьевна	женщина	еврейка	–	1912 г.
37	Иозеф // Хава / Павловна	женщина	еврейка	–	1919 г.
38	Ицкевич // Лея / ?	женщина	еврейка	–	–
39	Кабанов // Марк / Данилович	мужчина	русский сектант-субботник	2 декабря 1902 г.	–
40	Каплан // Арон [Меир] / Ильич	мужчина	еврей	5 ияр 5651 г.	На надгробии: 27 апреля (год не читаем) [1 мая 1891]
41	Козьмин // Борис / Аронов	мужчина	русский сектант-субботник	–	18 октября 1895 г.
42	Козьмина // Сара / Давид	женщина	русская сектантка-субботница	9 кислев 5651 г.	[9 ноября 1890 г.]
43	Козьмина // Хана, Анна / Ирмиягу, Иеремиевна	женщина	русская сектантка-субботница	2 мархешван 5653 г.	23 октября 1892 г.
44	Козьмин // Захарий / Элеезер	мужчина	русский сектант-субботник	–	–

№	Фамилия, имя, патроним (отчество)	Пол	Национальная принадлежность	Дата смерти	
				По еврейскому календарю	По юлианскому календарю ¹⁵
45	Козьмина // Ревека / Захарова	женщина	русская сектантка-субботница	–	–
46	Козьмина // Дина / Исаевна	женщина	русская сектантка-субботница	27 тамуз 5664 г.	На надгробии: 26 июня 1904 г. [27 июня 1904 г.]
47	Колесникова // Хая Сара / Яков	женщина	русская сектантка-субботница	–	–
48	Колесников // Аарон / Ионович	мужчина	русский сектант-субботник	2 тамуз 5664 г.	На надгробии: 2 июня 1904 г. [2 июля 1904 г.]
49	Львович // Иуда / Борух	мужчина	еврей	4 нисан 5678 г.	[4 марта 1918 г.]
50	Маслов // Яков / Абрамович	мужчина	русский сектант-субботник	16 адар 1 5657 г.	На надгробии: 16 февраля-1 1897 г. [6 февраля 1897 г.]
51	Миркин // Фрума / Ицхак	женщина	еврейка	9 тамуз 56[??] г.	–
52	? // урожден. Миркина // Фрида / Ицхоковна	женщина	еврейка	–	–
53	Перский // Израиль Зелик / Иуда Лейб	мужчина	еврей	12 ав 5669 г.	[17 июля 1909 г.]
54	Потапов // Абрам / ?	мужчина	русский сектант-субботник	–	1947 г.
55	Потапов // Павел / Леонтьевич	мужчина	русский сектант-субботник	–	–
56	Потапов // Яков / Михайлович	мужчина	русский сектант-субботник	–	–
57	Потапов // Яков / Ильич	мужчина	русский сектант-субботник	7 адар 5648 г.	[7 февраль 1888 г.]
58	Потапова // ? / ?	женщина	русская сектантка-субботница	–	–
59	Потапова // ? / ?	женщина	русская сектантка-субботница	–	–
60	Прокофьев // Самуил / Яковлевич ¹⁶	мужчина	русский сектант-субботник	23 нисан [5]656 г.	23 марта 1896 г.
61	Пьянков // Хаим-Ицхак / Реувен	мужчина	русский сектант-субботник	12 шват 56[??] г.	–
62	Пьянкова // Рахиль / Владимировна	женщина	русская сектантка-субботница	–	21 апреля 1923 г.

¹⁶ Сост. по: [Бейлин 1913: 295, 296].

№	Фамилия, имя, патроним (отчество)	Пол	Национальная принадлежность	Дата смерти	
				По еврейскому календарю	По юлианскому календарю ¹⁵
63	Розенберг // Исай / Маркович ¹⁷	мужчина	еврей	Умер 8 шват / погребен 9 шват 5668 г.	Умер 29 декабря / погребен 30 декабря 1907 г.
64	Федасева [Федосеева] // ? / ?	женщина	русский сектант-субботник	–	1866 г.
65	Шишлянников // Ицхак / Афанасьевич	мужчина	русский сектант-субботник	26 сиван 5662	На надгробии: 18 июня 1902 г. [18 июня 1902 г.]
66	Шишлянников // Леонтий / Моисеевич	мужчина	русский сектант-субботник	–	–
67	Шишлянников // Давид / Захарьев	мужчина	русский сектант-субботник	–	–
68	Шишлянникова // Рахиль / Исаевна	женщина	русская сектантка-субботница	–	–
69	Шишлянникова // Эсфирь / Марковна	женщина	русская сектантка-субботница	24 адар-2 5660 г.	На надгробии: 12 марта 1900 г. [12 марта 1900 г.]
70	Штырбу // Иосиф / Абрум (Абрам) Элев ¹⁸	мужчина	еврей	Умер 5666 26 тевеса / погребен 28 тевеса 5666 г.	Умер 1906 10 января / погребен 12 января 1906 г.
71	Неизвестная // Рахиль / ?	женщина	не установлено	–	–
72	Неизвестный // ? / Захария	мужчина	не установлено	–	–
73–84	Неизвестный (ая)	–	не установлено	–	–

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Российскими законодательными актами начала XIX в. запрещались контакты русских сектантов-субботников с еврейским населением империи. Несмотря на это, в Иркутской губернии местные власти не ограничивали религиозные и бытовые контакты двух групп. Благодаря этому на протяжении 100 лет субботники учились у этнических евреев основным законам иудаизма и различным религиозным обрядам, в том числе связанным с организацией похорон и устройством кладбищ. В результате такого контакта в с. Зима Балаганского уезда в начале 1830-х гг. возникло уникальное иудео-субботническое кладбище, сохранившееся до настоящего времени. Изначально на нем хоронили как сектантов, так и местных евреев.

Кладбище является действующим, на нем хоронят потомков субботников, а при посещении кладбища по-прежнему соблюдают субботу. Самые ранние сохранившиеся надгробия датируются 1860-ми гг.

Эпитафии на надгробиях XIX – начала XX в. выполнены на иврите с соблюдением устоявшейся структуры. Это дает возможность предположить, что их выполняли или местные евреи-ссылнопоселенцы, или образованный сектант-субботник М. З. Козьмин. На большинстве надгробий в тексте на иврите отсутствуют фамилии, как и было принято на еврейских кладбищах до начала XX в., что говорит о низкой ассимиляции местного сектантского и еврейского населения с местным православным. Некоторые эпитафии дополняет русский текст. При сравнении эпитафий на иврите и русском

¹⁷ Сост. по: ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 66. Л. 39 об.

¹⁸ Сост. по: ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

языке в рамках одного надгробия можно сделать вывод, что в большинстве случаев они составлялись разными людьми – русскоязычные тексты говорят о низком уровне грамотности у субботников.

На территории зиминского некрополя кроме захоронений сектантов-субботников находятся и захоронения евреев-ссылнопоселенцев, проживавших в течение всего XIX в. в с. Зима. Деления на еврейскую и сектантскую части при обследовании кладбища обнаружено не было, а еврейские захоронения расположены в зиминском некрополе по всей территории старого участка кладбища.

Многие надгробия не имеют дополнительного текста на русском языке, а в эпитафиях на иврите не указаны фамилии усопших. Это затруднило атрибуцию захоронения как еврейского, т. к. имена у евреев и субботников были одинаково библейскими: Ицхак, Хаим, Яков, Авраам, Аарон, Лея, Ревекка, Эстер и т. п. Есть и более субботнические – русифицированные «еврейские» – имена, практически не применяемые этническими евреями и дающие возможность дифференцирования надгробий, такие как Захарий, Илия, Йона, Иеремиа.

Таким образом, некрополь ссыльных сектантов-субботников иудейского вероисповедания г. Зима Иркутской области является важнейшим историческим памятником одного из распространенных на территории Российской империи сектантского движения первой половины XIX в. Уникальность некрополя заключается в том, что сохранившиеся на нем надгробия второй половины XIX в. с текстами эпитафий на иврите говорят о тесных религиозных и бытовых контактах между сектантами-субботниками и этническими евреями, что было запрещено российскими властями законодательно. На подобные связи указывает и присутствие на данном кладбище еврейских надгробий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бейлин С. Х. Кое-что о зиминских субботниках. *Пережитое: сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России*. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1913. Т. 4. С. 288–297. [Beilin S. Kh. The Subbotniks of Zima. *The past: a collection dedicated to the social and cultural history of Jews in Russia*. St. Petersburg: Tip. Akts. Obsh. Brokgauz-Efron, 1913, vol. 4, 288–297. (In Russ.)]
- Берман Е. А. Историко-культурные особенности секты «субботников» в с. Зима Балаганского у. Иркутской губ. (XIX–XX вв.). *Этнос и конфессия: XVIII Междунар. Санкт-Петерб. этнографич. чтения* (Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2019 г.) СПб.: СПГУТД, 2019. С. 61–66. [Berman E. A. Historical and cultural features of the sect of subbotnik of Zima village, Balagan district, Irkutsk province, XIX–XX centuries. *Ethnos and denomination: Proc. XVIII Intern. St. Petersburg Ethnographic Readings*, St. Petersburg, 3–5 Dec 2019. St. Petersburg: SPUTD, 2019, 61–66. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/msasyx>
- Берман Е. А. Сектанты-субботники Иркутской губернии в исследованиях этнографа, раввина г. Иркутска С. Х. Бейлина. *Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история азиатских окраин России*, отв. ред. Н. Г. Суворова. Омск: ОмГУ, 2021. С. 211–215. [Berman E. A. Subbotnik sectarians of the Irkutsk province in the research of the ethnographer and rabbi of Irkutsk S. Kh. Beilin. *The people of the empire or the empire of people: Personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia*, ed. Suvorova N. G. Omsk: OmsU, 2021, 211–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.211-215>
- Берман Е. А., Орехова Н. А., Генина Е. С. Сектанты-субботники Иркутской и Енисейской губерний (первая четверть XIX в. – первая четверть XX в.). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021. № 71. С. 133–140. [Berman E. A., Orekhova N. A., Genina E. S. Subbotniks cult followers of Irkutsk and Yenisei provinces (the first quarter of the 19th century – the first quarter of the 20th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2021, (71): 133–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/71/19>
- Буланова Н. Н., Казарин В. Н. Международная научно-практическая конференция «Иркутский мемориал. Исследования и реконструкция», 17 мая 2019 г., ИГУ. Правовые, этнокультурные, исторические аспекты изучения. *Сибирский юридический вестник*. 2019. № 3. С. 108–111. [Bulanova N. N., Kazarin V. N. The International conference "Irkutsk Memorial. Research and Reconstruction", 17 may, 2019, Irkutsk State University. Legal, ethnocultural, historical aspects of the research. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2019, (3): 108–111. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pcb bef>

- Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Доп. кн. 8: История распоряжений по расколу. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1863. 656 с. [Varadinov N. V. *History of the Ministry of Internal Affairs. Additional book 8: The history of orders for the Raskol*. St. Petersburg: Tip. M-va vnutr. del, 1863, 656. (In Russ.)]
- Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типо-лит. П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1915. 394 с. [Voitinskii V. S., Gornshtein A. Ia. *Jews in Irkutsk*. Irkutsk: Tipo-lit. P. I. Makushina i V. M. Posokhina, 1915, 394. (In Russ.)]
- Гарашенко А. Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. Иркутск: Земля Иркутская, 2016. 464 с. [Garashchenko A. N. *Irkutsk Historical Necropolis: Jerusalem Cemetery*. Irkutsk: Zemlia Irkutskaiia, 2016, 463. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mnataw>
- Дулов А. В. Городские некрополи. Памятники истории и культуры Иркутска, сост. А. В. Дулов. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 102–107. [Dulov A. V. *Urban necropolises. Monuments of history and culture of Irkutsk*, comp. Dulov A. V. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1993, 102–107. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vypvrv>
- Дымшиц В. А. Этнографическое описание села Привольного. Материалы Шестой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 3. Еврейская культура и культурные контакты. М.: Пробел, 1999. С. 71–85. [Dymshits V. A. *Ethnographic description of the village of Privolny. Proceedings of the Sixth annual international interdisciplinary conference on Jewish studies. Pt. 3. Jewish culture and cultural contacts*. Moscow: Probel, 1999, 71–85. (In Russ.)]
- Жукова Л. Г., Киреева Н. М. Пространство кладбища в традиции астраханских субботников: похоронная и поминальная обрядность. *Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции*, отв. ред. О. В. Белова. М.: Гриф и К, 2008. Вып. 22. С. 280–292. [Zhukova L. G., Kireeva N. M. *Cemetery space in the tradition of Astrakhan Subbotniks: funeral and memorial rites. Sacred space in Slavic and Jewish cultural tradition*, ed. Belova O. V. Moscow: Grif i K, 2008, iss. 22, 280–292. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/srixtj>
- Жукова Л. Г., Киреева Н. М. Экспедиция к субботникам Астраханской области. *Живая старина*. 2009. № 1. С. 52–54. [Zhukova L. G., Kireeva N. M. *Expedition to the Subbotniks of the Astrakhan region*. *Zhivaya starina*, 2009, (1): 52–54. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kgcnnf>
- Заруцкий А. Г. Движение русских иудействующих (субботников) в Оренбургской губернии в пореформенный период. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2021. № 4. С. 59–69. [Zarutsky A. G. *Russian judaizers (subbotniks) in Orenburg province in post-reform period*. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2021, (4): 59–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2021.40.5>
- Каспина М. М., Мороз А. Б. Субботники Воронежской области. *Живая старина*. 2009. № 4. С. 39–41. [Kaspina M. M., Moroz A. B. *Subbotniks of the Voronezh Region*. *Zhivaya starina*, 2009, (4): 39–41. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nbfivb>
- Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. 2-е изд., дор. и испр. М.: Центрполиграф, 2011. 797 с. [Kobak A. V., Piriutko Yu. M. *Historical cemeteries of St. Petersburg*. 2nd ed. Moscow: Tsentrpoligraf, 2011, 797. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qptjtz>
- Козьмин М. З. Из быта субботников. *Еврейская старина*. 1914. Т. VII. С. 443–458. [Kozmin M. Z. *From the life of Subbotniks*. *Evreiskaia starina*, 1914, VII: 443–458. (In Russ.)]
- Козьмин М. З. Из быта субботников. Рассказано со слов моего отца. *Еврейская старина*. 1915. Т. VIII. С. 386–395. [Kozmin M. Z. *The life of Subbotniks, according to my father*. *Evreiskaia starina*, 1915, VIII: 386–395. (In Russ.)]
- Козьмин М. З. Прошлое и настоящее сибирских сектантов-субботников. *Еврейская старина*. 1913. Т. VI. С. 3–22; 62–183. [Kozmin M. Z. *The past and present of Siberian sectarian Subbotniks*. *Evreiskaia starina*, 1913, VI: 3–22; 162–183. (In Russ.)]
- Красильникова Е. И. Публикации историков о кладбищах городов – административных центров Западной Сибири. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 2. С. 89–92. [Krasilnikova E. I. *Historiography of urban cemeteries in the administrative centers of Western Siberia*. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2011, (2): 89–92. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nxvavl>
- Носоновский М. И., Фишель А. Д. Об уничтоженном старейшем в Восточной Европе (1520 г.) ашкеназском надгробии из Острога. *Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике*. 2020. № 20. С. 173–190. [Nosonovsky M. I., Fishel A. D. *The oldest Ashkenazi gravestone from Ostrog (1520) and its destruction*. *Tirosh. Jewish, Slavic & Oriental Studies*, 2020, (20): 173–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/2658-3380.2020.20.3.1>

- Попова Р. В. К изучению истории еврейской части Амурского кладбища. *Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: науч.-практ. конф.* (Иркутск, 6 декабря 2013 г.) Иркутск: Оттиск, 2014. С. 99–113. [Popova R. V. The history of the Jewish part of the Amur cemetery. *Irkutsk Memorial: research and reconstruction: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, Irkutsk, 6 Dec 2013. Irkutsk: Ottisk, 2014, 99–113. (In Russ.)]
- Хижая Т. И. «Начитавшись Библии»: к вопросу об идентичности русских иудействующих в XIX – начале XX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2014. № 4. С. 150–156. [Khizhaya T. I. "Having consumed too much Bible": concerning the identity of the Russian Judaizers of the XIXth – early XXth century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriiia 17. Filosofiiia. Konfliktologiiia. Kulturologiia. Religiovedenie*, 2014, (4): 150–156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sykrov>
- Хижая Т. И. Исследование движения субботников в российской науке: подходы, дискурсы, результаты. *История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования*, отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 155–167. [Khizhaya T. I. Research of the Subbotnik movement in Russian science: approaches, discourses, and results. *The history of religious studies and the intellectual history of Russia of the XIX – first half of the XX century. Archival materials and research*, eds. Shakhnovich M. M., Teriukova E. A. St. Petersburg: SPbSU, 2018, 155–167. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zcamlb>
- Хижая Т. И. Крестьяне «иудейской веры» во Владимирской губернии: феномен «домашнего сектантства» в XIX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2020. Т. 36. № 1. С. 196–209. [Khizhaya T. I. The peasants of "Judaic faith" in the Vladimir province: the "homegrown sectarianship" phenomenon in the nineteenth century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiiia i konfliktologiiia*, 2020, 36(1): 196–209. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.116>
- Хижая Т. И. Субботники и евреи в российском обществе XIX – начала XX вв.: дискурсы восприятия. *Научные труды по иудаике: XX Междунар. ежег. конф. по иудаике*. (Москва, 3–5 февраля 2013 г.) М.: Пробел-2000, 2013. Т. 1. С. 131–150. [Khizhaya T. I. Subbotniks and Jews in Russian society of the XIX – early XX: discourses of perception. *Scientific works on Judaism: Proc. XX Intern. Annual Conf. on Judaism*, Moscow, 3–5 Feb 2013. Moscow: Probel-2000, 2013, vol. 1, 131–150. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uedmnr>
- Шилов Д. Н. Исторический некрополь России как предмет особой научной дисциплины (краткий обзор проблематики и новейших региональных изданий). *Библиография. Археография. Источниковедение*, ред.-сост. А. И. Раздорский, Д. Н. Шилов. СПб.-М.: Старая Басманная, 2012. Вып. 1. С. 29–35. [Shilov D. N. The Historical necropolis of Russia as a subject of a special scientific discipline: a brief overview of the problems and the latest regional publications. *Bibliography. Archeography. Source studies*, eds. and comps. Razdorsky A. I., Shilov D. N. St. Petersburg-Moscow: Staraia Basmannaia, 2012, iss. 1, 29–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vozcbl>

© 2023. Блинов А. В.

Кузбасс в образовательном пространстве

оригинальная статья

Кузбасс в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.)

Блинов Алексей Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>

Scopus Author ID: 57202907034

blinov_alexey_vlad@mail.ru

Поступила в редакцию 05.03.2023. Принята после рецензирования 27.03.2023. Принята в печать 27.03.2023.

Аннотация: Проанализированы тенденции развития образовательного потенциала территорий Кузбасса, которые в имперский период были неотъемлемой частью Томской губернии в административно-территориальном пространстве и Западно-Сибирского учебного округа в образовательном. Модернизационные процессы в регионе, ставшие следствием пуска Транссибирской железнодорожной магистрали и реализации аграрного проекта П. А. Столыпина, пришлись на время создания и развития единственного учебного округа на территории Азиатской России. В результате изменений экономической, демографической ситуаций и ментальных ценностей населения возросла роль образовательного фактора в жизни региона. Доминирующие позиции в образовательном ландшафте Кузбасса принадлежали начальным образовательным учреждениям, подчиненным или контролируемым Министерством народного просвещения через созданные административные структуры в рамках окружной модели. Наиболее динамичное открытие образовательных учреждений протекало на территории Мариинского и Томского уездов, в большей степени подверженных проявлениям модернизационных процессов. Данная тенденция нашла отражение в развитии образовательного потенциала не только сельского, но и городского пространства. Проявлениями усиления образовательного потенциала региона стали количественный рост начальных учебных заведений, усиление на региональном уровне контроля со стороны структурных элементов (дирекция, инспекторские районы, училищные советы) окружной модели. На фоне позитивных тенденций также существовали проблемы, связанные с отсутствием в регионе к концу имперского периода всего типологического состава образовательных учреждений, определенного стратегией Министерства народного просвещения, и наличием волостей, не обеспеченных учебными заведениями.

Ключевые слова: модернизация, административно-территориальная единица, учебное заведение, образовательное пространство, Западно-Сибирский учебный округ, Кузбасс

Цитирование: Блинов А. В. Кузбасс в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 357–366. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-357-366>

full article

Kuzbass in the West-Siberian Academic Environment (1885–1917)

Alexey V. Blinov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>

Scopus Author ID: 57202907034

blinov_alexey_vlad@mail.ru

Received 5 Mar 2023. Accepted after peer review 27 Mar 2023. Accepted for publication 27 Mar 2023.

Abstract: In the Russian Empire, Kuzbass was an administrative part of the Tomsk Province. However, the local education belonged to the West-Siberian District, which united the entire Asian Russia. Its development coincided with the launch of the Great Trans-Siberian Railroad and P. A. Stolypin's agrarian reform. These events brought about serious changes in the local economy, demography, and mentality, which increased the role of education in the region. The region had no institutions of higher education, and the secondary schools were also scarce. The education was mostly represented

by primary schools, which were subordinate to the Ministry of Public Education. The Mariinsk and Tomsk Provinces were in the focus of modernization processes: a lot of rural and urban schools were opened there. However, by 1917, the West-Siberian District was still short of schools, and some areas had no educational institution of any level.

Keywords: modernization, administrative-territorial unit, educational institution, academic environment, Western Siberia educational district, Kuzbass

Citation: Blinov A. V. Kuzbass in the West-Siberian Academic Environment (1885–1917). *SibScript*, 2023, 25(3): 357–366. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-357-366>

Введение

В периоды активных фаз модернизации возрастает внимание властей и общественности к особой роли в этом процессе образовательного фактора. Еще в начале XX в. Д. И. Менделеев отмечал, что «образование есть благоприобретенный капитал, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости и опытности»¹. Принимая во внимание богатый и успешный отечественный опыт временных и региональных вариаций модернизации, трудно не согласиться с мнением Б. Н. Миронова о том, что из этого необходимо извлекать уроки [Миронов 2018: 54].

Кузбасс досоветского периода, с одной стороны, благодаря исторически сложившемуся индивидуальному сочетанию ряда характеристик (демографических, социокультурных, экономических и пр.) на всех этапах выступал как уникальный регион [Ермолаев 2016: 36], а с другой, согласно теории имперского регионализма [Базаров, Курас 2018; Дамешек, Дамешек 2018], как и ряд аналогичных регионов Российской империи, в результате переплетения территориальных и ведомственных интересов, постоянных агломерационных контактов функционально и структурно был частью системной целостности макрорегиона и выступал индикатором эффективности модернизационных процессов.

В силу геополитического положения в имперский период Кузбасс находился на пересечении ряда ведомственных пространств, в том числе образовательного. Последнее в исторической ретроспективе рассматривается как система территориально локализованных образовательных учреждений, взаимосвязанных как между собой, так и с организациями, выполняющими функции управления [Блинов 2018: 36–37].

В отечественной историографической традиции рассматриваемая проблема не получила должного освещения на фоне изучения образовательных процессов в масштабах Российской империи и Западной Сибири [Алязова 2009; 2010; Днепров 2014].

Историографическая ситуация определила цель исследования – выявить тенденции формирования

и место Кузбасса в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (ЗСУО) в период существования (1885–1917). Территориальные границы рассматриваемого региона – территория современной Кемеровской области – Кузбасса, представленная в исторической ретроспективе к концу имперского периода 31 волостью Кузнецкого, 23 – Мариинского и 8 – Томского уездов Томской губернии [Ермолаев и др. 2021: 156].

Методы и материалы

Статья является результатом аналитического исследования. Исходными материалами послужили исторические и историографические источники. Первая группа представлена нормативно-правовыми материалами, отложившимися в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ) и справочно-статистическими материалами (Памятными книжками Томской губернии и Памятными книжками ЗСУО). Вторая – аналитическими исследованиями, отражающими тенденции формирования образовательного потенциала ЗСУО [Блинов, Гончаров 2019; Войтеховская 2011; Гач 2011; Голикова 2014; Ищенко 2011; Мамкина, Блинов 2020; Недзельюк и др. 2020; Овчинников, Блинов 2014; Татарникова 2014; Шадрин и др. 2018].

Анализ основан, во-первых, на принципах историзма, объективности и системности; во-вторых, на многолинейной (учет корреляции исходных ресурсов и результатов, формирующихся под влиянием воздействующих факторов) и фронтирной (протекание процесса в условиях незавершенной инкорпорации) концепциях модернизации [Алексеев 2017; Иванова 2016; Побережников 2018]; в-третьих, на теоретико-методологических разработках в области историко-педагогических исследований: нелинейность историко-педагогического процесса (И. А. Колесникова); многомерность, полисубъективность и волнообразность модернизации образовательной модели (М. В. Богуславский) [Захарищева 2014; Шевелев 2018].

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1904. С. 240.

Кузбасс в модернизационных процессах конца XIX – начала XX в.

Пореформенный период в истории Кузбасса совпал с модернизационными процессами, способствовавшими ряду взаимосвязанных изменений.

Во-первых, в результате активизации переселенческого движения, связанного с запуском в 1898 г. Средне-Сибирского (Обь – Иркутск) участка Транссибирской магистрали, прошедшего через Томский и Мариинский уезды², и началом реализации в 1906 г. столыпинского аграрного проекта [Белянин 2012], в регионе наблюдалась устойчивая тенденция демографического роста. По сравнению с 1897 г. население Кузбасса к началу Первой мировой войны увеличилось на 45,1 % (Кузнецкий уезд – на 41,9 %, Мариинский – на 55,4 %, Томский – на 31,4 %) при сохранении стабильной доли (около 12 %) в масштабе губернии. Фаза демографического роста пришлось на время столыпинской аграрной реформы: с 1904 по 1913 г. население региона увеличилось на 50,9 % (городское – на 46,8 %, сельское – на 51,3 %). Наиболее динамичный демографический рост был характерен для сельской местности (Кузнецкий уезд – на 43,6 %, Мариинский – на 64,8 %, Томский – на 43,1 %) (табл. 1³).

Во-вторых, произошли изменения в инфраструктуре территории. Если к началу пуска Средне-Сибирского участка железной дороги на территории Кузбасса было 2 города (Кузнецк и Мариинск) и 544 сельских поселения, то к началу Первой мировой войны насчитывалось 3 города (Кузнецк, Мариинск, Тайга) и 769 сельских поселений. Наиболее активный

количественный рост сельских поселений произошел на территории Мариинского (50,2 %) и Томского (55,5 %) уездов (табл. 2⁴). Данная ситуация связана с двумя обстоятельствами: 1) с 1893 по 1906 г. переселенческие участки создавались на казенных землях (Мариинский и Томский уезды) и только с 1910 г., в соответствии с законом от 19 сентября 1906 г., на кабинетских (Кузнецкий уезд) [Дорохов и др. 2019: 281]; 2) Средне-Сибирская ветка железной дороги прошла по кузбасским территориям Томского (станции Поломошная, Литвиново, Тайга, Судженка) и Мариинского (станции Ижморская, Берикульская, Мариинск, Суслово, Тяжин, Итат) уездов⁵.

Табл. 2. Количественное распределение типов населенных пунктов Кузбасса по административно-территориальным единицам, конец XIX – начало XX в.

Tab. 2. Quantitative distribution of settlements in Kuzbass by administrative-territorial units, late XIX – early XX century

Уезд	Городские		Сельские	
	1897	1911	1897	1911
Кузнецкий	1	1	289	283
Мариинский	1	1	139	277
Томский	–	1	116	209
Всего	2	3	544	769

Табл. 1. Изменение численности населения Кузбасса, конец XIX – начало XX в., количество человек

Tab. 1. Population in Kuzbass, late XIX – early XX century

Год	Томская губерния	Кузнецкий уезд		Мариинский уезд		Томский уезд	
		город	сельская местность	город	сельская местность	город	сельская местность
1897	1929092	3617	87949	15439	90843	–	30103
1904	2239070	4099	92516	15845	110525	–	34426
1913	4181445	6110	212075	20861	170669	15653	79942

² Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге, под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здырского. СПб.: Тов. Худож. печати, 1900. С. 85.

³ Сост. по: Список населенных мест Томской губернии на 1893 год. Томск: Тип. Губ. правления, 1893. С. 2, 6–69, 270–381; Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск: Тов. «Печатня С. П. Яковлева» (Губ. Тип.), 1899. С. 2, 4–215, 472–591; Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск: Тов. «Печатня С. П. Яковлева» (Губ. Тип.), 1904. С. 1, 24–30; Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томск: Тип. Губ. управления, 1914. С. 136–147.

⁴ Сост. по: Список населенных мест Томской губернии на 1899 год... 782 с.; Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск: Тип. Губ. управления, 1911. 578 с.

⁵ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге... С. 293–300.

В-третьих, вектор экономического развития территории изменился в сторону многопрофильности. В Памятной книжке Томской губернии на 1914 г. отмечалось, что «в экономической жизни населения особенно южных уездов губернии имеет большое значение, кроме земледелия, скотоводство и маслоделие, а также кожевенное производство»⁶. Менялось хозяйственное состояние кузбасских городов. По данным на 1913 г. в Мариинске было 55 обрабатывающих предприятий, в Кузнецке – 29 обрабатывающих предприятий⁷. Рост городских бюджетов позволял закладывать отдельной статьёй расходы на нужды образования. Например, в 1912 г. расходы на сферу образования в городах Кузбасса составили 16,7 % (8352 руб.) от всех расходов, в 1913 г. – 10 % (11303 руб.)⁸.

В-четвертых, социально-экономические изменения повлияли на отношение сибирского общества к образованию, которое стало рассматриваться как необходимый фактор существования в новых реалиях [Литягина 2013; 2014]. В городах Кузбасса вслед за губернским центром, где в 1882 г. было создано «Общество попечения о начальном образовании», стали появляться аналогичные образования: Кузнецкое (1899) и Мариинское (1902) «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся» [Войтеховская 2011].

Вышеупомянутые проявления модернизации совпали с созданием в 1885 г. единственного на территории Азиатской России и последнего в империи Западно-Сибирского учебного округа⁹ с доминирующими позициями в образовательном пространстве Министерства народного просвещения (МНП), что, как отмечает М. В. Богуславский, соответствовало политике самодержавия в области народного образования, которая «была направлена на поиск его оптимального варианта, т.е. гарантирующего возможность модернизации страны при сохранении стабильности государства» [Богуславский 2006: 10].

В окружном масштабе кузбасские территории составляли около 12,5 % от его площади¹⁰.

Образовательный потенциал Кузбасса

К 1885 г. на территории Кузбасса при отсутствии высших и средних учебных заведений размещалось 44 начальных, что составляло 31,2 % от этого типа по Томской губернии и 8,9 % по ЗСУО. Доля учебных заведений МНП составляла 25 % при сохранении лидирующих позиций за школами Министерства внутренних дел (МВД) (табл. 3¹¹, табл. 4¹²).

Начальные учебные заведения, за исключением Кузнецких уездного (1828) и одноклассного мужского училищ (1853), были сельскими. Территория Кузнецкого уезда была представлена 4 школами МНП и 6 школами МВД; Мариинского – 4 МНП и 19 МВД; Томского – 1 МНП и 6 МВД¹³. На долю волостей с учебными заведениями только МНП приходилось 30,8 % от общего количества: Кузнецкий уезд – Касьминская, Мунгатская, Тарсминская; Мариинский – Дмитриевская; МВД – 53,8 %: Кузнецкий – Верхотомская, Бачатская, Ильинская, Кузнецкая, Салаирская; двух ведомств – 7,7 %: Томский – Ишимская¹⁴.

За годы существования ЗСУО произошли как количественные, так и качественные изменения. К моменту упразднения окружной модели количество подконтрольных МНП учебных заведений в регионе увеличилось в 4,1 раза, что составляло 18,4 % от губернских и 7,2 % от окружных (табл. 3).

Было открыто единственное среднее учебное заведение – женская прогимназия в Мариинске (1902), преобразованная в 1910 г. в семиклассную гимназию с дополнительным педагогическим классом¹⁵.

Количество начальных учебных заведений увеличилось в 4 раза (Кузнецкий уезд – на 38,7 %, Мариинский – на 20,7 %, Томский – на 25 %) и составляло 18,8 % от губернских этого типа и 7,3 % – от окружных. Доля учебных заведений МНП увеличилась на 10,2 %, МВД – на 47,1 % (табл. 4).

Образовательный ландшафт кузбасской территории к концу имперского периода был неоднородным. В городском пространстве выделялся Мариинск: 3 городских

⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1914 год... Статистический отдел. С. 19.

⁷ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск: Тип. Губ. управления, 1915. Статистические сведения. С. 16.

⁸ Памятная книжка Томской губернии на 1914 год... Статистические сведения. С. 22; Памятная книжка Томской губернии на 1915 год... Статистические сведения. С. 20.

⁹ Об учреждении Западно-Сибирского учебного округа: 12.03.1885. ПСЗРИ–3. Т. 5. № 2808. СПб.: Кодификац. отд. Гос. совета, 1887. С. 102.

¹⁰ Статистический ежегодник России. 1916 год. Вып. 1. М.: Тип. Моск. Сов. Раб. Солд. и Кр. деп., 1918. С. 9.

¹¹ Сост. по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Томск: Тов. С. П. Яковлева, 1916. 552 с.

¹² Сост. по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год... С. 345–357, 360–367, 395–397.

¹³ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год... С. 355–367, 395–397.

¹⁴ Там же. 345–357, 360–367, 395–397.

¹⁵ Там же.

Табл. 3. Место учебных заведений Кузбасса в территориальном и ведомственном пространствах
Tab. 3. Kuzbass academic institutions in the territorial and departmental spaces

Виды учебных заведений	Образовательное пространство					
	ЗСУО		Томская губерния		Кузбасс	
	1885	1917	1885	1917	1885	1917
Начальные	471	2444	135	943	44	178
Средние	20	69	6	34	–	1
Высшие	–	3	–	3	–	–
Всего	491	2516	141	980	44	179

Табл. 4. Ведомственная принадлежность начальных учебных заведений Кузбасса
Tab 4. Departmental affiliation of primary schools in Kuzbass

Уезд	1885			1917		
	МНП	МВД	всего	МНП	МВД	всего
Кузнецкий	6	6	12	25	6	31
Мариинский	4	19	23	61	50	111
Томский	1	8	9	22	14	36
Всего	11	33	44	108	70	178

приходских училища по Уставу 1828 г. – женское (1890), мужское (1903) и смешанное (1910); 1 мужское высшее начальное по Закону 1912 г., преобразованное в 1914 г. из городского по Положению 1872 г., открытого (1890); 2 начальных частных училища: им. И. А. и Е. С. Юдалевич (1906), Неведовой (1907), мужское еврейское училище (1906)¹⁶. В Кузнецке размещалось 2 городских приходских училища по Уставу 1828 г. – мужское (1853), женское (1894); 1 высшее смешанное начальное по Закону 1912, преобразованное в 1914 г. из уездного училища (1826), и 1 высшее женское училище (1916). В учрежденном в 1911 г. в г. Тайга, два года спустя, было открыто смешанное высшее начальное училище МНП¹⁷.

Сельская местность при увеличении количества волостей в 4,8 раза (с 13 до 62) [Ермолаев и др. 2021: 156] была неоднородно представлена начальными учебными заведениями различной ведомственной принадлежности. Только учебными заведениями МНП были представлены 27,4 % волостей: Кузнецкий уезд – Алексеевская, Вознесенская, Зарубинская, Касьминская, Кузедеевская, Лебедевская, Морозовская, Мунгатская, Салаирская, Смоленская, Тарсминская; Мариинский – Арсентьевская, Барзаская, Козюльская, Рубинская, Таловская, Тяжино-Вершинская; МВД – 11,3 %: Кузнецкий – Бачатская, Ильинская, Кузнецкая, Сарычумышская волости; Мариинский – Алчедатская, Верх-Чебулинская; Томский – Варюхинская; двух ведомств – 27,4 %: Кузнецкий – Верхотомская; Мариинский – Больше-Барандатская, Дмитриевская, Златогорская, Итатская, Колыонская, Корчуковская, Малопесчанская, Почитанская, Суловская, Тамаровская, Тюменевская, Тундинская, Тяжинская; Томский – Ишимская, Судженская, Тутальская¹⁸.

По мере экономического освоения региона формировался образовательный облик новых промышленных зон. В Кузнецком уезде в 5 верстах от Щеглово (Верх-Томская волость) на средства Кузнецких каменноугольных копий было открыто частное низшее училище (1914)¹⁹. На территории Мариинского уезда располагалось 3 частных смешанных училища: на станции Мариинск Томской железной дороги (1902), при Бирикульском прииске Российского золотопромышленного общества (1916) и Центральном руднике общества Мариинских приисков (1910)²⁰. В Томском уезде начальные училища были открыты на станции Анжерская: мужские двухклассное (1899) и одноклассное (1913); на станции Тайга – двухклассное мужское (1898) и двухклассное женское (1915); частные – на Судженских каменноугольных копиях Л. А. Михельсона (1899) и на цементном заводе при разъезде Яшкино (1914)²¹.

Из имеющихся на территории Кузбасса школ к концу имперского периода только 67,6 % были обеспечены собственными помещениями, среди школ МНП – 75,2 %, МВД – 55,7 %²².

К 1917 г. контингент учащихся учебных заведений Кузбасса составлял 13866 с доминантой мужского пола (61,3 %). На долю Кузнецкого уезда приходилось

¹⁶ Там же. С. 367.

¹⁷ Там же. С. 328, 360.

¹⁸ Там же. С. 345–357, 360–367, 395–397.

¹⁹ Там же. С. 397.

²⁰ Там же. С. 367.

²¹ Там же. С. 328, 360.

²² Там же. С. 178.

18,2 % учащихся от общего количества учащихся кузбасских школ (мужчины – 11,5 %, женщины – 6,7 %); Мариинского – 55,4 % (мужчины – 35,1 %, женщины – 20,4 %); Томского – 26,3 % (мужчины – 14,7 %, женщины – 11,6 %). В школах МНП обучалось 69,2 % (мужчины – 67,3 %, женщины – 72,2 %). Учащиеся городских территорий Кузбасса к концу рассматриваемого периода составляли 10,1 % от общего контингента учащихся региона (Кузнецк – 3,1 %, Мариинск – 5,8 %, Тайга – 1,1 %). Среди сельских территорий доминировал Мариинский уезд, на долю которого приходилось 49,6 % от общего контингента учащихся и 55,2 % от учащихся сельских территорий Кузбасса (Кузнецкий – 15,1 % и 16,8 %; Томский – 25,2 % и 28 % соответственно) (табл. 5²³).

За время существования ЗСУО позиции МНП в регионе были усилены в силу ряда причин. Во-первых, развитие учебного законодательства (1907 г. – циркулярное распоряжение по МНП «О преобразовании городских училищ открытых по Положению о городских училищах 1872 г.»²⁴; 1888 г. – Положение о промышленных училищах²⁵; 1912 г. – закон О высших начальных училищах²⁶ и др.) повлекло открытие в данный период новых видов учебных заведений или перепрофилирование существующих, находящихся в прямом подчинении МНП. Во-вторых, был реализован проект МНП по унификации типо-видового многообразия образовательных учреждений под его началом. Так, с конца 1880-х гг.²⁷ обсуждался вопрос о передаче МНП сельских училищ других ведомств. На основании высочайшего разрешения от 16 октября 1901 г. Гурьевская и Салаирская школы (Кузнецкий уезд) из ведения

Министерства императорских дел и уделов переходили в подчинение МПН с приравниваем их к статусу начальных министерских училищ²⁸. Неопределенность, сопровождающаяся многочисленными дискурсами, возникла вокруг церковно-приходских школ, которые до конца имперского периода так и остались вне рамок контроля МНП [Гончаров 2012].

Однако существовала проблема: если на момент вхождения территорий Кузбасса в состав ЗСУО только на территории Тутальской волости Томского уезда не было учебных заведений, подведомственных или контролируемых МНП, то из числа образованных в 1910-е гг. в результате административно-территориальных преобразований под влиянием переселенческого движения таких было 33,9 %. От их количества на долю Кузнецкого уезда приходилось 71,4 %: Александровская, образованная в 1912 г., Барачатская (1913), Баяновская (1910), Вновь-Стрельнинская (1914), Караканская (1911), Кольчугинская (1912), Кондомская (1912), Крапивинская (1911), Мрасская (1912), Николаевская (1912), Прокопьевская (1911), Романовская (1912), Титовская (1913), Телеутская (1910), Томская (1912); Мариинского – 9,5 %: Бароковская (1911), Новоберезовская (1915); Томского – 19,1 %: Литвиновская (1909), Пачинская (1910), Сергиево-Михайловская (1912), Телеутская (1908)²⁹.

При положительной тенденции формирования образовательного ландшафта региона не весь видовой состав учебных заведений, определяемых имперским законодательством (мужские гимназии, реальные училища, учительские семинарии и институты, начальные и средние технические учебные заведения), был представлен.

Табл. 5. Контингент учащихся Кузбасса к 1917 г., количество человек

Tab. 5. Students in Kuzbass in 1917, number of people

Территория	Кузнецкий уезд			Мариинский уезд			Томский уезд		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
Городская	238	196	434	319	488	807	62	92	154
Сельская	1363	731	2094	4545	2337	6882	1977	1518	3495
Всего	1601	927	2528	4864	2825	7689	2039	1610	3649

²³ Сост. по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год... С. 345–357, 360–367, 395–397.

²⁴ Краткие сведения об училищах подведомственных Дирекции народных училищ Томской губернии, 1900–1911. Томск: Паровая тип. Н. И. Орловой, 1911. С. 4.

²⁵ Основные положения о промышленных училищах. 07.03.1888. ПСЗРИ–З. Т. 8. № 5057. СПб.: Кодификац. отд. Гос. совета, 1890. С. 78–83.

²⁶ О высших начальных училищах. 25.06.1912. ПСЗРИ–З. Т. 32. Ч. 1. № 37513. Петроград: Отд. свода законов Гос. канц., 1915. С. 949–958.

²⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 1585а. Л. 8.

²⁸ ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 74. Л. 2–3 об.

²⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год... С. 345–357, 360–367, 395–397.

Оформление системы управления учебными заведениями

Важной составляющей инкорпорации территории Кузбасса в окружное образовательное пространство стало оформление системы управления на общеимперских началах.

К моменту образования Западно-Сибирского учебного округа, согласно утвержденному в мае 1874 г. Положению о начальных народных училищах, в земских территориях школы этого типа, контролируемые МНП и преследовавшие цель «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания», были переданы на попечение губернских и уездных советов, в ведение директоров и инспекторов народных училищ, с сохранением прав на решение хозяйственных вопросов за ведомствами-учредителями³⁰. Учебные заведения Сибири в соответствии с Положением об управлении учебной частью в Западной Сибири 1859 г.³¹ находились под контролем директоров губернских гимназий, что делало их фактически бесконтрольными по причинам разбросанности по огромной территории и загруженности директоров.

Несмотря на попытки исправления имеющей место практики управления в предшествующий период [Мамкина, Блинов 2020: 122–124], наиболее действенные меры были приняты в рамках образованного ЗСУО. В октябре 1885 г. вопрос был инициирован попечителем В. М. Флоринским в рапорте на имя министра народного просвещения И. Д. Делянова, который обосновывал среди прочего необходимость создания дирекции народных училищ в Томской губернии³².

Положительное решение последовало спустя четыре года и было связано с появлением в мае 1889 г. указа Об учреждении в Тобольской и Томской губерниях должностей инспекторов народных училищ, на основании которого с 1 января 1900 г. для управления начальными школами Томской губернии было учреждено две инспекторские единицы³³.

Мариинский уезд наряду с Томским, Каинским и Нарымским составили первый (северный) инспекторский район с местопребыванием инспектора в Томске. Кузнецкий уезд наряду с Барнаульским, Бийским и Змеиногорским – второй (южный) под началом инспектора, находящегося в Барнауле³⁴.

В декабре 1899 г. положительное решение получил вопрос и об открытии с 1 января 1900 г. дирекции народных училищ в Томской губернии³⁵.

Практика показала, что имеющееся число инспекторов народных училищ не приносило ожидаемого результата. Например, в журнале постановлений Томского губернского училищного совета от 8 января 1905 г. было отмечено: «училища, подчиненные училищным советам, остаются без надлежащего руководства, надзора и контроля, исключая редких и случайных посещений немногих из них инспектором района... два инспектора народных училищ губернии, при их самом искреннем желании, не в силах сделать что-либо существенное и даже хотя бы ввести в правильную колею жизнь и деятельность школы»³⁶.

Последующие изменения в системе управления связаны с перераспределением уездов, представляющих территорию Кузбасса, по инспекторским районам. На основании заключения Государственного совета от 23 февраля 1904 г. с 1 января 1906 г. Мариинский и Каинский уезды были выведены из состава первого инспекторского района, образовав третий с центром в г. Мариинск. Кузнецкий уезд наряду с Бийским и Змеиногорским, выведенными из состава второго инспекторского района, составили четвертый с центром в г. Бийск³⁷.

Окончательное устройство Томская дирекция получила с открытием училищных советов на основании мнения Государственного совета от 23 февраля 1904 г. Кузнецкий уездный училищный совет был открыт 7 сентября, Мариинский – 6 ноября³⁸.

³⁰ По проекту нового Положения о начальных народных училищах. 25.05.1874. ПСЗРИ–2. Т. 49. Ч. 1. № 53574. С. 834–840.

³¹ Положение об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири. 12.04.1859. ПСЗРИ–2. Т. 34. Ч. 3. № 34355. С. 336–339.

³² ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 43. Л. 5 об.–6.

³³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1130. Л. 24 об.

³⁴ Там же. Л. 28–31 об.

³⁵ Об учреждении в Тобольской и Томской губерниях должностей Директоров народных училищ. 06.12.1899. ПСЗРИ–3. Т. 19. Ч. 1. № 17831. С. 1203.

³⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2214. Л. 30.

³⁷ Мисюров А. И. Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губернии. Томск: Типография Дома трудолюбия, 1913. С. 60.

³⁸ Там же. С. 58.

Заключение

Период интеграции территории Кузбасса, представленной в исторической ретроспективе территориями Кузнецкого, Мариинского и Томского уездов Томской губернии, в образовательное пространство ЗСГО пришелся на активные модернизационные процессы пореформенного периода, инициированные прохождением по территории региона Средне-Сибирского участка Транссибирской магистрали, реализации столыпинского аграрного проекта. Под влиянием демографического роста, активизации экономического сектора и изменений в отношении общества к образованию последнее получило активное развитие на региональном уровне.

Проявлениями усиления образовательного потенциала региона стали, во-первых, количественный рост начальных учебных заведений подконтрольных МНП, которые к концу рассматриваемого периода заняли доминирующие позиции в уездах, оказавшихся в зоне наиболее активной экономической модернизации;

во-вторых, усиление на региональном уровне контроля со стороны структурных элементов (дирекция, инспекторские районы, училищные советы) окружной модели. При положительной тенденции количественного роста начальных учебных заведений в рассматриваемый период в регионе не была создана основа для развития общего среднего и профессионального образования. Получившие развитие виды образовательных учреждений были не в равной степени представлены в административно-территориальных единицах рассматриваемого региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алексеев В. В. Фронтирная модернизация в имперской России. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2017. Т. 17. № 2. С. 6–13. [Alekseev V. V. Frontier-type modernization of Imperial Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2017, 17(2): 6–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ssh170201>
- Алязова З. С. Историографический обзор литературы конца XIX – начала 90-х годов XX века по проблемам реформирования системы образования в дореволюционной России. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009. № 12. С. 100–104. [Alyazova Z. S. Historiographic review of the literature from the late 19th century till the early 90-s of the 20th century on the problem reforming of education system in pre-revolutionary Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (12): 100–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/laiaeb>
- Алязова З. С. Обзор диссертационных исследований по истории общего и педагогического образования в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2010. № 1. С. 5–8. [Alyazova Z. S. Review of thesis researches on the history of general and pedagogical education in Western Siberia from the late 19th century till the early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, (1): 5–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mbcvjt>
- Базаров Б. В., Курас Л. В. Сибирский регионализм как фактор устойчивости Российской империи в трудах профессора Л. М. Дамешека (к 70-летию доктора исторических наук, профессора Дамешека Льва Михайловича). *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2018. Т. 24. С. 93–107. [Bazarov B. V., Kuras L. V. Siberian regionalism as a stability factor for the Russian Empire in the works of L. M. Dameshek (toward the 70th anniversary of D. Sc. in History, Professor Dameshek Lev Mikhailovich). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, 24: 93–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.93>
- Белянин Д. Н. Столыпинская аграрная реформа в Сибири. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 1. С. 14–18. [Belyanin D. N. Stolypins reform in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2012, (1): 14–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owkhdd>
- Блинов А. В. Тенденции формирования учебных заведений как фактор закрепления присутствия Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири в период отсутствия устойчивого образовательного пространства. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2018. Т. 25. С. 36–47. [Blinov A. V. Trends in the formation of educational institutions as a factor in consolidating the presence of the Ministry of Public Education on the territory of Western Siberia in the period of lack of sustainable educational space. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, 25: 36–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.25.36>

- Блинов А. В., Гончаров Ю. М. Деятельность Министерства народного просвещения в городах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: усиление образовательного потенциала в условиях модернизации. *Былые годы*. 2019. № 52. С. 736–747. [Blinov A. V., Goncharov Yu. M. Activities of the Ministry of the National Education in the cities of Western Siberia at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries: Strengthening of educational potential during the modernization. *Bylye Gody*, 2019, (52): 736–747. (In Russ.)] <https://doi.org/10.13187/bg.2019.2.736>
- Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект. *Вопросы образования*. 2006. № 3. С. 5–22. [Boguslavsky M. V. Reforms of Russian education in the XIX–XX centuries as a global project. *Voprosy Obrazovaniya*, 2006, (3): 5–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwtasv>
- Войтеховская М. П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011. № 4. С. 134–140. [Voitekhovskaya M. P. The development of elementary education in Western and Siberian educational district in connection with introduction of general education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2011, (4): 134–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oorllh>
- Гач О. Б. Развитие общего образования в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX в. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 13. С. 29–34. [Gach O. B. The development of general education in the West Siberian educational district at the end of the 19th – beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, (13): 29–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ophnpp>
- Голикова О. А. Развитие школьной сети Западно-Сибирского учебного округа в последней четверти XIX в. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-2. С. 153–156. [Golikova O. A. The development of schools network of West Siberian school district in the last quarter of the 19th century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 153–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcewgl>
- Гончаров М. А. Духовное ведомство и его место в системе управления духовно-учебными заведениями в середине – конце XIX в. *Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология*. 2012. № 4. С. 113–124. [Goncharov M. A. Spiritual Ministry and its place in the management of the spiritual educational institutions in the middle and in the end of the 19th century. *Vestnik PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psikhologiya*, 2012, (4): 113–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnbyvz>
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Избранное. Т. 2. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Оттиск, 2018. 416 с. [Dameshek L. M., Dameshek I. L. *Favorites. Vol. 2. Siberia in the system of Imperial regionalism (1822–1917)*. 2nd ed. Irkutsk: Ottisk, 2018, 416. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ovaxuv>
- Днепров Э. Д. Очерки историографии образования и педагогики дореволюционной России. М.: Мариос, 2014. 232 с. [Dneprov E. D. *Essays on the historiography of education and pedagogy of pre-revolutionary Russia*. Moscow: Marios, 2014, 232. (In Russ.)]
- Дорохов В. Г., Карпинец А. Ю., Пьянов А. Е. Реализация российской миграционной политики в Кузбасском регионе в конце XIX – начале XX веков. *Научный диалог*. 2019. № 12. С. 279–296. [Dorokhov V. G., Karpinets A. Yu., Pyanov A. E. Implementation of Russian migration policy in Kuzbass region in late XIX – early XX centuries. *Nauchnyi dialog*, 2019, (2): 279–296. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-279-296>
- Ермолаев А. Н. «История Кузбасса»: методологические принципы и некоторые итоги подготовки коллективной монографии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 4. С. 35–39. [Ermolaev A. N. "The history of Kuzbass": methodological principles and some results of the preparation of the multi-authored monograph. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (4): 35–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-4-35-39>
- Ермолаев А. Н., Карпинец А. Ю., Морозов Н. М., Усков И. Ю. История Кузбасса. Т. 2. Кн. 1. Кузнецкий край на переломе эпох в 1890-х – начале 1940-х годов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2021. 375 с. [Ermolaev A. N., Karpinets A. Yu., Morozov N. M., Uskov I. Yu. *History of Kuzbass. Vol. 2. Book 1. Kuznetsk Krai at the turning point of epochs in the 1890s – early 1940s*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2021, 375. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eajrnh>
- Захарищева М. А. Исторический опыт модернизации образования: методология исследования. *Сибирский педагогический журнал*. 2014. № 5. С. 174–177. [Zakharishcheva M. A. Historical experience of modernization of education: research methodology. *Siberian Pedagogical Journal*, 2014, (5): 174–177. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxkrpg>
- Иванова Л. М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной исторической науке. *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 410. С. 72–76. [Ivanova L. M. The Siberian frontier: the study of the issue in the Russian historical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (410): 72–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/410/11>

- Ищенко О. В. Развитие общего и профессионального образования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 13. С. 22–28. [Ishchenko O. V. The development of general education and vocational training in Western Siberia at the second half of the 19th – beginning 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, (13): 22–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ophnpf>
- Литягина А. В. Роль светской школы в повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 1-1. С. 26–34. [Litiagina A. V. The role of secular school in everyday life of citizens in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1-1): 26–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/satisl>
- Литягина А. В. Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. *Историческая психология и социология истории*. 2013. Т. 6. № 1. С. 99–110. [Lityagina A. V. Denerminants of West Siberian townsfolk's mentality in the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries. *Historical Psychology & Sociology*, 2013, 6(1): 99–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjdlqj>
- Мамкина И. Н., Блинов А. В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант. Чита: ЗабГУ, 2020. 280 с. [Mamkina I. N., Blinov A. V. *Regional models of education management in Imperial Russia: the Siberian version*. Chita: TbGU, 2020, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzpjyl>
- Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. № 1. С. 54–82. [Mironov B. N. Imperial and Soviet modernization. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*, 2018, 63(1): 54–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.104>
- Недзельюк Т. Г., Никулина И. Н., Потупчик М. Н., Литвинова О. А., Жилияков Д. В. Из истории развития народного образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Алтая). *Известия АлтГУ*. 2020. № 5. С. 38–46. [Nedzelyuk T. G., Nikulina I. N., Potupchik M. N., Litvinova O. A., Zhilyakov D. V. From the history of the development of public education in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century (illustrated by the example of Altai). *Izvestiya of Altai State University*, 2020, (5): 38–46. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-05](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-05)
- Овчинников В. А., Блинов А. В. Становление горного профессионального образования на территории Кузбасса в XVIII – первой половине XIX в. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2014. № 1. С. 144–151. [Ovchinnikov V. A., Blinov A. V. Formative stage of mining vocational education in Kuzbass territory in the XVIII – first half of the XIX century. *Professional education in Russia and abroad*, 2014, (1): 144–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sazowp>
- Побережников И. В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации. *Уральский исторический вестник*. 2018. № 4. С. 72–80. [Poberezhnikov I. V. Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2018, (4). (In Russ.)] [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-72-80](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80)
- Татарникова А. И. Образовательные учреждения в сельских поселениях Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12-2. С. 397–401. [Tatarnikova A. I. Educational institutions in rural areas of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2014, (12-2): 397–401. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tenfrv>
- Шадрин А. С., Сидоров О. В., Козинец Н. Н. Развитие сословно-профессионального и специального образования в Сибири XIX – начале XX веков. *Педагогическое образование в России*. 2018. № 4. С. 18–27. [Shadrin A. S., Sidorov O. V., Kozinets N. N. Development of class-based professional and special education in Siberia in XIXth – early XXth centuries. *Pedagogical Education in Russia*, 2018, (4): 18–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po18-04-03>
- Шевелев А. Н. К проблеме эффективности историко-педагогических подходов. *Историко-педагогический журнал*. 2018. № 2. С. 74–95. [Shevelev A. N. To the problem of the effectiveness of the historical-pedagogical approaches. *Istorigo-pedagogiccheskii zhurnal*, 2018, (4): 18–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzqae>

© 2023. Комлева Е. В.

Сибирское купечество

оригинальная статья

Сибирское купечество на страницах путевого дневника и писем М. М. Сперанского (1819–1821 гг.)

Комлева Евгения Владиславовна

Институт истории СО РАН, Россия, Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

Scopus Author ID: 57219130220

feodal@history.nsc.ru

Поступила в редакцию 05.03.2023. Принята после рецензирования 25.04.2023. Принята в печать 25.04.2023.

Аннотация: На материалах путевого дневника, личных и деловых писем дореформенной России М. М. Сперанского, в 1819–1821 гг. проехавшего через всю Сибирь в качестве Сибирского генерал-губернатора, поднимается проблема взаимодействия государственной власти и частного капитала в процессе включения восточных территорий в единое экономическое и социокультурное пространство империи. Цель – раскрыть мнение М. М. Сперанского о сибирском купечестве – одном из наиболее влиятельных слоев регионального сообщества. Анализ первых впечатлений о сибирских купцах, отраженных в кратких дневниковых записях и в отличающихся большей пространственностью и подробностью письмах М. М. Сперанского к дочери и знакомым, а также в его деловой корреспонденции, выявил важное значение, которое он отводил купечеству в развитии хозяйственной и общественной жизни региона. Многочисленные контакты с купцами разных сибирских городов позволили ему сделать наблюдения о распространенных в купеческой среде настроениях, объемах и особенностях их коммерческих операций, весе и влиянии в обществе. Особое внимание он уделял наиболее видным представителям купечества, обладавшим крупными состояниями, с некоторыми из которых установил и в дальнейшем поддерживал через переписку доверительные отношения, оказывал помощь в разрешении возникавших у них затруднений. Отмечая как общие для всей России черты бытового уклада, повседневной жизни, культуры и хозяйственных отношений населения, так и региональную специфику, присущую разным областям Сибири, М. М. Сперанский выступал за свободу торговли, негативно оценивал сращивание корыстных интересов местного административно-управленческого аппарата и части купечества. Собранные сведения позволили ему разобраться и выработать мнение о таких важных для государства вопросах, как деятельность Российско-Американской компании и русско-китайская торговля через Кяхту. Прагматический интерес генерал-губернатора к купечеству выразился среди прочего в стремлении поощрить купцов к благотворительным пожертвованиям на различные нужды.

Ключевые слова: государство, частный капитал, М. М. Сперанский, путевой дневник, личная и деловая переписка, освоение региона, купечество, торговля, общественная позиция, экономика, Сибирь

Цитирование: Комлева Е. В. Сибирское купечество на страницах путевого дневника и писем М. М. Сперанского (1819–1821 гг.). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 367–378. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-367-378>

full article

Siberian Merchants in Mikhail M. Speransky's Travel Diary and Letters (1819–1821)

Evgeniya V. Komleva

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

Scopus Author ID: 57219130220

feodal@history.nsc.ru

Received 5 Mar 2023. Accepted after peer review 25 Apr 2023. Accepted for publication 25 Apr 2023.

Abstract: Mikhail M. Speransky was one of the most outstanding statesman of the Russian Empire. He was the Siberian Governor-General in 1819–1821. His Siberian travel diary and correspondence cast light upon the interaction between state power and private capital during the economic and socio-cultural integration of the Eastern territories. The research

objective was to reveal M. M. Speransky's opinion about Siberian merchants, who were the most influential regional community. The analysis included M. M. Speransky's brief diary entries and long letters to his daughter and friends, and as well as his business correspondence. M. M. Speransky believed that Siberian merchants were to play an important role in the development of regional economy and society. Numerous contacts with representatives of merchants from different Siberian cities allowed him to make observations about the moods spread in the merchant environment, the volume and features of commercial operations, their social role, etc. He also established good relations with the most prominent merchants. M. M. Speransky wrote about everyday life, culture, and economic relations of Siberian communities. He advocated the freedom of trade and despised the selfish attitude of the local administrations to the merchant class. He gathered information from different sources, including personal conversations with merchants, and developed an opinion on such important state issues as the activities of the Russian-American Company and the Russian-Chinese trade via Kyakhta. M. M. Speransky's had a pragmatic interest in merchants and encouraged them to make charity donations for various needs.

Keywords: state, private capital, Mikhail M. Speransky, travel diary, personal and business correspondence, development of the region, merchants, commerce, public position, economy, Siberia

Citation: Komleva E. V. Siberian Merchants in Mikhail M. Speransky's Travel Diary and Letters (1819–1821). *SibScript*, 2023, 25(3): 367–378. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-367-378>

Введение

В освоении Сибири, включении огромных, подчас труднодоступных территорий, отличающихся малочисленностью и полиэтническим составом населения, в единое экономическое и социокультурное пространство Российской империи одну из ключевых ролей играло сотрудничество государственных управленческих структур с представителями частного капитала. От того, насколько интенсивным и успешным оказывалось это взаимодействие, во многом зависели ход и результаты сложных интеграционных процессов. Чиновники высшего и среднего звена привлекали обладавших крупными состояниями купцов для участия в научно-исследовательских экспедициях, улучшения транспортной сети региона, стимулировали развитие частной благотворительности в самых разных сферах. В свою очередь купечество искало поддержки властей для реализации смелых начинаний, преследовавших не только сугубо корыстные цели, но и способствовавших изучению и хозяйственной колонизации региона. При этом если и в центральной части страны отношения между купечеством и администрацией отличались неоднозначностью [Чуканов 2015: 156–157], то в Сибири это проявлялось еще острее: известен целый ряд серьезных трений и даже открытого противостояния, в основе которых лежали взаимное непонимание и конфликт интересов [Рафиенко 2006: 73, 106–108; Ремнев 2015: 110–111].

Различные аспекты взаимодействия власти и общества, в том числе деловых кругов, в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. рассматриваются в публикациях [Гаврилова и др. 2019; Гимельштейн и др. 2007; Дамешек 2005; Дамешек, Дамешек 2018; Дамешек и др. 2017; Матханова 2016; 2022; Разгон 1999; Ремнев 2015; Чуркин 2021; Шахеров 2015] и многих

других авторов, которые особое внимание уделяют деятельности М. М. Сперанского, чьи реформы упорядочили и на долгие годы определили административно-территориальное деление Азиатской России, развитие региональной экономики и общественных отношений. Значение М. М. Сперанского в очередной раз ярко проявилось в 2022 г. – на 250-летний юбилей со дня рождения великого реформатора и 200-летие разработанных им преобразований Сибири. К его обширному наследию по-прежнему продолжают обращаться исследователи различного профиля, подчеркивая смелость и уникальность его проектов [Упоров 2022: 3–4], влияние высказанных им идей на формирование современных научных представлений «о развитии государственных институтов, о судебной власти и отправлении правосудия» [Бадзгардзе, Антонов 2021: 43]. Наследие М. М. Сперанского столь обширно, что до сих пор опубликованы далеко не все вышедшие из-под его пера тексты [Краковский 2022: 101], изданные же труды, а также автобиографические и эпистолярные тексты нуждаются в дальнейшем тщательном изучении. Современные исследователи особо подчеркивают важность работы по вводу в научный оборот «разных пластов» наследия М. М. Сперанского, обнаружении и анализе принадлежащих ему рукописей [Зипунникова, Лапшина 2022: 700–701]. Одно из центральных мест в политико-философских воззрениях М. М. Сперанского занимает вопрос о сущности власти, проблема оптимальной организации государственного управления, коммуникации властных структур с обществом. Естественно, что на формирование взглядов М. М. Сперанского не могли не оказывать личные наблюдения, встречи, разговоры, в том числе с лицами купеческого звания.

Основываясь на вышедших из купеческой среды эго-текстах, связь Сибирского генерал-губернатора с некоторыми сибирскими, прежде всего иркутскими, купцами подчеркивали [Дамешек 2007: 35; Матханова 2016: 61–62; Плотникова 2014: 33]. Этим взаимоотношениям предшествовало первое знакомство – именно возникшие в ходе него впечатления зачастую определяли взаимные симпатии и обуславливали дальнейшее общение. С этой точки зрения представляются весьма важными выявление и характеристика начального мнения М. М. Сперанского о сибирском купечестве, сложившегося в ходе его поездки по Сибири в мае 1819 – феврале 1821 г. Прекрасно понимая, какое значение имеет деятельность обладателей частного капитала для развития как отдельных областей, так и всего региона в целом, опытный администратор внимательно к ним приглядывался. В его путевых дневниках и письмах этого периода содержатся многочисленные упоминания о купцах разных сибирских городов: купечество, составлявшее часть не только финансовой, но и культурной элиты местного общества, самым активным образом участвовало во встречах высокого гостя, да и останавливался он преимущественно именно в купеческих домах. Отдельные высказывания М. М. Сперанского о купцах иногда цитируются в литературе, однако комплексной оценки его первых впечатлений о сибирском купечестве до сих пор еще не проводилось.

Цель данной статьи – базируясь на кратких дневниковых записях и отличающихся большей пространностью и подробностью письмах М. М. Сперанского к дочери и знакомым, а также на его деловой корреспонденции, раскрыть мнение этого выдающегося государственного деятеля дореформенной России о сибирском купечестве – одном из наиболее влиятельных слоев регионального сообщества. В задачи входит выявление, анализ и обобщение отражающих его первые впечатления упоминаний о сибирских купцах.

Методы и материалы

Дневник М. М. Сперанского был впервые опубликован в 1872 г.¹ по оригиналу, который находится сейчас в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки². Исходная рукопись, начатая 31 марта 1819 г., довольно плохо разборчива, изобилует многочисленными сокращениями, исправлениями, записями на полях, и чтобы подготовить ее к изданию, несомненно, пришлось изрядно потрудиться. Несмотря на лаконичный характер, сохранившиеся заметки ценны тем, что отражают первые впечатления автора от увиденного, позволяют понять, что для него имело особенно важное значение. Это не сознательное конструирование какого бы то ни было образа, не желание в чем-либо убедить читателя, но сухая фиксация фактов. Краткие дневниковые записи дополняются личными и деловыми письмами Михаила Михайловича, написанными им во время поездки по Сибири и впоследствии опубликованными в качестве приложений к изданию дневника³, а также в «Русском архиве»⁴ и объемном труде В. И. Вагина⁵.

В совокупности эти тексты создают уникальную возможность выявить контакты одного из известнейших должностных лиц в структуре государственного управления дореформенной России с купцами практически всех крупных сибирских городов, раскрыть его мнение об узловых проблемах развития коммерции в регионе. По справедливому выражению В. И. Вагина, отмечавшего деятельный характер и кругозор генерал-губернатора, «все занимало его наблюдательный ум; всему он давал место или в своем дневнике, или в своей обширной переписке»⁶.

В качестве дополнительных источников привлечены воспоминания иркутского купца П. Т. Баснина о М. М. Сперанском⁷, а также «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии» А. И. Кытманова⁸.

¹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1782, под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Изд. Императ. публ. б-ки, 1872. С. 1–102.

² Сперанский М. М. Путешествие в Сибирь. Дневник 1819–1821 гг. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 731. № 479.

³ Приложения к дневнику. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1782, под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Изд. Императ. публ. б-ки, 1872. С. 103–329.

⁴ Из бумаг о графе Сперанском, в дополнение к его «Жизни», изданной в 1861 году, сообщ. М. А. Корф. Русский архив. 1867. № 3. С. 432–455; Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири. Русский архив. 1868. № 11. С. 1681–1810.

⁵ Приложения к очерку деятельности графа М. М. Сперанского во время его управления обеими частями Сибири в 1819–1821 годах. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год, собр. В. Вагиным. СПб.: В тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1872. Т. 1. С. 539–801.

⁶ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год, собр. В. Вагиным. СПб.: В тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1872. Т. 1. С. 75.

⁷ Баснин П. Т. Воспоминания о Сперанском. Исторический вестник. 1903. Т. 91. № 1. С. 152–173.

⁸ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год, вступ. ст. Л. П. Бердникова. Красноярск: СФУ, 2016. 850 с.

Методологической основой при подготовке данной статьи послужила интеллектуальная история – актуальное направление современных исторических исследований, занимающееся изучением интеллектуального наследия человечества, природы интеллектуального процесса, контекстов распространения и существования идей, развития образов, представлений, обыденного сознания [Репина 2008]. Работа с мемуарно-эпистолярным наследием требует применения таких методов исследования, как герменевтика и верификация содержащейся в рассматриваемых источниках информации, в том числе путем сопоставления с другими текстами, что и было использовано.

Общение М. М. Сперанского с купцами во время поездки по Сибири

Во время ревизии Сибири в период с мая 1819 г. по февраль 1821 г. маршрут М. М. Сперанского проходил следующим образом: Тобольск, Омск, Каинск, Томск, Ачинск, Енисейск, Красноярск, Канск, Иркутск, Селенгинск, Троицкосавск и примыкавшая к нему торговая слобода Кяхта, Нерчинск, Верхнеудинск, Иркутск, Нижнеудинск, Канск, Красноярск, Ачинск, Томск, Барнаул, Семипалатинск, Тобольск. И везде он внимательно присматривался к местным порядкам, встречался с самыми разными людьми, осматривал торговые заведения, предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности региона. Хорошо известно сложившееся в ходе этой поездки мнение М. М. Сперанского о представителях сибирской администрации, отразившееся в ряде часто цитируемых нелестных высказываниях. Так, например, про Томск он писал: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд [...] то здесь оставалось бы уже всех повесить»⁹, но «самое дно злоупотреблений есть Иркутск»¹⁰. Купечество он оценивал не столь категорично, взвешивая и экономический потенциал, и энергию, и нравственные качества как всего этого слоя общества, так и отдельных коммерсантов.

Вполне естественно, что по мере продвижения вглубь Сибири и знакомства с местными реалиями, мнение М. М. Сперанского о регионе и его жителях постепенно изменялось, уточнялось, облекалось в новые

формы. В самом начале поездки, обращаясь к дочери из Тобольска, он утверждал, что «Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии; но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности, твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле»¹¹. А вот строки из Иркутска, написанные в сентябре 1819 г.: «Как велика земля русская! И здесь те же люди, та же чернь, те же нравы и обычаи, те же почти пороки и добродетели. Сие единство почти непонятное. Во всех других государствах несравненно более разнообразия. Сие происходит, думаю от того, что здешнее население есть смесь или произведение всех стран России»¹².

В июне 1820 г. он уже видит в Сибири страну Дон Кихотов: «В Иркутске есть сотни людей, бывших в Камчатке, на Алеутских островах, в Америке, с женами их и детьми, и они все сие рассказывают, как дела обыкновенные. Человек ко всему привыкает, а привычка странствовать, к тому, чтобы искать походов, кажется, еще скорее других приходит»¹³ (основную часть этих «странников» составляли купцы, нередко проводившие в разъездах по несколько лет жизни). Но, наверное, главное впечатление, вынесенное М. М. Сперанским из поездки, заключается в словах из его письма к графу Д. А. Гурьеву от 30 ноября 1819 г.: «Сибирь достойна и по всем отношениям требует государственных соображений»¹⁴.

Несомненно, что на формирование мнения высокопоставленного государственного деятеля, открывавшего для себя Сибирь, немаловажное влияние оказывал его опыт общения с местными предпринимателями из купеческой среды. При знакомстве с путевыми дневниками Михаила Михайловича Сперанского обращают на себя внимание многократные упоминания о том, как его встречали делегации от разных сибирских городов, обязательно включавшие «лучших людей», т.е. местных чиновников и купцов. Вот, например, одно из наиболее ранних свидетельств от 24 мая 1819 г.: «Вечеру, почти ночью, Тобольск. Перевоз через Иртыш; встреча купечества и народа»¹⁵. В. И. Вагин, основываясь на одном из писем М. М. Сперанского, это событие описал более эмоционально: «Поздно вечером 24 мая, накануне

⁹ Приложения к дневнику... С. 246.

¹⁰ Там же. С. 264.

¹¹ Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири... С. 1684–1685.

¹² Там же. С. 1697.

¹³ Там же. С. 1765.

¹⁴ Приложения к дневнику... С. 262.

¹⁵ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 18.

Троицына дня, он приехал в Тобольск. Чиновники, купечество, народ высыпали ему навстречу. Восторг был общий»¹⁶.

В некоторых местах, как, например, в Иркутске, Троицкосавске, Нерчинске, его встречали за несколько верст до въезда, на ближайших почтовых станциях¹⁷ и, конечно, везде старались принять как можно торжественнее: в Омске пригласили на киргизский праздник¹⁸, в Красноярске украсили улицы¹⁹, в Иркутске «на московском перевозе гремели два оркестра музыки [...] триумфальные ворота, собор, три главные городские улицы были иллюминированы»²⁰. Не менее пышно обставлялись и проводы: при отъезде из Томска в августе 1819 г. на первой от города станции был накрыт «ужин от купечества»²¹, во время повторного посещения Иркутска при отъезде 1 августа 1820 г. «голова Сибиряков задал ему на Зуевской станции прощальный пир»²², на котором находилось знатнейшее купечество; пир был с пушечной пальбой, от которой едва не загорелись заряжавшие пушки работники»²³. В Кяхте ему было преподнесено «приношение от купечества: хлеб, три ящика чаю»²⁴.

М. М. Сперанский довольно скептически воспринимал желание городской верхушки угодить начальству. Про прием в Тюмени он написал: «поднесли хлеб на серебряном блюде. Хлеб принят, а блюдо возвращено»²⁵. В Томске, куда он прибыл в восемь часов вечера 5 июля, «встреча запрещена»²⁶. Будучи в Красноярске, отметил: «Город изукрашен решетками и надолбами по новому вкусу, который, однако же, довольно дорого

стоит обывателям»²⁷. В Иркутске «старался [...] всемерно отклонить все пышности»²⁸. Устроенную местными купцами во время обеда стрельбу из пушечных орудий назвал глупой»²⁹.

Поближе познакомиться с лицами купеческого звания, укладом их быта, царившими в их среде нравами М. М. Сперанский имел возможность, останавливаясь в лучших городских усадьбах, преимущественно принадлежавших купцам. В Томске его принял Серебrenиков³⁰, в Красноярске – Ильин³¹, в Енисейске – М. Ф. Хорошев³², в Иркутске – Е. А. Кузнецов³³, в Нерчинске – Ф. В. Истомин³⁴. Прочие влиятельные члены купеческих обществ почитали за честь пригласить к себе почетного гостя хотя бы раз за время его остановки в их городе. М. М. Сперанский упоминает об обеде у томских купцов Ф. И. и А. Я. Поповых, кяхтинского Н. А. Колесова, селенгинского Ворошилова, нерчинского городского головы Черепанова (этот обед он назвал «престранным»), ужине у красноярского купца Гуляева, завтраке у тобольского Ширкова³⁵. Встречался генерал-губернатор с купцами и на балах. При этом удивляло и в то же время подчеркивало единое культурное пространство страны то, что, например, в Томске, как и в Петербурге, «танцуют матрадуры и котильон»³⁶. Необычным казался сам факт того, что где-то на окраине империи вообще проводят время подобным образом. В сентябре 1819 г. он сообщил дочери из Иркутска: «Вчера у нас был в биржевой зале от купечества обед и бал – в Иркутске бал...»³⁷. То, что выглядело странным в глазах приезжего, было

¹⁶ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 43. Ср. с письмом М. М. Сперанского к дочери из Тобольска: «Восторг, можно сказать, был всеобщий» [Приложения к дневнику... С. 172].

¹⁷ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 41, 44, 45, 48, 55, 66.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 50.

²¹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 32.

²² Как пишет сам М. М. Сперанский, «под шатром на острове» [Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 66].

²³ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 68.

²⁴ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 46.

²⁵ Там же. С. 18.

²⁶ Там же. С. 30.

²⁷ Там же. С. 34.

²⁸ Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири... С. 1694.

²⁹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 66.

³⁰ Там же. С. 30.

³¹ Там же. С. 34.

³² Там же. С. 36.

³³ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 50.

³⁴ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 56.

³⁵ Там же. С. 32, 47, 51, 60, 68, 83.

³⁶ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 46.

³⁷ Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири... С. 1696.

совершенно естественным и привычным для местных жителей: в Иркутске «раз в неделю по воскресеньям танцуют и кто же? – большею частию купчихи и их дочери. Я, например, польской веду с старухой, одетою в глазетовой юбке и шушуне и повязанною платком и тем не менее все идет чинно и весело»³⁸.

Немаловажно, что М. М. Сперанский в ходе своей поездки имел возможность увидеть торговцев самого разного этнического происхождения, поговорить с ними и членами их семей. В дневнике он упоминает о встрече с женами «одного торгующего бухарца и одного ташкентца»³⁹, о богатом томском купце из татар Калике Касимове⁴⁰.

Нет ничего удивительного в том, что купцы старались использовать в своих интересах знакомство с высокопоставленным лицом. И хотя М. М. Сперанский не любил жалобщиков (в дневнике он презрительно упоминал как ябедников проторговавшихся томских купцов Шутова и Протопопова⁴¹, а в письме к дочери из Иркутска сетовал, что «устал [...] жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях»⁴²), все же в большинстве случаев не отказывал просителям из купеческой среды. Так, к его помощи прибег енисеец М. Ф. Хорошев, около десяти лет тщетно пытавшийся вытребовать долг по векселю в 4502 руб. с московского купца Саплина. Часть этих денег впоследствии пошла на строительство в Енисейске больницы⁴³. Благодаря вмешательству М. М. Сперанского на свободе оказался попавший в тюрьму за долги кяхтинский купец Матвей Крюков⁴⁴. Помог он и жителям Томска – купцу Мыльникову и купеческому сыну Серебренникову – получить паспорта для отлучки в другие города по торговым делам⁴⁵. Кроме того, разобрался с жалобой всего томского купеческого общества «на тягостное распоряжение, по коему учреждено здесь существование двух магистратов, из коих один занимается старыми,

а другой новыми делами»⁴⁶, облегчил положение в Томске иногородних торговцев, найдя безосновательным практику местной городской думы требовать с них особенного «в пользу города» взыскания⁴⁷. Наконец, уже в 1830-х гг. М. М. Сперанский способствовал утверждению проекта и устава Иркутского сиропитательного дома Е. М. Медведниковой [Зуева, Гаврилова 2013: 37].

М. М. Сперанский о лидерах купеческого мира Сибири

Поскольку в задачу М. М. Сперанского в числе прочего входило разобраться в причинах падения доходов, поступавших в казну из Сибири [Новикова, Рогачевская 2009: 174], особенное внимание он обращал на состояние промышленных предприятий, земледелия, торговли, приглядываясь к наиболее зажиточным представителям купечества. В его дневниках можно встретить оценки уровня состоятельности и характеристики занятий купцов того или иного города: в Тюмени «купечество изрядное»⁴⁸, в Томске – «по капиталам ничтожное»⁴⁹, в Нерчинске – «малолюдное и маловажное, собирает пушные товары и тут же на месте продает иногородным, как то иркутским и прочим»⁵⁰. Подробно отражена ситуация в Барнауле: «Купцы торгуют салом, кожами и маслом. Кожи ставят в Семипалатинск к Попову на завод; сало и масло – в Ирбит и частию в Иркутск»⁵¹. Охарактеризовав хозяйство города, М. М. Сперанский привел сведения о продававшихся там товарах, их качестве и ценах, которые поражали дешевизной⁵².

При этом М. М. Сперанский выделял лидеров купеческих обществ, считая необходимым не только перечислить их фамилии, но и указать имя и отчество, что, кстати, косвенно свидетельствует о его личных встречах и беседах с этими людьми. Из томских купцов он отметил Мыльникову. Посещая Нерчинск, записал: «Здесь лучший купец, или гость, есть вологодский Иван

³⁸ Там же. С. 1700.

³⁹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 31.

⁴¹ Там же. С. 30–31.

⁴² Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 64.

⁴³ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии... С. 191.

⁴⁴ Приложения к очерку деятельности графа М. М. Сперанского... С. 567–568; Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 53.

⁴⁵ Приложения к дневнику... С. 209–210.

⁴⁶ Там же. С. 212.

⁴⁷ Там же. С. 215.

⁴⁸ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 18.

⁴⁹ Там же. С. 30–31.

⁵⁰ Там же. С. 56.

⁵¹ Там же. С. 70.

⁵² Там же.

Александрович Юринский; за ним Истомин, в доме коего я стоял». В другом месте снова: «Примечательные купцы: Федор Васильич Истомин, мой хозяин, и Иван Александрович Юренский» (в тексте дневника разные написания фамилии). Среди кяхтинских купцов выделил Николая Матвеевича Игумнова, Николая Алексеевича Колесова, Прокофия Федоровича Пахомова. Сообщая о пире на станции Зуевской, заданном ему иркутскими купцами, отметил: «Знатнейшее иркутское купечество: Прокофий Федорович Медведников, жена его Анна Васильевна; братья Трапезниковы: Николай, Филипп, Андрей, и два младшие Петровича; Ксенофонт Михайлович и Александр Михайлович Сибиряковы; третий брат Петр; правитель американской конторы Василий Прокофьев Кузнецов; Белоголовые, Мягкоступов, Прянишников, Поповы, грек Дементий Семенович Аснашев, Михайло Иванович Саватеев, Ефим Андреич Кузнецов»⁵³.

Некоторые наиболее яркие представители сибирского купечества пользовались особым расположением генерал-губернатора, который даже во время длительного пребывания в каком-либо городе обзаводился лишь ограниченным кругом знакомств. Находясь в Иркутске, он сошелся с А. В. Игумновым, К. П. Трапезниковым, «особенно уважал умную и бойкую старушку Свиныну, родственницу Трапезниковых, и часто беседовал с ней в обществе»⁵⁴. М. М. Сперанский настолько доверял Трапезниковым, что обменивался через них корреспонденцией (из письма к В. П. Кочубею: «Иркутский купец Трапезников, отправляясь в Петербург, представляет мне случай писать к вашему сиятельству... <...> с возвращением Трапезникова ваше сиятельство изволите сказать мне ваши мысли и рассеять мрак, меня окружающий»⁵⁵), а после отъезда из Сибири продолжал поддерживать с ними отношения: в семействе Трапезниковых долгие годы хранились его письма⁵⁶. Тесное общение М. М. Сперанского с К. П. Трапезниковым во многом было вызвано необходимостью разобраться

в злоупотреблениях иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, ведь именно Константин Петрович в течение нескольких лет возглавлял борьбу против неугодного чиновника [Плотникова 2014: 33]. Деловыми письмами он обменивался с кяхтинским бургомистром купцом Н. М. Игумновым⁵⁷, енисейским городским головой М. Ф. Хорошевым⁵⁸, иркутским и кяхтинским купцом П. Т. Басниным⁵⁹. Согласно воспоминаниям последнего, они были дружны и нередко навещали друг друга⁶⁰. Помимо передачи писем новые знакомые оказывали высокопоставленному гостю и другие услуги: в декабре 1819 г. он писал дочери из Иркутска, что местные купцы обещали выписать «китайского или лучше сказать пекинского крепу на платья», который он хотел ей подарить⁶¹.

В редких случаях в дневнике М. М. Сперанского можно встретить и более подробную информацию о некоторых заинтересовавших его купцах, с которыми он неоднократно разговаривал. Среди них: енисейский купец Матвей Федорович Хорошев («Он главный здесь купец. Род его из казаков; в связи с тобольскими. Сын его женат на дочери Михайла Селиванова»⁶²), забайкальские Кандинские («Семейство Кондинских. Они были заводские крестьяне и минувшего только года вышли в купцы. Их шесть братьев. У старшего, Хрисанфа Петровича, шесть сынов, из коих есть уже женатые. Мать их (Дарья Алексеевна⁶³) есть прародительница семьи, состоящей из 34 человек. Они пахут до 100 десятин тучной земли, приносящей часто сам 20; гречиха и горох. Собирают пушные товары, занимаются извозом заводских тягостей, содержат все нужные заводам товары. Их полагают в миллион. У них до 70 работников»⁶⁴). С М. Ф. Хорошевым М. М. Сперанский познакомился в Енисейске, остановившись в его доме, побывал на освящении построенной на его средства енисейской кладбищенской церкви, отметил его усердие к местной Рождественской церкви⁶⁵. Что касается Кандинских, то генерал-губернатор по крайней мере дважды заезжал в их резиденцию в Бянкиной (о повторном визите

⁵³ Там же. С. 30–31, 46–47, 56, 60, 66.

⁵⁴ Приложения к очерку деятельности графа М. М. Сперанского... С. 569; Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 61–62.

⁵⁵ Приложения к дневнику... С. 263, 267–268.

⁵⁶ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 62.

⁵⁷ Приложения к очерку деятельности графа М. М. Сперанского... С. 327, 346, 737.

⁵⁸ Там же. С. 743.

⁵⁹ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 186.

⁶⁰ Баснин П. Т. Воспоминания о Сперанском... С. 152, 158.

⁶¹ Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири... С. 1717.

⁶² Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 36–37.

⁶³ Правильно: Дарья Дмитриевна (урожд. Атласова) – супруга Петра Алексеевича Кандинского [Бараев и др. 2012: 293].

⁶⁴ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 56.

⁶⁵ Там же. С. 36–37.

он записал: «В добром семействе Кондинских обед»⁶⁶; с Х. П. Кандинским, который, вероятно, именно под влиянием М. М. Сперанского вступил в региональное отделение Российского Библейского общества [Плотникова 2014], обсуждал тяжелое впечатление от посещения нерчинских заводов⁶⁷.

М. М. Сперанский о торговле в Сибири и значении купечества

Сделанные в ходе поездки наблюдения, дополненные поступающей из разных источников информацией, в том числе полученной при личных беседах с купцами, умение и вникать в детали, и в то же время видеть всю картину целиком позволили М. М. Сперанскому получить подробное представление о состоянии такой важной сферы экономики Сибири, как торговля, в которой, наряду с просвещением, «скрывались семена народной свободы»⁶⁸.

Среди региональных особенностей сибирской коммерции он указывал на распространенное на Алтае маркитанство («заводское начальство держит при заводах маркитантов, кои продают по таксам. Начальство ссужает их деньгами по 6 процентов»⁶⁹), высокую горизонтальную мобильность купечества в Восточной Сибири, подчеркивал наличие у купцов разветвленной сети приказчиков (барнаульские «купцы скупают сало, мед и прочее большею частию у заводских крестьян, употребляя к сему мещан, давая им кредиты»⁷⁰), отмечал деловые контакты купцов разного этнического и регионального происхождения («с калмыцкими дучанами имеют связь купцы кузнецкие и бийские»⁷¹). А вот любопытное замечание из Иркутска: «О мехах и думать нельзя; здесь или нет их, или они дороже, нежели в Петербурге»⁷².

Важная роль купечества не только в развитии торговли, но и в обеспечении жизненными припасами периодически испытывавшего голод населения самых удаленных, труднодоступных северных областей с суровым климатом подчеркивается в деловой

переписке М. М. Сперанского. В ноябре 1820 г., находясь в Тобольске, он несколько раз упоминал в письмах к томскому гражданскому губернатору и енисейскому городничему о поставках хлеба в казенные запасные хлебные магазины Туруханского края енисейским купцом Д. Дементьевым, красноярским Поповым, енисейскими торговцами из мещан Иваном и Егором Фунтосовыми⁷³. Считая борьбу с голодом насущнейшей задачей, М. М. Сперанский поддерживал частную инициативу в этой области, а тем более благотворительные пожертвования. Так, он обещал поощрить Д. Дементьева, вызвавшегося закупить «из одного сострадания к бедным ясажным Туруханского края [...] тысячу холщевых хлебных мешков»⁷⁴.

Особое внимание в рассматриваемых источниках уделено деятельности Российско-Американской компании и кяхтинской торговле с Китаем, что уже отмечалось исследователями [Новикова, Рогачевская 2009: 177–178]. Оба эти вопроса нашли отражение в письмах М. М. Сперанского к Д. А. Гурьеву, занимавшему пост министра финансов. Резкая критика Главного правителя Русской Америки А. А. Баранова была связана, помимо прочего, с тем, что его непродуманные действия привели к росту влияния иностранного капитала на Камчатке⁷⁵. Анализируя ситуацию в Кяхте, с которой М. М. Сперанский имел возможность лично ознакомиться, он отмечал успех русского купечества в зиму 1819–1820 гг., обусловленный единодушием купцов, умелым руководством начальника таможни Голяховского (о его умении «ладить с китайцами» рассказывали еще в Иркутске⁷⁶), а также тем, что «вместо прежних состязаний и даже непристойностей, утверждается между нашими купцами и китайскими доверие и взаимная вежливость»⁷⁷. Вместе с тем генерал-губернатор констатировал и полную зависимость русских торговцев от непредсказуемой политики китайской стороны и «ограниченность китайских статей в промене»⁷⁸. Надо сказать, что с торговавшими в Кяхте

⁶⁶ Там же. С. 59.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 320.

⁶⁹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 71.

⁷⁰ Там же. С. 71.

⁷¹ Там же.

⁷² Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири... С. 1702.

⁷³ Приложения к очерку деятельности графа М. М. Сперанского... С. 739–741.

⁷⁴ Там же. С. 740–741.

⁷⁵ Приложения к дневнику... С. 318–320.

⁷⁶ Там же. С. 262.

⁷⁷ Там же. С. 278–279.

⁷⁸ Там же. С. 320–322.

сибирскими и приезжими из Европейской России купцами у М. М. Сперанского сложились тесные деловые отношения. Об этом свидетельствуют его строки из письма к Д. А. Гурьеву от 16 июля 1822 г.: «Во время пребывания моего в Сибири и потом здесь многократно вступали ко мне от сибирских купцов, на Кяхте торгующих, представления с изъяснением убытков ими терпимых и с просьбою о возможном им пособии»⁷⁹.

Одну из главных проблем для успешного развития коммерции на территории Сибири М. М. Сперанский видел в состоянии транспортных коммуникаций: это и огромные расстояния, на преодоление которых требовалось немало времени и усилий, и «множество перевозов», существовавших «почти на каждой станции, а на некоторых по пяти и шести»⁸⁰, и влияние на проезд погодных условий («дожди до такой степени испортили дорогу, что расстояние в 500 в[ерст], от Красноярска до Томска, М. М. Сперанский проехал только в четверо суток»⁸¹), и неразвитость дорожной сети, что делало невозможным полностью обеспечить продовольствием и товарами первой необходимости удаленные от торгово-промышленных центров районы⁸², и трудности, связанные с организацией перевозки товаров. Стремление вникнуть в детали хорошо отражено в следующем фрагменте дневника: «Извоз имеет четыре главные смычки: 1) от Иркутска до Томска, 2) от Томска до Тюмени, 3) от Тюмени до Казани, 4) от Казани до Москвы. Издержки. Извоз на всех смычках производятся подрядчиками; они отвечают за целостность товаров [...] Пуд чаю до Москвы обходился в 1821 году в 43 рубля»⁸³.

Основательно разобраться в данном вопросе, выработать предложения по исправлению ситуации М. М. Сперанскому помогало знакомство с мнением купцов. Известно, например, что П. Т. Баснин, будучи кяхтинским бургомистром, письменно изложил ему свои соображения «о выгоднейшем способе отправления общественной гоньбы»⁸⁴.

Придерживаясь либеральных идей о неотъемлемых правах и свободах отдельной личности, которые должны гарантироваться государством [Матюхин 2020: 61–64], М. М. Сперанский последовательно

выступал против искусственно создававшихся региональными властями ограничений торговой деятельности купечества. Это проявилось, в частности, в оказании им помощи томичам Мыльникову и Серебренникову в получении паспортов, о чем уже упоминалось выше. Критикуя распоряжение Томской исполнительной экспедиции, медлившей с выдачей паспорта Мыльникову, он указывал, что «никто не имеет права не только купца 1-й гильдии, но и купечество низших гильдий удерживать или отказывать в паспорте, какие бы иски на него ни вошли, когда иски сии обеспечены имуществом»⁸⁵.

Сделанные М. М. Сперанским записи позволяют также заключить, что от его взгляда не ускользали общественные настроения и симпатии купечества, расклад сил в том или ином городе, связи купцов с представителями региональных властей. Характеризуя ситуацию в Томске, он выделил в местном обществе три конкурирующие «партии»: две из них сложились вокруг вице-губернатора и губернатора (к нему примыкали «бывший голова Чулошников» и купец из татар Калика), а третью составляло «купечество, в прочем без связи между собою»⁸⁶. Неоднократно поднимает он и вопрос о слиянии интересов части купеческой верхушки и представителей местной администрации, видя в этих «твердых, обдуманых и привычкою скрепленных» связях угрозу порядку⁸⁷.

Как и многие другие его современники, включая чиновников, М. М. Сперанский считал, что обладатели богатства обязаны заботиться о малоимущих согражданах, при этом частных жертвователей следует организовывать, направлять и поощрять. В одном из писем он прямо заявил, что благотворительность «без устройства [...] не всегда с верностью достигает цели»⁸⁸. Это соответствовало его пониманию назначения государства «преобразовывать и формализовывать божественные, нравственные законы к реалиям социальной жизни» [Матюхин 2020: 62]. Именно поэтому он с особой радостью делал записи об успехах в учреждении благотворительных и просветительских обществ, проведении благотворительных сборов. Во время его посещения Сибири такие учреждения

⁷⁹ Приложения к очерку деятельности графа М. М. Сперанского... С. 727.

⁸⁰ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 43.

⁸¹ Там же. С. 69.

⁸² Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири... С. 1685.

⁸³ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 83–84.

⁸⁴ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 186.

⁸⁵ Приложения к дневнику... С. 209–210.

⁸⁶ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 30–31.

⁸⁷ Приложения к дневнику... С. 248, 259, 264.

⁸⁸ Там же. С. 190.

возникли в Тобольске и Иркутске, отделения Библейского общества – в Иркутске, Нерчинске, Кяхте, Якутске. Кроме того, в Иркутске заработала ланкастерская школа, в Кяхте была проведена подписка в помощь селенгинскому военно-сиротскому отделению, там же открылись запасной хлебный магазин и ремесленная школа для мальчиков⁸⁹.

Купцы стремились продемонстрировать лояльность по отношению к высокому гостю и активно участвовали в подобных благотворительных мероприятиях, что, помимо прочего, способствовало консолидации общественных сил⁹⁰. За один вечер удавалось собирать по подписке несколько тысяч рублей: в июне 1819 г. в Тобольске при учреждении благотворительного общества было собрано 2 тыс. руб., 15 сентября 1819 г. в Иркутске при таких же обстоятельствах – 8 тыс. руб., 14 октября 1820 г. в Тобольске – 4 тыс. руб. «в пользу здешних бедных».

Энтузиазм вызывало и учреждение отделений Библейского общества. В Кяхте число «благонамеренных людей», включая «почти все купечество, здесь пребывающее», поддержавших это начинание, составило: «членов 47, благотворителей 59», собранная ими сумма достигла 4020 руб., а проведенная подписка на селенгинское отделение общества собрала 2160 руб. В Нерчинске взносы в пользу Библейского общества сделал 51 человек, общий же сбор составил более 3 тыс. руб., «в том числе Кондинские братья» внесли 1 тыс. руб.⁹¹ Однако несмотря на столь успешное начало, оставшись без контроля и не находя должной поддержки среди горожан, инициированные М. М. Сперанским благотворительные общества быстро распались, а расцвет благотворительности пришелся уже на вторую половину XIX в. [Гаврилова 2012].

Заключение

Всего на страницах дневника и корреспонденции М. М. Сперанского, написанных им во время путешествия по Сибири, упоминается более четырех десятков купцов, проживавших в разных сибирских городах. Эти преимущественно краткие, но многочисленные свидетельства подчеркивают интерес Сибирского генерал-губернатора к представителям местных деловых кругов, внимательную оценку их состояния, веса в обществе, партнерских связей и настроений. Стремясь не допустить подхалимства, заискивания, генерал-губернатор проявлял

холодность по отношению к излишне пышным встречам, которые устраивались ему городской верхушкой, воздерживался от тесного общения с широким кругом лиц.

Однако это не помешало ему довольно близко сойтись с некоторыми видными купеческими фамилиями Сибири и в ряде случаев оказать им существенную помощь. Явно выделяя отдельных купцов, отдавая должное их уму и личностным качествам, он в то же время нашел купечество большинства городов малочисленным, маломощным и разобщенным.

Отмечая сходные черты сибирских реалий с реалиями европейской части страны, в частности в том, что относилось к области господствовавших нравственных ориентиров и поведенческих установок населения (в первую очередь, конечно, русского), М. М. Сперанский не мог не обратить внимания и на региональную специфику, связанную с огромными расстояниями и высокой горизонтальной мобильностью сибиряков, ставшей неотъемлемой чертой их повседневной жизни, указывая на опасность сращивания корыстных интересов представителей региональной администрации и частного капитала.

В целом подход М. М. Сперанского, как и многих других его современников, к купечеству носил прагматический характер: в купцах он видел, прежде всего, потенциальную силу для развития региональной экономики, возможность использовать их капитал и энергию в полезных для государства и общества целях, в частности для реализации различных начинаний в сфере народного просвещения, призрения бедных, распространения христианства. Вполне вероятно, что общение с сибирскими купцами в какой-то мере сказалось на дальнейшей законодательной деятельности М. М. Сперанского по подготовке Устава о сухопутных сообщениях, Подтвердительных правил о свободе внутренней торговли в Сибири, Торгового уложения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

⁸⁹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 60; Приложения к дневнику... С. 288; Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 53, 64.

⁹⁰ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год... С. 64.

⁹¹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 42, 46–47, 60; Приложения к дневнику... С. 190, 287–288; Письма М. М. Сперанского к его дочери из Сибири... С. 1790.

Литература / References

- Бадзгардзе Г. Д., Антонов И. А. Философско-правовые взгляды М. М. Сперанского и их реализация при проведении судебной реформы 1864 года. *Юридическая наука: история и современность*. 2021. № 3. С. 39–45. [Badzgaradze G. D., Antonov I. A. Philosophical legal views M. M. Speransky and their implementation in the conduct of the judicial reform 1864. *Legal science: history and the presence*, 2021, (3): 39–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fyyanl>
- Бараев В. В., Зуев А. С., Зуева Е. А., Жеребцов Г. А., Гаврилова Н. И. Кандинские (Кондинские). *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири*. Т. 1. А–Л, отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2012. С. 292–296. [Baraev V. V., Zuev A. S., Zueva E. A., Zherebtsov G. A., Gavrilova N. I. The Kandinskys (Kondinskys). *Encyclopedic dictionary of the history of the merchant class and trade in Siberia*. Vol. 1. A–L, ed. Rezun D. Ya. Novosibirsk: Geo, 2012, 292–296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlznzg>
- Гаврилова Н. И. Благотворительность. *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири*. Т. 1. А–Л, отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2012. С. 82–83. [Gavrilova N. I. Charity. *Encyclopedic dictionary of the history of the merchant class and trade in Siberia*. Vol. 1. A–L, ed. Rezun D. Ya. Novosibirsk: Geo, 2012, 82–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlznzg>
- Гаврилова Н. И., Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Иванов А. А., Шахеров В. П. Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с. [Gavrilova N. I., Dameshek I. L., Dameshek L. M., Ivanov A. A., Shakhеров V. P. *State power and society: Irkutsk province in the XIX – early XX centuries*. Irkutsk: Ottisk, 2019, 612. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvjhnt>
- Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Даниленко А. В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2007. 256 с. [Gimelstein A. V., Dameshek L. M., Dameshek I. L., Danilenko A. V. *Regional power and the public of Siberia (XIX – early XX century)*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatelskaya kompaniia, 2007, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/waienn>
- Дамешек Л. М. Михаил Михайлович Сперанский в Иркутске. *Личность в истории Сибири XVIII–XX веков*, отв. ред. А. К. Кириллов. Новосибирск: Сова, 2007. С. 34–40. [Dameshek L. M. Mikhail Mikhailovich Speransky in Irkutsk. *Personality in the history of Siberia of the XVIII–XX centuries*, ed. Kirillov A. K. Novosibirsk: Sova, 2007, 34–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgjwwl>
- Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск: ИГПУ, 2005. 264 с. [Dameshek I. L. *Russian suburbs in the imperial strategy of power (early XIX – early XX century)*. Irkutsk: ISPU, 2005, 264. (In Russ.)]
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма. *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 88–93. [Dameshek L. M., Dameshek I. L. Siberian reform of 1822 by M. M. Speransky as a manifestation of the principles of imperial regionalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (426): 88–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/426/10>
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск: ИГУ, 2017. 339 с. [Dameshek L. M., Dameshek I. L., Pertseva T. A. *Siberian reforms of M. M. Speransky in 1822: experience of administrative regulation of the interests of the center and the region*. Irkutsk: ISU, 2017, 339. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymciej>
- Зипунникова Н. Н., Лапшина Л. П. Наследие М. М. Сперанского в юридическом научно-образовательном «метадискурсе» (к 250-летию великого реформатора). *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2022. Т. 32. № 4. С. 699–706. [Zipunnikova N. N., Lapshina L. P. Heritage of M. M. Speransky in legal scientific and educational "metadiscourse" (on the 250th anniversary of the great reformer). *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and law*, 2022, 32(4): 699–706. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-4-699-706>
- Зуева Е. А., Гаврилова Н. И. Медведниковы. *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири*. Т. 2. М–Я, отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2013. С. 37. [Zueva E. A., Gavrilova N. I. The Medvednikovs. *Encyclopedic dictionary of the history of the merchant class and trade in Siberia*. Vol. 2. M–Ya, ed. Rezun D. Ya. Novosibirsk: Geo, 2013, 37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlznjhj>
- Краковский К. П. Неизвестные работы великого мечтателя (К 250-летию со дня рождения графа М. М. Сперанского). *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета*. 2022. Т. 9. № 1. С. 99–108. [Krakovskiy K. P. Unknown works of a great dreamer (To the 250th anniversary of count Speransky). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*, 2022, 9(1): 99–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-1-13>

- Матханова Н. П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 2. С. 58–75. [Matkhanova N. P. Authorities and state officials as portrayed in the 19th century memoirs of Siberian merchants. *Siberian Historical Research*, 2016, (2): 58–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/2312461X/12/5>
- Матханова Н. П. Образ М. М. Сперанского в сибирской мемуаристике. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2022. Т. 40. С. 14–21. [Matkhanova N. P. The image of M. M. Speransky in Siberian memoirs. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022, 40: 14–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.14>
- Матюхин А. В. М. М. Сперанский: у истоков российского либерализма. *Журнал политических исследований*. 2020. Т. 4. № 1. С. 54–69. [Matyukhin A. V. M. M. Speransky: at the origins of Russian liberalism. *Journal of Political Research*, 2020, 4(1): 54–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-54-69>
- Новикова И. А., Рогачевская М. А. М. М. Сперанский в Сибири и о Сибири. *ЭКО*. 2009. № 4. С. 167–181. [Novikova I. A., Rogachevskaya M. A. M. M. Speransky in Siberia and about Siberia, *ECO*, 2009, (4): 167–181 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxzkll>
- Плотникова М. М. Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М. М. Сперанском. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2014. Т. 7. С. 32–43. [Plotnikova M. M. Urban development of Irkutsk under the government of M. M. Speransky. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2014, (7): 32–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sirskd>
- Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: АлтГУ, 1999. 660 с. [Razgon V. N. *Siberian merchants in XVIII – first half of the XIX centuries. The regional aspect of the traditional type of entrepreneurship*. Barnaul: ASU, 1999, 660. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbusox>
- Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное. Новосибирск: Сова, 2006. 299 с. [Rafiyenko L. S. *Problems of management and culture of Siberia of the XVIII–XIX centuries: Selected works*. Novosibirsk: Sova, 2006, 299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrexlp>
- Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 2015. 577 с. [Remnev A. V. *Siberia in the imperial geography of power of the XIX – early XX centuries*. Omsk: Omsu, 2015, 577. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uoewmr>
- Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории. *Диалог со временем*. 2008. № 25-1. С. 5–11. [Repina L. P. Contexts of intellectual history. *Dialog so Vremenem*, 2008, (25-1): 5–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdubcv>
- Упоров И. В. К 200-летию реформы управления сибирскими территориями: организационно-правовой аспект и роль М. М. Сперанского. *Гуманитарный научный журнал*. 2022. № 3. С. 3–10. [Uporov I. V. To the 200th anniversary of the reform of the management of the Siberian territories: organizational and legal aspect and the role of M. M. Speransky. *Humanitarian Scientific Journal*, 2022, (3): 3–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/epaezx>
- Чуканов И. А. Взаимоотношения купечества и власти в XVIII–XIX вв. *Мари́йский археографический вестник*. 2015. № 25. С. 154–159. [Chukanov I. A. The relationship of merchants and power in XVIII – XIX centuries. *Mariyskiy arkheograficheskiy vestnik*, 2015, (25): 154–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbvjah>
- Чуркин М. К. Сибирь в имперской географии власти: паттерны общественно-политического дискурса XVI–XX вв. *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2021. № 4. С. 147–159. [Churkin M. K. Siberia in the imperial geography of power: patterns of public and political discourse XVI–XX centuries. *Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2021, (4): 147–159. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2021.8.4.010>
- Шахеров В. П. Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2015. Т. 12. С. 57–69. [Shakherov V. P. Business and authorities in Siberia XVIII – first half XIX century: from confrontation to partnership. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2015, 12: 57–69. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tmmbgj>

© 2023. Литягина А. В.

Развитие фотографического дела в городах Западной Сибири

оригинальная статья

Развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Литягина Алла Владимировна

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Россия, Бийск
alityagina@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.10.2022. Принята после рецензирования 09.01.2023. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: Развитие фотодела в городах Западной Сибири в период модернизации является примером предпринимательской деятельности в регионе, позволяет более полно увидеть повседневную жизнь людей и новшества быта. Цель – проанализировать развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрение историографии проблемы показало недостаточную освещенность темы историками. Территориальные рамки исследования – Томская и Тюменская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край, г. Омск Акимовской области. Введены в оборот архивные неопубликованные источники, связанные с изучением данного аспекта социальной истории Западно-Сибирского региона. Активно используется такой вид источника, как фотография. На примерах конкретных архивных дел показаны решения властей на запрос о разрешении открытия частных фотоателье, их мотивировка. Выявлена динамика числа открывающихся фотосалонов, конкуренция и деятельность фотографов по увеличению числа выполняемых работ и получаемой прибыли, рост популярности фотографирования у населения. Сделан вывод о значительной роли фотодела в распространении процессов модернизации в повседневной жизни общества, связанной с демократизацией социума, уравниванием всех сословий в праве как создать собственный фотосалон и получать прибыль, так и сделать фотографию представителю любого социального слоя населения, статуса и происхождения.

Ключевые слова: фотодело, предпринимательство, повседневность, история экономики, вторая половина XIX – начало XX в., Западная Сибирь

Цитирование: Литягина А. В. Развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 379–392. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-379-392>

full article

Photography Business in Urban Western Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Century

Alla V. Lityagina

Shukshin Altai State Humanitarian Pedagogical University, Russia, Biysk
alityagina@yandex.ru

Received 14 Oct 2022. Accepted after peer review 9 Jan 2023. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: Photographic studios provide an excellent example of entrepreneurial activity, as well as a deep insight into the routine and innovations in West-Siberian cities and towns during the modernization period. This article describes the development of photography business in Western Siberia in the second half of the XIX – early XX century. The historiography analysis of this issue showed a rather poor scientific coverage. The study covered the regions of Tomsk, Tyumen, Novosibirsk, Kemerovo, Omsk, and Altai. The article introduces unpublished archival documents and photographs. Archival cases showed how the authorities licensed private photographic studios, the motivation behind the permissions, the number of photo salons, commercial rivalry, labor optimization, profits, and customer attitude. The author believes that photography catalyzed modernization of urban routine and democratized the local society: any citizen had the right to start a photographic studio, where they could serve any customers, regardless of their social status.

Keywords: photo business, entrepreneurship, daily routine, economic history, second half of the XIX – early XX century, Western Siberia

Citation: Lityagina A. V. Photography Business in Urban Western Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Century. *SibScript*, 2023, 25(3): 379–392. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-379-392>

Введение

В эпоху модернизации одним из весьма успешных и прибыльных дел стало открытие фотосалонов. Данное предприятие набирало популярность у населения, спрос был весьма широким. Сначала в Петербурге, Москве, затем в губернских и больших торгово-промышленных центрах, затем – в средних и мелких поселениях создаются т.н. фотографии. Неуклонно и уверенно увеличивалась потребность у представителей самых разных сословий и классов иметь свое собственное изображение, изображение своей семьи. До изобретения фото зажиточные горожане могли заказать себе портрет у художника, позировать ему, затем заплатить за работу немалую сумму. Что оставалось делать широким слоям населения – городским низам – которые не могли себе позволить заплатить картину, выполненную профессиональным художником? Довольствоваться рассмотрением себя в зеркальце или отражением в воде, а чтобы увидеть лица родственников – надеяться только на очную встречу.

Произведения изобразительного искусства, представляющие (в жанре реализма) точное изображение какой-либо натуры, выполняют различные эстетические функции. Они понятны и нужны в основном людям достаточно для этого образованным. Для широких масс населения картины были и дороги, и, возможно, не всегда понятны. А вот фотографическое изображение человека, со временем дешевевшее по цене, было и доступно, и, безусловно, понятно. Поэтому закономерно, что на рынке предпринимательских услуг фотографическое дело становилось все более перспективным для его организаторов.

Сейчас уже широко известно о сути такого экономического понятия, как маркетинг. Участникам рыночной экономики это явление хорошо знакомо, с его помощью товаропроизводитель стремится удовлетворить какие-либо потребности людей с выгодой для себя. Заветная цель маркетинга – сделать производство максимально приспособленным к запросам рынка и получать от этой приспособленности максимальную прибыль. Широко известен девиз маркетинга: «Производить то, что можно продать, а не пытаться продать то, что можно произвести».

История показывает, что сибирские предприниматели уже с середины XIX в., не изучая в теории сущность маркетинга как экономического явления, применяли его на практике. Они, вероятно, изучали рынок, проникали на определенное рыночное пространство и, возможно, воздействовали на него.

Цель данной статьи – проанализировать развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Задачи: выяснить степень рассмотрения проблемы в историографии; рассмотреть вопрос о получении разрешения на открытие частных фотоателье в городах; изучить аспект повышения качества фотографий и конкуренцию фотоателье в начале XX в.; выявить доходы фотографов; показать распространение фотографии как элемента повседневности в начале XX в.

Территориальные рамки исследования – Западная Сибирь (Томская и Тюменская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край, г. Омск Акмолинской области). Города, не относящиеся к данным территориям, но упомянутые в статье, взяты для сопоставления.

Историография проблемы

Изучение истории отечественной фотографии начинается уже в досоветский период, однако более активное исследование региональных фотографий профессиональными историками начинается лишь в постсоветский период [Идрисова 2013: 8]. Заметный вклад в изучение фотодела внесли музейные работники, анализировавшие фонды фотографических коллекций. Так, сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея Л. П. Полоницкая выделила определенные группы фотографий XIX в., отметив наличие среди них как образцов раннего фотоискусства, так и исторических документов [Полоницкая 1996].

Историки анализируют фотографии как документальные источники по определенным проблемам. А. В. Костров изучал специфику фотоматериалов по старообрядцам Байкальского региона и высоко оценил возможности их использования для исследования старообрядческой культуры, ее эволюции. Фотографии, по мнению автора, предоставляли нередко отражение разных элементов сокровищницы национальной культуры [Костров 2010: 329, 332]. А. И. Кулинич, изучив портрет как способ самоидентификации горожан в дореволюционной фотографии г. Курган, пришел к выводу, что для жителей этого уральского города на рубеже XIX–XX вв. «портрет стал способом представления себя в желательном облике и почти не отражал непосредственный характер действительности... Наоборот, прослеживается тенденция к отражению средствами фотографии желательного порядка вещей, например фотографирования в респектабельных

интерьерах, которые не были доступны абсолютному большинству горожан» [Кулинич 2012: 230]. О. И. Чекрыжова и Н. В. Стрекалова также исследовали фотографии как исторический источник и оценили их в этой функции весьма позитивно, отметив, что «в рамках изучения социальной топографии городов фотографические снимки так же необходимы для визуализации городского пространства, как планы и картосхемы» [Чекрыжова, Стрекалова 2019: 96]. Таким образом, исследователи отмечали различные аспекты специфики фотодокументов как исторического источника.

В последней трети XIX – начале XX в. фотография заметно входит в повседневную жизнь горожан Западной Сибири. Это связано с общими модернизационными процессами: распространением технических новшеств, книжной культуры, изданием газет и журналов. Неизбежным было привлечение фотоматериалов в публикациях газет. Так, с 1903 г. редакция газеты «Сибирская жизнь» начинает выпускать иллюстрированные приложения к своему изданию, включавшие фотографии. Исследователи посвятили уже достаточно работ периодической печати Сибири, но аспект появления и распространения фотоматериалов в периодике затронут слабо. Например, в статье Н. В. Жияловой тема фотоиллюстраций в периодике не затрагивается [Жиялова 2009]. Обойденным данный аспект оказался и во многих других публикациях: о художественной жизни в Иркутской губернии в начале XX в. по материалам периодики [Ткачев 2021b], о роли художественной интеллигенции в социокультурной жизни Байкальской Сибири начала XX в. по материалам периодической печати [Ткачев 2021a] и др. Недостаточно, на наш взгляд, освещен вопрос о фотоматериалах об инородцах и в работе Е. А. Сениной [Сенина 2005].

Однако обращение к тематике развития фотографии в исследованиях присутствует. Историки касаются различных аспектов темы: деятельность отдельных фотографов, фото как вид искусства, совершенствование фотографического дела, технические особенности фотоаппарата и создания фотоснимков. Так, Е. И. Гарцман рассмотрела некоторые особенности зарождения фотоискусства на Дальнем Востоке [Гарцман 2014], Е. П. Екимов – фотографии Верхнеудинска конца XIX – начала XX в. [Екимов 2019]. А. А. Андросова более внимательно и глубоко изучила развитие фотодела в Самарской губернии [Андросова 2020]. А. И. Кулинич дополнил наработки предыдущих исследователей по развитию фотографии в г. Курган, уточнив их численность и деятельность на рубеже XIX–XX вв. [Кулинич 2011]. Е. А. Юнина подробно описала историю фотоателье Уссаковских в г. Тобольск, а также предприняла попытку выявить информативную ценность фотографий досоветского

времени [Юнина 2018; 2019]. Краткий обзор фотодела и фотографий междуречья средней Волги и Оки конца XIX – начала XX в. представлен в работе В. Б. Махаева. Автор справедливо подметил: «Благодаря дореволюционной светописи мы имеем возможность увидеть архитектуру и предметный мир городов и сел, церквей и монастырей глазами человека того времени. Не писатели и художники, а мастера фотографии... смогли запечатлеть созидательную деятельность провинции» [Махаев 2020: 66]. В объемной работе краеведческого характера В. Е. Копылова рассмотрены технические аспекты фотографирования в дореволюционное время, судьбы первых фотографов Тюмени и Тобольска [Копылов 2004].

При изучении фотодела как определенной отрасли предпринимательства весьма полезными становятся труды, посвященные бизнесу и бизнесменам дореволюционной эпохи. В настоящее время в историографии сибирское предпринимательство делится на этапы [Климова 2020], характеризуется по отраслями, по условиям деятельности [Климова, Гончаров 2017; Лунёв 2013], по этническим группам предпринимателей [Кротт 2021; Мулина 2019], по видам предпринимательской активности [Кушнарева 2020], рассматриваются наиболее яркие представители сферы, много написано об их благотворительной и общественной деятельности. Однако пока не уделено должное и всестороннее внимание такому направлению предпринимательства, как сфера услуг, куда относится и фотодело. В работах, которые посвящены близким к нашей проблематике темам, зачастую вопрос о фотографическом предпринимательстве и фотоделе даже не затрагивается. Например, в статье о польских предпринимателях С. А. Мулина сделала попытку показать структуру занятости польских ссыльных, обосновала активную торгово-предпринимательскую деятельность представителей этой диаспоры, указав на открытие в сибирских поселениях заведений «Варшавский магазин» и «Варшавская лавка», но совершенно не упомянув о деятельности «Варшавской фотографии» и польских фотографов [Мулина 2019].

Таким образом, в отечественной историографии недостаточно разработана тема возникновения и развития фотографии в Западной Сибири как сферы предпринимательских услуг, а также как элемента повседневности в эпоху модернизации. Мы не ставим целью изучить в нашей статье все аспекты данной темы, но предпринимая попытку проанализировать развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Освещение данного аспекта региональной истории позволяет дополнить картину прошлого предпринимательства, повседневной жизни горожан эпохи модернизации.

Получение разрешений на открытие фотоателье в городах

Во второй половине XIX – начале XX в. городское население Западной Сибири постоянно росло. По всем городам региона к 1897 г. по сравнению с 1858 г. городское население выросло в 2,3 раза, к 1911 г. в сравнении с 1858 г. – в 5,2 раза [Скубневский, Гончаров 2003: 76]. Главный источник увеличения – механический прирост, ставший еще более масштабным с проведением Транссибирской железной дороги, которая связала центр и окраину, способствовала резкой активизации экономической жизни Сибири, развитию предпринимательства.

Сибирский регион обладал спецификой в силу различных факторов. Одним из них была политическая ссылка. Часто фотографами в Сибири становились ссыльные. Так, в 1864 г. ссыльный поляк С. Ф. Николяи, прибыв в Томск с семьей, был причислен к мещанскому сословию. В 1867 г. он получил разрешение от губернатора служить в фотозаведении, открытом в Томске минским дворянином Ф. И. Красовским¹. В 1868 г. во всех фотозаведениях был произведен обыск на предмет, «не снимают ли содержатели фотографических заведений Томска карточки с политических ссыльных»².

Фотографии политссыльных были обнаружены во всех четырех фотосалонах города. Полицейский контроль был усилен, свидетельство на право заниматься фотографическими работами было отобрано. Фотомастерская у С. Ф. Николяи имела также в г. Барнаул. Вскоре фотограф закрывает свои салоны, вероятно, желая скрыться от тайного полицейского надзора, и уезжает из Томска³.

Фотографии 1870-х гг. отличались по качеству от более поздних меньшим контрастом и яркостью. В эти годы, очевидно, занимался фотоделом некто Н. Н. Тюфин (возможно, личность

фотографа была как-то связана с известным купцом Н. А. Тюфиным, сын которого, Николай, проживал в Томске⁴). Сохранились две фотографии, сделанные Н. Н. Тюфиным, одна из них представлена на рис. 1⁵.

В городах региона открывались фотоателье под названиями: Варшавская фотография, Русская фотография, Сибирская фотография, Московская фотография. Одной из первых фотомастерских открылась «Варшавская фотография» в Томске. Ее владельцами поочередно были ссыльные поляки: в 1881–1883 гг. – И. П. Гилевич (по другим данным – Гюлевич). Он не смог содержать фотосалон (предположительно, из-за семейной трагедии и финансовых проблем). Право владения на это фотоателье получил Ю. Н. Мацевич. И. П. Гилевич некоторое время еще оставался его компаньоном. Владелец «Варшавской фотографии» в Томске Мацевич и К^о был примерно до 1887 г., когда новыми владельцами этой фотографии стали поляк П. Милевский и А. Дубровин⁶. Работы уже в этот период в «Варшавской фотографии»

были неплохого качества. Одна из таких – с изображением молодого человека – имеет надпись на обороте: «Н. Ц. Осипову. На память учителю от ученика Мих. Самохвалова. 18 сент. 1887 г.»⁷. В 1889 г. «Варшавскую фотографию» губернского центра приобрел Ю. У. Ержинский. Дела у этого фотографа шли успешно. Фотографии были высокого качества, отражали художественный вкус и профессионализм мастера. Каждый снимок наклеивался на фирменное паспарту, заказанное в Европейской части России или за рубежом⁸. В Томской библиотеке хранятся некоторые снимки, сделанные Ю. У. Ержинским. Это мужские, женские, детские фото портретного типа, т. н. визитные фото (см., например, рис. 2⁹).

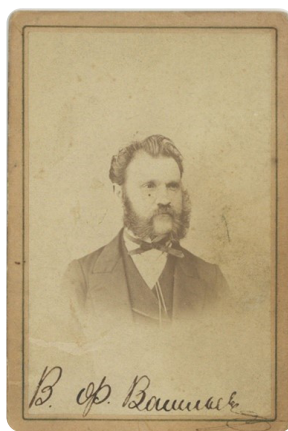

Рис. 1. Мужской портрет, фотограф – Н. Н. Тюфин
Fig. 1. A man's portrait by N. N. Tyufin

¹ Николяи Станислав Фридрихович. Томский фотограф в 1867–1882 гг. *Поляки в Томске (XIX–XX вв.): биографии*, автор-сост. В. А. Ханевич. Томск: ТГПУ, 2012. С. 392. URL: <https://elib.tomsk.ru/elib/data/2017/2017-0184/2017-0184.pdf> (дата обращения: 30.09.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Кочнев П. Ф. Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск: Сова, 2006. С. 73.

⁵ К истории фотодела в Томске. Портреты фотографа Н. Н. Тюфина. № 1. Мужской портрет: [фотография на паспарту]. Томск, [1874]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-18260/> (дата обращения: 30.09.2022).

⁶ Мацевич Юрий Никифорович. Владелец «Варшавской фотографии» в Томске 1884–1887(?) гг. *Поляки в Томске...* С. 354.

⁷ К истории фотодела в Томске. Портреты «Фотографии Милевского и Дубровина». № 1. Мужской портрет: [фотография на паспарту]. Томск, [1887]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-17952/> (дата обращения: 30.09.2022).

⁸ Ержинский Юлиан Устинович. Фотограф, владелец «Варшавской фотографии» в Томске в 1889(?)–1896 гг. *Поляки в Томске...* С. 180.

⁹ К истории фотодела в Томске. Портреты «Варшавской фотографии Ю. Ф. Ержинского». № 10. Женский портрет: [фотография на паспарту]. Томск: [б. г.]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-17670/> (дата обращения: 30.09.2022).

Одна фотография, сделанная в 1894 г., с изображением молодого человека на обратной стороне имеет надпись: «Дорогому учителю от ученика...»¹⁰. Дарить свое фото в знак благодарности, очевидно, считалось хорошим тоном. Детские фото были кабинетного типа, во весь рост, с художественным интерьером¹¹. После смерти Ю. У. Ержинского в 1896 г. владельцем фотозаведения стал С. А. Петкевич.

Помимо выполнения частных заказов С. А. Петкевич первым в Томске стал издавать тематические фотоальбомы. В 1897 г. им был издан альбом иерархов-епископов Томской православной епархии и ректоров-архимандритов Томской Духовной семинарии со дня их основания в 1834 г. и 1858 г. (всего 18 портретов). В этом же 1897 г. С. А. Петкевичем был издан первый в Томске фотоальбом художественных фотографий, посвященных городу Томску, состоявший примерно из 20 фотографий. С. А. Петкевичем также были сделаны фото видов Томского университета¹².

Рассматривая какой-либо аспект отечественной истории пореформенного периода, во многих случаях необходимо учитывать общую атмосферу в стране после террористического акта 1 марта 1881 г., в результате которого погиб царь Александр II. Следствием данного трагического события стало проведение консервативного курса внутренней политики правительства, проверка политической благонадежности тех или иных деятелей, в том числе и предпринимателей. Однако это не останавливало модернизацию в России и Сибири, ускорение в развитии всех сфер жизни общества. Не исключением являлось и фотодело.

В 1887 г. ссыльному Ф. Я. Лонскому разрешили открыть в Томске фотосалон, предварительно выяснив, что поведения он хорошего¹³. В это время здесь уже существовало три подобных заведения: купца А. П. Дубровина, мещанина

П. А. Милевского и уроженца Финляндии Н. И. Снельмана¹⁴. Не исключаем, что эти данные неполные, т.к. в 1883 г. в городе существовала «Русская фотография Прокофьева», а до этого еще и Н. Тюфина, и нет данных о том, в каком году они закрылись.

В Барнауле и Бийске в 1887 г. было по две фотомастерских¹⁵ (в последнем к 1895 г. добавилась еще одна¹⁶), в Кузнецке в 1895 г. – одна, в Каинске – одна, в Мариинске было четыре, но «жена титулярного советника Е. Андреева свою закрыла и выехала в г. Тобольск»¹⁷. Таким образом, здесь осталось 3 фотозаведения, что для маленького городка Томской губернии было весьма немало.

Получающие свидетельство на право открытия фотозаведения предприниматели обязаны были дать расписку подобного рода: «1893 г., 3 июня. Я, нижеподписавшаяся дочь священника А. Попова, дала эту подписку господину тобольскому полицмейстеру в том, что присланные при предписании 1-го отделения

тобольского общественного губернского управления от 29 мая за № 2097, аттестат об образовании за № 315, удостоверение о поведении за № 9920 и свидетельство на открытие фотографии в г. Таре за № 2098 я получила и обязуюсь соблюдать все законоположения и правительственные распоряжения, и что лица из политических ссыльных к работам в фотозаведении допускаться не будут, а также не будут сниматься фотографические изображения с лиц, пересылаемых под стражей и состоящие под надзором полиции»¹⁸ (прим. – стилистические особенности документа сохранены).

В конце 1880–1890-х гг. губернаторам из городов региона поступало множество ходатайств на открытие собственных фотоателье. Очевидно, что был спрос, много горожан желали иметь фотопортреты.

Рис. 2. Женский портрет. «Варшавская фотография» Ю. У. Ержинского
Fig. 2. A woman's portrait by Yu. U. Yerzhinsky from The Warsaw Photography Studio

¹⁰ Там же. № 5. А. М. Демидов: [фотография на паспорту]. Томск, [1894]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-17665/> (дата обращения: 30.09.2022).

¹¹ Там же. № 3. Детский портрет: [фотография на паспорту]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-15891/> (дата обращения: 30.09.2022).

¹² Петкевич Станислав Александрович. Фотограф в Томске в конце XIX в. *Поляки в Томске...* С. 440.

¹³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2634. Л. 1.

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2651. Л. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3674. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 36.

¹⁸ ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 14. Д. 78. Л. 7–7 об.

Дореволюционные фотографии имели различные форматы. Самыми популярными были т. н. визитные фото, которые было принято дарить родственникам и друзьям [Плаксин 2015: 99]. Фотографии формата *визит-портрет* чаще всего помещали в альбомы. Следующими по популярности были кабинетные фото (*кабинет-портрет*). Они были больше по размеру и дороже. На них могло поместиться изображение студии, помещения, мебели, где проходила съемка. Такие фото подходили для того, чтобы их повесить на стену или поставить в рамке на стол.

Большое значение имело оформление фотографий. Специальный фотографический бланк, на который наклеивалась фотография, назывался паспорту. Этот бланк был достаточно прочным, чтобы обеспечить длительное хранение и пользование фотографией, он изготавливался из многослойного картона. С 1860-х гг. паспорту стали делать из бумаги самых разных цветов, от светло-розового до черного, с отделкой под золото или серебро [Плаксин 2015: 100]. На лицевой стороне фото, внизу, указывалось название мастерской и, возможно, города, на обратной стороне – фамилия, адрес, а также могла стоять печать фотомастерской, рисунок, указывающий на творческую деятельность фотографа (кисти, краски т.п.), изображение медалей, которые, возможно, получал фотограф за свои работы на каких-либо выставках. Также с 1880-х гг. на обратной стороне фотографии стали помещать надпись *негативы сохраняются*. Это могло привлекать клиентов к заказам повторного отпечатывания сделанного в прошлом фото.

Наиболее искусные фотографы стремились создать определенный образ для фотографии, усаживали клиента, помогали для лучшей эстетики сгруппироваться, если снимок был коллективный и т.п. Также советовали принять определенное выражение лица, использовать какие-либо предметы антуража. Специальный фон фотосалона помогал создать задуманный фотографом образ. Укомплектованное заведение располагало различными декоративными предметами, нарисованными на холсте сменными интерьерами: уютная комната, рабочий кабинет или природный пейзаж. Для детей у фотографа были разные игрушки, велосипед, скамейка и др. Очевидно, что фотододело сопровождалось острой

конкурентной борьбой, в которой устойчиво могли находиться лишь весьма серьезно настроенные на работу люди, тратившие часть прибыли на обустройство салона. Посетители заведений одевались в праздничную одежду, приходя на фотографирование; в повседневной жизни данное мероприятие было целым событием. В дальнейшем, в советские годы, фотографирование сохранит, укрепит и расширит свою популярность.

В 1889 г. в Тобольское губернское управление поступило девять заявок на открытие в городах частных фотоателье. Разрешали не всем. Так, не удалось открыть в г. Ишим свое заведение шадринскому купцу К. Доронину. Причины отказа неизвестны¹⁹. Мещанину И. Когану было разрешено иметь фото-заведение в г. Тобольск, однако через некоторое время (примерно через два года) свидетельство на такое право у него отобрали, т.к. «оставив квартиру в доме дворянки Лютик, поместился в доме вдовы Краковяк в третьей части Тобольска, где никаких приспособлений для работ не имеется, таковых он не производит, заявив мне, что закрыть заведение не желает, так как имеет ввиду возобновить работы при более благоприятных обстоятельствах»²⁰. Не разрешили открыть свое фотододело и представительнице купеческого сословия А. Карповой, заподозрив ее в том, что на самом деле фотографированием будет заниматься не сама А. Карпова, а кто-то другой, используя ее документ на разрешение²¹. В 1894 г. закрыли фотозаведение мещанки Н. Н. Бердической в Тобольске, т.к. ее заподозрили в политической неблагонадежности²².

Ходатайства об открытии частных фотомастерских продолжали поступать губернатору. В 1893 г. вдова провизора А. А. Роленбок пожелала открыть подобное заведение в Тюмени²³. В этом же году было выдано свидетельство на право заведения в Тюмени саранскому мещанину В. М. Шапошникову²⁴. Ходатайство жителя Варшавы А. Буйневича о разрешении ему заняться фотокискусством в Тобольской губернии увенчалось успехом. Ему разрешили, правда, не по всей губернии, а только в г. Тара²⁵. В эти же годы позволено было учредить фотомастерскую в Туринске и Таре почетному гражданину И. И. Дюкову²⁶, в Тюмени – мещанину В. Кривошеину²⁷.

¹⁹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. Д. 201. Л. 2 об.

²⁰ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. Д. 203. Л. 11.

²¹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. Д. 190. Л. 6–7, 11.

²² ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 14. Д. 90. Л. 3.

²³ Там же.

²⁴ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 14. Д. 88. Л. 27.

²⁵ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 57. Л. 21 об.

²⁶ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 29. Л. 9, 16.

²⁷ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 27. Л. 11.

Таким образом, очень многим благополучно разрешали открывать фотозаведения и получать доход с них. В. Ф. Ваккеру, происходившему из мещан г. Ревель, в 1896 г. было предоставлено разрешение на открытие фотозаведения в Томске²⁸. Еще один владелец фотосалона в губернском центре из ссыльных, поляк В. В. Якобия, мариинский мещанин, получил право заниматься фотоработами в 1897 г. Фотозаведение Якобия и К° на 1902 г. в г. Томск в источниках не зафиксировано (перечислены только 3 заведения такого рода: Шепелева, Юнышева, Ваккер)²⁹, но в то же время известно, что в 1902 г. В. В. Якобия работал здесь как фотомастер и впервые издал крупную серию (свыше ста штук) стереоскопических видов открыток «Томск и его окрестности». Данная серия снимков сопровождалась подробным каталогом всех снимков³⁰. Тобольский мещанин И. И. Янкевич, проживая в Томске, в 1902 г. подал прошение на имя томского губернатора о разрешении открыть свое фотозаведение. От губернской администрации ему пришел ответ, что по разъяснению Правительствующего Сената, изложенного в циркуляре МВД от 20 сентября 1901 г., на производство фотографических работ особого разрешения губернского начальства уже не требуется. Теперь заниматься фотографированием мог каждый, снимать все, что не запрещено по закону. Фотосалон И. И. Янкевича успешно работал и в начале XX в. Так, в 1918 г. он собирался построить свой фотопавильон по ул. Почтамтской и подавал по этому поводу соответствующее ходатайство³¹. В 1907 г. в Томске было уже 10 фотозаведений³².

Л. В. Шаниор был сослан в Сибирь в административном порядке, причислен к томским мещанам. В 1894 г. жил в г. Бийск и имел там свое фотоателье. Фотоработами Л. В. Шаниору помогали заниматься

Рис. 3. Детский портрет. Бийский фотограф Л. В. Шаниор
Fig. 3. A child's portrait by L. V. Shanior, Biysk

члены его семьи. С 1890-х гг. основную работу в бийском фотоателье стал выполнять сын Людвиг Шаниора Владимир (по другим данным – Виктор). Фотограф Л. В. Шаниор имел свидетельство на право заниматься фотографическими работами по всей Томской губернии, как и некоторые другие мастера фотодела. Им были сделаны тысячи снимков жителей Бийска и Бийского уезда (см., например, рис. 3³³). На фотографиях Л. В. Шаниора запечатлены, как и на фото многих других фотографов этого времени, самые именитые люди Сибири и ее населенных мест: представители купечества, чиновничества, духовенства. По негативам Л. В. Шаниора в начале XX в. выпускались почтовые открытки с видами Бийска. В 1909 г. работы этого мастера были удостоены серебряной медали³⁴.

Повышение качества фотографий и конкуренция фотоателье в начале XX в.

В начале XX в. для отечественного предпринимательства и капиталов открылись новые просторы и в плане географии (строительство Транссиба), и по возможностям новых инвестиций и рынков сбыта. Усилилась конкуренция внутри слоя промышленников и торговцев. Борьба за успешный бизнес шла и в среде мелкого предпринимательства, куда относятся владельцы фотозаведений. Необходимо было повышать качество продукции, увеличивая тем самым спрос именно на свои изделия. Фотографии начала XX в. выполнены более качественно, образы переданы четче, контрастнее. Об уровне работы фотосалона, его обстановке и декоративных возможностях можно судить по работам «Московской фотографии И. Шепелева», отложившимся в фондах томской библиотеки. На одной из них, например, изображены двое мужчин, сидящих за столом и играющих в шахматы (рис. 4³⁵),

²⁸ Ваккер Вольдемар Федорович. Фотограф, владелец фотографии в Томске в 1896–1912(?) гг. *Поляки в Томске...* С. 73.

²⁹ Томск в кармане: справочная книжка и адрес-календарь г. Томска. Год 1. Томск, 1902. С. 108; Томск в кармане: справочная книжка и адрес-календарь г. Томска. Год 2. Томск, 1903. С. 140–141.

³⁰ Якобия Владимир Валерьевич. Фотограф, владелец фотографии в Томске 1897–1902(?) гг. *Поляки в Томске...* С. 645.

³¹ Янкевич Иосиф Иванович. Фотограф, владелец фотографии в Томске в 1902–1918(?) гг. *Поляки в Томске...* С. 651.

³² Адрес-календарь главнейших правительственных, общественных и частных учреждений г. Томска и Томской губернии, а также страховых, пароходных, транспортных агентурно-комиссионных контор и гостиниц. Томск: Изд. М. П. Кедровского, 1907. С. 41. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-9827/> (дата обращения: 12.10.2022).

³³ Источник: из семейного архива Ларионовых (г. Бийск).

³⁴ Коваленко П. С. Шаниор В. Л. Бийск. Энциклопедия. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2009. С. 341.

³⁵ К истории фотодела в Томске. Портреты «Московской фотографии И. Шепелева». № 1. Мужской портрет: фотография на паспарту. Томск, [б. г.]. URL: <https://www.elbib.tomsk.ru/purl/1-15854/> (дата обращения: 13.10.2022).

на другой – мальчик в национальной одежде, характерной для народов Кавказа³⁶. На паспорту работ этого фотографа указывалось, что его фотография награждена серебряной медалью на Воронежской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в 1894 г.

В крупных городах, губернских и торгово-промышленных центрах фотосалонов было уже множество, выбор мастера для фотографирования был широкий. Горожане посещали различные фотоателье. Например, свадебную фотографию супруги Пермяковы в Томске сделали в салоне Л. М. Пейсахова в 1913 г. (рис. 5³⁷), а вот фото через два года с ребенком предпочли сделать в фотоателье А. А. Хаймович (рис. 6³⁸). Фотодело Л. М. Пейсахова продолжало существовать, фотограф продолжал выполнять заказы и в советское время³⁹.

Некоторые работы дореволюционных фотографов показывают особенный профессионализм и художественный вкус автора. Например, омский и томский фотограф В. Е. Коркин обучал фотографическому мастерству своего ученика П. Н. Пенькова⁴⁰ и, очевидно, сделал его фотографию, качество которой выделяется среди многих других работ (рис. 7⁴¹). Выдающейся фотографией В. Е. Коркина является и семейный портрет (рис. 8⁴²).

Фотографии стали использоваться как официальное удостоверение личности, если оно было с заверенной подписью от ведомства. Так, фото, сделанное в томском фотосалоне Л. М. Пейсахова, конторщицы Сергеевой от Сибирской железной дороги имело такую удостоверительную подпись (рис. 9⁴³).

Рис. 4. Мужской портрет. Фото «Московской фотографии И. Шепелева»
Fig. 4. A portrait of two men made at I. Shepelev's Moscow Photographic Studio

Рис. 5. Семейный портрет Пермяковых. Фотосалон Л. М. Пейсахова
Fig. 5. Permyakov family portrait by L. M. Peisakhov

Рис. 6. Семейный портрет Пермяковых. Фотосалон А. А. Хаймович
Fig. 6. Permyakov family portrait made at A. A. Khaimovich's Photography Studio

Рис. 7. Портрет П. Н. Пенькова. Фотограф – В. Е. Коркин
Fig. 7. P. N. Penkov's portrait made by his teacher, photographer V. E. Korkin

³⁶ Там же. № 2. Детский портрет: фотография на паспорту. Томск, [1905]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-15855/> (дата обращения: 13.10.2022).

³⁷ К истории фотодела в Томске. Портреты «Фотография Л. М. Пейсахова». № 2. Михаил и Юлия Пермяковы: [свадебная фотография на паспорту]. Томск, [1913]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-13865/> (дата обращения: 13.10.2022).

³⁸ К истории фотодела в Томске. Портреты «Художественной фотографии А. А. Хаймовича». № 1. Юлия Викторовна и Михаил Александрович Пермяковы с сыном Сашей: [фотография на паспорту]. Томск, [1915]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-13864/> (дата обращения: 13.10.2022).

³⁹ К истории фотодела в Томске. Портреты «Фотография Л. М. Пейсахова». № 14. Детский портрет: [фотография на паспорту]. Томск, [1923]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-17996/> (дата обращения: 30.09.2022).

⁴⁰ Майданюк Э. К. «Гран-При» Петра Пенькова. *Тобольск и вся Сибирь: альманах*, сост. И. А. Евтихьева. Тобольск, 2004. С. 221–232. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-629/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴¹ К истории фотодела в Томске. Портреты «Фотографии В. Е. Коркина». № 6. Пеньков Пётр Никитич: [фотография на паспорту]. Томск, [б. г.]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-18724/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴² Там же. № 1. Семейный портрет: [фотография на паспорту]. Томск, [б. г.]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-15892/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴³ К истории фотодела в Томске. Портреты «Фотографии Л. М. Пейсахова». № 13. Конторщица Службы тяги Ксения Антоновна Сергеева: [фотография на паспорту]. Томск, [б. г.]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-17995/> (дата обращения: 13.10.2022).

Рис. 8. Семейный портрет фотографа В. Е. Коркина
Fig. 8. A family portrait by V. E. Korkin

Рис. 9. Женский портрет.
Фотосалон Л. М. Пейсахова
Fig. 9. A woman's portrait
made at L. M. Peisakhov's
Photographic Studio

В местной периодической печати постоянно публиковались объявления о продаже необходимой для фотографирования техники. Так, в «Томском листке» за 1895 г. читаем: «К. И. Фреландт из г. Санкт-Петербурга в Томске. С 1 июля с. г. открыто отделение склада фотографических аппаратов с полным ассортиментом принадлежностей. О чем имею честь донести сведения до многуважаемой публики, фотографов и любителей»⁴⁴.

Об успешности фотододела свидетельствуют цифры, относящиеся к молодому городу Новониколаевску. В 1910 г. здесь было уже 10 фотозаведений⁴⁵.

Доходы фотографов

Есть данные и о прибыльности этого промысла. Мы располагаем подобными сведениями по г. Курган за 1889 г. Фотозаведение Д. Панкратьева, открытое 18 августа 1889 г., за несколько месяцев выполнило 25 работ на сумму 80 руб. Второе фотоателье (владелец – А. Бах) проработало к отчетному периоду больше (т. к. было открыто 23 мая 1888 г.), исполнило 32 работы на сумму 1251 руб.⁴⁶ В последнем случае, как видим, за (примерно) год работы фотограф получил довольно солидный по меркам среднего сибирского города доход. Даже с учетом вычета из полученной прибыли расходов на материалы и обустройство заведения сумма все равно останется приемлемой для источника средств к существованию. Доходы владельца фотомастерской при уже обустроенной, оснащенной всем необходимым постоянной профессиональной деятельности сопоставимы с бюджетом высокопоставленных чиновников (кроме губернатора), штаб-офицерских чинов, купцов

2-й и 3-й гильдий. Семейный бюджет этих категорий населения составлял от 1000 до 1500 руб. в год, они могли себе позволить нанимать горничную, кухарку и кучера, иметь пару лошадей и корову, питаться вкусно и разнообразно, носить нарядную, европейскую одежду, оплачивать лечение, приглашать учителя своим детям, заниматься благотворительностью [Гончаров 2004: 270–271]. Фотографы могли себе позволить выезд в зарубежные страны. Так, в рекламе своего заведения в «Сибирской жизни» фотограф Л. М. Пейсахов объявлял о своем возвращении из заграницы⁴⁷.

Устроителями фотомастерских были социально очень разные люди. Среди фотографов были люди из дворян, мещан, крестьян, купечества, разночинцы и выходцы из других сословий. Такой же пестрый состав действующих мастеров фотододела наблюдался и в других губерниях России. Так, в Курской губернии фотографы были разного сословного происхождения, а также иностранцы [Плаксин 2015: 98]. Однако содержание фотозаведения и работа в нем всех этих лиц неравного социального статуса сближала в границах одной профессии и предпринимательства. Особенностью данного аспекта повседневности в Сибири стало значительное количество фотографов из ссыльных. Нарушение запрета снимать ссыльных в фотосалонах нередко становилось причинами их закрытия.

Фотомастерские были демократичными учреждениями с точки зрения предложения услуг всем слоям населения, без различия сословного и социального статуса. Принципиальным, пожалуй, было только одно условие – способность заплатить за фотографию.

⁴⁴ Томский листок. 05.07.1895. С. 1. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3994. Л. 61 об.

⁴⁶ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. Д. 200. Л. 23-23 об.

⁴⁷ Сибирская жизнь. 22.09.1911. С. 1. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 13.10.2022).

В газетах указывались и цены за фотографию. В начале XX в. за т. н. кабинетскую дюжину надо было заплатить 5 руб., за визитную дюжину – 2 руб. 50 коп.⁴⁸ Указывалось открытие новых фотомастерских, в которых цена за работу была такой же⁴⁹. В следующем году в объявлении Томского фотографического общества за работу брали не менее 3 руб. Предлагались десятипроцентные скидки учащимся. Указывалось, что фотоателье работает ежедневно с 9 часов утра до 4 часов дня⁵⁰. В марте данное общество уже сообщало об увеличении рабочего дня до 5 часов, цена оставалась такая же⁵¹. Та же информация проходила и в апрельских номерах⁵². В 1911 г. в газете было опубликовано более подробное объявление о ценах на фото, где были указаны размеры фото и их стоимость. Свою работу в данном случае рекламировал фотограф Г. И. Козлов. Уже можно было заказать не 12 штук фото, а различное количество. Самые большие фото (групповые или портретные) стоили 15 руб. за 12 штук или 9 руб. за 6 штук, за кабинетскую дюжину надо было отдать 9 руб. за 6 таких же фото – 5 руб., за 3 штуки – 3 руб. За визитную дюжину – 5 руб., за 6 штук таких же – 3 руб., за 3 штуки небольших фото – 2 руб.⁵³ Таким образом, фотография оставалась для широких кругов провинциального населения дорогостоящим предметом. Однако это было модно и заманчиво для представителей различных социальных слоев, поэтому многие фотосалоны продолжали успешно выполнять услуги и получать прибыль.

Распространение фотографии как элемента повседневности в начале XX в.

В русско-японскую войну, несмотря на все сложности военного времени, повседневная жизнь во многом сохраняла свой довоенный характер. По-прежнему газеты пестрели объявлениями о продаже, услугах и т. п. Не являлось исключением и фотодело.

В мартовском номере «Сибирской жизни» помещалось объявление о продаже фотомастерской в г. Красноярск с «новым павильоном и полной квартирной обстановкой». Указывалось, что фотоателье «имеет хороший оборот и пользуется популярностью»⁵⁴. В фотомастерскую Юнышева был нужен грамотный мальчик 13–14 лет⁵⁵.

В 1904 г. сообщалось об открытии новой фотомастерской в Томске по ул. Жандармской. Указывалось, что цены доступные и есть скидки учащимся и нижним чинам. Также требовался мальчик⁵⁶. В газете за 1911 г. объявлялось о поиске «хорошего негативного ретушера» для фотомастерской Козлова⁵⁷. Еще одно объявление о поиске ретушера было опубликовано 1 ноября, для фотомастерской Горбунова в г. Нерчинск. Указывался размер оплаты работнику – 45 руб., к жалованию добавлялся «стол», т. е. питание, а расходы на дорогу предлагалось поделить пополам⁵⁸. В этом же году на последней странице «почтейнешую публику» извещали о заново обставленном фотоателье фотографа Л. М. Пейсахова, вернувшегося из заграницы, по конкретному адресу⁵⁹.

Уже печатались объявления о продаже фотографий с «Видами Алтая и всего Чуйского тракта». Так, в газете за 1904 г. предлагалось обратиться за фотонаборами к фотографу Борисову в г. Барнаул⁶⁰.

Фотографы предлагали увеличение и уменьшение старых фото. Например, фотограф из Ачинска А. Д. Спруковский предлагал высылать ему заказы с 50-процентной предварительной оплатой. Цена на увеличение составляла от 5 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп., уменьшение стоило 1 руб. Предлагалось выделение в отдельное фото из группового снимка и соединение, наоборот, объектов с разных фото в одно⁶¹.

В 1907 г. в «Сибирской жизни» продолжалась реклама фотографических аппаратов⁶². В июльском номере сообщалось об отремонтированной после пожара

⁴⁸ Сибирская жизнь. 04.01.1903. С. 4. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴⁹ Сибирская жизнь. 02.04.1903. С. 4.

⁵⁰ Сибирская жизнь. 15.01.1904. С. 4.

⁵¹ Сибирская жизнь. 28.03.1904. С. 4.

⁵² Сибирская жизнь. 04.04.1904. С. 4.

⁵³ Сибирская жизнь. 01.10.1911. С. 4.

⁵⁴ Вниманию гг. фотографов!! Сибирская жизнь. 20.03.1904. С. 1. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁵⁵ Сибирская жизнь. 04.05.1904. С. 4.

⁵⁶ Сибирская жизнь. 27.07.1904. С. 4.

⁵⁷ Сибирская жизнь. 03.06.1911. С. 4.

⁵⁸ Сибирская жизнь. 01.11.1911. С. 4.

⁵⁹ Сибирская жизнь. 22.09.1911. С. 1, 4.

⁶⁰ Сибирская жизнь. 04.02.1904. С. 4.

⁶¹ Сибирская жизнь. 15.12.1911. С. 6. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁶² Сибирская жизнь. 11.05.1907. С. 4.

фотомастерской В. Ф. Ваккера с «самыми умеренными ценами»⁶³. В осеннем номере за 1907 г. Была представлена информация о понижении цен в фотомастерской И. И. Янкевича: за кабинетские фото – 5 руб., за визитные – 3 руб. за дюжину⁶⁴.

В 1909 г. сообщалось о продаже «совершенно нового» фотоаппарата размером 13 на 18 см⁶⁵. Фотография зеркальная, с камерой размером 9 на 12 см, со штормым затвором и тремя светосильными объективами Цейсса стоимостью 357 руб. продавалась за 200 руб. (предположительно, т. к. первая цифра 2 в газете стерлась)⁶⁶. В этом же году Аптекарский магазин Товарищества Щепкина и Сквородова (который торговал с 1890-х гг. товарами для фотографов, а, возможно, и ранее⁶⁷) сообщал о поступлении большого выбора фотоаппаратов и принадлежностей. Рекламировался «Перорто», артохроматические пластинки для моментальных съемок. Из номера в номер шли сообщения рекламного характера о продаже всевозможных товаров для фотографирования и фотографий, аппаратов, рамок для фото и т. д.⁶⁸

Летом 1909 г. на первой странице газеты было помещено крупное объявление о том, что с августа месяца все фотомастерские Томска будут работать по воскресеньям. Объявление было помещено в нескольких номерах газеты⁶⁹.

С фотоделом стали соединяться и другие сферы предпринимательства, в частности продажа галантерейных товаров. В мартовском номере «Сибирской жизни» рекламировались различные товары личного обихода, которые по желанию заказчика могли украшаться фотографией покупателя, который приобретал товар: «Новости! Пришлите ваше фото и я немедленно вышлю вам семь драгоценных предметов, художественно украшенных присланной фотографией: часы

плоские, цепочка с медальоном, булавка к галстуку... На каждом предмете ваша фотография. Цена комплекта 5 руб. 25 коп.»⁷⁰. Предлагалось также покупать альбомы для фотографий⁷¹.

Фотографирование было примечательным событием не только семейного быта, но и общественной жизни. «Сибирская жизнь» сообщала о фотографировании первого дня заседания суда с присяжными заседателями в Томске. Сообщалось, что образовалась большая группа участников процесса по конкретному делу с участием прокурора суда, защитников, священника, секретаря суда и судебного пристава⁷².

Газета рекламировала открытие подписки на журнал «Вестник фотографии», издаваемый русским географическим обществом, на 1910 г. Подписная цена на год – 4 руб., на полгода – 2 руб.⁷³ Цена одного номера – 50 коп. А в 1911 г. уже предлагалось подписаться на журнал «Фотографические новости», издаваемый торговым домом Стеффен. Цена на год подписки составляла всего 50 коп.⁷⁴

Фотографы предлагали покупать снимки сибирской природы, пейзажей, различных достопримечательностей. Так, в газете за 3 июня 1911 г. сообщалось, что в продажу поступил снимок закладки Дома науки в Томске фотографа-любителя Якимова. Цена одного снимка – 35 коп. Продается в магазине П. Макушина⁷⁵. Также стремились собрать зрителей на демонстрацию фотографий. Например, в 1911 г. анонсировался приезд в Томск из Барнаула фотографа Борисова для демонстрации «посредством волшебного фонаря» снимков Горного Алтая⁷⁶. Данный фотограф был известен в эти годы в Сибири, он выступал с представлениями и комментариями фотографий, сделанных им на Алтае, изображающих природу и быт алтайцев⁷⁷.

⁶³ Сибирская жизнь. 20.07.1907. С. 4.

⁶⁴ Сибирская жизнь. 15.11.1907. С. 4.

⁶⁵ Сибирская жизнь. 11.02.1909. С. 4.

⁶⁶ Сибирская жизнь. 14.02.1909. С. 4.

⁶⁷ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 г. Томск: Типо-литография П. И. Макушина, 1893. IV+304+[178] с.

⁶⁸ Сибирская жизнь. 01.03.1909. С. 4; 11.03.1909. С. 4; 30.05.1910. С. 4. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025> (дата обращения: 13.10.2022).

⁶⁹ Сибирская жизнь. 02.08.1909. С. 1.

⁷⁰ Новость! Пришлите вашу фотограф. карточку. Сибирская жизнь. 08.03.1909. С. 7. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁷¹ Сибирская жизнь. 03.12.1909. С. 4.

⁷² Томская жизнь. Сибирская жизнь. 02.12.1909. С. 3.

⁷³ Открыта подписка на 1910 год. Сибирская жизнь. 02.12.1909. С. 4.

⁷⁴ Сибирская жизнь. 03.07.1911. С. 4.

⁷⁵ Сибирская жизнь. 03.06.1911. С. 4.

⁷⁶ Сибирская жизнь. 05.02.1911. С. 41.

⁷⁷ Сибирская жизнь. 01.03.1911. С. 3.

Фотограф Борисов в 1913 г. свою фотомастерскую в г. Барнаул сдавал в аренду и не против был продать, о чем неоднократно помещал объявление в газете⁷⁸. Наряду с объявлениями о продаже фотоателье были и желающие их приобрести. В декабре 1911 г. газета поместила объявление: «Фотографию желаю купить или арендовать. Красноярск, фотография Лухтановского»⁷⁹.

Заключение

Развитие фотодела в городах Западной Сибири в период модернизации, с одной стороны, показывает нам пример предпринимательской деятельности в регионе, а с другой – позволяет более полно увидеть повседневную жизнь людей, новшества быта. Именно во второй половине XIX в., точнее – в последней его трети, фотографирование становится перспективной, популярной сферой предпринимательства, для которой была характерна конкурентная борьба, разорение одних предпринимателей и приход, успех других. Фотографы стремились привлечь клиентов броской рекламой, фотосалонами с разнообразным интерьером, приемлемыми условиями получения услуги (увеличение рабочего времени фотографов, система скидок, возможность сделать меньшее количество фотографий соответственно за меньшую цену и т. п.). Успешные фотографы получали неплохие доходы за свою работу, сопоставимые с доходами высокопоставленного чиновничества и купечества. О популярности фотографирования у населения свидетельствует постоянная

реклама продажи фотоаппаратов, развитие смежных с данной отраслью сфер предпринимательства (продажа галантерейных товаров). В начале XX в. количество фотосалонов в городах региона резко увеличивается, что было вызвано отменой получения специального разрешения на их устройство. Сохранившиеся фотографии тех лет свидетельствуют о стремлении горожан Западной Сибири запечатлеть свое изображение на фото, а также своей семьи. Фотографирование становится важной чертой и общественного быта, т.к. многие профессиональные, городские и государственные события стремились запечатлеть на снимках. Фотографии дарили на память, делали из них своего рода удостоверение личности. При помощи фото стремились сохранить память о важных событиях личной, семейной и общественной жизни. Развитие фотографического дела способствовало демократизации общества, уравниванию всех сословий в праве как создать собственный фотосалон и получать прибыль, так и сделать фото со своим изображением в салоне, открытом для людей любого происхождения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Андросова А. А. Развитие фотографического дела в Самаре в середине XIX – начале XX века. *Самарский научный вестник*. 2020. Т. 9. № 4. С. 246–251. [Androsova A. A. The development of photography in Samara in the middle of the 19th – beginning of the 20th century. *Samara Journal of Science*, 2020, 9(4): 246–251. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17816/snv202094206>
- Гарцман Е. И. К вопросу о зарождении фотоискусства на юге Дальнего Востока. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2014. № 3. С. 98–104. [Gartsman E. I. On the question of the origin of photography in the South of the Far East. *Oikumena. Regional researches*, 2014, (3): 98–104. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tfpgjf>
- Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Сова, 2004. 358 с. [Goncharov Yu. M. *Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid-XIX – early XX century)*. Novosibirsk: Sova, 2004, 358. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpcsggr>
- Екимов Е. П. История фотографии Верхнеудинска (конец XIX – начало XX века). *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2019. № 1. С. 119–123. [Ekimov E. P. History of Verkhneudinsk photography (late XIX – early XX centuries). *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 2019, (1): 119–123. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/knbwgu>
- Жилякова Н. В. «Томск газетный». Становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 323. С. 23–30. [Zhilyakova N. V. "Tomsk in newspapers", establishment and development of system of newspaper periodicals in pre-revolutionary Tomsk. *Tomsk State University Journal*, 2009, (323): 23–30. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lhqqtz>

⁷⁸ Фотография. *Сибирская жизнь*. 02.11.1913. С. 4.

⁷⁹ Фотографию желаю купить или арендовать. *Сибирская жизнь*. 29.12.1911. С. 3.

- Идрисова Р. Р. Становление и развитие фотографического дела в Казани и Казанской губернии (1843–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с. [Idrisova R. R. *Formation and development of the photographic business in Kazan and Kazan province (1843–1918)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2013, 27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zosnzt>
- Климова О. Г. Этапы историографического освоения истории предпринимательства в Сибири второй половины XIX – начала XX века. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. Т. 25. № 185. С. 202–209. [Klimova O. G. Stages of historiographical development of the entrepreneurship history in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2020, 25(185): 202–209. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-185-202-209>
- Климова О. Г., Гончаров Ю. М. Организационно-правовые формы предпринимательства в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 2. С. 103–108. [Klimova O. G., Goncharov Yu. M. Legal forms of the enterprise in Siberia in the second half of the 19th – early of the 20th century. *Izvestiya of Altai State University*, 2017, (2): 103–108. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)2-16](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)2-16)
- Копылов В. Е. Былое светописа. У истоков фотографии в Тобольской губернии. Тюмень: Слово, 2004. 864 с. [Kopylov V. E. *History of daguerreotyping. The early photography business in the Tobolsk province*. Tyumen: Slovo, 2004, 864. (In Russ.)]
- Костров А. В. Фотоматериалы как источник по истории «семейских» старообрядцев в первой трети XX в. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 3. С. 327–333. [Kostrov A. V. Photo files as the source of the history of semeyskie Old Believers in the first third of the XX century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2010, (3): 327–333. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mbdhzl>
- Кротт И. И. Место «модерна»: немецкое предпринимательство в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. *Журнал фронтирных исследований*. 2021. Т. 6. № 4. С. 179–195. [Krott I. I. The place of modernity: German entrepreneurship in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, 2021, 6(4): 179–195. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.340>
- Кулинич А. И. Портрет как способ самоидентификации горожан в дореволюционной фотографии города Кургана. *Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности*: Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) Курган: КГУ, 2012. С. 229–230. [Kulinich A. I. Portrait as a way of self-identification of citizens in pre-revolutionary photography of the city of Kurgan. *Ural and Siberia in the context of the development of Russian statehood: Proc. All-Russian Sci. Conf. "VI Emelyanov Readings"*, Kurgan, 26–28 Apr 2012. Kurgan: KSU, 2012, 229–230. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ztzxdp>
- Кулинич А. И. Фотографические мастерские города Кургана на рубеже XIX–XX вв. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 3-2. С. 106–110. [Kulinich A. I. Photographic studios in Kurgan at the turn of the XIXth–XXth centuries. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, (3-2): 106–110. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oigspix>
- Кушнарева М. Д. Новый вид предпринимательской активности фирмы «Наследники А. И. Громовой» в Северо-Восточной Сибири в начале XX в. *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 455. С. 104–108. [Kushnareva M. D. A new type of entrepreneurial activity of the trading house "Heirs of A. I. Gromova" in Northeastern Siberia at the beginning of the 20th century. *Tomsk State University Journal*, 2020, (455): 104–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/455/15>
- Лунёв Р. С. Социально-правовые условия и направления развития предпринимательства в Сибири в конце XIX – начале XX веков. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2013. № 1. С. 27–37. [Lunev R. S. Socio-legal conditions and directions of entrepreneurship development in Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Surgut State University Journal*, 2013, (1): 27–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wzqqmd>
- Махаев В. Б. Уездные города и монастыри в отечественном фотоискусстве конца XIX – начала XX в. *Центр и периферия*. 2020. № 1. С. 60–67. [Makhaev V. B. Uyezd towns and monasteries in Russian photographic art of the late XIX – the early XX century. *Czentr i periferiya*, 2020, (1): 60–67. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ohahhi>
- Мулина С. А. Предпринимательство как способ социальной адаптации польских ссыльных в Сибири (вторая половина XIX в.). *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2019. № 3. С. 77–84. [Mulina S. A. Entrepreneurship as a way of social adaptation of Polish exiles in Siberia (second half of the 19th century). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2019, (3): 77–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2019.3.77-84>

- Плаксин И. М. Развитие фотодела в российской провинции (на примере Курской губернии второй половины XIX – начала XX в.). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2015. № 19. С. 96–102. [Plaksin I. M. The evolution of photography in the Russian provinces (on the example of Kursk province of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Politologii*, 2015, (19): 96–102. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vjkkkf>
- Полоницкая Л. П. Художественная фотография и фоторепортаж в России в конце 19 – начале 20 вв. (по материалам Омского государственного историко-краеведческого музея). *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 1996. № 4. С. 65–74. [Polonitskaya L. P. Art photography and photo reportage in Russia in the late XIX – early XX centuries: The Omsk State Museum of Local Lore. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, 1996, (4): 65–74. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yabobn>
- Сенина Е. А. «Инородческий» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 29 с. [Senina E. A. The "Foreign" question on the pages of the Siberian periodical press in the late XIX – early XX century. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Irkutsk, 2005, 29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nimkbz>
- Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Ч. I. Население. Экономика. Барнаул: АлтГУ, 2003. 360 с. [Skubnevskiy V. A., Goncharov Yu. M. *Cities of Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Vol. I. Population. Economy*. Barnaul: ASU, 2003, 360. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qowcph>
- Ткачев В. В. Роль художественной интеллигенции в социокультурной жизни Байкальской Сибири начала XX в. (по материалам периодической печати). *Интеллигенция и мир*. 2021a. № 2. С. 88–100. [Tkachev V. V. Artistic intelligentsia in socio-cultural life of Baikal Siberia in the early XX century (based on periodicals). *Intelligentsia i mir*, 2021a, (2): 88–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46725/IW.2021.2.6>
- Ткачев В. В. Сибирская периодическая печать о художественной жизни в Иркутской губернии в начале XX века. *Исторический курьер*. 2021b. № 2. С. 178–183. [Tkachev V. V. Siberian periodicals in the artistic life in the Irkutsk province in the early 20th century. *Historical Courier*, 2021b, (2): 178–183. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-2-15>
- Чекрыжова О. И., Стрекалова Н. В. Фотодокументы конца XIX – начала XX в. как источник для реконструкции социальной топографии городов Тобольской губернии. *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. № 5. С. 93–98. [Chekryzhova O. I., Strekalova N. V. Photographs of the late 19th – early 20th centuries as a source for visualizing the cities of the Tobolsk province. *Izvestiya of Altai State University*, 2019, (5): 93–98. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2019\)5-15](https://doi.org/10.14258/izvasu(2019)5-15)
- Юнина Е. А. К вопросу использования фотографических материалов в реконструкции городской повседневности западносибирской провинции конца XIX – начала XX вв. на примере региональных фотоколлекций. *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 12. С. 32–57. [Yunina E. A. To the question of use of the photographic materials in reconstruction of everyday life in Western Siberian province of the late XIX – early XX century, based on the example of regional photo collection. *Genesis: Historical Research*, 2018, (12): 32–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.12.28535>
- Юнина Е. А. Фотоателье с женским лицом. Супруги Уссаковские: семейный и творческий союз в социокультурном пространстве Тобольска конца XIX – середины XX вв. (опыт историко-культурного анализа и региональной биографики). *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 12. С. 93–158. [Yunina E. A. Photographic studio with a female face. The spouses Ussakovsky: marital and creative union in sociocultural space of Tobolsk of the late XIX – min XX century (the experience of historical-cultural analysis and regional biography). *Genesis: historical research*, 2019, (12): 93–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.12.31893>

full article

Temporary Regulation "On Administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk Regions" of 1868 and Its Significance in Modernization of Judicial and Legal System of the Steppe Region

Inna V. Anisimova

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0003-3609-0549>

Scopus Author ID: 57073063300

iva0410@mail.ru

Received 12 Mar 2023. Accepted after peer review 13 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: One of the most important documents of the second half of the XIX century in the history of the Central Asia outskirts of the Russian Empire is the Temporary Regulation "On administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions" of 1868, which became the basis for the region administrative reform contributing to the integration of the region into the general imperial space. The Temporary Regulation played a special role in the formation of a new configuration of the judicial and legal system in the Steppe Regions. The article analyzes the process of preparing the "Temporary Regulation", defines the goals, objectives and results of the work of the Commissions of 1863 and 1865. The article considers the organization of the judicial system of the Steppe Regions, which was a complex one, combining the principles of the new and pre-reform judicial systems and institutions with the elements of traditional judicial and legal system. The big court, while retaining its significance, was reorganized and integrated into the regional justice system. However, despite the importance of the "Temporary Regulation", several years after its implementation, significant shortcomings in the work of the judicial and legal system of the region were identified. This problem caused a wide discussion at the regional and central levels of the government. The low efficiency of the regional judicial system caused comments, while the principle of forming a judicial system integrating formal and informal institutions was contradictory. The lack of effects made the Government start a new draft of the judicial and legal system reform, taking into account regional peculiarities and experience in implementing the "Temporary Regulation".

Keywords: "Temporary Regulation" of 1868, judicial and legal system, big court, judicial reform, modernization, Russian Empire, Steppe regions

Citation: Anisimova I. V. Temporary Regulation "On Administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk Regions" of 1868 and Its Significance in Modernization of Judicial and Legal System of the Steppe Region. *SibScript*, 2023, 25(3): 393–401. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-393-401>

оригинальная статья

Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. и его значение в модернизации судебной-правовой системы Степного края

Анисимова Инна Владимировна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0003-3609-0549>

Scopus Author ID: 57073063300

iva0410@mail.ru

Поступила в редакцию 12.03.2023. Принята после рецензирования 13.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Одним из важнейших документов второй половины XIX в. по истории центральноазиатских окраин Российской империи общепризнанным является Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г., которое стало основой реформы системы управления региона и способствовало интеграции региона в общеимперское пространство. Особую роль Положение

сыграло в процессе формирования новой конфигурации судебно-правовой системы Степных областей. В статье проанализирован процесс подготовки «Временного положения», определены цели, задачи и результаты работы Комиссий 1863 и 1865 г. Рассмотрена организация судебной системы Степных областей, которая представляла сложный характер, сочетая в себе принципы нового судостроительства и судопроизводства, дореформенные судебные институты и элементы традиционной судебно-правовой системы. Суд биев, сохраняя свое значение, был реорганизован и интегрирован в систему региональной юстиции. Однако, несмотря на важность «Временного положения», спустя несколько лет после его реализации были обозначены существенные недостатки в работе судебно-правовой системы региона. Данная проблема вызвала широкое обсуждение на региональном и центральном уровнях власти. Замечания вызывали как низкая эффективность работы регионального судостроительства, так и принцип формирования судебной системы, в которой взаимодействие формальных и неформальных институтов носило противоречивый характер. Отсутствие эффектов привело правительство к необходимости приступить к разработке нового проекта реформы судебно-правовой системы с учетом региональных особенностей и опыта реализации «Временного положения».

Ключевые слова: «Временное положение» 1868 г., судебно-правовая система, суд биев, судебная реформа, модернизация, Российская империя, Степные области

Цитирование: Анисимова И. В. Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. и его значение в модернизации судебно-правовой системы Степного края. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 393–401. (In Eng.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-393-401>

Introduction

A most popular area of modern research is the regional policy of the Russian Empire, the important goal of which was the incorporation of national outskirts into the general imperial space. We agree with the opinion of I. L. Dameshek, that the regional characteristics of the management of individual, very diverse territories of the huge state, were developed by the government as these territories became part of Russia and the power and authority of the central government consolidated. This led to the polyvariability of regional practices and mechanisms for the implementation of the imperial policy [Dameshek 2019]. At the same time, in the regional and central authorities there was a confrontation between supporters of strict regulation of the management of the outlying areas, on the one hand, and adherents of the idea of a special status for the outlying territories, on the other, providing inconsistency and controversy in the regional policy [Dameshek, Dameshek 2017].

A particular interest today presents the study of the judicial and legal policy of the Russian Empire. It should be noted that the coverage of problems related to this topic is uneven. Most of the research is focused on the problems of implementing the judicial, legal and administrative policy in the internal provinces of the Russian Empire, the general development trends of the state judicial system. A significant historiography is devoted to the most important stage in the formation of imperial justice – the reform of 1864, which became the starting point for the modernization of the judicial and legal system of the Russian Empire. Researchers emphasize the importance and uniqueness

of the transformations carried out, the transition of the Russian society to a new level of legal culture [Krakovskiy 2014; Nemytina 2015; Taranovski 1992]. Judicial statutes of November 20, 1864 legislated those justice principles that did not exist in the pre-reform Russia: the principle of all social classes compliance, legal equality, separation of the court from the administration, orality, publicity, etc. [Biyushkina 2020: 103]. However, despite its progressive nature, the judicial reform of 1864 did not lead to the unity of the judicial system in Russia. Volost and church courts, courts for foreigners, operating on the basis of customary law, were preserved [Dorskaya 2015]. The spread of the reform in the Russian regions was also uneven [Derevskova 2014].

The lack of unity manifested itself clearly in the national imperial outskirts, including the Steppe Region. Modernization of the region judicial system was characterized with its implementation as part of the reform of the management system and the administrative-territorial structure. The adoption in 1868 of "The Temporary Regulation on administration in the Ural, Turgai, Ak-mola and Semipalatinsk regions" (further – Temporary Regulation) was fundamental, and it was introduced as an experiment for two years, but in reality it lasted much longer. The 1868 reform received a sufficient coverage in historiography [Agadzhanov et al. 1998; Lysenko et al. 2014; Suleimenov 1951; Vasilyev 2018]. We agree with the opinion of D. V. Vasilyev that the "Temporary Regulation" was an important milestone on the way of rapprochement of the Kazakh Steppe with the rest of the Russian Empire [Vasilyev 2021].

An integral part of the "Temporary Regulation" was reorganization of the regional justice. At the same time, it was not about the introduction of the 1864 Judicial Statutes, but only about the formation of a regional version of the imperial judicial and legal system. In part, the issue of organizing the judiciary and legal proceedings in the Steppe Region in accordance with the "Temporary Regulation" has been critically analyzed [Anisimova 2019; 2022; State regulation... 2021; Svechnikova 2013]. However, the importance of the adopted document, its decisive significance in the formation of the judicial and legal system of the Steppe Region actualize this topic again. In this regard, the purpose of this article is to conduct a comprehensive analysis of the role and significance of the "Temporary Regulation" of 1868 in the judicial and legal system of the Steppe Regions in the second half of the 19th century. The objectives of the study determine the main components of the article: to identify and analyze the main results of the work of the 1863 and 1865 Commissions on the preparation of a draft reform of the management system of the Steppe Region; analyze the organization of the judicial system of the Steppe Region according to the 1868 "Temporary Regulation" and determine the ratio of formal and informal judicial institutions; identify and substantiate the positions of central and regional authorities on the effectiveness of the adoption of a new regulation on the management of the region; determine the significance of the 1868 "Temporary Regulation" in the modernization of the judicial and legal system of the Steppe Region.

Methods and materials

The source base for the study are the documents and materials deposited in the Russian State Historical Archive: Found 565 – State Treasury Department; Found 1291 – Zemsky department of the Ministry of Internal Affairs; Found 1405 – Ministry of Justice; as well as the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan: Found 64 – Office of the Steppe Governor-General. The identified documents are office records (correspondence between authorities of various levels, regional authority reports, opinions of representatives of regional judicial institutions, departmental draft regulations on the judicial structure of the Steppe Region), which together allow to trace the evolution of the positions of central and regional authorities on the effectiveness of the 1868 "Temporary Regulation". The sources found in the archives are introduced into scientific circulation for the first time. The legal documents that reflect the main stages of the reorganization of the judicial and legal system of the Steppe Region, primarily the "Temporary Regulation on administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions

(October 21, 1868)" are very important. A separate group of sources is represented by the works of Ch. Ch. Valikhanov, who was directly involved in the preparation of judicial reform in the region. The Note on Judicial Reform, which traces the author's position on the issue of combining formal and informal institutions within one judicial system and the nature of their interaction presents an interest. A separate group of sources is the journalism of Russian officials, which reflect the views of contemporaries of ongoing judicial reforms in the region under study and contain assessments of their effectiveness. The methodological basis of the study is represented by the main provisions of the modernization approach, the most complete analysis of the stages and directions of which are presented in the studies of I. V. Poberezhnikov [Poberezhnikov 2013; 2017]. Interesting is the model of a partial modernization, showing a long transition from a "relatively non-modernized" to a "relatively modernized" state and its interweaving of modernized and traditional elements into bizarre structures [Poberezhnikov 2002]. The article uses a systematic approach that makes it possible to determine the structure of the judicial and legal Russian imperial system, and to single out the judicial system of the Steppe Region as a subsystem, to analyze the results of its functioning. The systemic-structural method made it possible to consider discussions on the effectiveness of the 1868 "Temporary Regulation" as disputes about structural components within the judicial system of the Steppe Region. Along with the general research methods (analysis, synthesis), the problem-chronological principle was applied in the work (identification and characterization of the main stages of implementing the "Temporary Regulation" of 1868), as well as the historical-genetic method necessary to identify the features of the formation of the judicial system of the region.

Commissions' Work of 1863–1865 for preparation of draft reform of Steppe Region management system

The forerunner of the management reform of the Steppe Region was the work of a special commission chaired by Privy Councilor F. K. Girs, which in historiography was called Steppe Commission [Vasilyev 2018]. The main goal of the commission work was to study the characteristics of the Steppe Region development and the principles of the traditional management system. The collected materials were supposed to become the basis of the project for the transformation of the regional management system. The Steppe Commission paid considerable attention to the issues of the judiciary and legal proceedings in the Steppe Regions.

It should be noted that attention to the judicial and legal system of the Steppe Region was updated in the early 1860-s in connection with the procedure for preparing the all-imperial judicial system, an important part of which was the development and approval of the "Basic provisions for the transformation of the Russia judiciary"¹ by Emperor Alexander II in 1862. In 1863, Secretary of State V. P. Butkov addressed to the Governor-General of Western Siberia with a request to study the "Basic Provisions" and inform "what changes and additions to them for the transformation of the judiciary, common to the empire, must be made when applying them to the judicial institutions of Western Siberia and the Cossack troops and foreigners stationed there"². A. Dugamel, in turn, in order to make a balanced opinion, proposed to find out the attitude of the Kazakh society represented by the Kazakh sultans and honorary biys to the planned transformations. The commission of 1863 with the aim to collect materials in the Steppe Region included I. E. Yatsenko and Ch. Ch. Valikhanov, who was chosen by the governor-general of Western Siberia not accidentally, since Ch. Ch. Valikhanov paid considerable attention to the issues of Kazakh law in his scientific activities [Pochekaev 2013].

In 1864, the scientist prepared a "Note on Judicial Reform", where the author emphasized that the modernization of the judicial system was inextricably linked with changes in the "administrative system" and was aimed at establishing effective and rational governance in the region. At the same time, Ch. Ch. Valikhanov was convinced that "transformations designed for the Christian and settled Russian population... will not bring any benefit and will be meaningless if they are fully applied to the nomadic and wandering foreigners of European and Asian Russia"³. The materials collected in the Steppe Regions and provided to Omsk were contradictory. They testified to the need and desire of the Kazakh society to keep traditional judicial institutions. But, on the one hand, the Kazakh elite, emphasizing that the court of biys "in its spirit, completely agrees with the institutions of magistrates", spoke out in favor of a partial modernization of the institution, where they can affect the role and position of biys in the judiciary. On the other hand, and Ch. Ch. Valikhanov adhered to this position, "the desire of the majority of the people was expressed in favor of the ancient court of biys without

any changes and additions"⁴. As a result, the divergence of positions was obvious, not corresponding to the general direction of the imperial transformations, and the materials collected in 1863 did not receive further discussion.

The need for a full-scale reform in the Steppe Regions predetermined the main activity of the Steppe Commission of 1865, which, during the expedition to the Turkestan and the Steppe Regions, collected the extensive material, including the legal norms and the work of traditional judicial institutions. The analysis of the materials allowed the Commission to work out the main principles for the transformation of the judicial part of the Steppe Regions: "1. Restoration of the people's court in the amount projected by the Regulation; 2. The transformation of the Russian court on the basis consistent with local conditions and the nature of the people; 3. Submission to the general court of all the inhabitants of the Steppe, with the exception of the Kirghiz; 4. Giving the Kyrgyz the right to apply to the Russian court for consideration of cases among themselves"⁵. In general, the Commission concluded that it was necessary to introduce "the same government with the specific aim of gradually merging the Kirghiz steppes with the rest of the interior of Russia" in the Steppe Regions.

As a result, for the final clarification of the draft reform of the Steppe Regions and Turkestan administration in March 1867, the committee was created headed by the Minister of War D. Milyutin. On July 11, 1867, the "Temporary regulation on administration in the Semirechensk and Syrdarya regions" was published, on October 21, 1868, the "Temporary regulation on administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions" was approved.

Organization of Steppe Region judicial system according to "Temporary Regulation" of 1868

As a result of adoption of the "Temporary Regulation", the judicial and legal system was reorganized, but acquired a complex configuration: pre-reform judicial institutions formed its basis, elements of general imperial justice and legal norms were partially transplanted, and the traditional court was preserved. As a result of the reform, the judiciary of the Steppe Region was represented by county judges, one for each county; by military court commissions

¹ Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVII. Dep. 2nd. St. Petersburg, 1865. No. 38761.

² The attitude of the Main Directorate of Western Siberia to the military governor of the Region of the Siberian Kirghiz dated May 13, 1863. In: Valikhanov Ch. Ch. *Collected works in five volumes*. Alma-Ata: Main edition of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. Vol. 5. P. 116.

³ Note on Judicial Reform. In: Valikhanov Ch. Ch. *Collected works in five volumes*. Vol. 4. P. 77.

⁴ Ibid.

⁵ Explanatory note to the Regulations on the management in the Steppe regions of the Orenburg and West Siberian Governor-Generals. 1868. P. 21. URL: <http://elbib.osu.ru/handle/123456789/2859> (accessed 8 Mar 2023).

and regional boards. The Governing Senate⁶, by analogy with the rest of the regions of the Empire, acted as the highest judicial authority. Volost courts of Russian settlers and stanitsa courts in Cossack villages also survived.

County judges were endowed with the rights of magistrates and tried criminal cases not related to the deprivation or restriction of the rights of the state, as well as civil cases with the value of up to 2,000 rubles. The competences of the second level judiciary, the Regional Boards, included civil cases in the amount of more than 2,000 rubles. Regional boards accepted appeals against decisions of district judges in cases worth more than 100 rubles. In the Steppe Regions, the regional governments also had jurisdiction over criminal cases that exceeded the powers of district judges⁷. A special category of crimes: cases of treason, resistance to the government and authorities, murder of officials, etc. were within the competence of the military court commissions. Appeals against decisions and sentences of the regional boards were considered in the judicial departments of the Governing Senate. The investigation of cases that exceeded the jurisdiction of a world judge was entrusted to district judges, who thus combined judicial and investigative powers. In the Steppe Regions, the positions of regional prosecutors were established with the rights and duties of provincial prosecutorial supervision on a general basis.

At the same time, the "Temporary Regulation" retained, with the introduction of certain adjustments, the informal institutions of the judicial system, represented by the people's court and the norms of adat, which was due to the social-political interests of Russia. In government circles, the belief prevailed that the practice of including traditional institutions in the general imperial system would reduce tension and opposition of the Kazakh population to the administrative and social reforms being carried out in the Steppe Region, avoid changes and rise in anti-Russian sentiments [State regulation... 2021: 33–52; Vasilyev, Lyubichankovskiy 2018: 71]. But in general, in the post-reform period, the formation of people's courts in the Central Asia outskirts was a complex and controversial process [Svechnikova 2013: 25]. The Russian control over the courts of biys was tightened, the institute was integrated into the system of regional justice, where it represented the lowest level.

The most important innovation was the election of biys and their confirmation in office by the governor. Biys were endowed with distinctive signs and the seal of the established

pattern for registering a decision. The concept of a fixed court decision was introduced (keeping the book of decisions of volost and emergency congresses of biys by district chiefs and volost rulers). However, the effectiveness of this procedure was controversial, as it increased the bureaucratization of the judicial process [Pochekaev 2008: 56]. For violation of their duties or abuse of power, biys, as officials and representatives of regional justice, were subject to the jurisdiction of the general imperial court. A three-level structure of the people's court was approved: the sole court of biys (cases worth up to 300 rubles); volost congresses of biys, the final decisions of which concerned cases worth up to 500 rubles; extraordinary congresses of biys, which were convened by the decision of the county chief to consider the most complex cases [Lysenko et al. 2014: 158–160]. In case of disagreement with the decision of the court of biys, the parties could file a complaint with the county authorities, and with mutual agreement, the case could be transferred to the general imperial court.

As a result, the reform significantly changed the content of the judicial and legal system of the Steppe Regions and brought the judicial system of the region closer to the general imperial one.

Discussion of effectiveness of "Temporary Regulation" of 1868 by regional and central authorities

With the general modernization of the judicial reform, the possible negative consequences of combining formal and informal institutions and norms within the framework of one system were not taken into account during its implementation. The introduction of elements of the all-imperial justice came into conflict with the traditional ideas of the Kazakh society about legal proceedings, which, of course, caused misunderstanding, and often rejection of the transplanted elements. The uprisings of the local population in the Ural and Turgai regions in 1868–1870 can serve as an indicator of administrative omissions during the introduction of the "Temporary Regulation" [Vasilyev 2019]. The introduction of a new control system caused a series of unrest in the Steppe Regions already in 1869. Riots were accompanied by robberies, attacks by the local population on military detachments, trade and postal caravans, linear villages. A special inquiry commission was formed in the region, which was supposed to identify those responsible for the riots and bring them to justice⁸. The work of the commission

⁶ Russian State Historical Archive (RGIA). Found 565. Inv. 7. File 29084. P. 4.

⁷ Temporary Regulation on administration in the Ural, Turgai, Ak-mola and Semipalatinsk regions (October 21, 1868). In: *The ancient world of Kazakh law (materials, documents and research in ten volumes)*. Vol. V. Alma-Ata: Zheti zhargy, 2005. P. 441–463.

⁸ RGIA. Found 1291. Inv. 92. File 12–1872. P. 1–2.

continued for several years, until 1872. A fine was imposed on the participants of the riots – 1 silver ruble from one wagon. At the same time, according to the information of the Orenburg Governor-General, a total of 3,973 rubles was collected from the Kazakhs taking part in the riots⁹.

The defects in the organization of the judicial system of the Steppe Regions according to the "Temporary Regulation" were recognized already in the early 1870s both by the Ministry of Justice of the Russian Empire¹⁰ and by the regional authorities. In 1871, Committees were formed in the Orenburg and West Siberian Governor Generals to discuss the results of the implementation of the "Temporary Regulation" of 1868. Representatives of the local authorities made a number of comments and complaints about the organization of the judiciary. It was emphasized that judicial regulations were unclear, vague, issues related to the people's court were completely confused, and the combination of administrative and judicial functions in the hands of one management made the work of these authorities unsatisfactory.

Many issues of region's public life were not reflected in the "Temporary Regulation". The realities of the social-economic conditions of life of the nomadic Kazakh society went beyond the norms of the customary law. The penetration of commercial and industrial capital, the introduction of new economic mechanisms, peasant colonization led to the emergence of such legal problems as renting, hiring, trade bargaining, solving land issues, however, these relations were not regulated by adat. In this regard, the regional authorities took certain steps towards improving the efficiency of the judicial and legal system in the region. For example, in 1869 in the Semipalatinsk region, special temporary collegiate committees were created to consider cases of incidents and vagrancy¹¹.

The expansion of the regional administration staff and the establishment of new positions was actual. Already in 1869, the Council of the Main Directorate of Western Siberia raised the question of organizing an investigation and judicial unit in the cities of the Steppe Regions and establishing the posts of a city judge (whose competencies will be equal to a county judge) and a judicial investigator, since the "Temporary Regulation" did not provide the presence of a judge in the city administration. However, the Ministry of Justice

found the project "inconvenient" for implementation¹². The military governor of the Semipalatinsk Region, Major General V. A. Poltoratsky spoke about the "insufficiency of the personnel of the judicial part in the counties, and he proposed to establish the positions of assistant county judges in the counties. But this initiative did not receive support either.

Particular criticism was addressed to the wide county judge duties including trial and investigation procedures in counties and regional cities, functions of collegial police departments, which made the success of their work virtually impossible. Regional officials demanded a clear definition of the competencies of county judges and the division of judicial and investigative duties¹³. The organisation system of judicial districts has also been repeatedly criticized. So, in the Akmola Region, a whole county acted as a judicial sector, the vast territories of which exceeded the ability of a county judge. Various projects were proposed to improve the work of the judicial-investigative board in the localities: division of counties into smaller judicial sectors, transfer of investigations to police and county administration, etc. The issue of the application procedure of county judge decisions to regional boards received wide discussion, since the "Temporary Regulation" lacked the mechanism regulating the procedure¹⁴.

Regional officials critically assessed the judicial functions of the Regional Boards, which in judicial terms represented the court of the 1st degree in cases of Criminal and Civil Court Chamber and the 2nd degree court in the World Congress. These two lines of the judicial process, evidently, hampered the work of the Regional Board, slowed down judicial proceedings and introduced a disbalance in the judicial and legal system work of the region. The government paid attention to the negative consequences of combining administrative and judicial functions by Regional Board officials. The personnel of the Regional Boards was an urgent work problem, as well as the lack of professional employees' training and their low educational level¹⁵.

The judicial system introduced by the "Temporary Regulation" was subjected to significant criticism by the Orenburg Governor-General N. A. Kryzhanovsky. The head of the region drew attention to the jurisdiction of the Kazakh population to three completely independent courts: military, civil and people's one. In his opinion,

⁹ RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 12–1872. P. 35 turn.

¹⁰ Central State Archive Republic of Kazakhstan (CSA RK). Found 64. Inv. 1. File 727. P. 46–46 turn.

¹¹ RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 14–1879. P. 2.

¹² RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 33–1869. P. 56.

¹³ RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 33–1869. P. 27–27 turn.

¹⁴ RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 8–1871.

¹⁵ RGIA. Found 1405. Inv. 69. File 7102-a. P. 3.

it was necessary to have "the subordination of Kirghiz people as citizens of one state to the general criminal laws of the Empire"¹⁶. N. A. Kryzhanovsky insisted on expanding the list of offenses committed by the Kazakhs, which must be transferred to the competence of the all-imperial court. The head of the region noted that the document contained the idea of the necessary future integration of the people's court with the general imperial court, but "such a fair idea" did not receive proper development.

In general, in 1873–1876 the Ministry of Internal Affairs was presented with several opinions of the regional authorities on the shortcomings of the "Temporary Regulation", based on the experience of its implementation¹⁷, which led to an active discussion of the problem in the central departments. In 1873, a special Commission was formed to review the activities of the court and the organization of legal proceedings in the Steppe Region. Already in 1874, the Commission submitted a draft regulation on the judicial system in the Steppe Regions for the conclusion of the Minister of Internal Affairs and the Minister of War¹⁸, which was never agreed upon. In turn, the regional authorities started to insist more urgently on the reorganization of the region judicial system, including the separation of judiciary from administration [Abdrakhmanova 2010: 109]. In 1877, the Orenburg Governor-General N. A. Kryzhanovsky wrote to the Minister of Internal Affairs that "legal proceedings existing in the Ural and Turgai regions on the basis of the Temporary Regulation of 1868 had long been recognized as unsatisfactory". He insisted on, albeit temporary, reorganization of judicial procedure in Kazakh regions¹⁹, since in practice the discrepancy between the principles of new and old legal proceedings became more obvious. G. A. Kolpakovsky also spoke about the need to take "prompt measures" to improve the judicial system in the Steppe Region²⁰.

By the beginning of the 1880s there were no changes in the work of the institutions of the judicial system in the Steppe Regions; on the contrary, criticism from the regional authorities intensified. The documents contain complaints about the work of the Regional Boards, which made decisions that did not comply with the regulatory framework established in the region²¹. The military-judicial commissions in cases of general jurisdiction did

not cope with their duties, demonstrating their complete legal ignorance, partiality, injustice and lack of control. The work of county judges was also subjected to criticism, while the problem was not only in the broad competencies of county judges, but also in the degree of their professionalism. So, according to the 1882 information, there were 17 county judges in the Turkestan region. Of these, only 10 people had higher or secondary education, four judges had only judicial practice without education, three people did not correspond to their position either in terms of education or qualification²².

At the same time, theoretically, the problems of the judicial and legal system of the Steppe Regions, organized according to the "Temporary Regulation", did not go unnoticed by the central authorities. Indeed, starting from 1871, five projects for the reorganization of the judicial and legal system of the region were submitted for consideration (1871, 1874, 1881, 1883 and 1884), however, the inconsistency in the positions of ministries and departments delayed the legislative approval of the projects and their implementation.

Conclusion

Undoubtedly, the "Temporary Regulation" became an important milestone both in the modernization of the management system of the Steppe Regions as a whole, and in the organization of the judicial and legal system of the region on the new principles of the judiciary and legal proceedings. But the paternalistic approach of the Russia policy towards the peoples of the Asian outskirts slowed down the process of integrating regional justice into the general imperial space. Equally important is the potential conflict interaction between formal and informal institutions within the judicial system. The preservation of the court of biys, the indecision of the government to radical reforms, the policy of "gradual" introduction of imperial institutions and the rule of law, the dependence of the court on the executive branch made the system unproductive and reduced the modernization effects in the region. However, in general, the institutional changes caused by the adoption of the "Temporary Regulation" gave serious impetus to social-cultural, political and economic transformations in the Steppe Regions.

¹⁶ RGIA. Found 1405. Inv. 69. File 7102-a. P. 54.

¹⁷ RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 3–1884. P. 371.

¹⁸ RGIA. Found 1405. Inv. 69. File 7102-a. P. 66–133.

¹⁹ RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 12–1877. P. 1.

²⁰ CSA RK. Ф. 64. Inv. 1. File 1445. P. 9.

²¹ RGIA. Found 1291. Inv. 82. File 9–1879. P. 40–42.

²² Dingelstedt N. Judicial reform in Turkestan. *Journal of civil and criminal law*. Year 22. Book 7. St. Petersburg, 1892. P. 7–10.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Funding: The grant from the Russian Science Foundation. Project No. 23-28-01369 "Power and society in the Steppe region of the Russian Empire: the evolution of interaction practices (XIX – early XX century)".

Финансирование: Грант РФФ, проект № 23-28-01369 «Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик взаимодействия (XIX – начало XX в.)».

References / Литература

- Abdrakhmanova B. M. *History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century*. Karaganda: Glasir, 2010, 242. (In Russ.) [Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Караганды: Гласир, 2010. 242 с.] <https://www.elibrary.ru/qprvfp>
- Agadzhanov S. G., Bekmakhanova N. E., Bulgakov M. B., Gatagova L. S., Grosul V. Ya., Ismail-zade D. I., Istomina E. G., Mukhamedyarov Sh. F., Trepavlov V. V., Fedosova E. P. *National outskirts of the Russian Empire: formation and development of the management system*. Moscow: Slavinskii dialog, 1998, 416. (In Russ.) [Агаджанов С. Г., Бекмаханова Н. Е., Булгаков М. Б., Гатагова Л. С., Гросул В. Я., Исмаил-заде Д. И., Истомина Э. Г., Мухамедьяров Ш. Ф., Тrepавлов В. В., Федосова Э. П. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.]
- Anisimova I. V. Imperial judicial Policy in the Central Asian Suburbs in the second half of the XIX – early XX centuries: Main forms, directions, and results. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, 2022, 7(1): 207–228. (In Russ.) [Анисимова И. В. Имперская судебная политика в центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты. *Журнал фронтирных исследований*. 2022. Т. 7. № 1. С. 207–228.] <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.376>
- Anisimova I. V. Legal institutional framework of the Steppe Region during the post-reform period: The history of local traditions, general imperial institutions and legal standards engaging together. *Istoriya*, 2019, 10(8). (In Russ.) [Анисимова И. В. Судебно-правовая система Степного края в пореформенный период: опыт взаимодействия традиционных начал и общеимперских институтов и норм права. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. № 8.] <https://doi.org/10.18254/S207987840006007-6>
- Biyushkina N. I. Principles of justice on the judicial reform of 1864 in the Russian Empire. *Iuridicheskaya tekhnika*, 2020, (14): 102–105. (In Russ.) [Биушкина Н. И. Принципы правосудия по судебной реформе 1864 года в Российской Империи. *Юридическая техника*. 2020. № 14. С. 102–105.] <https://www.elibrary.ru/rmjxjr>
- Dameshek I. L. Modern Russian historiography on the governance of Siberia in 1822–1917. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2019, 26(3): 5–11. (In Russ.) [Дамешек И. Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 3. С. 5–11.] <https://doi.org/10.15372/HSS20190301>
- Dameshek L. M., Dameshek I. L. Marginal policy as a factor of sustainability of the Russian Empire in the XVIIIth – the early XXth century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2017, 21: 23–29. (In Russ.) [Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. *Известия Иркутского гос. ун-та. Серия История*. 2017. Т. 21. С. 23–29.] <https://www.elibrary.ru/zgrxif>
- Derevskova V. M. Spatiotemporal problems of 1864 judicial reform. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2014, (4): 21–28. (In Russ.) [Деревскова В. М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. *Сибирский юридический вестник*. 2014. № 4. С. 21–28.] <https://www.elibrary.ru/tedotf>
- Dorskaya A. A. The judicial reform of 1864: the problem of unity judicial system. *Platon*, 2015, (2): 14–17. (In Russ.) [Дорская А. А. Судебная реформа 1864 года: проблема единства судебной системы. *Платон*. 2015. № 2. С. 14–17.] <https://www.elibrary.ru/vrjcra>
- Krakovskiy K. P. Judicial reform of 1864: Significance and historical legal assessments. *Journal of Russian Law*, 2014, (12): 16–31. (In Russ.) [Краковский К. П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки. *Журнал российского права*. 2014. № 12. С. 16–31.] <https://doi.org/10.12737/6579>
- Lysenko Yu. A., Anisimova I. V., Tarasova E. V., Sturova M. V. *Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)*. Barnaul: ASU, 2014, 272. (In Russ.) [Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Тарасова Е. В., Стурова М. В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул: АлтГУ, 2014. 272 с.] <https://www.elibrary.ru/vhhutp>

- Nemytina M. V. Russian tsar regime and court reform of 1864. *Gosudarstvo i Pravo*, 2015, (5): 92–98. (In Russ.) [Немытина М. В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. *Государство и право*. 2015. № 5. С. 92–98.] <https://www.elibrary.ru/tujcjj>
- Poberezhnikov I. V. Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon. *Rossiiia peformiruiushaiasia*, 2013, (12): 246–274. (In Russ.) [Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен. *Россия реформирующаяся*. 2013. № 12. С. 246–274.] <https://www.elibrary.ru/scbvzr>
- Poberezhnikov I. V. Modernization: theoretical and methodological approaches. *Economic history. Review*, ed. Borodkin L. I. Moscow: MSU, 2002, iss. 8, 146–168. (In Russ.) [Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. *Экономическая история. Обзорение*, ред. Л. И. Бородин. М.: МГУ, 2002. Вып. 8. С. 146–168.] <https://www.elibrary.ru/qlkqyh>
- Poberezhnikov I. V. Modernization in the history of Russia: trends and investigation problems. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2017, (4): 36–45. (In Russ.) [Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения. *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4. С. 36–45.] <https://www.elibrary.ru/zsvuyr>
- Pochekaev R. Yu. Ch. Ch. Valikhanov and legal transformations in Kazakhstan in the middle of the XIX century. *Countries and peoples of the East*, 2013, (34): 333–342. (In Russ.) [Почекаев Р. Ю. Ч. Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. *Страны и народы Востока*. 2013. № 34. С. 333–342.] <https://www.elibrary.ru/oczbrj>
- Pochekaev R. Yu. The main stages of the evolution of the Kazakh Biy court (XV – early XX centuries). *Zanger. Bulletin of Law of the Republic of Kazakhstan*, 2008, (4): 51–58. (In Russ.) [Почекаев Р. Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.). *Зангер. Вестник права Республики Казахстан*. 2008. № 4. С. 51–58.]
- State regulation of social processes in the Central Asian region of Russia of the Imperial and Soviet periods*, ed. Lysenko Yu. A. Barnaul: Azbuka, 2021, 200. (In Russ.) [Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов, отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул: Азбука, 2021. 200 с.]
- Suleimenov B. S. On the administrative structure of the Kazakh steppe on the reform of 1867–1868. *Vestnik AN Kazakhskoy SSR*, 1951, (2): 118–126. (In Russ.) [Сулейменов Б. С. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867–1868 гг. *Вестник АН Казахской ССР*. 1951. № 2. С. 118–126.]
- Svechnikova L. G. State-legal policy in national outlying districts of the Russian Empire. *Platon*, 2013, (1): 22–29. (In Russ.) [Свечникова Л. Г. Государственно-правовая политика в национальных окраинах Российской империи. *Платон*. 2013. № 1. С. 22–29.] <https://www.elibrary.ru/ywylvb>
- Taranovski T. Judicial reform and development of political culture of Czarist Russia. *Great reforms in Russia. 1856–1874*, eds. Zakharova L. G., Ekloff B., Bushnell J. Moscow: MSU, 1992, 301–317. (In Russ.) [Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России. *Великие реформы в России. 1856–1874*, ред. Л. Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл. М.: МГУ, 1992. С. 301–317.] <https://www.elibrary.ru/skgdxj>
- Vasilyev D. V. *Burden of the empire. Russian administrative policy in Central Asia. Second half of the XIX century*. Moscow: Polit. entsikl., 2018, 638. (In Russ.) [Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Полит. энцикл., 2018. 638 с.] <https://www.elibrary.ru/pogmit>
- Vasilyev D. V. Russia in Central Asia of the 18th and 19th centuries: the impact of the goals and nature of accession on the management system. *The people of the empire are the empire of people: personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia*, ed. Suvorova N. G. Omsk: OmSU, 2021, 600–614. (In Russ.) [Васильев Д. В. Россия в Центральной Азии XVIII–XIX вв.: влияние целей и характера присоединения на систему управления. *Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России*, отв. ред. Н. Г. Суворова. Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 600–614.] <https://doi.org/10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.600-614>
- Vasilyev D. V. The implementation of the administrative reform of 1868 in the Kazakh steppe: The fate of a family. *Novyj Istoriceskij Vestnik*, 2019, (1): 61–76. (In Russ.) [Васильев Д. В. Проведение административной реформы 1868 года в казахской степи: судьба одной семьи. *Новый исторический вестник*. 2019. № 1. С. 61–76.] <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2019-00004>
- Vasilyev D. V., Lyubichankovskiy S. V. Administrative acculturation of indigenous population of the Turkestan province in the Russian legislation of 1865–1866. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya 4: Istoriiia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye Otnosheniia*, 2018, 23(6): 61–75. (In Russ.) [Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 6. С. 61–75.] <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.4>

оригинальная статья

Архивное наследие М. К. Кадырбаева как источник по изучению каменных изваяний Казахстана

Ермоленко Любовь Николаевна
 Кемеровский государственный университет,
 Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>
 Scopus Author ID: 23484778000
lyubov.ermolenko@mail.ru

Касенова Асемгуль Дауреновна
 Институт археологии имени А. Х. Маргулана,
 Казахстан, Алматы
<https://orcid.org/0000-0002-8401-6610>
 Курманкулов Жолдасбек Курманкулович
 Институт археологии имени А. Х. Маргулана,
 Казахстан, Алматы
<https://orcid.org/0000-0003-0605-2429>
 Scopus Author ID: 55759544700

Поступила в редакцию 31.08.2022. Принята после рецензирования 30.09.2022. Принята в печать 13.03.2023.

Аннотация: Статья основана на анализе результатов экспедиционных изысканий известного казахстанского и советского ученого Мира Касымовича Кадырбаева (1932–1982). На протяжении практически всей своей деятельности в составе и во главе Центрально-Казахстанской экспедиции (ЦКАЭ) М. К. Кадырбаеву доводилось изучать памятники монументальной скульптуры. В период его руководства ЦКАЭ исследование изваяний и относящихся к ним сооружений, хотя и осуществлявшееся спорадически, было одним из направлений работ экспедиции. Неопубликованное научное наследие М. К. Кадырбаева, представленное документальными материалами полевых работ 1955–1979 гг. на территории Центрального Казахстана, использовано в статье как источниковедческий ресурс, необходимый для решения актуальной задачи уточнения состава древних и средневековых изваяний на территории Казахского мелкосопочника. В архивной документации выявлены данные об изученных исследователем в процессе экспедиционной деятельности восьми каменных изваяний и сооружений, в составе которых они находились. Введенные авторами статьи в научный оборот памятники, ранее неопубликованные либо представленные в публикациях рисунками и / или нечеткими фотографиями, не сопровождающимися описаниями в тексте, дополнили корпус каменных изваяний разных эпох (сакской, древнетюркской, кыпчакской), выявленных до сих пор в Казахском мелкосопочнике. Авторами осуществлена атрибуция изваяний и связанных с ними сооружений в соответствии с современным уровнем научных знаний. Документированные М. К. Кадырбаевым в прошлом веке изваяния в большинстве случаев без затруднений дифференцируются по морфологическим и иконографическим признакам. Кроме изобразительных характеристик изваяний предложенная в статье культурно-хронологическая атрибуция памятников учитывала конструктивные особенности сооружений, в составе которых они находились. В результате пересмотра средневековой датировки изваяния из кургана Бесоба увеличилось количество известных специалистам немногочисленных изваяний сакской эпохи, относимых к тасмолинской культуре. Введен в научный оборот оригинальный памятник из урочища Косбеит, не имеющий строгих аналогий в опубликованных материалах, но, возможно, являющийся кыпчакским святилищем. В связи с характеристикой памятников, изученных М. К. Кадырбаевым или по его инициативе сотрудниками Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, обсуждены некоторые вызывающие затруднение или дискуссионные вопросы современной науки. К ним, в частности, принадлежат обоснованность соотнесения изваяний без признаков пола с изображениями женщин, проблема скрытых половецких святилищ, которую определенные исследователи пытаются решить без учета данных об аналогичных памятниках кыпчаков и др. Проведенные аналогии с новыми материалами и экскурсии в сопряженные проблемы современного изучения скульптуры древних и средневековых кочевников Евразии, предпринятые при рассмотрении памятников, документально зафиксированных в 1950–1970-х гг., явились попыткой использования этих источников в исследовательском процессе.

Ключевые слова: каменное изваяние, М. К. Кадырбаев, кочевническая скульптура, ранний железный век, Средневековье, Центральный Казахстан

Цитирование: Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д., Курманкулов Ж. К. Архивное наследие М. К. Кадырбаева как источник по изучению каменных изваяний Казахстана. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 402–415. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-402-415>

full article

M. K. Kadyrbaev's Archive as a Source for Studying the Stone Monuments of Kazakhstan

Lyubov N. Ermolenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

Scopus Author ID: 23484778000

lyubov.ermolenko@mail.ru

Asemgul D. Kasenova

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology,

Republic of Kazakhstan, Almaty

<https://orcid.org/0000-0002-8401-6610>

Zholdasbek K. Kurmankulov

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology,

Republic of Kazakhstan, Almaty

<https://orcid.org/0000-0003-0605-2429>

Scopus Author ID: 55759544700

Received 31 Aug 2022. Accepted after peer review 30 Sep 2022. Accepted for publication 13 Mar 2023.

Abstract: The article describes the unpublished archives collected by M. K. Kadyrbaev from his field work in Central Kazakhstan in 1955–1979. It provides information on eight stone statues and structures. The authors attributed and dated them in line with the contemporary rules of archeology. One of the statues appeared to belong to the Saka period of the Tasmola culture. Another monument had no obvious analogies but, possibly, was part of a Qipcaq sanctuary. The authors also touched upon some challenging or debatable issues raised by M. K. Kadyrbaev and other expedition members, e.g., the validity of correlating statues without signs of sex with images of women; the secret Polovtsian sanctuary, which have to be studied in the context of similar Qipcaq sites, etc.

Keywords: stone statue, M. K. Kadyrbaev, nomadic sculpture, the Early Iron Age, the Middle Ages, Central Kazakhstan

Citation: Ermolenko L. N., Kasenova A. D., Kurmankulov Zh. K. M. K. Kadyrbaev's Archive as a Source for Studying the Stone Monuments of Kazakhstan. *SibScript*, 2023, 25(3): 402–415. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-402-415>

Введение

Археологическое наследие ввиду его уязвимости, не вечности, истощаемости требует сохранения, выявления и изучения. В этой связи остается актуальным обращение к неопубликованным материалам полевых исследований (как и к остаткам раскопанных в прошлом памятников). Примером может стать работа А. Е. Рогожинского об оленем камне, обнаруженном им в отвале раскопа одного из сооружений могильника Каракудук II (раскопки А. Г. Максимовой 1957 г.) [Рогожинский 2001].

Настоящая статья основана на анализе результатов экспедиционной деятельности известного казахстанского и советского ученого Мира Касымовича Кадырбаева (1932–1982). Его научное наследие многогранно и включает публикации по проблемам археологии разных эпох – от бронзы до Средневековья, но преимущественно по археологии ранних кочевников. В источниковедческом отношении представляют ценность неопубликованные полевые материалы

исследователя, в частности, для решения актуальной задачи уточнения состава древних и средневековых изваяний на территории Казахского мелкосопочника.

Изучением изваяний М. К. Кадырбаев занимался с середины 1950-х до начала 1980-х гг. в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ) сначала как участник экспедиции, а затем (с 1975 г.) как ее руководитель, преемник А. Х. Маргулана. Впервые М. К. Кадырбаев принял участие в работах ЦКАЭ в полевом сезоне 1955 г. В этом году он окончил Ленинградский государственный университет и как молодой специалист был зачислен на должность старшего лаборанта ЦКАЭ.

Полевой дневник М. К. Кадырбаева за 1955 г. хранится в архиве Института археологии им. А. Х. Маргулана¹. Описания некоторых полевых работ в нем сопровождаются схематическими рисунками, выполненными исследователем. В дневнике содержатся сведения о четырех изученных ЦКАЭ каменных изваяниях.

¹ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1955 г. *Архив Института археологии и Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан* (Архив ИА КН МОН РК). Ф. 1. Д. 341. 24 л.

Изваяние из насыпи кургана Бесоба

(Каркаралинский район Карагандинской области)

Согласно записи в дневнике М. К. Кадырбаева, курган находился примерно в одном километре к юго-западу от (аула?) Бесоба, однако в Археологической карте Казахстана (далее – АКК) приводится иная информация о расположении кургана: «на левом берегу р. Нуры, к северо-востоку от с. Бесоба»². Другим карандашом и другим почерком в дневнике дописана (очевидно, А. Х. Маргуланом) фраза: «на реке Нура». Размеры частей сооружения указаны на схематическом плане, нарисованном в дневнике³ (рис. 1).

Каменная насыпь имела диаметр 20,4 м, ее высота не отмечена, М. К. Кадырбаев ограничился предположением, что камни из насыпи были выбраны для строительных нужд. В АКК⁴ между тем указаны диаметр кургана 20 м и высота 1,20 м. Насыпь окружена оградой – кольцевидной каменной выкладкой диаметром 29 м, шириной 1,30 м. Между насыпью и оградой выявлены два объекта, сооруженных из камня: в северо-восточном секторе – небольшой курган диаметром 6 м, а на восточном участке – прямоугольная конструкция, которую М. К. Кадырбаев назвал «тамбуром» (проходом). Размеры конструкции не указаны, равно как и высота малого кургана. Следует заметить, что диаметр упомянутого кургана вдвое превышает отмеченное на плане расстояние между насыпью и оградой – 3 м.

При снятии западной половины насыпи на глубине 0,70 м от уровня ее поверхности было обнаружено каменное изваяние⁵. Относительно расположения изваяния в дневнике также сообщается, что оно найдено в центральной части кургана. Более детальная информация приводится в коллективной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» (1966). Во Введении, написанном А. Х. Маргуланом, сообщается, что изваяние находилось к северу от «погребальной камеры» и лежало головой на запад [Маргулан и др. 1966: 40]. Согласно данным дневника М. К. Кадырбаева, прямоугольная могильная яма, которая не содержала ничего кроме камней, была выявлена на глубине 1,20 м от поверхности насыпи. Вероятно, яма прослеживалась до глубины 2,10 м от поверхности насыпи (если так можно

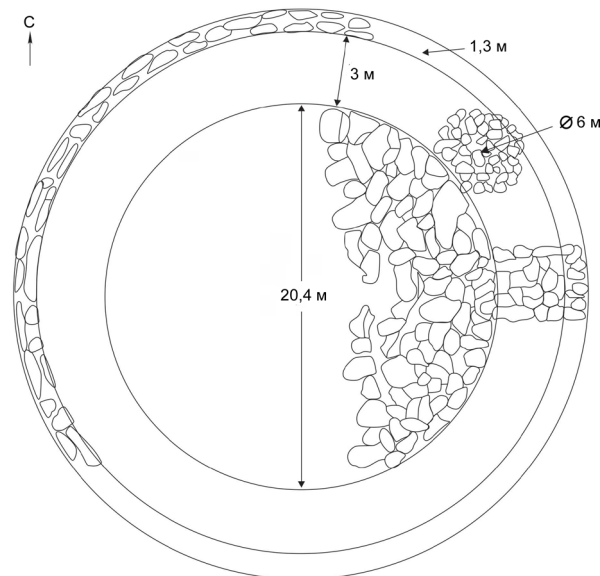

Рис. 1. План кургана с изваянием. Бесоба. Схематический рисунок М. К. Кадырбаева

Fig. 1. A mound with a statue in Besoba: a sketch made by M. K. Kadyrbaev

истолковать приписку, которую М. К. Кадырбаев сделал в конце описания процесса раскопок кургана: «Общая глубина 2,10 м»). Могильная яма была ориентирована по линии *запад – восток*⁶. Отсутствие каких-либо следов погребения исследователь объяснил ограблением кургана. Сведений о структуре и содержимом двух каменных сооружений, примыкающих к восточной половине насыпи (небольшого кургана и «тамбура»), в дневнике нет.

Приступая к раскопкам, М. К. Кадырбаев визуально определил памятник как «раннекочевнический»⁷. Вероятно, сказался опыт, полученный в студенческие годы, когда он участвовал в работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции (ВКАЭ) во главе с С. С. Черниковым [Бедельбаева 2019: 47]. Так, в составе одного из отрядов ВКАЭ студент Мир Кадырбаев раскапывал курганы у с. Юпитер [Максимова 1998: 10], среди которых был и курган эпохи раннего железа⁸.

² Археологическая карта Казахстана. Реестр, сост.: Е. И. Агеева, К. А. Акишев, Г. А. Кушаев и др. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 155. № 2222.

³ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 19. Рис. 19.

⁴ Археологическая карта Казахстана. Реестр... С. 155. № 2222.

⁵ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 20.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Археологическая карта Казахстана. Реестр... С. 127. № 1781.

Хотя датирующих материалов в кургане Бесоба не оказалось, молодой исследователь не ошибся в определении хронологии. Подобная конструкция, включающая насыпь и превышающую ее по размерам ограду (круглую или прямоугольную), по мнению А. З. Бейсенова, является разновидностью курганов тасмолинской культуры [Бейсенов 2021а: 262; Бейсенов и др. 2017: 67]. Такие курганы известны и на территории Каркаралинского района [Бейсенов, Касеналин 2018: 98]. Например, в курганах аналогичной конструкции могильника Назар-2 погребальные камеры также ориентированы по линии *запад – восток*, на восток от них отходит дромос [Бейсенов 2016: 85]. Хотя дромос в бесобинском кургане не выявлен, сооруженный на востоке «тамбур» мог иметь значение переходного участка на пути из мира живых в мир умерших.

Найденное в насыпи изваяние было высечено из прямоугольной глыбы розового гранита. М. К. Кадырбаев указал только его длину (0,83 м) и толщину (0,17 м), не отметив ширину. В дневнике изваяние не нарисовано. Рисунок изваяния «три четверти», вероятно, выполненный художником (В. Авдеевым?), имеется в архивных материалах ЦКАЭ (рис. 2).

Изваяние представляет собой погрудное изображение человека. Глаза намечены углублениями, прямоугольный нос, очевидно, передан барельефом, рот – прямым узким желобком. Голова несимметрично сужается к макушке. Стилистически подобное воспроизведение глаз и носа зафиксировано на нескольких изваяниях, относимых к раннему железному веку (к тасмолинской культуре, по А. З. Бейсенову). Это изваяния из кургана 2 могильника Бегазы, из кургана 7 могильника Талды-2, из могильника Байдалы, с насыпи кургана Жиланды [Бейсенов, Ермоленко 2014: рис. 2–5], из кургана № 1 могильника Кызылжартас [Бейсенов 2021а: рис. 9, 1а, 2а, 3б]. Многие из перечисленных изваяний имеют «шишкообразный» выступ на макушке. Следует добавить, что продольный размер изваяния из кургана Бесоба соответствует обычной длине изваяний с «шишкообразной» деталью [Ермоленко и др. 2016: 133].

Ввиду обстоятельств находки и приведенных изобразительных аналогий изваяние из кургана Бесоба может

быть памятником раннего железного века, а не раннего Средневековья, как предположил А. Х. Маргулан. Датировку бесобинского изваяния А. Х. Маргулан обосновал его морфологическим сходством со средневековыми скульптурными изображениями: «По форме оно напоминает женские изваяния центрального Казахстана VI–VIII вв.» [Маргулан и др. 1966: 40]. Вероятно, под формой подразумевались стеловидность самого изваяния и оформление верха его головы, моделирующее некий головной убор. Кстати, подобным образом А. З. Бейсенов предположил, что одно из тасмолинских изваяний (№ 3), найденных в кургане № 1 могильника Кызылжартас, изображает женщину. При этом исследователь исходит главным образом из ассоциации уплощенного выступа на макушке изваяния

с (каким-то) женским головным убором, принимая также во внимание «небольшие размеры и изящество исполнения» [Бейсенов 2021а: 271]. А. З. Бейсенов оправданно осторожен в своем предположении, поскольку ассоциация с женским головным убором им не аргументирована (в отличие от убедительного обоснования связи форм «шишкообразного» выступа на головах изваяний с вариантами традиционной прически [Бейсенов 2021b: 38, 39]). Что касается размера и исполнения, то эти доводы были бы значимы в случае уверенности в том, что все четыре изваяния создавались как ансамбль. Однако, судя по тому, что по крайней мере три изваяния употреблены как строительный материал (два в крепиде и одно в стене дромоса), в конструкции кызылжартасского кургана они использованы вторично. А. З. Бейсенов допустил, что изваяния могли быть атрибутом обряда, проходившего до завершения строительства погребального сооружения, в котором они впоследствии нашли применение в качестве каменных блоков [Бейсенов 2021а: 269]. Между тем изваяния могли происходить из различных мест и попасть в конструкцию кургана по той же причине, по которой такие памятники оказывались в каменных кладках поздних и современных построек, в том числе намогильных сооружений: из-за того, что воспринимались строителями как «дикий» камень. Впрочем, любая из этих версий требует доказательств.

Рис. 2. Изваяние из кургана Бесоба

Fig. 2. A statue from the Besoba mound

Изваяния из Баянаула (Жумырткалы коль)

Сведения об изучении «трех каменных изваяний с балбалами» приводятся в дневнике М. К. Кадырбаева при описании работ в Баянауле Павлодарской области после сообщения о переезде участников экспедиции «в Жумырткалы-Куль» (топоним в передаче М. К. Кадырбаева). Изваяния были найдены в 4 км к северо-востоку от фермы, принадлежавшей колхозу имени Первого Мая⁹. Здесь, в окруженной увалами долине, находилось множество разновременных погребальных сооружений.

В дневнике М. К. Кадырбаева содержатся рисунки двух изваяний – погрудного и поясного, происходивших из разных комплексов¹⁰. Еще одно разрушенное изваяние, по данным исследователя, находилось рядом с погрудным. Можно предположить, что погрудное и разрушенное изваяния были связаны с комплексом, в который входило не менее двух оградок.

М. К. Кадырбаев зафиксировал размеры погрудного изваяния, изображающего мужскую голову: 1,40 м (длина) × 0,40 м (ширина) × 0,13 м (толщина). На рисунке в дневнике оно воспроизведено неточно, что становится очевидным при сравнении с (ретушированной?) фотографией, опубликованной в четвертом томе Сочинений А. Х. Маргулана [Маргулан 2003: ил. 122]. В архивных материалах имеется еще

один, более техничный по сравнению с кадырбаевским, но также приблизительный рисунок этого изваяния (рис. 3).

Оно изображено стоящим наклонно возле древнетюркской оградки; в пояснительной надписи указано, что это «каменное изваяние у четырехугольной оградки с балбалами». Сличив оба графических воспроизведения изваяния с фотографическим, можно описать его детали: на широком лице с крупным острым подбородком изображены овальные (или округло-овальные) глаза, нос с намеченными крыльями, длинные, почти горизонтальные слабоизогнутые усы, образующие слитный барельеф с губами, разделенными углублением рта, и клиновидной бородкой под нижней губой. Бородка передана на рисунках, но не видна (не усилена ретушью?) на фотографии. Такой элемент мужской внешности, как бородка (треугольная, в форме полоски, каплевидная), встречается преимущественно в иконографии древнетюркских изваяний на территории Семиречья, южных областей Сарыарки и Саяно-Алтая; причем отмечен аналогичный способ передачи соединенных усов, губ и бородки [Ермоленко, Курманкулов 2012: табл. I, 8, 17, 33]. Линии бровей отображены только на рисунке М. К. Кадырбаева, так что удостовериться в их наличии можно лишь осмотрев изваяние.

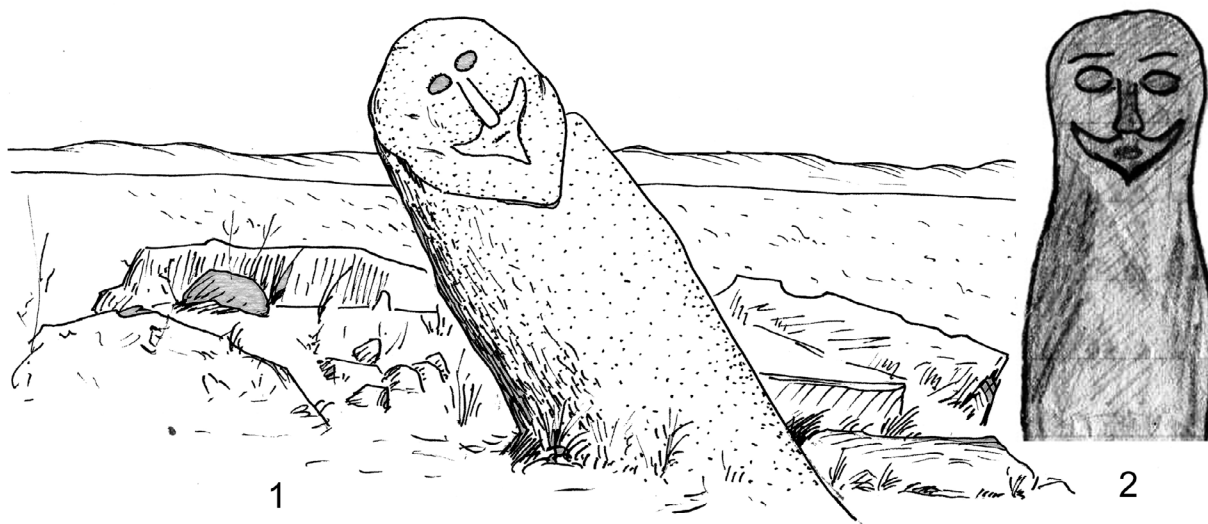

Рис. 3. Погрудное изваяние из Баянаула: 1 – рисунок художника; 2 – схематический рисунок М. К. Кадырбаева
Fig. 3. A head statue from Bayanaul: 1 – a drawing made by a professional artist; 2 – a sketch made by M. K. Kadyrbaev

⁹ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 22; Археологическая карта Казахстана. Реестр... С. 101. № 1338.

¹⁰ Кадырбаев М. К. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции... Л. 22. № 21; Л. 23. № 22.

Рис. 4. Поясное изваяние из Баянаула: 1 – рисунок художника; 2 – схематический рисунок М. К. Кадырбаева
Fig. 4. A half-length statue from Bayanaul: 1 – a drawing made by a professional artist; 2 – a sketch made by M. K. Kadyrbaev

Поясное изваяние из Баянаула отличается величиной и тщательностью изготовления. М. К. Кадырбаев указал только длину (высоту вкопанного изваяния?) – 2 м. По поводу ширины и толщины он заметил, что эти размеры немного больше, чем у погрудного изваяния. Рисунок М. К. Кадырбаева имеет отдаленное сходство с оригиналом, хотя схематически передает композицию древнетюркского изваяния, изображающего мужчину с сосудом в правой руке и оружием в левой. В четвертом томе Сочинений А. Х. Маргулана опубликованы фотография и сделанный художником рисунок, которые воспроизводят вид изваяния спереди [Маргулан 2003: ил. 121. 4, 5] (рис. 4).

Судя по фотографии, в области лица имелись повреждения, не воспроизведенные на рисунках. Несмотря на частичные разрушения, очевидно, что детали лица изображены способами, типичными для древнетюркской скульптуры (большие миндалевидные глаза, обведенные валиками век; расширяющийся к основанию нос; загнутые на концах усы; примыкающая к нижней губе борода в виде вертикальной полоски). Исключение составляет рот, стилизованный наподобие знака бесконечности, хотя аналогичным образом передан рот на древнетюркском изваянии с сосудом и оружием из Карагандинского областного историко-краеведческого музея [Ермоленко 2004: рис. 5, 15].

Обычны и реалии баянаульского изваяния: треугольные отвороты одежды на груди, нагрудное украшение типа кулона (на рисунке М. К. Кадырбаева отсутствует), кубок на ножке, клинковое оружие. Под поясом слева изображены какие-то предметы, которые по-разному переданы на имеющихся рисунках и неотчетливо видны на фотографии, поэтому трудно составить о них определенное представление.

Данное изваяние выделяется не только искусным исполнением и близостью к объемной скульптуре. На фотографиях в работах А. Х. Маргулана 1966 и 2003 г. запечатлен отходящий от изваяния длинный, дуговидно изогнутый ряд довольно крупных камней-балбалов [Маргулан 1966: рис. 3; Маргулан 2003: ил. 121. 2, 3]. В публикации 2003 г. [Маргулан 2003: ил. 121. 1], кроме того, приведен схематичный план, на котором показана (малая) квадратная оградка, ориентированная углами по сторонам света, и стоящее возле ее северо-восточной стенки изваяние. Вереница балбалов (согласно плану, их 40) также направлена на северо-восток.

К сожалению, изваяния, описанные в анализируемом дневнике М. К. Кадырбаева, не попадали в поле зрения современных исследователей, и неизвестно, сохранились ли они до сих пор.

Кроме обследования изваяний, по всей видимости, в этой же долине М. К. Кадырбаев проводил в 1955 г. раскопки менгира. Информация о раскопках сводится к лаконичному сообщению об их результате: «Менгир никаких находок не дал»¹¹.

Изваяние из могильника Ельшибек

В личном архиве М. К. Кадырбаева имелся рисунок древнетюркского изваяния, который был сделан в 1957 г. Казаковым. В 1977 г. Мир Касымович позволил Л. Н. Ермоленко скопировать рисунок (рис. 5) и содержание пояснительной надписи.

Памятник обнаружен в могильнике Ельшибек, который находится на территории Шетского района Карагандинской области. В работе А. Х. Маргулана 1966 г. под фотографией (перемещенного?) изваяния указано его географическое расположение: река Мойынты, урочище Ушкызыл [Маргулан 1966: рис. 17а] (ср. [Маргулан 2003: ил. 53]). В аннотации к рисунку Казакова отмечено, что изваяние стояло возле оградки, и от него отходил ряд балбалов; приведены размеры изваяния: высота (во вкопанном состоянии?) 1,6 м, ширина на уровне плеч 0,40 м, толщина 0,30 м. Судя по рисунку и фотографии из работ А. Х. Маргулана, изваяние представляет собой поясное изображение мужчины с сосудом (?) в правой руке и оружием (?). На лице барельефом воспроизведены брови,

¹¹ Там же. Л. 23.

совмещенные с носом, миндалевидные глаза, слабоизогнутые усы. В кисти правой руки, поднятой почти к подбородку, показан предмет неясной формы, возможно, круглодонная чаша. Ниже правой руки выбиты наклонно направленные неровные барельефные полосы, вызывающие ассоциацию с клинковым оружием. Левая рука не прослеживается.

В конце 1960-х и в первой половине 1970-х гг. М. К. Кадырбаев раскопал в Центральном Казахстане два кургана со стоявшими в их насыпях изваяниями.

Рис. 5. Изваяние из могильника Ельшибек
Fig. 5. A statue from the Elshibek Mound

Курган с изваяниями в урочище Косбеит

Исследован в 1969 г. на левобережье иссякшего притока реки Талды-Нура, в 3 км к северо-западу от фермы Аксу совхоза Нураталды (Шетский район Карагандинской области)¹². Косбеитское сооружение представляло собой курган с земляной насыпью, несколько вытянутой в широтном направлении (размеры: 13,6 × 12,2 м, высота 0,90 м). В насыпи, западнее ее центра, по линии север – юг были установлены два погрудных изваяния, обращенные лицами на восток. Северное изваяние (№ 1) (прим. – нумерация изваяний наша) возвышалось над поверхностью на 0,66 м, южное (№ 2) – на 0,16 м. Размеры изваяний № 1 и № 2 соответственно: 1,26 × 0,33 × 0,27 м и 1,17 × 0,27 × 0,23 м. Оба они сделаны из песчаника. В отчете М. К. Кадырбаева описано только изваяние № 1, отсутствие рисунка которого исследователь объяснил плохой сохранностью вследствие выветривания. На фотографии из личного архива М. К. Кадырбаева, с которой он разрешил Л. Н. Ермоленко в 1977 г. сделать прорисовку, была видна только часть изваяния, возвышавшаяся над поверхностью насыпи (рис. 6).

Верх головы изваяния скруглен, лицо длинное с массивным подбородком (согласно М. К. Кадырбаеву, с бородой), очерченным желобком. Совмещенные брови и нос воспроизведены барельефом, рот – углублением. Отмеченные М. К. Кадырбаевым «впадины глаз» неразличимы на фотографии, а его неуверенное предположение относительно того, что «у левого плеча, как будто прослеживается рельеф чаши»¹³, требует проверки.

Что касается изваяния № 2, то вербальная информация о его внешнем виде – скупая и косвенная, тогда как графической копией мы не располагаем.

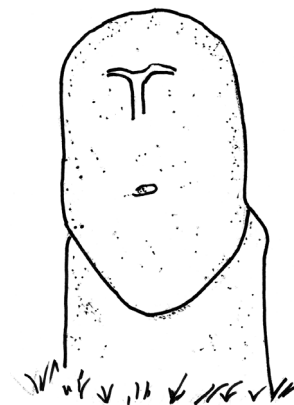

Рис. 6. Изваяние
№ 1 из урочища Косбеит.
Прорисовка с фотографии
Fig. 6. Statue 1 from
the Kosbeit site: a sketch
based on a photograph

¹² Кадырбаев М. К. Древности восточных районов Сары-Арки: отчет. Алма-Ата, 1969. Архив ИА КН МОН РК. Ф. 1. Д. 1108. Л. 47, 48.

¹³ Там же. Л. 47, 48.

По оценке М. К. Кадырбаева, «Это изваяние по технике обработки и скульптурному замыслу очень сходно с первой скульптурой», однако его «голова (прим. – верх головы?) более уплощена», и нет следов изображений на туловищной части¹⁴.

В двух метрах к востоку от изваяния № 1 по линии запад – восток стояли два каменных столбика-балбала высотой около 1 м. Их заостренные верхушки проступали на поверхности насыпи, а основания были заглублены в погребенную почву на 0,10–0,15 м. Под насыпью, в 0,5 м к югу от ее центральной части (южнее балбалов), обнаружены «череп, трубчатые кости ног и зубы лошади, и два черепа, лопатки и кости ног овец»¹⁵. М. К. Кадырбаев сделал в отчете предположение об очередности устройства основных частей сооружения: сначала были установлены балбалы, затем положены кости животных (прим. – остатки ритуальной трапезы или жертвенная пища?), и, наконец, возведена насыпь, в которую вкопали изваяния.

Прямых аналогий памятнику неизвестно, однако сочетание таких признаков, как отсутствие могилы при наличии изваяний, балбалов и костей животных, позволяет определить сооружение как культовое. В этой связи значимо использование в качестве жертвенных животных лошади и мелкого рогатого скота, которые в традициях разных кочевых народов евразийских степей (по С. А. Арутюнову, «у некоторых тюркских и особенно монгольских народов» [Арутюнов 2011: 13]) считались животными «с горячим дыханием» и поэтому предпочитались в ритуальной практике [Очир-Горяева 2011: 130].

Очевидно, что М. К. Кадырбаев сопоставлял косбеитские изваяния с древнетюркскими, когда пытался распознать барельеф чаши у левого плеча изваяния № 1 (т. е. предполагал изображение человека с сосудом в правой руке) или констатировал отсутствие в композиции изваяния № 2 «рук, пояса, чаши» (пояс не встречается среди атрибутов кыпчакской скульптуры, в отличие от древнетюркской). Однако, на наш взгляд, более оправданно сравнение с кыпчакскими изваяниями и культовыми сооружениями, в которых они устанавливались (святилищами). Так, стилизация глаз и рта углублениями (как и «безглазая» манера воспроизведения человеческого лица) нередки в иконографии погрудных кыпчакских изваяний в противоположность древнетюркским [Ермоленко 2004: табл. 5]. Установка балбалов в связи с кыпчакскими святилищами – исключительный, но зафиксированный факт. Например, элементом кыпчакского святилища, найденного в горах Бегазы, является

ряд из четырех балбалов [Ермоленко 2004: рис. 63, а]. В восточной поле этого каменного курганообразного сооружения почти по линии север – юг установлены три изваяния. Вереница балбалов отходит в восточном направлении от крайнего с юга изваяния. Если бегазинский памятник относится к четвертому типу кыпчакских святилищ (аиршокинскому), то расположение косбеитских изваяний внешне более соответствует таковому в святилищах первого (мыржикского) типа¹⁶ [Ермоленко 2004: 34, 37; Касенова 2020: 64]. При всем при этом сравнивать земляное косбеитское сооружение с известными науке кыпчакскими святилищами, в конструкциях которых использован камень, проблематично.

Курган с изваянием в могильнике Тагибай-Булак (Баянаульский район Павлодарской области)

Раскопан в 1974 г. Насыпь имела в плане округлую форму, ее диаметр составлял 6 м, высота – около 0,40 м. В восточной поле кургана стояло изваяние, обращенное лицом на восток. Судя по чертежу, под насыпью кургана ничего не обнаружено. К сожалению, в отчетных материалах за 1974 г. информация о памятнике Тагибай-Булак отсутствует. Данные взяты из личного архива Л. Н. Ермоленко, которой М. К. Кадырбаев в 1977 г. предоставил возможность сделать копию плана кургана (рис. 7).

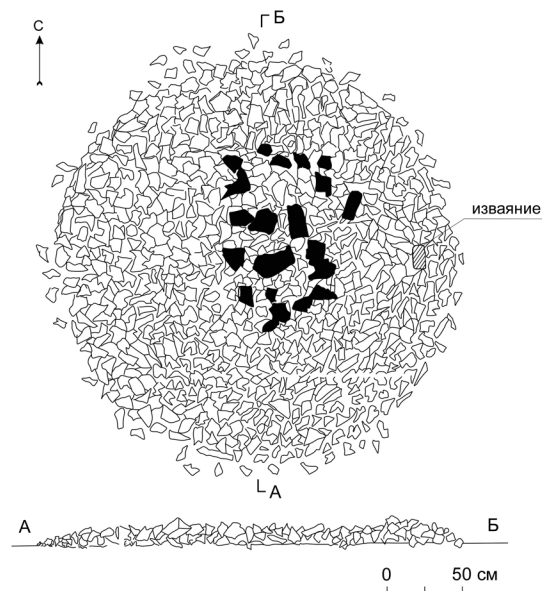

Рис. 7. План и разрез кургана с изваянием в могильнике Тагибай-Булак

Fig. 7. Plan and profile drawings of the Tagibai-Bulak mound

¹⁴ Там же. Л. 48.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Здесь и далее номера типов святилищ даны согласно типологии Л. Н. Ермоленко, названия типов – по А. Д. Касеновой.

Фотография тагибай-булакского изваяния, стоящего на кургане, опубликована в четвертом томе Сочинений А. Х. Маргулана [Маргулан 2003: ил. 126].

Изваяние являет собой погрудное изображение человека. На лице барельефом воспроизведены брови и нос, глаза переданы щелями, рот – углублением. Способы изображения деталей лица этого изваяния типичны для кыпчакских изваяний. Сужающийся анфас верх головы, возможно, обобщенно передает форму головного убора. Нижние очертания лица охватывает рельефная полоса наподобие опоясывающего шею пышного воротника или нижней части головного убора с вырезом для лица типа казахского кимешек. Тагибай-булакское сооружение с изваянием может быть отнесено к четвертому (аиршокинскому) типу кыпчакских святилищ [Ермоленко 2004: 37].

Изваяние в долине Аксай

В 1979 г. М. К. Кадырбаевым в долине Аксай было впервые проведено документирование самого большого в Сарыарке древнего изваяния [Маргулан 2003: ил. 8.1–8.3], которое известно в литературе под названиями *атасуская красавица*, *Акбикеш*. Архитектором Н. С. Гецовой сделан технический рисунок изваяния в трех проекциях (рис. 8).

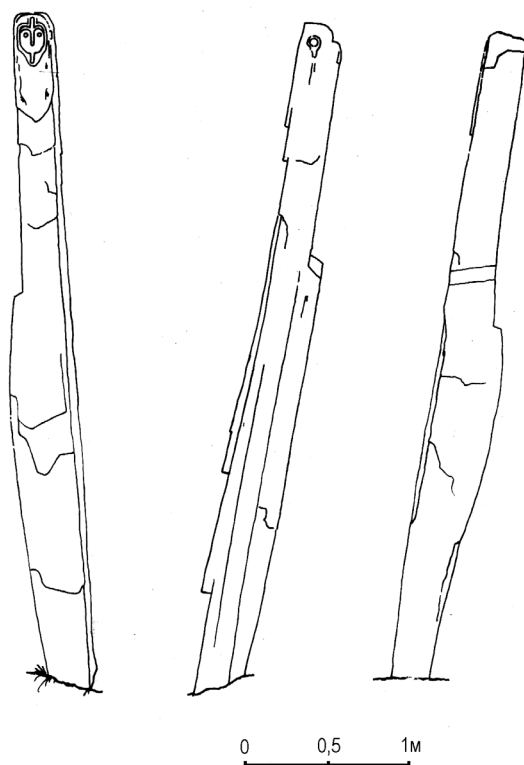

Рис. 8. Изваяние из долины Аксай. Рисунок Н. С. Гецовой
Fig. 8. A statue from the Aksai valley: a sketch made by N. S. Getsova

М. К. Кадырбаев не успел опубликовать уникальный памятник, обладающий признаком оленного камня (круги на боковых гранях) и особенной стилизацией деталей лица (круглые глаза; слитный барельеф носа, бровей и «отростка», отходящего вверх от места соединения бровей; «отросток», отходящий вниз от подбородка, находящийся на одной линии с носом и верхним «отростком»). Авторы данной статьи обратили внимание на то, что в долине Аксай наряду с данным гигантским изваянием обнаружены древние антропоморфные изваяния, также выделяющиеся большими размерами [Ермоленко и др. 2021: 19].

Изваяния, изученные ЦКАЭ под руководством М. К. Кадырбаева

В 1978 г. Центрально-Казахстанской экспедицией, возглавляемой М. К. Кадырбаевым, раскопано каменное курганообразное сооружение с антропоморфными стелами в долине р. Атасу, в 1 км к западу от урочища Ак-Мустафа, на территории современного Жанааркинского района Карагандинской области [Ермоленко 1987: 105–107; 2004: 37]. Раскопками установлен факт предварительного выравнивания участка на склоне сопки и трехслойная структура насыпи, обеспечивавшая ее устойчивость. Памятник соответствует характеристикам четвертого (аиршокинского) типа кыпчакских святилищ.

В 1978–1979 гг. отрядом ЦКАЭ близ зимовки Аблай у подножья горы Тунгатар в Каркаралинском районе Карагандинской области было впервые исследовано комплексное кыпчакское святилище второго (аблайского типа), состоящее из двух сооружений, в одном из которых стояли изваяния [Ермоленко 2004: 37; Ермоленко и др. 1985: 137–141]. Раскопки производились при участии ленинградского архитектора Н. С. Гецовой, приглашенной М. К. Кадырбаевым. Ею была выполнена графическая реконструкция, на которой каменное сооружение с изваяниями представлено перекрытым земляной насыпью [Ермоленко и др. 1985: рис. 10] (рис. 9).

Последующие раскопки подтвердили правильность реконструкции применительно к «скрытым» кыпчакским святилищам другого (первого, мыржикского) типа [Ермоленко 2004: 34, 36, 37]. Это обстоятельство представляется значимым в связи с обсуждением проблемы скрытых половецких святилищ в современной литературе.

Аналогии между кыпчакскими и половецкими святилищами, в том числе между скрытыми кыпчакскими святилищами и половецкими святилищами-ямами, провела Л. Н. Ермоленко [Ермоленко 1994: 159; Ермоленко 2004: 65]. Святилища-ямы, согласно С. В. Гуркину, выделившему этот тип памятников, представляют собой ямы с вертикально установленными в них изваяниями (по преимуществу деревянными), впущенные

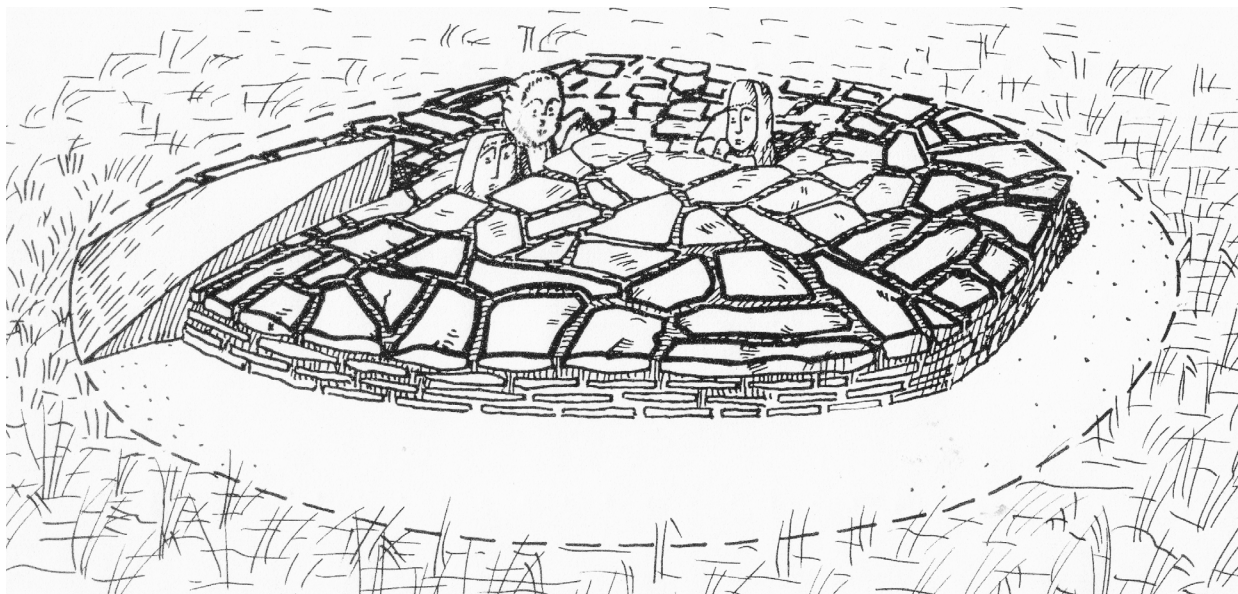

Рис. 9. Кыпчакское святилище Аблай. Реконструкция Н. С. Гецовой

Fig. 9. A Qipcaq shrine at the Ablai site: reconstruction sketched by N. S. Getsova

в насыпи курганов других эпох [Гуркин 1987: 107; 1998: 32]. Исследователь считал святилища на курганах и святилища-ямы одновременными, но сооружавшимися на разных этапах поминального обряда, соответственно, начальном и конечном – этапе проводов души умершего, которая обреталась в изваянии [Гуркин 1998: 33, 35, 36].

У подхода С. В. Гуркина имеются сторонники, в частности Ю. К. Гугуев [Гугуев 2017: 246–250], и оппоненты (С. А. Плетнева, Е. И. Нарожный), связывающие феномен скрытых в курганах объектов культа с поздним периодом истории половцев. С. А. Плетнева датировала появление скрытых половецких святилищ временем после похода Джэбэ и Субэдэя, а модификацию обряда объяснила стремлением половцев обеспечить сохранность святынь [Плетнева 1990: 174]. Е. И. Нарожный придерживается мнения, что «сокрытые половецкие изваяния и святилища», определяемые им как ритуальные «захоронения» святынь отжившего культа, не следует выделять в качестве типа «половецких культовых памятников» [Нарожный 2003: 251]. Исследователь делит объекты, содержащие «захороненные» изваяния, на две группы, исходя из положения изваяний – вертикального или горизонтального [Нарожный 2003: 252; 2013: 59, 60]. В работах Е. И. Нарожного указываются разные даты их распространения – XIV в. [Нарожный 2003: 270], «гораздо ранее» периода второй половины XIII – XIV в. [Березин, Нарожный 2022: 41]. Ю. К. Гугуев, не поддерживающий позиции С. А. Плетневой, критически отнесся к интерпретации и датировке святилищ-ям, предложенным Е. И. Нарожным [Гугуев 2017: 248, 249, 252, 253].

Следует заметить, что поздней датировке скрытых половецких святилищ (святилищ-ям) противоречит тот факт, что скрытые святилища с установленными (не уложенными!) в них изваяниями, найденные в западном регионе азиатских степей, были разновидностью более ранних, по сравнению с половецкими, кыпчакских святилищ.

Кыпчаки, в отличие от половцев, не использовали под святилища курганы, оставленные прежним населением. Архитектура скрытых кыпчакских святилищ свидетельствует о том, что они проектировались именно как скрытые. Об этом, в частности, свидетельствует то, что мощные стены четырехугольной каменной ограды, образующие камеру, в которой стояли изваяния (святилища первого, мыржикского типа), не имели прохода.

Идентичные кыпчакским изваяния (типы I и VI по С. А. Плетневой) обнаружены преимущественно в междуречье Дона и Северского Донца [Гераськова 1991: рис. 12, 14]. С. А. Плетнева считала их ранними половецкими [Плетнева 1974: 69], Л. С. Гераськова – печенежскими [Гераськова 1991: 78], однако несостоятельность культурно-хронологического определения Л. С. Гераськовой доказана М. В. Квитницким [Квитницкий 2015: 290].

Представляется, однако, что это были изваяния пришедших с востока кыпчаков, у которых существовала традиция возводить для изваяний разнообразные сооружения (в том числе перекрытые насыпью), названные святилищами по аналогии с половецкими. К сожалению, мы не располагаем сведениями о сооружениях,

в контексте которых были найдены изваяния I и VI типов. В каталоге С. А. Плетневой содержатся рисунки и описания по меньшей мере дюжины таких статуй [Плетнева 1974: кат. 150, 251, 264–267, 276, 333, 910, 926, 928, 1297], но скудные сведения сообщаются только об условиях находки трех из них: все они были «сняты» с одного «распаханного кургана» [Плетнева 1974: 84–85, кат. 265–267].

Кроме раскопок сооружений с изваяниями сотрудниками ЦКАЭ, руководимой М. К. Кадырбаевым, в 1977 г. были найдены два изваяния. Одно из них обнаружено архитектором А. С. Нуркабаевым в северо-восточной части могильника Атасу возле кургана с «усами» (каменными грядами). Сначала изваяние было атрибутировано как древнетюркское [Ермоленко 2004: 82], но впоследствии признано памятником раннего железного века [Ермоленко и др. 2015: 29, рис. 5]. Кургана с «усами», которому был присвоен индекс Атасу-2, был исследован в 2015 г. под руководством А. З. Бейсенова, а найденные в двух ямах вещи датированы серединой – второй половиной V в. Авторы статьи о раскопках памятника, отметив нерешенность вопроса о нахождении вещей в кургане с «усами», указали, что неоднократные находки изваяний сакской эпохи в контексте курганов с «усами» нуждаются в толковании, но пока для этого недостаточно данных [Бейсенов и др. 2018: 111, 112].

Обломок головы изваяния был найден А. С. Загородним на могильнике Мыржик, среди камней насыпи поздней казахской могилы [Ермоленко 2004: рис. 17, 34]. Обломанная голова – фрагмент утраченной древнетюркской скульптуры – свидетельствует о высоком уровне развития камнерезного искусства.

Заключение

На протяжении практически всей своей деятельности в составе ЦКАЭ и во главе этой экспедиции М. К. Кадырбаеву доводилось изучать памятники монументальной скульптуры разных эпох. Можно констатировать, что в период его руководства ЦКАЭ исследование изваяний и сопряженных с ними сооружений, хотя и осуществлявшееся спорадически, было одним из направлений работ экспедиции. Введенные авторами данной статьи в научный оборот памятники, ранее неопубликованные либо представленные в публикациях рисунками и / или нечеткими фотографиями, не сопровождающимися описаниями в тексте, пополнили корпус каменных изваяний разных эпох (сакской, древнетюркской, кыпчакской), выявленных до сих пор в Казахском мелкосопочнике. Документированные М. К. Кадырбаевым в прошлом веке изваяния в большинстве случаев без затруднений дифференцируются по морфологическим и иконографическим признакам. Предложенная авторами настоящей статьи культурно-

хронологическая атрибуция памятников учитывала, кроме изобразительных характеристик изваяний, конструктивные особенности сооружений, в составе которых они находились. Почти всем сооружениям обнаружены соответствия в опубликованных материалах. Исключение составило сооружение из урочища Косбеит, не имеющее типологических аналогий. Если верно предположительное соотнесение изваяний из Косбеита с кыпчакскими, то само курганообразное сооружение может оказаться «земляной» разновидностью святилищ. Проведенные аналогии с новыми материалами и экскурсии в отдельные проблемы современного изучения скульптуры древних и средневековых кочевников Евразии, предпринятые при рассмотрении памятников, документально зафиксированных в 1950–1970-х гг., явились попыткой использования этих источников в исследовательском процессе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. Н. Ермоленко сформулировала концепцию статьи, проанализировала публикуемые материалы в аспекте современных проблем, сгенерировала текст из частей, выполненных всеми авторами. А. Д. Касенова и Ж. К. Курманкулов (в равных долях) сделали научное описание публикуемых памятников и произвели их культурно-хронологическую атрибуцию.

Contribution: L. N. Ermolenko developed the research concept, analyzed the materials, and compiled the manuscript. A. D. Kasenova and Zh. K. Kurmankulov described the archeological sites and conducted their cultural and chronological attribution.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR 11765630 по теме «Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников».

Funding: This research was part of supported by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan as part of project no BR11765630: Cultural genesis in the Kazakh steppe: new paradigms for the problems of studying the continuity of the material and spiritual heritage based on archaeological sources.

Литература / References

- Арутюнов С. А. О культе быка и барана на Кавказе и связанных с ним регионах. *Известия СОИГСИ*. 2011. № 5. С. 5–18. [Arutyunov S. A. About a cult of bull and ram in the Caucasus and related regions. *Izvestiya SOIGSI*, 2011, (5): 5–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mtbpvr>
- Бедельбаева М. В. «Рыцарь без страха и упрека» (к 110-летию со дня рождения С. С. Черникова). *Археология Казахстана*. 2019. № 3. С. 46–61. [Bedelbayeva M. V. "Knight without fear and reproach" (to the 110th anniversary of birth of Sergei Chernikov). *Kazakhstan Archeology*, 2019, (3): 46–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52967/akz2019.3.5.46.61>
- Бейсенов А. З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан). *Самарский научный вестник*. 2016. № 1. С. 84–93. [Beisenov A. Z. Dromos burials of the Saka time in the Nazar site (Central Kazakhstan). *Samara Journal of Science*, 2016, (1): 84–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vpmkzl>
- Бейсенов А. З. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас. *Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии*, отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021а. С. 261–277. [Beisenov A. Z. Tasmola kurgan with stone sculptures in the Kyzylzhartas burial ground. *Creator of culture. Material culture and human spiritual space in the light of archaeology, history, and ethnography*, ed. Smirnov N. Yu. St. Petersburg: IHMC RAS, 2021a: 261–277. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-22-4.261-277>
- Бейсенов А. З. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан. *Уфимский археологический вестник*. 2021b. Т. 21. № 1. С. 33–41. [Beisenov A. Z. The stone sculpture of the Tasmola culture from Aumagam valley in Central Kazakhstan. *Ufimskiy arkhelogicheskiiy vestnik*, 2021b, 21(1): 33–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.003>
- Бейсенов А. З., Бедельбаева М. В., Хабдулина М. К., Самашев З. С., Ермолаева А. С., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Лукпанова Я. А., Курманкулов Ж. К., Утубаев Ж. Р., Алтынбекова Э. К. Казахстан в сакскую эпоху. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с. [Beisenov A. Z., Bedelbaeva M. V., Khabdulina M. K., Samashev Z. S., Ermolaeva A. S., Dzhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A., Lukpanova Ya. A., Kurmankulov Zh. K., Utubaev Zh. R., Altynbekova E. K. *Kazakhstan in the Saka period*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute Archaeology, 2017, 228. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/y1frvd>
- Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-3. С. 34–40. [Beisenov A. Z., Ermolenko L. N. New stone statues of the Saka period from Saryarka. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 34–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tcewvv>
- Бейсенов А. З., Касеналин А. Е. Тасмолинский могильник Кызылшилик. *Теория и практика археологических исследований*. 2018. № 4. С. 85–100. [Beisenov A. Z., Kassenalin A. E. Kyzylshilik burial ground of the Tasmola culture. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2018, (4): 85–100. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/tpai\(2018\)4\(24\)-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2018)4(24)-08)
- Бейсенов А. З., Торгоев А. И., Дуйсенбай Д. Б., Ахияров И. К. Курган с «усами» Атасу-2. *Поволжская археология*. 2018. № 3. С. 103–117. [Beisenov A. Z., Torgoev A. I., Duysenbay D. B., Akhiyarov I. K. The mound with "mustaches" Atasu-2. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2018, (3): 103–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.103.117>
- Березин Я. Б., Нарожный Е. И. Новое «захоронение» половецкого каменного изваяния на Ставрополье (вторая пол. XIII–XIV вв.). *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 1. С. 32–46. [Berezin Ya. B., Narozhny E. I. A new burial find of a Polovtsian stone statue in the Stavropol region (from the second half of thirteenth to fourteenth century). *Zolotoordynskoe Obozrenie*, 2022, 10(1): 32–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.32-46>
- Гераськова Л. С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ: Наукова думка, 1991. 132 с. [Geraskova L. S. *Sculpture of the medieval nomads of the steppe of Eastern Europe*. Kiev: Naukova dumka, 1991, 132. (In Ukr.)]
- Гугуев Ю. К. О палеоэтнографическом подходе к изучению половецких святилищ и статуй. *Новое прошлое*. 2017. № 4. С. 244–257. [Guguev Yu. K. On the paleo-ethnographic approach to the study of Polovtsian sanctuaries and statues. *The New Past*, 2017, (4): 244–257. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2017-4-244-257>
- Гуркин С. В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону. *Советская археология*. 1987. № 4. С. 100–109. [Gurkin S. V. Polovtsian sanctuaries with wooden statues on the Lower Don. *Sovetskaia arkhelogiia*, 1987, (4): 100–109. (In Russ.)]
- Гуркин С. В. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. *Донская археология*. 1998. № 1. С. 29–37. [Gurkin S. V. Sanctuaries of the Polovtsian period with wooden statues from the excavations of Volga-Don expedition. *Donskaia arkhelogiia*, 1998, (1): 29–37. (In Russ.)]

- Ермоленко Л. Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями. *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э.*, отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 157–165. [Ermolenko L. N. Semantics of medieval nomadic sanctuaries with statues hidden in embankments. *Ethnocultural processes in South Siberia and Central Asia in the 1st–2nd millennia AD*, ed. A. M. Ilyushin. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994, 157–165. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yozrdn>
- Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с. [Ermolenko L. N. *Medieval stone statues of the Kazakhstan steppes (typology, semantics in terms of military ideology and traditional worldview)*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2004, 132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qouvtj>
- Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу. *Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана*, отв. ред. В. В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1987. С. 102–108. [Ermolenko L. N. Medieval stone statues from the upper reaches of the Atasu River. *Issues of periodization of archaeological sites in Central and Northern Kazakhstan*, ed. Evdokimov V. V. Karaganda: KarSU, 1987, 102–108. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yqdpzv>
- Ермоленко Л. Н., Гецова Н. С., Курманкулов Ж. К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана. *Проблемы охраны археологических памятников Сибири*, отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–161. [Ermolenko L. N., Getsova N. S., Kurmankulov Zh. K. A new type of structures with statues from Central Kazakhstan. *Problems of protection of archaeological sites in Siberia*, eds. Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. Novosibirsk: Nauka, 1985, 137–160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xvvlnp>
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Бородка в иконографии древнетюркских изваяний. *Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии*, отв. ред. О. С. Советова, Г. Г. Король. М.-Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 97–109. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K. Goatee in the iconography of the ancient Turkic statues. *Depictive and technological traditions in the art of Northern and Central Asia*, eds. Sovetova O. S., Korol G. G. Moscow-Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, 97–109. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qiruxz>
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Комплекс Аксай-1 (к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней Центрального Казахстана). *Народы и религии Евразии*. 2021. № 3. С. 7–23. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. The Aksai-1 complex (to the studying of ancient anthropomorphic statues and deer stones of Central Kazakhstan). *Nations and religions of Eurasia*, 2021, (3): 7–23. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)3-01](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)3-01)
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки. *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*: Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 129–135. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. Some results of studying early Iron Age statues from Saryarka. *Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, 19–21 Oct 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 129–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbhrof>
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1–3. С. 26–32. [Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. New data on a specific kind of Saka period statues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1–3): 26–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tolbqx>
- Касенова А. Д. Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 196 с. [Kasenova A. D. *Stone statues of Saryarka (history of study)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute Archaeology, 2020, 196. (In Russ.)]
- Квитницкий М. В. Происхождение и пути миграции половцев в Северное Причерноморье по данным археологических источников. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015. № 6. С. 277–304. [Kvitnytskyi M. V. The origin and migration routes of Cumans in the Northern Black Sea by archaeological sources. *Stratum plus*, 2015, (6): 277–304. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vikllx>
- Максимова А. Г. Воспоминания о Мире Касымовиче Кадырбаеве. *Вопросы археологии Казахстана*. Алматы-Москва: Ылым, 1998. Вып. 2. С. 10. [Maksimova A. G. Remembering Mir Kasymovich Kadyrbaev. *Problems of Kazakhstan archaeology*. Almaty-Moscow: Gylym, 1998, iss. 2, 10. (In Russ.)]
- Маргулан А. Х. Каменные изваяния Улытау. In: Маргулан А. Х. *Сочинения*. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3–4. С. 36–136. [Margulan A. Kh. Stone statues of Ulytau. In: Margulan A. Kh. *Works*. Almaty: Dayk-Press, 2003, vol. 3–4, 36–136. (In Kazakh, Russ.)]

- Марғұлан Ә. Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер. *Ежелгі мәдениет куәлары*, под ред. А. Х. Марғұлана. Алматы: Қазақстан баспасы, 1966. Бет. 8–22. [Margulan A. Kh. Stone sculptures in the Ulytau area. *Witnesses of ancient culture*, ed. Margulan A. Kh. Alma-Ata: Kazakhstan, 1966, 8–22. (In Kazakh)]
- Марғұлан А. Х., Акишев А. К., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с. [Margulan A. Kh., Akishev A. K., Kadyrbaev M. K., Orazbaev A. M. *Ancient culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka, 1966, 435. (In Russ.)]
- Нарожный Е. И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона. *Стены Европы в эпоху Средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время*, ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 245–274. [Narozhny E. I. Polovtsian shrines of XIII–XIV centuries: North Caucasus and the Don. *Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 3. Polovtsian-Golden Horde time*, ed. Evglevskii A. V. Donetsk: DonNU, 2003, 245–274. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iuwtvb>
- Нарожный Е. И. Половцы Северного Кавказа (Некоторые итоги и перспективы изучения). *Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...)*, сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань: Ихлас, 2013. С. 48–76. [Narozhny E. I. Kumans of North Caucasus (Some outputs and perspective of studying). *Turkic Nomads of Eurasia: Kimaks, Kipchaks, Cumans...*, comp. and ed. Zagidullin I. K. Kazan: Ikhlas, 2013, 48–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbkyof>
- Очир-Горяева М. А. О значении коня и овцы в обрядовой культуре кочевников. *Монголоведение*. 2011. № 5. С. 126–138. [Ochir-Gorjaeva M. A. About Semantics of horse and sheep in ceremonial culture of nomads. *Mongolian Studies*, 2011, (5): 126–138. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/puzhgv>
- Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с. [Pletneva S. A. *Cuman stone sculptures*. Moscow: Nauka, 1974, 200. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wlotcl>
- Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с. [Pletneva S. A. *Kumans*. Moscow: Nauka, 1990, 208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtubfh>
- Рогожинский А. Е. Олений камень из Семиречья. *История и археология Семиречья*, отв. ред. Ю. А. Мотов. Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. Вып. 2. 124–130. [Rogozhinsky A. E. Deer stone from Semirechye. *History and archaeology of Semirechye*, ed. A. Yu. Motov. Almaty: Fond "Rodnichok"; Fond "XXI vek", 2001, iss. 2, 124–130. (In Russ.)]

оригинальная статья

Предпринимательство бухарских евреев в зеркале экономической модернизации Центральной Азии в начале XX в. (на примере торгового дома «Юсуф Давыдов»)

Шайдуров Владимир Николаевич

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин

<https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Scopus Author ID: 56027342300

s-w-n@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2023. Принята после рецензирования 03.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Центральноазиатские окраины Российской империи в начале XX в. представляли собой особую модель экономической модернизации. Проводниками политики интеграции Туркестана в общеимперскую экономическую систему стали русские коммерческие банки и представители местной буржуазии, среди которых выделялись бухарские евреи. Уже с 1860-х гг. они смогли занять свою экономическую нишу: многие из них заняли ведущие позиции в хлопковой торговле и выступали посредниками между туркестанскими производителями хлопка и русскими текстильщиками. Однако существовавшее сегрегационное законодательство в сфере региональной промышленности не позволяло им учреждать торговые дома, а потому ограничивало возможности получения столь необходимых кредитов. Либеральная экономическая политика С. Ю. Витте способствовала перерождению семейных патриархальных предприятий бухарских евреев в современные торгово-промышленные компании (торговые дома «Юсуф Давыдов», «Бр. Вадьяевы» и др.). Открытие отделений Государственного банка и русских коммерческих банков в наиболее важных торгово-промышленных центрах региона также стало важным шагом в экономической модернизации. Цель данного исследования – выявить роль русских коммерческих банков в деятельности бухарско-еврейских предпринимательских кругов в контексте модернизации Центральноазиатских окраин Российской империи начала XX в. Основное внимание сосредоточено на деятельности торгового дома «Юсуф Давыдов». Преобразованное в 1906 г. предприятие было одним из лидеров на рынке хлопковой торговли. Вложенные семейные капиталы не давали возможность расширить деятельность, а потому владельцы вынуждены были прибегнуть к привлечению банковских кредитов. Полученные от русских банков кредиты были направлены на строительство хлопкоочистительных и пивоваренных заводов, поддержание собственной сети поставщиков хлопка-сырца. Но ни один из учредителей не имел специального образования, финансовые балансы не отражали действительную картину. Закупленное дорогое оборудование на заводах не получало должного обслуживания, а потому быстро выходило из строя. Не были созданы благоприятные условия для того, чтобы удержать квалифицированные кадры. Не были предприняты шаги по диверсификации производства. Именно ведение дел в традиционном для Центральной Азии духе способствовало тому, что торговый дом оказался на грани банкротства. В отличие от некоторых конкурентов из среды бухарских евреев («Бр. Вадьяевы») многочисленному семейству Давыдовых не удалось создать устойчивую модель семейного бизнеса, а потому с лета 1914 г. его имущество оказалось под внешним управлением Администрации, учрежденной крупнейшими кредиторами из числа русских коммерческих банков. Несмотря на военное время, ей не только удалось удержать компанию от банкротства, но и модернизировать ее деятельность.

Ключевые слова: экономическая модернизация, бухарские евреи, национальное предпринимательство, русские коммерческие банки, хлопковая торговля, Центральная Азия, Российская империя

Цитирование: Шайдуров В. Н. Предпринимательство бухарских евреев в зеркале экономической модернизации Центральной Азии в начале XX в. (на примере торгового дома «Юсуф Давыдов»). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 416–432. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-416-432>

full article

Entrepreneurship of Bukharan Jews during Economic Modernization of Central Asia in the Early XX Century: Yusuf Davydov Trading House

Vladimir N. Shaidurov

Pushkin Leningrad State University, Russia, St. Petersburg, Pushkin

<https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Scopus Author ID: 56027342300

s-w-n@mail.ru

Received 3 Mar 2023. Accepted after peer review 3 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: In the early XX century, Turkestan represented a remarkable model of economic modernization. Russian commercial banks and the local bourgeoisie welcomed the economic integration of the Central Asian periphery into the Russian Empire. Bukharan Jews had found their economic niche by the 1860s: they traded in cotton and acted as intermediaries between Turkestan cotton producers and Russian textile workers. However, the segregationist policy in the regional industry prohibited them to establish trading houses and, therefore, restricted their ability to obtain bank loans. Eventually, the liberal economic policy initiated by Prime Minister Sergei Yu. Witte facilitated the reorganization of Bukharan-Jewish enterprises. The patriarchal family businesses turned into modern trading and industrial companies, e.g., the Davydov Trading House, the Vadyaev Brothers, etc. The National Bank and the Russian Commercial Bank opened their outlets in the most important commercial and industrial centers of Turkestan, which was another important step towards economic modernization. This article focuses on the role of Russian commercial banks in the activities of Bukharan-Jewish business circles during the modernization of the Central Asian periphery of the Russian Empire in the early XX century. The Davydov Trading House was reorganized in 1906 and became a leader in the cotton trading market. It used the loans from Russian banks to build cotton ginning factories, breweries, and an internal network of seed-cotton suppliers. Unlike the Vadyaev Brothers, the Davidov family failed to create a stable family business model: in the summer of 1914, the Trading House and all its property were controlled by a committee board established by the major creditors from among the Russian commercial banks. In spite of the Great War, the board managed to save the Davydov Trading House from bankruptcy and modernized its operations.

Keywords: economic modernization, Bukharan Jews, national entrepreneurship, Russian commercial banks, cotton trade, Russian Empire, Central Asia

Citation: Shaidurov V. N. Entrepreneurship of Bukharan Jews during Economic Modernization of Central Asia in the Early XX Century: Yusuf Davydov Trading House. *SibScript*, 2023, 25(3): 416–432. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-416-432>

Введение

Буржуазно-демократические реформы 1860–1870-х гг. спровоцировали очередную волну модернизации различных сфер жизни общества Российской империи. В полной мере это можно отнести и к экономике. В пореформенный период наблюдался бум железнодорожного строительства, начала складываться многоуровневая система кредитно-финансовых учреждений, включавших в себя Государственный банк, коммерческие банки, общества взаимного кредита и пр., возникли новые отрасли экономики (например, нефтяная). Однако экономическая модернизация осуществлялась неравномерно: более быстрыми темпами она шла в Европейской России, но окраины (Сибирь, Дальний Восток, Центральная Азия) заметно отставали.

Специфической чертой модернизации окраин Российской империи является слабая роль государства при доминировании частной инициативы. Важным фактором стали представители некоторых этнических меньшинств, которые способствовали обновлению традиционных и появлению новых отраслей региональной экономики. Среди таковых следует отметить российских немцев (бывших колонистов), поляков, восточноевропейских и бухарских евреев.

В Центральной Азии бухарские евреи на протяжении столетий выполняли посреднические функции в торговле с соседними государствами. Присоединение к России в течение второй половины XIX в. способствовало их эмансипации. В новых условиях они получили

возможность не только сохранить традиционные виды деятельности, но и укрепить свои позиции в экономической жизни региона.

Экономическое развитие Туркестанского генерал-губернаторства и соседних с ним территорий неоднократно становилось объектом изучения в российской и зарубежной исторической науке. В центре внимания авторов оказывались различные вопросы, связанные с эволюцией традиционных форм хозяйства и зарождением новых отношений.

Уже в дореволюционной литературе неоднократно поднимался вопрос о хлопководстве и его перспективах для региона. Многие авторы рассматривали эту отрасль как одну из основополагающих для местного хозяйства [Верховской 1910; Скрыппев 1913].

В условиях доминирования классового подхода в советской исторической науке Центральнoазиатские окраины рассматривались как колониальные владения Российской империи [Аминов 1959; Вексельман 1987; Демидов 1926; Юлдашев 1969]. Исходя из этого тезиса моделировались и экономические отношения. Зачастую в публикациях можно встретить утверждение, что «царизм, проникнув в Туркестан и захватив в свои руки все политические и экономические командные высоты, превратил страну в аграрно-сырьевой придаток метрополии» [Кастельская 1980: 62].

Особое внимание историков привлекали вопросы, связанные с экономическим освоением региона посредством не только активизации торговли, но и железнодорожного строительства, создания современной сети кредитно-финансовых учреждений [Искандаров 1976; Хотамов 1990]. Следует признать, что некоторые вопросы в советский период получили лишь поверхностное изучение.

Одним из «слабых» мест было изучение истории функционирования коммерческих банков в России в целом. Это можно отнести и к истории изучения деятельности их отделений как в России, так и за рубежом. При этом в общем можно согласиться с утверждением, что, развивая сеть банковских отделений на окраинах, создавались благоприятные условия для их интеграции в систему национальной экономики и мирового хозяйства.

На рубеже 1990–2000-х гг. на смену марксистско-ленинской методологии пришла теория модернизации, с позиций которой отечественные исследователи пытаются интерпретировать различные процессы истории России второй половины XIX – начала XX в. Смена парадигм способствовала формированию новых подходов, например к вопросам экономической истории [Гиндин 1997].

Уже с начала XXI в. интерес к истории банков в России вырос многократно. Наглядным свидетельством тому является обширная историография. В некоторых случаях мы имеем дело с общей характеристикой банковской системы империи в конце XIX – начале XX в. [Ананьич 2006; Бовыкин, Петров 1994; Саломатина 2004]. С другой стороны, специалисты в области экономической истории анализируют деятельность отдельных банковских групп [Петров 1998; Китанина 2018]. В конце 2000-х – начале 2020-х гг. историки стали все чаще обращать внимание как на финансовую систему Туркестана [Васильев 2018; Лысенко 2020], так и на кредитно-финансовую деятельность региональных отделений Государственного [Лысенко 2019] и коммерческих банков [Алимджанов 2020; 2021; Губаханова 2009; Плеханова, Ширапов 2020].

С конца XX в. широкую популярность приобрела история предпринимательства в дореволюционной России. Если в советской историографии по этой теме работ было крайне мало в силу идеологических причин [Рабинович 1975], то на сегодняшний день изданы многочисленные монографии [Бойко 2009; Петров 1997; 2002], статьи, энциклопедические справочники¹. В некоторых статьях поднимается вопрос о формировании и развитии новых для Российской империи отраслей промышленности [Шайдуров, Лысенко 2020; Shaidurov 2019]. Особо следует выделить публикации, посвященные различным аспектам национального предпринимательства [Иноятова 2023]. Однако эта тема изучена в общероссийском пространстве крайне неравномерно.

Еще одна тема, которая крайне поверхностно на сегодняшний день изучена, – история евреев Центральной Азии. Публикаций не так много, что можно объяснить, с одной стороны, скудостью источниковой базы, а с другой – небольшим количеством сохранившихся источников. Тем не менее следует обратить внимание на работы А. Кагановича, который занимается разработкой проблематики в течение длительного времени [Каганович 2003; 2016], и некоторых других авторов [Бочкарева, Тарасова 2019].

Центральнoазиатские окраины Российской империи конца XIX – начала XX в. мы можем определить как регион с высоким потенциалом к исследованию.

Цель статьи – выявить роль русских коммерческих банков в деятельности бухарско-еврейских предпринимательских кругов в контексте модернизации Центральнoазиатских окраин Российской империи начала XX в. Для этого необходимо дать характеристику деятельности торгового дома «Юсуф Давыдов» в 1906–1914 гг. и выявить его специфику на фоне других

¹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. В 4-х т. Новосибирск, 1994–1998.

предприятий, принадлежавших бухарским евреям; определить характер его связей с отделениями русских коммерческих банков не только в Туркестане, но и других регионах; проанализировать деятельность Администрации, созданной для управления ресурсами торгового дома с целью погашения его долгов перед кредиторами.

Методы и материалы

В основу положены данные, почерпнутые из архивных источников, в первую очередь – из различных фондов Российского государственного исторического архива.

Большую ценность представляют фонды коммерческих банков (Русско-Азиатского, Волжско-Камского, Азовско-Донского и др.). В них отложились документы, связанные с кредитно-финансовой деятельностью отделений в разных городах Туркестанского генерал-губернаторства и на близлежащих территориях.

Наибольший интерес представляет переписка с Правлениями банков по коммерческим вопросам. Важное значение имеют содержащиеся в ней ежегодные отчеты отделений. В некоторых случаях можно проследить процесс формирования и развития новых торгово-промышленных предприятий, которые были связаны с банком посредством кредитов (например, участие Русско-Азиатского банка в деятельности Вадьяевского торгово-промышленного товарищества). Корреспонденция Азовско-Донского коммерческого банка позволяет выяснить дальнейшую судьбу торгового дома «Юсуф Давыдов», который был признан банкротом и находился, по сути, под административным управлением представителей банка.

Особо следует выделить отчеты инспекторов, проводивших своего рода ревизию работы отделений. В них содержится информация о наиболее крупных клиентах, которые в них обслуживались. К сожалению, в нашем распоряжении пока имеются такие отчеты лишь по региональным отделениям Русско-Азиатского банка.

Важное значение имеют сведения о техническом оснащении предприятий, владельцы которых кредитовали банки. В некоторых случаях об одних и тех же предприятиях даны сведения как со слов владельца, так и представленные специально нанимавшимися техниками.

Теоретической основой является скорректированная модель модернизации России на рубеже XIX–XX вв., в которой признается наличие региональных особенностей [Побережников 2018; 2020]. Последнее позволяет нам говорить не только о национальной, но и региональной модели модернизации, а применительно к Центральноазиатским окраинам Российской империи – о фронтирной модернизации [Лысенко 2022].

Специфика Центральной Азии во многом определила доминирующее влияние государственных интересов на модернизацию. Ее основу составили преобразования в торгово-промышленной сфере, транспорте, кредитно-финансовой сфере. В то же время аграрный сектор и общественные институты во многом сохраняли свой традиционный образ.

В исследовании были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение и пр.), так и специальные. Проблемно-хронологический метод позволил структурировать материал по проблемам и проанализировать его применительно к историческим этапам. Историко-сравнительный метод был использован для характеристики однопорядковых явлений. Историко-описательный метод дал возможность представить изучаемое явление в исторической ретроспективе. Количественные методы позволили обработать и ввести в научный оборот статистические данные, представленные в исторических источниках.

В целом в нашем распоряжении оказался достаточный комплекс исторических источников. Опираясь на современные методологические подходы и используя широкий набор исследовательских методов, мы смогли достичь заявленной цели.

Особенности фронтирной модернизации Центральноазиатских окраин Российской империи

Присоединение территорий, вошедших в состав образованного Туркестанского генерал-губернаторства, имело для Российской империи двойственное значение. В геополитическом отношении ей удалось укрепить свои позиции в Центральной Азии, взяв под свой контроль огромную территорию. С точки зрения экономики, этот шаг сулил большие выгоды русской промышленности, особенно текстильной, которая получила доступ к одному из основных мировых центров выращивания хлопка. В то же время традиционное аграрное хозяйство коренных народов, базировавшееся на орошаемом земледелии, сохраняло феодальные черты, что затрудняло его интеграцию в общеимперскую экономику.

Центральноазиатские окраины Российской империи в конце XIX – начале XX в. представляли один из вариантов фронтирной модернизации. Ключевую роль в ее реализации сыграло государство, которое определяло основные принципы развития региона на законодательном уровне.

Большое значение уделялось экономической модернизации. Это касалось промышленного производства, транспорта, торговли, банковской сферы.

На протяжении большей части XIX в. регион представлял огромный интерес для Горного департамента Министерства финансов. Многочисленные экспедиции под руководством горных инженеров преследовали одну цель – открытие месторождений полезных ископаемых. Продолжавшаяся «эра угля» ориентировала специалистов на поиск этого ресурса. Большое потенциальное значение имели и рудные месторождения.

С конца XIX в. специалисты уделяли большое внимание поиску месторождений нефти. Во многом изыскательная работа оказалась успешной. Некоторые из месторождений предприниматели стали активно разрабатывать (о. Челекен, Ферганская область). Они стали основой как для отдельных компаний, образованных в начале XX в., так и для отрасли на региональном уровне уже в советские времена.

С середины XIX в. некоторые предприниматели (А. Ф. Поклевский-Козелл и др.) пытались организовать работу водного транспорта. Однако крупные пароходные компании («Кавказ и Меркурий») пришли в регион лишь на рубеже XIX–XX вв. Однако проблема перевалки грузов оказалась решенной лишь частично. Требовалось создание сети железных дорог, которые соединили бы основные производственные центры. Выходом стало строительство железных дорог частными акционерными обществами.

Другим фактором стала переселенческая политика. Уже с конца XIX в. были введены некоторые ограничения, связанные с формальным запретом на переселение и водворение в пределах Туркестанского генерал-губернаторства и близлежащих к границе областях нерусского населения. Так, было запрещено переселение восточноевропейских евреев, которые видели в этом один из вариантов вырваться из «черты оседлости» и улучшить свое материальное положение.

Столыпинская аграрная реформа активизировала миграционные настроения среди бывших немецких колонистов в Среднем Поволжье, Новороссии. Многие из них изъявили желание переселиться на слабо-заселенные земли Сибири и Туркестана. Однако уже в 1911 г., после поездки в Сибирь вместе с Председателем Совета Министров П. А. Столыпиным, начальник Главного Управления землеустройства и земледелия А. В. Кривошеин в своем отношении Военному министру В. А. Сухомлинову отмечал, что «вопрос о заселении наших азиатских окраин чисто русским элементом, притом же способным в случае каких-либо внешних осложнений стать на защиту государственных границ, имеет в отношении Семиреченской области столь же важное значение, как и по отношению к областям

коренного Туркестана», а потому, по его мнению, следовало «совершенно отклонять ходатайства об устройстве... лиц нерусского происхождения»².

Бухарские евреи как акторы фронтирной модернизации Центральноазиатских окраин Российской империи

Интеграция Центральноазиатских окраин в экономику Российской империи имела многоакторный характер. С одной стороны, выступало государство, с другой – предприниматели метрополии. Но важную роль в этом процессе сыграли представители коренной зарождавшейся буржуазии. Видное место в ней занимали местные евреи (в нормативно-правовых актах второй половины XIX – начала XX в. они именовались «туземными евреями», что позволяло их отличать от т. н. «русских евреев», проживавших преимущественно в «черте оседлости»).

Бухарские евреи замечены в торговых связях с Российской империей с XVII в. Первоначально они торговали с Сибирью. В XVIII – первой половине XIX в. центром русско-бухарско-еврейской торговли стал Оренбург. Вплоть до конца XIX в. они выступали в роли посредника между русскими текстильными магнатами и производителями хлопка. Ограничение сферы их предпринимательской деятельности во многом объясняется сегрегационным законодательством, существовавшим по отношению к ним в Бухарском ханстве на протяжении многих столетий.

Присоединение Центральноазиатских территорий к России способствовало начавшейся модернизации в нормативно-правовой сфере. Относительно «туземного» еврейского населения были сняты ограничения, что способствовало уравниванию их в правах с другими коренными народами. В то же время сложилась парадоксальная правовая коллизия: запретив русским евреям переселяться в Туркестан, власти, таким образом, создали для бухарских евреев благоприятные условия к дальнейшему развитию торгово-промышленного предпринимательства.

Специфической чертой экономической деятельности бухарских евреев была универсальность. Достаточно беглого взгляда на опись их хозяйственного имущества, чтобы понять стремление закрепиться в разных сферах. Подобное отношение к делу можно объяснить исторической памятью, в которой можно было найти примеры введения законодательного запрета на занятие тем или иным видом деятельности. Это было характерно не только для центральноазиатских государств, но и для других стран. Например, в Российской империи

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 235. Л. 58 об.

на протяжении XIX в. можно наблюдать разрешительно-запретительную практику в отношении винокурения.

Не имея возможности организовать собственное производство (за исключением, наверное, плодового вина из винограда), бухарцы вынуждены были довольствоваться выполнением посреднических функций. Именно торгово-ростовщический принцип ведения дел позволил некоторым представителям диаспоры не только сколотить значительное состояние, но и воспользоваться либерализацией торгово-промышленного законодательства в начале XX в. для открытия собственных торговых домов.

Одной из самых прибыльных сфер деятельности в 1870–1910-х гг. была хлопковая торговля. Выращенный в Туркестане хлопок на местных очистительных заводах подвергался обработке, после чего отправлялся на текстильные предприятия Центрального промышленного района России. Именно эту нишу (скупка хлопка-сырца и его перепродажа московским купцам) крайне удачно заняли бухарские евреи: в их руках фактически была сосредоточена вся торговля хлопком в регионе [Кантор 1929: 7].

Русская политика в отношении бухарских евреев, проводившаяся в последней четверти XIX в., способствовала еще большему укреплению их позиций в региональной экономике. Если ранее их торговые операции были ограничены Оренбургской линией, то теперь они получили право свободного проезда во внутренние, в том числе столичные, губернии. В этой ситуации они превратились в незаменимого выгодного партнера для русских текстильщиков: из Туркестана бухарцы вывозили хлопок на московские и владимирские мануфактуры, закупая на вырученные деньги готовый текстиль для перепродажи на родине.

Другим партнером для бухарских евреев стали производители муки и сахара из некоторых губерний Европейской России. Так, торговый дом «Юсуф Давыдов» при посредничестве Волжско-Камского коммерческого банка закупал муку низких сортов в Самарском районе, а в Русском для внешней торговли банке он кредитовался с целью закупки сахара³.

Такая торговля носила определенно сезонный характер. В течение короткого времени следовало реализовать полученный от русских предпринимателей текстиль, а полученные средства в нужное время направить за скупку хлопка. Как отмечал один из современников,

перепродажа сортов самого дешевого материала нередко велась с минимальной наценкой. Бывали случаи, когда евреи вынуждены были продавать его себе в убыток, «лишь бы поскорее реализовать товар в деньги и обработать последние для операции по скупке»⁴. Нередко, правда, закупаемые в России товары использовались предпринимателями в качестве задатка хлопководам за поставляемое сырье вместо наличных денег⁵.

В начале 1900-х гг. центральноазиатским предпринимателям законодательно было разрешено учреждать торговые дома в виде полного товарищества. Этот шаг был сделан в русле общегосударственной политики либерализации в экономической сфере. Была значительно упрощена процедура регистрации подобных предприятий. Так, вновь создаваемые акционерные общества должны были предоставлять свои уставы на рассмотрение в Министерство финансов с последующим утверждением императором. Торговые дома были освобождены от этой процедуры. Открытие же мелких предприятий было освобождено от ранее обязательного получения на то разрешения со стороны Министерства внутренних дел.

Некоторые бухарские евреи не преминули воспользоваться этой возможностью, чтобы вывести свои дела на более высокий организационный уровень. Учрежденные ими торговые дома являлись семейными предприятиями, объединившими близких родственников. Типичными примерами были две крупнейшие фирмы начала XX в.: «Юсуф Давыдов» и «Бр. Вадыяевы». Последняя была образована в начале 1902 г. кокандскими первой гильдии купцами братьями Исааком-Барухом, Нерьей, Якубом и омским второй гильдии Сионом Хаймовичами Вадыяевыми, которые внесли соответствующие доли в основной (уставной) капитал: первые – по 20 тыс. руб., последний – 10 тыс. руб.⁶ Из устава торгового дома следует, что к моменту его учреждения братья сообща вели свою торговлю мануфактурой и хлопком, но «для большего развития распространения торговли и промышленности» ими было принято решение «открыть торговый дом в образе полного товарищества»⁷.

Подобная ситуация была традиционной для того времени. И в истории русского предпринимательства можно встретить многочисленные примеры семейного ведения торгово-предпринимательской деятельности. Правда, подобная внутренняя организация имела

³ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 2.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 3. Л. 19.

⁵ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 2.

⁶ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 727. Л. 2.

⁷ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 737. Л. 2.

несомненную выгоду на первоначальном этапе, позволив родственникам аккумулировать имеющиеся средства и запустить дело. Но в дальнейшем могли возникнуть конфликтные ситуации, которые могли привести предприятие к банкротству.

Подобная институционализация имела не только статусный характер, но и давала вполне реальные выгоды своим владельцам. В частности, последние смогли с этого времени кредитоваться в русских коммерческих банках. Залогом для получения кредитов были не только личная репутация предпринимателя, но и основной капитал. Нередко размер капитала не менялся с момента учреждения торгового дома. Так, в период всего существования торгового дома «Юсуф Давыдов» в Ташкенте основной капитал составлял 55 тыс. руб.⁸ В некоторых случаях собственники были заинтересованы в его увеличении для демонстрации успешности дела. Например, учрежденный в 1902 г. торговый дом «Бр. Вадьяевы» имел, согласно уставу, основной капитал в 70 тыс. руб.⁹, а к 1906 г. по бухгалтерскому балансу заявил о размере основного капитала в 7 млн. руб.¹⁰

Решение об открытии кредитной линии через региональные отделения Русско-Азиатского (ранее Русско-Китайского), Азовско-Донского, Московского купеческого, Московского учетного, Волжско-Камского и других коммерческих банков принималось также с учетом данных о размере ежегодного дохода. В 1902 г. ТД «Бр. Вадьяевы» был открыт ежегодный кредит по Ташкентскому отделению Волжско-Камского коммерческого банка в 50 тыс. руб., а уже в 1907 г. он был увеличен до 300 тыс. руб.¹¹ При этом зачастую предприниматели просили предоставить им кредиты через разные отделения, что было связано с обширной географией их деятельности. «Бр. Вадьяевы», например, в 1909 г. получили одобрение на кредитование через Московское отделение Волжско-Камского банка¹².

Сохранившиеся документы позволяют выявить тактику взаимодействия бухарских евреев с русскими коммерческими банками. Большинство предпринимателей стремились получить значительные кредитные средства для развития бизнеса. Однако региональные

отделения были ограничены в своих возможностях, и максимальный размер кредита не превышал 300 тыс. руб. Это подталкивало к установлению деловых отношений одновременно с отделениями различных банков в своем регионе либо в других регионах, но связанных с деятельностью торгового дома. Так, ТД «Юсуф Давыдов» к 1914 г. кредитовался в различных отделениях семи банков: Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Сибирского торгового, Волжско-Камского, Московского купеческого, Русского для внешней торговли банков, а также в коммерческом банке «И. В. Юнкер и Ко»¹³. Неблагоприятный ход событий, как мы увидим ниже, подтолкнул владельцев ТД просить об учреждении администрации по управлению имуществом, которая находилась под контролем Азовско-Донского коммерческого банка¹⁴.

Можно в истории видеть немногочисленные примеры партнерских отношений лишь с одним коммерческим банком. Это можно проиллюстрировать на примере ТД «Бр. Вадьяевы», который к 1910 г. свои коммерческие операции вел через Московское отделение Волжско-Камского коммерческого банка¹⁵. Но уже с 1911 г. на повестку дня вышел вопрос о его слиянии с Русско-Азиатским банком¹⁶, который стал контролировать не только этот торговый дом, но и совместно образованное Вадьяевское торгово-промышленное товарищество¹⁷.

Деятельность торгового дома «Юсуф Давыдов» в 1906–1914 гг.

Говоря о предпринимательской деятельности бухарских евреев в начале XX в., можно выделить различные модели. Одним из основополагающих критериев в их выделении может служить степень интегрированности в формирующуюся модернизированную региональную экономику с опорой на русские кредитно-финансовые институты.

Примером модели торгово-промышленного предприятия, сформировавшегося в условиях фронтальной модернизации, является торговый дом «Юсуф Давыдов» в г. Ташкент.

⁸ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 6.

⁹ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 727. Л. 2.

¹⁰ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 14.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 14 об.

¹³ РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 761. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 67, 113.

¹⁵ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 14 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 724. Л. 69.

¹⁷ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 727. Л. 13.

Отец основателя торгового дома Иуда (Давид) Давыдов занимался красильным делом и имел собственный магазин в Ташкенте. Все имеющиеся средства он вкладывал в семейное дело. Судя по истории нескольких поколений, семья была близка к сионистам. Сам Иуда вместе с женой Угул в 1893 г. покинул Туркестан и переселился в Иерусалим. Главой предприятия стал его сын Юсуф (Иосиф), а младший брат последнего Иссахар стал его партнером. Однако вплоть до 1906 г. предприятие велось в традиционном стиле, только в марте 1906 г. оно было зарегистрировано в Ташкенте как торговый дом «Юсуф Давыдов». Его учредителями выступили Юсуф и Иссахар Давыдовы, их жены и дети. Как уже отмечалось выше, основной капитал составил 55 тыс. руб. Таким образом, институционально было оформлено новое предприятие, которое не только сохранило прежние направления деятельности, но и значительно расширило сферу деятельности.

Уже в 1906 г. ТД обратился к представителям Волжско-Камского коммерческого банка с просьбой о выделении кредита. Если в прежние времена поиск денежных средств на стороне рассматривался не иначе как признак неумения грамотно вести дела и предвестник банкротства, то в новейшее время отношение к нему в предпринимательской среде кардинально изменилось: без него невозможно было выйти на более высокий уровень развития дела.

В начале XX в. банки открывали предпринимателям различные кредитные линии. Так, хлопкоотторговцы имели возможность испрашивать открытие им как вексельного кредита, так и кредита под транспортные квитанции на хлопок. В 1906 г. просьба Давыдова была удовлетворена, и Ташкентским отделением (по месту нахождения головной конторы фирмы) был предоставлен вексельный кредит в 150 тыс. руб., а в 1910 г. его увеличили до 300 тыс. руб.¹⁸

Давыдов был известной фигурой в регионе. Дела торгового дома шли успешно, это позволило в сравнительно короткий срок получить в том же отделении другую кредитную линию – под транспортные квитанции отправленного в Центральную Россию хлопка. И здесь мы видим полное доверие предпринимателю со стороны банка: в 1907 г. этот кредит был установлен в размере до 300 тыс. руб., а в 1908 г. было разрешено Ташкентскому отделению проводить выдачи ТД под транспортные квитанции на хлопок в счет открытого для этой цели кредита в 1 млн руб. ТД «Л. Кноп»¹⁹.

Дела торгового дома к этому времени шли успешно. К 1909 г. ему принадлежало 5 хлопкоочистительных заводов, на которых производилось продукции более чем на 1,8 млн руб. (табл. 1²⁰).

Техническое оснащение заводов было типичным для того времени. Наряду с широко распространенными локомотивами и нефтяными двигателями

Табл. 1. Хлопкоочистительные заводы торгового дома «Юсуф Давыдов» (на 1908 г.)

Tab. 1. Cotton ginning factories of the Davydov Trading House, 1908

Место расположения	Продукция	Годовое производство, тыс. руб.	Двигатель, мощность в лошадиных силах	Количество работников
с. Пекент Ташкентского уезда	Очищенный хлопок и семя	250,059	Локомотив, 35 с.	30
г. Ташкент	Очищенный хлопок и семя	283,510	Паровой, 12 с.	55
с. Пекент	Хлопок очищенный и прессованный	442,244	Локомотив, 11 с.	45
г. Наманган, Сардобинская часть	Хлопок чистый и чигит	848,0	Локомотив и водяной, 35 с.	65
с. Канибадам Кокандского уезда, ст. Мельниково	Хлопок чистый спрессованный и чигит	325,0	Нефтяной, 30 с.	25

Прим.: Чигит – хлопковое семя, сырье для получения масла.

¹⁸ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 6. РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Сост. по: Список фабрик и заводов Российской империи, сост. и ред. В. Е. Варзара. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. Ч. I. С. 29, 32.

продолжали использовать и традиционные механизмы, приводившиеся в действие энергией воды. Однако труд на предприятиях оставался маломеханизированным, о чем свидетельствует большое количество рабочих.

Сделав ставку на хлопкоочистительные заводы, Юсуф Давыдов тем не менее открыл в Ташкенте и пивоваренный завод, принадлежавший торговому дому. По данным фабрично-заводской инспекции, на 1908 г. на нем было произведено продукции на сумму немногим более 107 тыс. руб.²¹ Надо отметить, что Ю. Давыдов смог занять свою нишу на пивоваренном рынке города. Единственным его конкурентом был пивоваренный завод «Бурджар», принадлежавший жене генерал-лейтенанта Яфимовича Маргарите Николаевне, производственные мощности которого были скромнее: за тот же период на нем было сварено пива на сумму 83,9 тыс. руб.²²

В целом пивоваренный завод Ю. Давыдова можно отнести к крупным предприятиям в своей отрасли. Чтобы осознать масштабы, мы можем сравнить внутренние рынки Сибири и Туркестана. В Томской губернии, например, лидером в производстве различных сортов пива был Ф. И. Крюгер, на заводе которого в тот же период пива варилось на 160 тыс. руб.²³, тогда как пивоваренные заводы И. И. Андроновского²⁴ и М. М. Рейхзелигмана²⁵ не дотягивали до 100 тыс. руб.

В 1910 г. ТД «Юсуф Давыдов» оказался в еще большей зависимости от Волжско-Камского банка. При этом речь шла не только об открытии ему вексельного и квитанционного кредитов в Кокандском отделении (параллельно сохранялось обслуживание в Ташкенте), но и его намерении использовать Самарское отделение для приобретения на комиссионных началах муки с последующей ее отправкой железнодорожным транспортом в Туркестан²⁶. Первоначально позиции банка и торгового дома в этом вопросе несколько различались. Руководство отделения полагало, что речь идет об открытии торгового кредита, по которому банк будет покупать муку определенных сортов у фирм, указанных заказчиком. Продавец после отгрузки товара должен был передать железнодорожные дубликаты банку для оплаты. Расчет, по мнению банковских служащих, должен был осуществляться из сумм, заранее внесенных торговым

домом на определенный счет. Допускалась частичная оплата закупленной муки с последующим возмещением банку торгового кредита из расчета 6 % годовых. При этом же банк должен был получить комиссию в размере ¼ % (2,50 руб.) на полную 1 тыс. руб.²⁷

В то же время представитель ТД «Ю. Давыдов» заявил, что банк должен полностью рассчитаться с мукомольными фирмами, отправить заказчику железнодорожные квитанции на получение товара через одно из своих отделений, а затем соответствующую сумму оформить соло-векселями торгового дома на определенный срок. Таким образом, вплоть до получения муки на одной из туркестанских станций заказчик не нес никаких финансовых рисков, которые полностью возлагались в данном случае на Волжско-Камский коммерческий банк. Жесткая конкуренция между русскими банками заставляла их идти на финансовые риски и порой соглашаться на невыгодные для себя условия. Во главе угла стоял только бизнес, и руководитель Самарского отделения в своем письме от 21 июля 1910 г. в Правление банка в Санкт-Петербурге отмечал: «Судя по цифре открытого кредита, торговый дом следует признать солидной фирмой и сношения с ней для отделения желательными»²⁸.

Представители торгового дома активно использовали предоставляемые им кредитные возможности. Они вели активные переговоры с представителями Волжско-Камского коммерческого банка по различным вопросам. Однако к 1911 г. ситуация стала складываться не в пользу Давыдовых. В первую очередь сказались кризисные явления, охватившие экономику Российской империи и проникшие в легкую промышленность.

Экономическая депрессия конца 1900-х затронула текстильную промышленность. Возникший кризис перепроизводства был связан с дисбалансом объемов производимой продукции и покупательской способности населения. Это привело к резкому падению спроса на хлопковое сырье, продажа которого служила главным источником благополучия многих центральноазиатских предпринимателей.

Не были исключением и Давыдовы. Основным партнером торгового дома в Европейской России был торговый дом «Людвиг Кноп», контролировавший ряд крупнейших текстильных мануфактур в Центре

²¹ Список фабрик и заводов Российской империи. Ч. II. С. 239.

²² Там же. С. 240.

²³ Там же. С. 249.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 250.

²⁶ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 2.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 1.

и на Северо-Западе. Завершение кризиса и выход из депрессии сопровождался очередным экономическим подъемом. Однако благополучное развитие было невозможно без финансовой поддержки.

Поддержка была крайне необходима, т. к. кредитная задолженность их перед банками неуклонно росла. Например, совокупный долг Давыдовых только Волжско-Камскому коммерческому банку (по Ташкентскому отделению) к осени 1911 г. составил уже более 750 тыс. руб.²⁹ В 1911 г. Волжско-Камский коммерческий банк согласился выступить в качестве кредитного посредника между ТД «Л. Кноп» и центральноазиатскими хлопко-торговцами (Давыдовы и Вадьяевы). В частности, в извещении указывалось, что банк готов «выдавать за его счет ссуды под транспортные квитанции на хлопок «Бр. Вадьяевым» и «Ю. Давыдову» до суммы 2 млн руб. из процента на 1 % выше ставки Госбанка, но не менее 6,5 % плюс комиссия 1 %»³⁰. Впервые администрация банка заняла жесткую позицию в отношении одного из своих клиентов: «Ввиду крупной общей задолженности торгового дома "Юсуф Давыдов" было бы предпочтительнее кредитовать его в счет "Л. Кноп", как это уже разрешено Ташкентскому отделению, самостоятельное же кредитование по Коканду отклонить»³¹.

И Давыдовы, и другие хлопко-торговцы оказались в тяжелом положении. Причиной тому стала не только экономическая ситуация в отрасли, но и плачевное состояние техники на принадлежавших им хлопко-очистительных и маслобойных заводах в Туркестане. Без должного обслуживания со стороны специалистов она быстро изнашивалась. В результате владельцы терпели убытки. Нередко предприниматели старались не обращать внимания на этот фактор. И это могло привести в итоге к неблагоприятным последствиям.

Насколько подобная ситуация была типичной для Туркестана, можно понять из отчетных документов, подготовленных инженером-техником для Правления Русско-Азиатского банка в Санкт-Петербурге, в которых была дана техническая характеристика оборудования на 4 сентября 1913 г., применявшегося на разных предприятиях торгового дома «Бр. Вадьяевы».

Хлопко-масляный завод был оборудован американской фирмой «Бокай» в 1910–1911 гг. Проверка, сопряженная с переработкой в течение суток 9 тыс. пудов

нашелушенного и неочищенного хлопкового семени, показала, «что слухи о высоких выходах и большой производительности Вадьяевского завода основаны на недоразумениях, созданных, главным образом, неточностью учета производства»³². В течение длительного времени на предприятии пользовались неисправными автоматическими весами, погрешность которых, согласно проверке, составила 40 пудов на 1000 пудов. Отсутствие должного ухода за фильтрами вело к непомерно высоким расходам на салфетки: «вместо обычно расходуемых 6–8 коп. получилось 20 коп. на пуд черного масла»³³. Часть масла оставалась в семени из-за использования в прессах бронзовых плит, которые от чрезмерной эксплуатации стали гладкими. В протоколе было отмечено, что «кроме совершенно непригодной для правильной работы завода поверхности, в прессах оказалось много плит изогнутых и с трещинами»³⁴.

Накануне Первой мировой войны торговому дому «Юсуф Давыдов» не удалось стабилизировать свое финансовое положение. Его владельцам, в отличие, например, от своего конкурента – торгового дома «Бр. Вадьяевы», не удалось уловить конъюнктурные изменения рынка и диверсифицировать структуру предприятия. Если Вадьяевы сделали ставку на массовое производство хлопкового масла, которое стало пользоваться широким спросом как сырье для производства мыла и других товаров, то Давыдовы сохранили традиционную систему с ориентацией на скупку и обработку хлопка-сырца.

Банковские круги стали постепенно отказывать ему в доверии. Первым на этот шаг пошел Государственный банк, который летом 1913 г. закрыл ему кредит. Волжско-Камский коммерческий банк предпринимал в это же время различные шаги по получению дополнительного обеспечения долга фирмы в виде соло-векселей от отдельных членов торгового дома, обладавших недвижимостью³⁵. Одновременно с этим стал обсуждаться вопрос о необходимости постепенного погашения торговым домом задолженности перед банком.

В 1913 г. все финансовые операции, связанные с деятельностью торгового дома «Юсуф Давыдов», оказались в руках Азовско-Донского коммерческого банка, который с этого времени стал играть определяющую роль в его дальнейшей судьбе.

²⁹ Там же. Л. 6 об.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Там же. Л. 7.

³² РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 727. Л. 122.

³³ Там же. Л. 132.

³⁴ Там же.

³⁵ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 12.

Торговый дом «Юсуф Давыдов» и внешнее управление Администрацией (1914–1916 гг.)

В первой половине 1914 г. представители коммерческих банков и торгового дома обсуждали вопрос погашения задолженности последнего. Сумма долга перед кредитными учреждениями была различная, но в совокупности она была очень велика (табл. 2³⁶).

В сложившейся ситуации банки могли потребовать как банкротства торгово-промышленного предприятия, так и использования иных способов возвращения вложенных капиталов. Именно второй путь был предложен Давыдовым. Кредиторы пришли к определенному соглашению. С одной стороны, они договорились не предъявлять к погашению векселя и долговые расписки, выданные от имени торгового дома, а погасить совокупный долг в течение нескольких лет. С этой целью следовало учредить «кризисную» администрацию, которая должна была принять на себя ответственность по управлению имуществом с последующей передачей прибыли от его эксплуатации на погашение долгов.

Давыдовы в сложившейся ситуации приняли предложение кредиторов. Уже 11 июня 1914 г. представители торгового дома в лице Юны Юсуфовны и Абрама Иссахаровича Давыдовых заявили, «что в случае учреждения по делам нашего торгового дома Администрации, мы предоставляем означенной Администрации настоящим актом полное распоряжение всеми без исключения недвижимыми имуществами, принадлежащими торговому дому, не исключая продажи и залога означенных имуществ за цену и на условиях во всем по усмотрению Администрации»³⁷. Таким образом, было оформлено соглашение между торговым домом и кредиторами.

Подобный шаг вызвал неоднозначную реакцию как в банковских кругах, так и среди прочих предпринимателей, с которыми торговый дом был связан коммерческими связями. Так, Правление Сибирского торгового банка уже 5 июля 1914 г. в своем письме в Азовско-Донской коммерческий банк уведомило последний о необходимости оговорки: «Подписывая настоящее соглашение во всем его объеме, Сибирский торговый банк имеет в виду, что целью администрации является ликвидация имущества как самого торгового дома, так и отдельных его участников»³⁸.

Табл. 2. Задолженность торгового дома «Юсуф Давыдов» на 16 июля 1914 г.

Tab. 2. Debts of the Davydov Trading House, July 16, 1914

Кредитное учреждение	Общие требования на сумму
Русско-азиатский банк	1411182 руб. 19 коп.
Сибирский торговый банк	506108 руб. 70 коп.
Коммерческий банк «И.В. Юнкер и Ко»	336968 руб. 77 коп.
Товарищество «Ж. Блок»	15066 руб. 43 коп.
Азовско-Донской банк	
Вексельный долг	4100224 руб. 58 коп.
Товарный долг	691481 руб. 12 коп.
Товарищество Полушина	20000 руб.
Товарищество М-р И. Гарелина	133052 руб. 95 коп.
Волжско-Камский коммерческий банк	290953 руб. 64 коп.
Русский для внешней торговли банк	319904 руб. 29 коп.
Московский купеческий банк	298099 руб. 30 коп.
Итого	8123041 руб. 97 коп.

В состав учрежденной 16 июля 1914 г. в Коканде Администрации были включены лишь крупные кредиторы. Это вызвало недовольство представителей местного предпринимательства, не приглашенных на учредительное собрание, т.к. их интересы были отодвинуты на второй план. Некоторые пытались в судебном порядке оспорить сам факт создания Администрации. Но эти действия, как и предсказывал присяжный поверенный Азовско-Донского коммерческого банка в Ташкенте Григорий Рейснер, не принесли желаемого результата³⁹, и Ташкентская судебная палата 15 июля 1915 г. оставила жалобы без рассмотрения⁴⁰.

В течение полугода с момента учреждения Администрации был проведен аудит и составлен список дебиторов торгового дома. В финансовом отношении ситуация сложилась непростая. На это обратил

³⁶ Сост. по: РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 761. Л. 67.

³⁷ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 32.

³⁸ Там же. Л. 20.

³⁹ РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 761. Л. 148.

⁴⁰ Там же. Л. 244.

внимание наблюдательный комитет в своем протоколе (заседания 14–16 февраля 1915 г.). В нем, в частности, указывалось, что нередко фактическая задолженность дебиторов была гораздо ниже суммы выданных ими векселей. На проверку оказалось, что она составила «лишь 1365348 руб. против векселей на 7803701 руб., при общей сумме долга фирмы банкам по вексельным счетам на 5736176 руб.»⁴¹. Достаточно интересно замечание на сей счет инспектора Русско-Азиатского банка, проводившего ревизию Кокандского отделения в январе 1916 г.: «все представления об истинном балансе торгового дома оказались опрокинутыми, что на самом деле масса дебиторов оказалась ни должной ни копейки, тогда как за ними числились сотни тысяч рублей»⁴².

Казалось, достаточно взыскать долги с дебиторов Ю. Давыдова, и это позволит погасить долги торгового дома перед банками. Однако представители последних прекрасно понимали щекотливость ситуации: дебиторы нередко были их клиентами, и взыскание по векселям могло привести их к разорению, а сами банки к дополнительным потерям. В итоге было принято Соломоново решение: банки провели переговоры с наиболее крупными дебиторами, большинство из которых согласились добровольно погасить задолженность в ее действительном, а не вексельном выражении. При этом они настаивали либо на возвращении им выданных векселей, либо на снятии с них в дальнейшем ответственности по этим векселям. Со своей стороны, банки обязались предоставить должникам рассрочку и частичное погашение долга.

Нежелание обострять ситуацию и доводить ее до судебного разбирательства в военное время объясняется, прежде всего, возросшими судебными издержками, в том числе пошлин. Применение репрессивных мер допускалось лишь в отношении тех из клиентов, которые явно уклонялись от платежей.

В дальнейшем Администрация использовала некоторых сотрудников торгового дома для сбора долгов дебиторов. Некоторые из них были рекомендованы Абрамом Иссахаровичем Давыдовым. Так, по Кокандской конторе с этой целью был задействован Вениамин Левиев. В Намангане это было поручено доверенному от Администрации Илье Кацу. Ему же были определены премиальные выплаты: «5 % со всех поступивших без суда сумм в уплату долга, с сумм же, поступивших в уплату долга через суд 3 %»⁴³.

Следует отметить, что Давыдовы оказывали Администрации существенную помощь в управлении переданным имуществом. Это проявилось не только в консультативной форме. Некоторым из них было доверено управление хлопкоочистительными заводами. Так, 30 июня 1915 г. было принято решение о выдаче доверенности на управление Маргеланским заводом Рахмину Юсуфовичу Давыдову. Правда, его полномочия были ограничены, и по вопросам закупки сырья и продажи готовой продукции он должен был запрашивать разрешение Администрации⁴⁴.

Предприятия Давыдовых оказались в условиях военного времени не столь прибыльными. Администрация должна была планировать доходы и расходы, связанные с их эксплуатацией. С этой целью была составлена смета (табл. 3⁴⁵), при эксплуатации производственных мощностей можно было рассчитывать, в первую очередь, на маслобойный и пивоваренный заводы. Администрация предпринимала все возможные шаги не только для сохранения имевшегося производства, но и для его развития.

Созидательная роль управляющей компании отчетливо прослеживается на примере маслобойного завода. Так, 1 июня 1916 г. она направила Правлению Азовско-Донского коммерческого банка в Петрограде свои предложения по благоустройству предприятия к новому сезону. Интерес к развитию предприятия объясняется высоким спросом на хлопковое масло не только в Туркестане, но и России, т. к. оно нередко являлось сырьем для изготовления мыла. Однако завод может приносить прибыль не только при хорошем техническом оснащении, но и при правильной эксплуатации. Последнее было невозможно без привлечения квалифицированных рабочих и инженеров.

Маслобойный завод находился в кишлаке Ташлак на расстоянии 4 верст от г. Маргелан, 7 верстах от ст. Горчаково и 12 верстах от г. Скобелев. Удаленность от городских центров вела к тому, что рабочие и сотрудники предприятия фактически были лишены возможности принимать участие в общественной жизни и должны были большую часть свободного времени проводить в рабочем поселке. Жилые помещения при заводе были настолько плохи, что «не говоря уже о высшем персонаже, о конторщиках и приказчиках, но мастеров и рабочих удовлетворительно поместить нет возможности»⁴⁶.

⁴¹ РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 63.

⁴² РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 393. Л. 47.

⁴³ РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 761. Л. 260.

⁴⁴ Там же. Л. 261.

⁴⁵ Сост. по: РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 178. Л. 49.

⁴⁶ РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 762. Л. 88.

Табл. 3. Бюджет торгового дома «Юсуф Давыдов» при административном управлении, тыс. руб.

Tab. 3. Budget of the Davydov Trading House under the board management, thousand rubles.

Ожидаемые доходы	Минимум	Нормально
Эксплуатация пивоваренного завода	50	70
Эксплуатация фруктового сада и других земель	20	40
Эксплуатация 4 хлопкоочистительных заводов путем очистки клиентского хлопка	40	60
%% по закладным и на долг плантаторов	70	100
Эксплуатация маслобойного завода	80	120
Мануфактурное дело (предвидится покупка и продажа мануфактуры за наличный расчет в целях более успешного собирания мануфактурных долгов)	25	40
Итого	285	430
Расходы		
Содержание 10 членов торгового дома	60	60
Административные расходы	60	60
Итого	120	120
Прибыль	165	310

Такая ситуация провоцировала бегство рабочих рук. Для бесперебойной работы предприятия следовало создать благоприятные условия для всего персонала. В одном из документов отмечалось, что «прежнее время можно было еще как-то лавировать на квартирном вопросе, теперь же, когда вообще служащих мало, когда служащий стал особенно требовательным и капризным, без соответствующих квартир организовать подходящий штат невозможно»⁴⁷.

Удерживать имеющиеся кадры и привлечь новых специалистов предполагалось за счет нового жилья. Для управляющего и инженера следовало построить квартиры в четыре комнаты, для приказчиков и конторщиков – до 10 квартир в одну и две комнаты, для рабочих же – новую казарму⁴⁸. Все расходы на строительство, по мнению Администрации, должны были окупиться в течение одного сезона.

Отчетные документы этого времени наглядно свидетельствуют о правильной стратегии Администрации. Так, в своем отчете об инспекции Андижанского отделения Русско-Азиатского банка на 3 октября 1915 г. Б. Лукодянов указывал, что в самом лучшем

положении находятся маслобойщики. Цена на масло выросла в сравнительно короткое время с 3,80 руб./пуд до 7 руб. При этом «соглашение маслобойщиков» позволило удерживать цену на хлопковое семя на уровне 63 коп./пуд⁴⁹. Предприниматели, имевшие хлопкоочистительные заводы с маслобойным отделением, нередко закупали хлопок «дороже обычной рыночной цены: ведь вся переплата на хлопок с лихвой покрывается барышами от масла»⁵⁰.

Важным активом торгового дома «Юсуф Давыдов» по-прежнему оставался пивоваренный завод в Ташкенте. В 1916 г. на нем ежедневно варили и продавали до 800 ведер солодового напитка. Дела на заводе шли настолько успешно, что не хватало собственной стеклянной бутылки и пробок для розлива. Приближающийся летний сезон должен был дать хорошую прибыль при правильной эксплуатации пивоваренного завода. Для этого следовало не допускать простоя. Чтобы избежать подобной ситуации, было принято решение дополнительно закупить у завода «Бурджар» 86 тыс. бутылок по 10 коп. за штуку, 5 тыс. пуд. солода и 750 тыс. пробок⁵¹.

⁴⁷ Там же.⁴⁸ Там же.⁴⁹ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 239. Л. 4.⁵⁰ Там же. Л. 4.⁵¹ РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 762. Л. 120.

Азовско-Донской коммерческий банк как главный участник Администрации поддерживал практику предоставления мелкого кредита хлопководов, которые являлись традиционными партнерами Давыдовых. В зависимости от кредитной истории, размера посевной площади и других факторов они могли получить кредит под будущий хлопок в размере от 200 до 8 тыс. руб., средний размер кредита колебался в пределах 300–500 руб. Среди хлопководов-дебиторов были не только дехкане. Часто можно было встретить мулл, которые владели большими земельными наделами, засеваемыми хлопком⁵².

Покрытие долгов Давыдовых перед русскими банками не всегда шло за счет доходов от эксплуатации предприятий. В некоторых случаях Администрация вынуждена была продавать недвижимость, которая была передана ей банками на основании залговых. В первую очередь, на продажу выставлялись усадьбы, состояние которых требовало значительного ремонта. Например, в мае 1916 г. было «принято решение о продаже самаркандскому туземному еврею Ари Исааковичу Самаркандову дома и смежных с ним участков земли в г. Коканде в квартале Беш-Арык Ходжентской части, приобретенных на имя Натана Иссахаровича Давыдова и переданных им в распоряжение Администрации согласно особой подписке»⁵³. Физическое состояние построек и падение спроса на недвижимость в Коканде позволили потенциальному покупателю и Администрации договориться о цене, сойдясь на 87,5 тыс. руб.

Заключение

Центральноазиатские окраины Российской империи на рубеже XIX–XX вв. по сути представляли регион, ориентировавшийся в первую очередь на производство хлопка и его первичную переработку. Историческая традиция, сложившаяся в государствах Центральной Азии к середине XIX в., предопределила ведущую роль т. н. «туземных», или бухарских, евреев в выполнении посреднических функций между хлопкопроизводителями и владельцами текстильных мануфактур в Центральном и Северо-Западном промышленных районах Российской империи. Либерализация промышленного законодательства позволила некоторым из них оформить свою торгово-промышленную деятельность в сложившемся правовом поле и учредить торговые дома.

Торговый дом «Юсуф Давыдов», как и подавляющее большинство аналогичных заведений начала XX в., был семейным предприятием. Вложенные семейные капиталы не давали возможность расширить деятельность, а потому владельцы вынуждены были прибегнуть к привлечению банковских кредитов. На полученные средства были выстроены хлопкоочистительные заводы, которые при грамотной технической эксплуатации могли приносить высокую прибыль.

Однако торгово-промышленное предприятие ТД «Юсуф Давыдов» не смогло, в отличие от некоторых других торговых домов, приспособиться к вызовам модернизации. Ни один из учредителей не имел специального образования. Финансовые балансы не отражали действительную картину. Закупленное дорогое оборудование на заводах не получало должного обслуживания, а потому быстро выходило из строя. Не были созданы благоприятные условия для того, чтобы удержать квалифицированные кадры. Не были предприняты шаги по диверсификации производства. Именно ведение дел в традиционном для Центральной Азии духе способствовало тому, что торговый дом оказался на грани банкротства.

Русские коммерческие банки (в первую очередь, Азовско-Донской коммерческий банк, в руках которого сосредоточились финансовые дела торгового дома «Юсуф Давыдов») оказались более приспособленными к модернизации в условиях центральноазиатского фронта. Созданной Администрации удалось не только сохранить основу торгового дома, но и успешно реализовывать некоторые шаги по его дальнейшему развитию. Вполне возможно, что при благоприятном развитии событий Администрации удалось бы погасить долги перед основными кредиторами и вернуть предприятие законным владельцам. Однако социальные потрясения 1917–1922 гг. не позволили Администрации завершить этот процесс.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

⁵² Там же. Л. 94–95.

⁵³ Там же. Л. 71.

Литература / References

- Алимджанов Б. А. Активные операции Ашхабадского отделения Русско-Азиатского банка (1905–1917). *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6. № 3. С. 15–21. [Alimdjanov B. A. Active operations of Ashgabat branch of Russian-Asian Bank (1905–1917). *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*, 2021, 6(3): 15–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-3-15-21>
- Алимджанов Б. А. История деятельности Самаркандского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка. *Экономическая история: ежегодник*. 2020. Т. 2019. С. 170–183. [Alimdjanov B. A. The history of the Samarkand branch of the Russian-Asian Commercial Bank. *Ekonomicheskaja istoriia: ezhegodnik*, 2020, 2019: 170–183. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ourtmc>
- Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. 298 с. [Aminov A. M. *Economic development in the Central Asia: Colonial period*. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1959, 298. (In Russ.)]
- Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. 293 с. [Anan'ich B. V. *Banking houses in Russia (1860–1914): essays on the history of private entrepreneurship*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 2006, 293. (In Russ.)]
- Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994. 350 с. [Bovykin V. I., Petrov Yu. A. *Commercial banks in the Russian Empire*. Moscow: Perspektiva, 1994, 350. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvbooh>
- Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в.: Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. 2-е изд., испр. и доп. Томск: ТГАСУ, 2009. 307 с. [Boyko V. P. *Merchants of Western Siberia at the end of the XVIII – XIX century: Essays on social, industrial, and mental history*. 2nd ed. Tomsk: TSUAB, 2009, 307. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpmrtp>
- Бочкарева И. Б., Тарасова Е. В. Бухарские евреи и винокурение в Туркестане конца 1860–1890 гг. *Былые годы*. 2019. Т. 2. № 52. С. 677–685. [Bochkareva I. B., Tarasova E. V. Bukhara Jews and distillation in Turkestan in the late 1860s–1890s. *Bylye Gody*, 2019, 2(52): 677–685 (In Russ.)] <https://doi.org/10.13187/bg.2019.2.677>
- Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Полит. энцикл., 2018. 636 с. [Vasilyev D. V. *The burden of Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century*. Moscow: Polit. Entsikl., 2018, 636. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pogmit>
- Вексельман М. И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1987. 143 с. [Vekselman M. I. *Russian monopolistic and foreign capital in Central Asia, late XIX – early XX century*. Tashkent: Fan, 1987, 143. (In Russ.)]
- Верховской Н. П. Хлопководство в Туркестане и перевозка хлопка по Ташкентской и Средне-Азиатской железным дорогам. СПб.: Тип. М-ва путей сообщ., 1910. 84 с. [Verkhovskoy N. P. *Cotton farming in Turkestan and cotton transportation on the Tashkent and Central Asian railways*. St. Petersburg: Tip. M-va putei soobshch., 1910, 84. (In Russ.)]
- Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Очерки истории и типологии русских банков: избранное. М.: Наука, 1997. 622 с. [Gindin I. F. *Banks and economic policy in Russia, XIX – early XX century. Essays on the history and typology of Russian banks: Selected writings*. Moscow: Nauka, 1997, 622. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rdnnpd>
- Губаханова Р. А. Русско-Азиатский банк в Дагестане в начале XX в. *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2009. № 3. С. 60–67. [Gubakhanova R. A. Russian-Asian Bank in Dagestan in the early XX century. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*, 2009, (3): 60–67. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oiiysb>
- Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М.: Новая Деревня, 1926. 250 с. [Demidov A. P. *Economic essays on cotton farming, trade, and industry in Turkestan*. Moscow: Novaia Derevnia, 1926, 250. (In Russ.)]
- Иноятова Д. М. Участие представителей немецкой диаспоры в экономике Туркестана. *Журнал фронтирных исследований*. 2023. Т. 8. № 1. С. 47–60. [Inoyatova D. M. Participation of representatives of the German diaspora in the economy of Turkestan. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, 2023, 8(1): 47–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.495>
- Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая половина XIX в.). Душанбе: Дониш, 1976. 143 с. [Iskandarov B. I. *From the history of the penetration of capitalist relations into the economy of pre-revolutionary Tajikistan in the second half of the XIX century*. Dushanbe: Donish, 1976, 143. (In Russ.)]

- Каганович А. Друзья поневоле: Россия и бухарские евреи, 1800–1917. М.: НЛО, 2016. 526 с. [Kaganovich A. *Involuntary Friends: Russia and Bukharan Jews, 1800–1917*. Moscow: NLO, 2016, 526. (In Russ.)]
- Каганович А. Отношение администрации к бухарским евреям и их правовое положение в Туркестанском крае в 1867–1917 гг. Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, 2003. 145 с. [Kaganovich A. *The attitude of the administration to the Bukharan Jews and their legal status in the Turkestan region in 1867–1917*. Jerusalem: Hebrew University, 2003, 145. (In Russ.)]
- Кантор Л. М. Туземные евреи в Узбекистане. Самарканд-Ташкент: Узб. гос. изд-во УзССР, 1929. 44 с. [Kantor L. M. *Native Jews in Uzbekistan*. Samarkand-Tashkent: Uzb. gos. izd-vo USSR, 1929, 44. (In Russ.)]
- Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Наука, 1980. 120 с. [Kastelskaya Z. D. *From the history of the Turkestan region (1865–1917)*. Moscow: Nauka, 1980, 120. (In Russ.)]
- Китанина Т. М. Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX – начале XX в. (финансово-промышленная группа А. И. Путилова и железнодорожное строительство). СПб.: Гуманит. акад., 2018. 222 с. [Kitanina T. M. *Large Russian financial capital in the economy of Central Asia in the late XIX – early XX century: A. I. Putilov Financial and industrial group and railway construction*. St. Petersburg: Gumanit. akad., 2018, 222. (In Russ.)]
- Лысенко Ю. А. Государственная модель фронтальной модернизации Центральноазиатских окраин Российской империи. Астраханские Петровские чтения: VI Междунар. науч. конф. «Петр Первый и имперские практики фронтального пространства». (Астрахань, 24 ноября 2021 г.) Астрахань: Астраханский университет, 2022. С. 239–250. [Lysenko Yu. A. State model of frontier modernization in the Central Asian outskirts of the Russian Empire. *Astrakhan Peter the Great Readings: Proc. VI Intern. Sci. Conf. Peter the Great and imperial practices of the Frontier*, Astrakhan, 24 Nov 2021. Astrakhan: Astrakhanskii universitet, 2022, 239–250. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pzrxkl>
- Лысенко Ю. А. К вопросу об открытии отделений Государственного банка в Центральноазиатских окраинах Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Всерос. науч. конф. (Барнаул, 11–12 октября 2019 г.) СПб.: Азбука, 2019. С. 36–41. [Lysenko Yu. A. State Bank outlets in the Central Asian outskirts of the Russian Empire: the second half of the XIX – early XX century. *Topical issues of the history of Siberia. The XII scientific readings in memory of Prof. A. P. Borodavkin: Proc. All-Russian Sci. Conf.* Barnaul, 11–12 Oct 2019. St. Petersburg: Azbuka, 2019, 36–41. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dpsouv>
- Лысенко Ю. А. Эволюция структуры финансово-налоговых органов Туркестанского генерал-губернаторства (вторая половина XIX – начало XX вв.). Былые годы. 2020. № 58. С. 2671–2678. [Lysenko Yu. A. Evolution of the structure of the financial and tax authorities of the Turkestan General Governorship (second half of the 19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*, 2020, (58): 2671–2678. (In Russ.)] <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2671>
- Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М.: Русская книга, 1997. 196 с. [Petrov Yu. A. *The Ryabushinsky Dynasty*. Moscow: Russkaia kniga, 1997, 196. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rnmgct>
- Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М.: РОССПЭН, 1998. 366 с. [Petrov Yu. A. *Commercial banks of Moscow, late XIX century – 1914*. Moscow: ROSSPEN, 1998, 366. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtwlwd>
- Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М.: Мосгорархив, 2002. 436 с. [Petrov Yu. A. *The Moscow bourgeoisie in the early XX century: entrepreneurship and politics*. Moscow: Mosgorarkhiv, 2002, 436. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtwlwx>
- Плеханова А. М., Ширапов А. А. Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка на кредитно-финансовом рынке Западного Забайкалья в 1911–1914 гг. Научный диалог. 2020. № 6. С. 416–433. [Plekhanova A. M., Shirapov A. A. Verkhneudinsky branch of the Russian-Asian Bank in credit and financial market of Western Transbaikalia in 1911–1914. *Nauchnyi dialog*, 2020, (6): 416–433. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-416-433>
- Побережников И. В. Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии. Уральский исторический вестник. 2020. № 1. С. 140–148. [Poberezhnikov I. V. Problems of Russian modernizations of the Imperial period in contemporary historiography. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2020, (1): 140–148. (In Russ.)] [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-1\(66\)-140-148](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-1(66)-140-148)
- Побережников И. В. Фронтальная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации. Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 72–80. [Poberezhnikov I. V. Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2018, (4): 72–80. (In Russ.)] [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-72-80](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80)

- Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: ТГУ, 1975. 328 с. [Rabinovich G. H. *The big bourgeoisie and monopolistic capital in the Siberian economy of the late XIX – early XX centuries*. Tomsk: TSU, 1975, 328p. (In Russ.)]
- Саломатина С. А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 302 с. [Salomatina S. A. *Commercial banks in Russia: dynamics and structure of operations, 1864–1917*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 302. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qqfeet>
- Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы. *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 203–224. [Skryplev P. Cotton growing and Russian settlers. *Voprosy kolonizatsii*, 1913, (12): 203–224. (In Russ.)]
- Хотамов Н. Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии: нач. 90-х гг. XIX в. – 1917 г.). Душанбе: Дониш, 1990. 319 с. [Khotamov N. B. *The role of bank capital in the socio-economic development of Central Asia, early 1890s – 1917*. Dushanbe: Donish, 1990, 319. (In Russ.)]
- Шайдуров В. Н., Лысенко Ю. А. Нефть Ферганы: из истории новой отрасли в конце XIX – начале XX в. *Вопросы истории*. 2020. № 6. С. 115–128. [Shaidurov V. N., Lysenko Yu. A. *Ferghana oil: from the history of the new industry in the late 19th – early 20th century*. *Voprosy Istorii*, 2020, (6): 115–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202006Statyi07>
- Юлдашев А. М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.). Ташкент: Узбекистан, 1969. 256 с. [Yuldashev A. M. *Agrarian relations in Turkestan, late XIX – early XX centuries*. Tashkent: Uzbekistan, 1969, 256. (In Russ.)]
- Shaidurov V. N. From the history of the Russian soda production in the 18th and 19th centuries (as illustrated by the example of Siberia). *Bylye Gody*, 2019, (51): 93–101. <https://doi.org/10.13187/bg.2019.1.93>

Уведомление о ретрагировании статей из журнала «Вестник Кемеровского государственного университета»

Редакционная коллегия журнала «СибСкрипт» (до 17.02.2023 – Вестник Кемеровского государственного университета) постановила от 02.05.2023 ретрагировать следующие статьи:

1. Андреев Н. Е. Обзор методов автоматизированной оценки эффективности выполнения параллельных программ. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2009. № 2. С. 5–13.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Андреев Н. Е. Методы автоматизированного анализа производительности параллельных программ. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии*. 2009. Т. 7. № 1. С. 16–25.
Тематика: математические науки
2. Бабун Р. В. К вопросу о государственной политике в сфере местного самоуправления на современном этапе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 1. С. 105–109.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Бабун Р. В. Местное самоуправление и государство на современном этапе. *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 314. С. 157–161.
Тематика: юридические науки
3. Белая Е. В., Сидорова М. Ю. Синтаксическая неоднозначность полипредикативных конструкций в русском языке (в сопоставлении с французским языком). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 4. С. 162–167.
Инициатор отзыва статьи: авторы статьи.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Сидорова М. Ю., Белая Е. В. О синтаксической неоднозначности полипредикативных конструкций в русском языке (в сопоставлении с французским). *Мир русского слова*. 2011. № 1. С. 9–16.
Тематика: филологические науки
4. Бычков И. В., Опарин Г. А., Новопашин А. П., Сидоров И. А., Горский С. А. Методы и средства организации параллельных и распределенных вычислений на основе парадигмы модульного программирования. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-2. С. 22–30.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Новопашин А.П., Сидоров И.А., Горский С.А. Инструментальные средства организации параллельных вычислений в пакетах прикладных программ. *Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета*. 2011. Т. 15. № 5. С. 78–86.
Тематика: математические науки
5. Васильченко А. И., Игонина Т. Б. Реализация концепции общего экологического образования в интересах устойчивого развития в условиях введения ФГОС. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 4-2. С. 83–85.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Васильченко А. И. Формирование экологической культуры обучающихся в образовательном процессе современной школы как условие достижения устойчивого развития. *Использование и охрана природных ресурсов в России*. 2015. № 3. С. 90–92.
Тематика: педагогические науки
6. Гринвальд О. Н. Информационные технологии в процессе преподавания иностранных языков в вузе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-3. С. 31–34.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Гринвальд О. Н. Проблемы и перспективы преподавания иностранных языков в эпоху информационных технологий. *Иностранные языки в школе*. 2015. № 5. С. 2–6.
Тематика: педагогические науки
7. Грушин С. П., Сайберт В. О., Спиненко О. В., Фрибус А. В. Концепция экспозиции по археологии в «Музее истории развития горного производства им. А. Демидова» в г. Змеиногорске. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-7. С. 62–67.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Грушин С. П., Сайберт В. О., Спиненко О. В. Концепция экспозиции по археологии в «Музее истории развития горного производства им. А. Демидова» в Змеиногорске. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2015. № 21. С. 240–246.
Тематика: исторические науки

8. Ивушкин А. А., Шипунов М. В., Грачев В. В., Мышляев Л. П. Комбинированное имитационное моделирование – основа решения задач разработки автоматизированных комплексов. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-2. С. 68–74.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Мышляев Л. П., Ивушкин А. А., Грачев В. В., Шипунов М. В. Комбинированное имитационное моделирование – основа решения задач разработки автоматизированных комплексов. *Вестник Сибирского государственного индустриального университета*. 2012. № 2. С. 35–40.
Тематика: математические науки
9. Казаков М. А. Управление инновационным развитием РФ: выработка функционально эффективных элементов профессионального инструментария элит. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 4-3. С. 104–109.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Казаков М. А., Урядникова Е. А. Разработка инновационных элементов управленческого инструментария политических элит – путь развития позитивных общественных практик РФ. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2014. № 4. С. 85–91.
Тематика: политические науки
10. Казанцева А. Е. Возможные наследники по праву представления. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-1. С. 348–350.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Казанцева А. Е. Возможные наследники по праву представления. *Нотариальный вестник*. 2012. № 6 (июнь). С. 12–16.
Тематика: юридические науки
11. Петрунина С. П. Цетера в среднеобских словарях. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 3. С. 202–205.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Петрунина С. П. Сочетания типа али как ли в диалектном словаре. *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 295. С. 40–43.
Тематика: филологические науки
12. Рябова М. Ю. Знаковые структуры повседневности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-4. С. 128–131.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Рябова М. Ю. Знаковые структуры повседневности. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 21. С. 103–110.
Тематика: филологические науки
13. Сазанов Д. С. Трансформация общественного сознания советской интеллигенции в 1985–1990 гг. (по материалам журнала «Рабочий класс и современный мир»). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2011. № 4. С. 48–52.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Сазанов Д. С. Трансформация сознания перестроечной интеллигенции (по материалам журнала «Рабочий класс и современный мир»). *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2011. № 3-1. С. 126–135.
Тематика: исторические науки
14. Скларов А. А. Национальная идея России как фактор повышения жизнеспособности страны. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 4-2. С. 162–165.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Скларов А. А. Национальная идея России как фактор повышения жизнеспособности страны. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2013. № 3. С. 22–28.
Тематика: философские науки
15. Суrowой Э. П., Бин С. В. Влияние термообработки на окисление тонких пленок свинца. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 1. С. 95–100.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Суrowой Э. П., Бин С. В., Борисова П. В. Коррозия наноразмерных пленок свинца. *Коррозия: материалы, защита*. 2008. № 11. С. 4–9.
Тематика: химические науки

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History, Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 20.06.2023.

Дата выхода в свет 26.06.2023.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 19. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

